В. ТАРН

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Перевод с английского
С. А. ЯСКОВСКОГО

Предисловие
ПРОФ. С. И. КОВАЛЕВА

1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

W. W. TARN

HELLENISTIC CIVILISATION

LONDON

1 9 4 1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советская историческая наука, вооруженная великой теорией марксизма-ленинизма, при исследовании античности уделяет также значительное внимание разработке проблем эллинистической истории как одного из важных этапов истории древнего мира. Изучение эллинистического периода советскими учеными тем более важно, что буржуазная историография, искажая историю, пытается доказать «незыблемость» и «извечность» капитализма, причем ищет капиталистических отношений во всей древней истории и, в частности, в экономике эллинистической эпохи.

Решительно борясь против ложных буржуазных теорий о сущности эллинизма, советские историки обратили свое внимание прежде всего на экономическое развитие эллинистических стран, на уровень развития производительных сил эпохи эллинизма. В изучении этого вопроса советская наука достигла значительных успехов. Академики С. А. Жебелев и В. В. Струве в своих работах по истории эллинизма уделяли особое внимание экономике эллинизма. Принципиальные вопросы экономической и политической истории эллинизма освещены в последней работе профессора А. Б. Рановича, который много работал над основными вопросами истории эллинизма («Основные проблемы истории эллинизма», журн. «Вестник древней истории», № 1, 1949 г.).

Основываясь на результатах глубокого изучения экономических основ эллинистического общества в свете марксистско-ленинской теории, приняв во внимание письменные источники и памятники материальной культуры III—I веков до н. э., советские историки создали марксистскую концепцию эллинистической истории, ставшую важнейшим оружием в борьбе с реакционной буржуазной историографией.

Английский историк Тарн принадлежит к числу известных специалистов по истории эллинизма. Его книга «Эллинистическая цивилизация» написана на основании последних данных, взятых из большого количества источников и специальных исследований по отдельным проблемам эллинизма. Особенно удались Тарну главы об эллинистической культуре (гл. VIII—X)[1]. По свежести материала книга Тарна выгодно отличается от вышедших ранее буржуазных работ по эпохе эллинизма. Оригинальные работы русских ученых В. Г. Васильевского и Ф. Ф. Соколова, а также более поздние труды М. М. Хвостова — «История восточной торговли греко-римского Египта» (1907 г.) и «Текстильная промышленность в греко-римском Египте» (1914 г.), которые в свое время были выдающимися трудами в мировой научной литературе и стояли значительно выше многих сочинений современных им западных историков, в настоящее время хотя и не утеряли своего значения, но в большой мере устарели и носят слишком специальный характер. Известная в свое время книга немецкого ученого Дройзена «История эллинизма» (русский перевод 1890—1893 гг.) также устарела по своему материалу в сравнении с книгой Тарна.

В отличие от других буржуазных историков, особенно современных, фальсифицирующих события прошлого в угоду своим реакционным концепциям, Тарн приводит факты, почти не пытаясь их объяснять. В современных условиях полнейшего краха буржуазной исторической науки эту черту Тарна можно считать почти достоинством. Это вовсе не значит, что у Тарна нет своей концепции, она у него есть и довольно часто мешает ему видеть факты в их объективном свете. Тарн, как и подавляющее большинство буржуазных ученых, находится под влиянием модернизаторской тенденции. В нескольких местах книги он употребляет термин «капитал» (гл. V, стр. 173, гл. III, стр. 120 и др.) или говорит о том, что «Западная Азия уже перешла от натурального хозяйства к денежному», причем это наивно аргументируется тем, что Ахемениды накопили

[1] Если отбросить странное распределение материала между этими главами: «Литература» и «Наука и искусство». Естественнее было бы другое распределение и другие названия: «Литература и искусство» и «Наука».

огромные сокровища (гл. IV, стр. 140). Тарн некритически употребляет понятие «национального государства» (гл. II, стр. 63, 66, 74), «национального чувства» (гл. II, стр. 73), «национальной армии» (гл. II, стр. 75). Он говорит о феодализме на Востоке в доэллинистические времена и борьбе с феодальным землевладением эллинистических монархов (гл. IV, стр. 137), что связано с допущением крепостнических отношений типа феодального крепостничества (подробнее об этом ниже). Тарн считает также, что в Римской империи существовали «настоящие профессиональные союзы» (гл. II, стр. 102 и 126) и т. д.

Однако эта модернизация у Тарна отличается от реакционного модернизма в духе Ростовцева или Карштедта. В своей книге Тарн в основном стоит на прогрессивных позициях, и это позволяет ему высказывать ряд верных суждений. При всех своих модернизаторских пороках он старается не потерять реальную основу описываемой эпохи. Так, признавая известные элементы «сходства» между эпохой эллинизма и капитализмом, Тарн подчеркивает, что между этими эпохами «имеется радикальная и решающая разница», что, в отличие от капиталистического общества, эллинизм представлял собой «мир, лишенный машин и полный рабов. Особенно важен последний факт. Для того чтобы видеть эллинистическое общество в его подлинном облике, никогда не следует терять из виду его рабской основы» (гл. I, стр. 22). Тарн дает верную оценку «революции» Агиса IV и Клеомена III: «Ни один из этих царей,—пишет Тарн,—не затронул вопроса об илотах, потому что оба они, далеко не будучи революционерами, думали, что возрождают древнюю Спарту Ликурга. Но греки считали, что Клеомен выполняет революционную программу, и в последующей войне с Ахейским союзом он имел в каждом городе на своей стороне бедноту» (гл. III, стр. 128). Несколько ниже Тарн справедливо замечает, что «каждая греческая революция, за исключением, быть может, пергамской, производит впечатление беспочвенной, так как в ней не участвуют рабы» (там же).

Многие суждения автора проникнуты сочувствием к угнетенным: «Птолемеи... не смогли построить прочное и мощное государство, основанное на эксплоатации народа: как только прекратился наплыв греков, их военная мощь

пала» (гл. V, стр. 187). Тарн с сочувствием говорит о тяжелом положении египетских крестьян и ремесленников (гл. V, стр. 184), о нечеловеческих условиях работы в рудниках («рудное дело было позорнейшим пятном на теле эллинизма»—гл. VII, стр. 229), о «постыдной торговле» рабами на о. Делосе (гл. VII, стр. 240) и т. д.

Но Тарн неспособен преодолеть свою буржуазную ограниченность. Признавая рабовладельческую основу эпохи эллинизма, автор в то же время не делает отсюда никаких выводов. Этот порок методологии Тарна особенно бросается в глаза в трактовке такой решающей проблемы исторического процесса, как проблема классовой борьбы. Признавая наличие противоречий между рабами и рабовладельцами, он в то же время старается завуалировать классовую борьбу между ними. Так, он рисует идиллическую картину общественных отношений на о. Родосе, где правящие фамилии «выполняли свой долг по отношению к бедным... Родос никогда не знал внутренних смут и мог, в случае крайней необходимости, спокойно вооружить своих рабов» (гл. IV, стр. 165). Только буржуазно-идеалистическими представлениями Тарна можно объяснить его утверждение, что смягчение рабства объясняется ростом гуманности, влиянием стоицизма и дельфийского оракула (гл. III, стр. 111); сам автор, впрочем, тут же добавляет: «этому движению содействовало соображение чисто земного характера, что дешевый свободный труд делает невыгодным рабское производство» (там же).

Тарн безнадежно путает, когда пытается дать общее определение эллинизма как определенной исторической эпохи. В самом начале своей книги он утверждает, что «эллинизм»—только «условная этикетка» для цивилизации трех веков, в течение которых греческая культура распространялась далеко за пределы своей родины; никакое общее определение не может полностью охватить этот процесс» (гл. I, стр. 20). Таким образом Тарн отказывается дать общее определение эллинизма. Эллинизм, утверждает он, только «условная этикетка», это период распространения греческой культуры за пределами Эгейского бассейна. Следовательно, у эллинистического периода нет никакого единого внутреннего содержания. С другой стороны, несколькими строками ниже он вынужден заявить:

«Однако во многих отношениях эллинистический период образует связное целое, и мы кратко рассмотрим его в этом аспекте».

Научное определение эллинизма может быть дано только с позиций единственно передовой марксистско-ленинской исторической науки. Эллинизм—не только исторический период, охватывающий около трех столетий, с конца IV до конца I века до н. э.; это не только эпоха распространения эллинской культуры далеко на восток и на запад: эллинизм—это, прежде всего, определенная стадия развития рабовладельческой социально-экономической формации. Как установлено советской исторической наукой, рабовладельческая формация проходит в своем развитии четыре этапа: древневосточный, греческий, эллинистический и римский. Каждый этап характеризуется не только определенными хронологическими и территориальными рамками, но и представляет известный шаг вперед в развитии рабовладельческого способа производства. Если древневосточную стадию можно определить как примитивно-рабовладельческую, то римская стадия характеризуется наиболее полным развитием рабства, охватывающим всю экономику Средиземноморья в римскую эпоху. Каждому этапу рабовладельческого способа производства соответствуют свои особенности политической надстройки—особенности, которые определяются, прежде всего, внутренним развитием самого способа производства, а также и всем своеобразием социально-исторической среды. В то время как для древнего Востока и для эллинизма ведущей формой государственного устройства являлась централизованная деспотическая монархия, в классической Греции преобладал город-государство, полис.

Если с этой точки зрения мы подойдем к эллинистическому периоду, то он оказывается третьей фазой в истории рабовладельческой формации. Его особенности определяются, прежде всего, историческими предпосылками. О них Тарн почти ничего не говорит, и это является существенным пороком всей буржуазной историографии.

Предпосылки эллинизма нужно искать как в классической Греции, так и на Востоке, в персидской державе Ахеменидов. И тут и там главной предпосылкой был рост

производительных сил, поэтому переход к этой новой стадии рабовладельческой формации был прогрессивным и, как указывает Ф. Энгельс, этот «процесс повторяется на высшей ступени»[1].

В эгейском мире переход к эллинизму диктовался, в основном, дальнейшим развитием рабовладельческого ремесла и торговли. Это, с одной стороны, вызывало противоречие между узкими рамками полисов, их дробностью, узостью самого Эгейского бассейна и ростом производительных сил. Ведь производительные силы требовали более широкой государственной формы, чем полис, и более широкого рынка, чем существующий, зажатый в северо-восточном углу Средиземного моря. С другой стороны, развитие рабства и разорение мелких свободных производителей в IV веке обостряли классовые противоречия и приводили к ряду острых социальных конфликтов, требовавших своего разрешения.

Такова была обстановка, сложившаяся на Балканском полуострове в IV веке. Она привела к длительным военным столкновениям между греческими полисами, к развитию наемничества, к разложению античной демократии и поискам новых государственных форм, к попыткам вырваться военным путем за узкие рамки эгейского рынка. Все это завершилось во второй половине IV века македонским завоеванием Греции и организацией военно-колонизационного похода на Восток Александром Македонским.

В Персии, насколько можно судить по нашим скудным источникам, IV век также был ознаменован глубоким политическим кризисом. Мы, к сожалению, не имеем полных данных, чтобы говорить о росте производительных сил на Востоке в эту эпоху. Однако кое-какие отрывочные данные, например о проникновении в Грецию в IV веке некоторых предметов торговли с Востока, говорят о развитии восточного ремесла и торговли. Налицо, во всяком случае, был кризис политический. Персидская «мировая» держава, когда-то объединявшая все восточное Средиземноморье и игравшая в качестве такого объединителя, бесспорно, прогрессивную роль, в IV веке быстро клонилась к упадку. Ослабление центральной власти, борьба придворных клик, превращение сатрапов в самостоятельных государей, восстания покоренных народов, уменьшение восточных контингентов в армии и огромное увеличение количества наемников-греков—все это были грозные симптомы надвигающегося краха. Попытка оздоровить Персию созданием новой формы эллинизированной монархии, предпринятая Киром Младшим, потерпела неудачу. Но, во всяком случае, процесс эллинизации западных частей Персии начался задолго до Александра и облегчил ему проникновение на Восток.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XIV, стр. 450.

Сложность эллинизма кроется как раз в его двойственности, в том, что у него два корня—греческий и восточный. Сложность его в том, что он образовался путем военно-колонизационной экспансии греков и Македонии на Восток, в том, что эта экспансия в огромной степени активизировала социально-экономические и политические процессы, происходившие в Персии, и привела к переходу примитивно-рабовладельческой стадии к стадии более высокой.

Здесь мы подходим к центральному и самому трудному вопросу: действительно ли эллинистический период представлял более высокий этап рабовладельческой формации не только по сравнению с древним Востоком, но и по сравнению с классической Грецией?

Если верить Тарну, на этот вопрос придется дать отрицательный ответ. В описании Египта, самого типичного, быть может, эллинистического государства, мы читаем у него: «За исключением рудников, в Египте не было рабства, если не считать домашних рабов в греческих домах: труд местного населения был слишком дешев и слишком детально контролировался, чтобы рабство имело хозяйственный смысл» (гл. V, стр. 184). Так ли это? Исследования советских ученых показали, что в птолемеевском Египте даже в сельском хозяйстве количество рабов было достаточно велико[1], не говоря уже о городском ремесле. В Александрии было огромное рабское население, занятое не только в домашнем хозяйстве. Однако центр тяжести вопроса лежит не в этом.

[1] Сб. «Из истории материального производства античного мира», Огиз, 1935, стр. 63, 64, 106 и др.

Эллинизм унаследовал от примитивно-рабовладельческого общества древнего Востока своеобразные формы зависимости, которые Тарн часто называет крепостническими, отождествляя их с феодальными. Советская историческая наука со всей убедительностью показала, что говорить о феодализме на древнем Востоке нет никаких оснований[1]. Так называемое «крепостничество» на Востоке было не чем иным, как особой формой примитивного рабства, которую можно сблизить со спартанской илотией, фессалийской пенестией и другими аналогичными формами зависимости в отсталых районах классической Греции. На Востоке, особенно в мощных централизованных монархиях Египта, Вавилонии и Ассирии, в течение веков развивалась государственная собственность на землю, что привело к закабалению государством и его представителями—храмами, крупными чиновниками—непосредственных производителей, к превращению их в государственных рабов. Завоевание Востока греками и македонянами усилило эти тенденции, которые распространились на многие отрасли ремесла и торговли.

Такое усиление было вполне понятно. С одной стороны, завоеватели и их правящая верхушка—Птолемеи, Селевкиды, Атталиды и др.,—чувствуя непрочность своей социально-экономической базы, стремились укрепить ее, проводя последовательную систему государственных («царских») монополий, зародыши которой они уже застали на Востоке. С другой стороны, общий рост производительных сил, развитие торговли и денежного хозяйства неизбежно должны были стимулировать и укреплять те же «монополистические» тенденции.

Правда, иногда мы можем констатировать некоторое ослабление «крепостнических» отношений в эпоху эллинизма. В монархии Селевкидов это было связано с интенсивным развитием городов. Царские «крепостные», оказавшись на городской земле, повидимому, получали освобождение. Зато каждое образование нового полиса означало увеличение количества рабов, занятых в ремесле и домашнем хозяйстве. В Египте при первых Птолемеях

[1] Исследования академика В. В. Струве, проф. А. Б. Рановича и др.

существовала система «добровольной» аренды крестьянами царской земли. Правда, и тогда эта добровольность была чрезвычайно условной: непосильное бремя налогов, принудительные поставки и трудовая повинность уже в III веке фактически превращали «свободных арендаторов» в государственных рабов. Положение их делается еще хуже, когда прогрессирующее разорение крестьянства заставляет Птолемеев во II веке перейти к принудительной аренде.

Что же касается других эллинистических территорий—Балканского полуострова и Малой Азии,—то здесь можно констатировать несомненный рост рабского производства. Относительно Малой Азии сам Тарн говорит, что экономическая система Атталидов характеризуется усиленным применением рабского труда. «Все цари и города пользовались рабским трудом в рудниках. Но если в Египте монопольные мастерские обслуживались полукрепостными,—царские предприятия в Пергаме, вырабатывавшие пергамент, ткани и знаменитую «парчу Атталидов», затканную золотыми нитями, применяли труд массы рабов, преимущественно рабынь, под надзором «главного надзирателя царских мастерских» (гл. IV, стр. 158).

В Греции рост вольноотпущенничества как будто говорит об уменьшении количества рабов. Однако не нужно забывать, что случаи отпуска рабов на волю становятся особенно многочисленными в последний период эллинизма (II и особенно I век), когда Греция переживала тяжелый кризис. Кроме того, рост вольноотпущенничества падает главным образом на мелкие и средние хозяйства, а не на крупные. Наконец, если в старых греческих государствах—Афинах, Коринфе, Спарте и др.—в эпоху эллинизма имел место некоторый экономический кризис, то в прежних отсталых районах—Локриде, Фокиде, Акарнании, Этолии, Ахайе, Аркадии—наблюдался хозяйственный подъем, связанный с развитием рабства, которого раньше эти районы почти не знали.

Подводя итог, мы можем сказать, что в эпоху эллинизма в общем происходило дальнейшее развитие рабства как хозяйственной системы. Оно выступает в двух видах: в форме «чистого» (или «классического») рабства, когда раб является, как правило,

иноплеменником, полностью лишен средств производства служит только вещью, товаром, орудием производства, и в форме «государственного рабства» («крепостничества») на Востоке, когда раб принадлежит к числу подданных того же государства, частично может быть наделен средствами производства и не является только орудием производства, но обладает (по крайней мере, номинально) некоторыми гражданскими правами. Что касается «чистого» рабства, то оно, несомненно, усиливается на всей территории эллинистических государств, за исключением, быть может, очагов старого классического рабства в Греции. Государственное же рабство в некоторых районах (в монархии Селевкидов и при первых Птолемеях) обнаружило тенденцию к ослаблению. Однако эта тенденция оказалась временной, да и там, где она выступала, она компенсировалась развитием «чистого» рабства в городском ремесле и в сельском хозяйстве.

Когда мы говорим, что эллинизм был шагом вперед в развитии рабовладельческой системы, это не должно непременно означать чисто количественное увеличение рабства. Рабовладельческая система, так же как рабовладельческий способ производства в широком смысле слова, означает всю совокупность общественных отношений данной формации или ее стадии. Поэтому, если мы хотим определить прогрессивность известной общественной формы по сравнению с предыдущей, мы должны рассмотреть ее всесторонне.

Мы уже указывали, что одной из предпосылок перехода к эллинизму была узость эгейского рынка. Поход Александра, образование его монархии, простирающейся от Дуная до Инда, интенсивная колонизация и градостроительство, проводимые как им самим, так и его преемниками (диадохами), в значительной степени оживили торговые сношения в Восточном Средиземноморье и привели к колоссальному расширению рынка. Распадение «мировой» державы Александра не оказало в этом отношении обратного влияния, так как образовавшиеся из нее государства диадохов были достаточно велики и проводили ту же политику покровительства торговле, колонизации, основанию городов и улучшению путей сообщения.

Насколько интенсивны были торговые сношения в Восточном Средиземноморье эпохи эллинизма, говорит гл. VII книги Тарна. Конечно, не следует преувеличивать емкость эллинистического рынка. Как и во всех докапиталистических формациях, торговля в то время носила поверхностный характер, и ни о каком переходе к настоящему денежному хозяйству в эпоху эллинизма не может быть и речи. Тем не менее, экономические связи между отдельными странами стали более тесными.

Бесконечные войны диадохов и эпигонов, т. е. преемников Александра и их потомков, были вызваны не только борьбой за наследство Александра и стремлением к мировому господству: они порождались (особенно в III веке) также борьбой за тогдашние рынки и торговые пути. Насколько большую роль играла международная торговля, показывает пример г. Родоса. Его монетная система господствовала во всем Восточном Средиземноморье. Его морское право через Рим и Византию дошло до средневековой Венеции. Годовой оборот родосской транзитной торговли достигал 50 млн. драхм (около 20 млн. золотых рублей в средней золотой валюте XIX века). Когда в 225 г. Родос был разрушен землетрясением, эллинистические монархи оказали городу щедрую помощь строительными материалами, деньгами, хлебом и рабочей силой: настолько в эллинистическом мире ценили посредническую роль Родоса!

На базе более тесных международных сношений, явившихся следствием широты эллинистического рынка и более широкого, хотя и поверхностного политического объединения, возникает ряд новых явлений в идеологии: космополитизм стоиков и киников, синкретические религии, культ Тюхе (Фортуны) и пр.

Выше мы уже касались вопроса о том, что одной из предпосылок эллинизма было крушение классического города-государства. Полис был разорван на куски внутренними противоречиями, и на смену ему пришла более широкая и мощная государственная форма—эллинистическая монархия. Классический греческий полис в V веке сыграл свою историческую роль. Именно в рамках полиса (в частности, Афин) развилась наиболее совершенная форма рабовладельческой демократии. Союз полисов отбил натиск на Европу персидских полчищ; только полис

мог породить античный театр, античную скульптуру, ее архитектуру. Однако в середине IV века историческая роль города-государства окончилась. Он не мог обеспечить своим купцам достаточно широкий рынок и безопасные торговые пути. Античная демократия как политическая форма в условиях обостренной классовой борьбы уже была неспособна обеспечить подавление рабов и гарантировать рабовладельцам политическую власть, а промышленникам-рабовладельцам и богатым торговцам—их прибыли. Бесконечные внешние войны между греческими государствами мешали торговле, ослабляли их и не давали возможности объединенными силами прорвать персидский барьер и захватить богатства Востока. Филипп II с помощью оружия объединил Грецию, положил конец внутренним и внешним войнам, а его сын бросил силы Македонии и Греции на Восток.

Если классический полис, с его рабовладельческой «свободой», широкой политической жизнью и бессмертными созданиями человеческого гения, сравнить с военно-бюрократической монархией эллинистической эпохи, то сразу становится очевидной разница между ними. «Все зависит от условий, места и времени»[1]. Полис хорошо подходил к рабовладельческому обществу узкого Эгейского бассейна в IV—V веках, выражал волю мелких рабовладельческих коллективов. Но эта форма совершенно не годилась для огромных территориальных государств эллинистической эпохи, выросших на базе древневосточных монархий. Только сильная централизованная монархия могла оградить интересы незначительного правящего меньшинства (сначала греко-македонского, а впоследствии туземного) на необъятных равнинах Востока. В условиях ирригационного земледелия только такая монархия могла держать в покорности массы привозных рабов и своих же собственных закабаленных крестьян и ремесленников. Только она могла организовать сильную армию и флот, создать новые торговые пути и установить связи с отдаленными уголками «обитаемой вселенной»[2].

[1] Краткий курс истории ВКП(б), 1945, стр. 105.

[2] В рамках эллинистических монархий также существовали автономные или полуавтономные полисы с греческим правом. Но их роль там была второстепенной.

Вполне закономерно поставить вопрос: что было прогрессивнее, что в большей степени содействовало росту производительных сил, что открывало бо́льшие возможности для дальнейшего развития? И здесь ответ может быть только один: прогрессивнее была монархия III—II веков. После всего сказанного это не нуждается в дальнейших доказательствах. Можно только привести еще одно соображение: эллинистическая монархия была непосредственной предшественницей Римской империи, с одной стороны, и ряда государственных образований в Восточном Средиземноморье—с другой. Такие государства, как новоперсидская держава Сассанидов, арабский халифат и пр., были бы также немыслимы без предпосылок, заложенных в эпоху эллинизма.

Аналогичным образом нужно ставить вопрос и об идеологии. Конечно, эллинистическая эпоха не могла бы создать «Илиаду» и «Одиссею», она не могла бы породить Эсхила, Софокла, Аристофана, Фукидида, Демокрита и Аристотеля. Но зато в классический период не могли бы жить ни Архимед, ни Эвклид, ни Эратосфен, ни Полибий, ни Феокрит. Бесспорно, конечно, что условия эллинистической эпохи не благоприятствовали возникновению высокооригинальных и глубоких философских систем, появлению высокой трагедии и политической комедии, расцвету гармонического искусства Фидия и Поликлета. Но зато эти же условия были предпосылкой необычайного расцвета точных наук, медицины, филологии и, пусть мало оригинальных, но зато универсальных, философских систем.

Поскольку полис отмирал, отмирала и его идеология. И не случайно на формирование римской духовной культуры наибольшее влияние оказала идеология эллинизма: точные науки, комедия Менандра, стоицизм и эпикурейство, александрийская поэзия и т. д.

Таково значение эллинизма, его место в общем развитии рабовладельческой формации, чего Тарн не смог понять. Ограниченность буржуазного кругозора мешает ему дать правильное представление об эллинизме как определенной стадии исторического развития общества. Эллинизм распадается у него на ряд отдельных явлений, мало связанных друг с другом и освещенных с буржуазных позиций.

Однако при всех указанных недостатках книга Тарна представляет несомненный интерес. Советский читатель, вооруженный марксистской концепцией эллинизма, найдет в «Эллинистической цивилизации» Тарна обилие тщательно собранных фактов и немало интересных мыслей, заслуживающих того, чтобы с ними ознакомилась наша советская общественность.

Проф. *С. Ковалев*

Глава 1

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Эта книга имеет целью дать краткий обзор цивилизации трех столетий эллинизма—от смерти Александра в 323 г. до основания Римской империи Августом в 31 г. до н. э.[1]. Эти хронологические рамки, конечно, условны, так как ростки тех или иных явлений эллинизма начинают пробиваться еще до Александра, а в некоторых отношениях время Августа не означает подлинного разрыва с прошлым. Но они позволяют подчеркнуть два факта: завоевания Александра дали такой творческий толчок, что ни одна сторона жизни не могла уже сохранить вполне свой прежний характер; после же того, как мир эллинизма рухнул, в период римских гражданских войн, культура начала перестраиваться на совершенно новых основаниях в рамках Римской империи—цивилизация стала греко-римской. В этой книге культура и история Рима предполагаются известными читателю; поэтому мы займемся рассмотрением только того, чем, собственно, был эллинизм и с какого рода миром столкнулась Римская республика, когда она проникла в страны Востока. В отличие от империи эта республика, в ее контакте с эллинистической цивилизацией, была только воспринимающей стороной; та Греция, которая была учительницей Рима,—это уже не древняя Греция, а современный Риму эллинизм; в той степени, в которой новейшая цивилизацая основана на греческой, она основана прежде всего на эллинизме.

Что же означает «эллинизм»?[2] Для одних он означает новую культуру, состоящую из греческих и восточных элементов; для других—распространение греческой культуры на страны Востока; для третьих—продолжение, развитие чистой линии все той же более древней греческой цивилизации; для иных—это та же греческая цивилизация,

но видоизмененная под влиянием новых условий[3]. Все эти теории содержат долю истины, но ни одна из них не является полной истиной; и все они оказываются непригодными, как только исследователь переходит к деталям; так, например, эллинистическая математика была чисто греческой, а наука, наиболее к ней близкая,—астрономия—греко-вавилонской. Для того чтобы получить правильную картину, мы должны рассмотреть совокупность всех явлений, а термин «эллинизм» есть только «условная этикетка» для цивилизации трех веков, в течение которых греческая культура распространялась далеко за пределы своей родины[4]; никакое общее определение не может полностью охватить этот процесс. Более того, в некоторых отношениях эти три века представляют собою не одну, а две фазы цивилизации: раннюю фазу, с творческой работой в области науки, философии, литературы, государственных форм и др., когда независимый греко-македонский мир распространял свою цивилизацию в Азии; и более позднюю фазу, характеризующуюся ослаблением творческих сил и духовной и материальной реакцией Востока против Запада, когда греко-македонский мир оказался в тисках между этой реакцией и Римом, вплоть до того времени, когда Рим, разрушив эллинистическую систему государств, был вынужден в конце концов сам занять место знаменосца греческой культуры. Не всегда можно провести определенную границу между этими двумя фазами, но пути эволюции каждой отдельной области жизни легче понять, если мы будем иметь в виду указанное выше общее различие. Однако во многих отношениях эллинистический период образует связное целое, и мы кратко рассмотрим его в этом аспекте.

В эпоху эллинизма мир изменился и расширился. Хотя в реальной жизни партикуляризм греческого полиса сохранял значительную силу, в теории он уже потерпел крушение, будучи заменен универсализмом и связанным с ним индивидуализмом. Всплывает идея «ойкумены», или «обитаемого мира», как целого, общего владения цивилизованных людей; и для их обслуживания появляется новая форма греческого языка—так называемая «койнэ», общая речь», которой пользовались также многие азиаты. Греческим языком можно было

пользоваться от Марселя до Индии, от Каспийского моря до порогов Нила. Национальность отступает на второй план; общий язык и общее воспитание содействуют развитию общей культуры в каждом полисе «обитаемого мира»; литература, наука и прежде всего философия связаны в известной мере с более обширным миром, чем Греция, и высшие классы в Риме и некоторых областях Азии начинают проникаться сознанием, что греческую культуру, по крайней мере с ее внешней стороны, должен усвоить каждый. Торговля стала международной. Бóльшая часть барьеров пала: мысль стала более свободной, чем когда-либо позднее, вплоть до нового времени; расовая вражда отошла в прошлое и сохранилась, может быть, только у египтян и части евреев; преследования религиозного характера неизвестны (преследования евреев Антиохом были политической мерой); моралью интересуется наука, а не власти. Личность имеет свободную сферу действия. Это век специалистов, от человека науки до плотника, который делает дверь, но нуждается в другом человеке, чтобы подвесить ее. Когда Посидоний пытается овладеть всей суммой знаний своего времени, как это ранее удалось Аристотелю, поверхностность его знаний в некоторых областях культуры становится очевидной. И даже творчески продуктивный III век отличается от предшествующих в том смысле, что хотя греческая мысль сохраняла еще руководящее значение, уже нельзя было сказать, что каждая плодотворная идея была обязательно греческой; ибо, если не считать религии и астрономии, величайшее создание этого века—стоическая философия—была произведением человека, который, независимо от того, была ли в его жилах какая-либо примесь греческой крови, несомненно, был для своих современников финикийцем*.

На первый взгляд, этот мир просто удивительно похож на наш мир. Однако не следует заходить слишком далеко в проведении параллелей. Хотя многие явления эллинизма до некоторой степени похожи на явления нынешнего дня, они редко представляют собой одно и то же.

---

* Автор имеет в виду Зенона, основателя стоической философии; о нем см. главу X, стр. 294 (*Прим. ред.*)

Так, стачка* в Египте и современная стачка не похожи друг на друга, так же как нет сходства между современным коммунизмом и «коммунизмом» стоиков. И кроме того, между современным и эллинистическим миром имеется радикальная и решающая разница: это был мир, лишенный машин и полный рабов. Особенно важен последний факт. Для того чтобы видеть эллинистическое общество в его подлинном облике, никогда не следует терять из виду его рабской основы. Стремления к свободе и братству, даже революции, слишком часто кажутся ненастоящими, когда мы вспоминаем, что бóльшую часть населения почти всегда оставляли в стороне.

Эллинистический период часто трактовался как эпоха ущерба, даже упадка; но в настоящее время, вероятно, мало кто станет утверждать, что это верно для III века. Такие термины можно применять в крайнем случае только к тому времени, которое я назвал поздней фазой; и даже в этом случае, по моему мнению, их уместность в значительной степени зависит от того, на какой точке зрения вы стоите. Например, если считать, что главная роль принадлежит естественным наукам или искусству, тогда поздняя фаза будет эпохой упадка; но если считать появление некоторых религиозных верований и чувств, могущих проложить дорогу какому-то более значительному историческому явлению, по меньшей мере существенным фактом, то эта фаза эллинизма окажется эпохой роста. В поздней фазе эллинизма наблюдается клубок противоречий. Например: что типичнее отражает конец II века—рабский рынок на Делосе или отпуск рабов на свободу в Дельфах? Будем ли мы иметь в виду странствующего мага или стоика, верующего в то, что добродетель несет в себе самой награду? Я сам испытываю большое сомнение по вопросу, выродились ли уже тогда подлинные греки, господствующий народ эгейского мира. Это не обычная точка зрения; но я привел факты, как они мне представляются, давая возможность читателю делать из них собственные заключения.

* О стачках в период эллинизма см. прим. на стр. 184 (*Прим. ред.*)

Необходимо сделать оговорку относительно литературных источников. Они носят отрывочный характер, но более важен тот факт, что часто они враждебны тем явлениям, которые описывают (Плутарх является исключением); даже Полибий не очень претендует на беспристрастие. В частности, воспроизводить одностороннюю политическую пропаганду, как это мы видим хотя бы у Павсания по поводу конца Ахейского союза или у Юстина по поводу Птолемея Эвергета II, и называть это историей—значит только вводить в заблуждение: мы еще довольно далеки от ответа на вопрос, какова ценность значительной части этой традиции. По моему мнению, в этот период есть много лиц и событий, которые нам вообще не известны; они скрыты литературной дымовой завесой. Но в нашем распоряжении—непрерывно растущая масса источников такого рода, которым мы можем доверять: это надписи и папирусы того времени. И дымовая завеса постепенно начинает рассеиваться.

* * *

Империя Александра в момент его смерти включала Македонию, Египет и бóльшую часть Азии—от Эгейского моря до Пенджаба, к югу от линии Кавказ—Каспийское море, за исключением Аравии, Армении и северной части Малой Азии. В то же время бóльшая часть греческих городов Греции и Азии были союзниками Александра, и их отношения с ним регулировались постановлениями Коринфского союза; важнейшими исключениями были Спарта и города Черного моря. Александр не оставил наследника и не сделал никаких распоряжений относительно организации управления после своей смерти. После того как были подавлены восстания Греции в Ламийской войне и греков на Дальнем Востоке*, началась борьба за власть между военачальниками Александра в форме борьбы между сатрапами (местными династами) и той центральной властью, которая в тот момент притязала на общее управление. В битве при Ипсе в 301 г. окончательно выяснилось, что греко-македонский мир

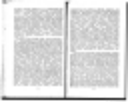
* Речь идет о Дальнем Востоке империи Александра—нынешней Средней Азии. (*Прим. ред.*)

не может сохранить единства, и он в значительной мере вернулся к политическому положению до Александра, хотя и с другими правителями и иной цивилизацией. С 275 г. прочно установились три династии, ведущие свое начало от трех полководцев Александра: Селевкиды правили большей частью прежней Персидской империи в Азии, Птолемеи — Египтом и Антигониды — Македонией. Четвертая династия, не связанная с Александром,—Атталиды в Пергаме—появилась позже, в Малой Азии, усилившись за счет Селевкидов, и получила большое значение благодаря покровительству Рима. В 212 г. Рим начал принимать, на первых порах в виде пробы, участие в делах эллинистического мира, а в конечном счете поглотил все Средиземноморье: последнее независимое государство — Египет — прекратило свое существование в 30 г. до н. э.

Сложная история борьбы между военачальниками до 301 г., проводившейся по большей части силами наемников различных национальностей, может быть изложена только очень кратко. Постановлением армии после смерти Александра царской властью были облечены совместно его слабоумный сводный брат Филипп III и сын от Роксаны, родившийся уже после его смерти, Александр IV; его военачальник Пердикка осуществлял реальную власть в Азии, а Антипатр—в Европе, где управлял Македонией и надзирал в интересах Александра за Грецией. Отдельные сатрапии были заново распределены между полководцами; в этом дележе Птолемей, мудрый и дальновидный, обеспечил за собой Египет, Антигон Одноглазый, сатрап Фригии, получил новую дополнительную территорию, а Лисимах—Фракию. В 321 г. война началась. Антипатр, Антигон и Птолемей в союзе действовали против Пердикки, который говорил, что он защищает интересы царей; однако его обвиняли в стремлении захватить трон. В конце концов он был убит; объединившиеся македонские армии провозгласили регентом Антипатра. Антипатр был последним из полководцев Филиппа II. Так как он пользовался общим уважением, ему удалось удержать власть до своей смерти в 319 г. За это время Антигон, командуя большими силами в качестве полководца Антипатра, разгромил сторонников Пердикки, так что в живых остался только один из вождей этой

группировки—грек Эвмен из Кардии, секретарь Александра. После смерти Антипатра македонцы избрали правителем Полиперхона. Антигон начал действовать в качестве независимого государя, а Эвмен присоединился к Полиперхону, и они совместно стали на защиту интересов царей. Снова разгорелась война; в Азии воевали друг с другом Эвмен и Антигон, которого поддерживали Птолемей и другие; в Европе—Полиперхон и сын Антипатра, Кассандр, который был союзником Антигона. Война в Европе закончилась в 316 г. полной победой Кассандра, человека больших способностей, овладевшего Македонией и значительной частью Греции, включая и Афины; Филипп II и мать Александра, Олимпиада, были убиты, и Кассандр захватил в свои руки молодого Александра IV. Борьба, которую вел в таких трудных условиях Эвмен, никогда не терявший присутствия духа и до конца преданный Александру IV, напоминает роман: он захватил Вавилон, привлек на свою сторону сатрапов далеких восточных областей и неоднократно наносил поражение Антигону, но в начале 316 г. он был выдан Антигону собственными войсками и казнен. С его смертью дело Александра IV было окончательно проиграно.

Самое прочное положение среди полководцев занимал теперь Антигон, человек, обладавший исключительными способностями и безграничным честолюбием. Он претендовал на роль преемника Александра; он сверг восточных сатрапов, и Селевк, сатрап Вавилона, спас свою жизнь только бегством к Птолемею. Незначительные соперники были устранены, но главные правители—Кассандр, Птолемей и Лисимах—образовали коалицию против Антигона на том основании (и это соответствовало действительности), что он стремился к захвату верховной власти; однако война (315—311) не дала определенного результата, хотя в 312 г. Птолемей вернул Селевка в Вавилон. Тем временем Антигон в 314 г. обеспечил себе моральную поддержку греческих демократий заявлением (которое он в течение ряда лет честно выполнял), что все греческие города будут самостоятельными, свободными от военного постоя и получат самоуправление; это было восстановлением политики Александра, направленным против характерной для Кассандра системы управления греческими городами при



помощи олигархий и гарнизонов (гл. II). Одним из результатов войны было отпадение от Афин Делоса, остававшегося свободным до 166 г. После мира в 311 г. между Антигоном и коалицией, в результате которого за Антигоном осталась Сирия, Малая Азия и Месопотамия, Антигон попытался разбить Селевка, но потерпел неудачу, хотя почти совсем разрушил Вавилон. Селевк в дальнейшем захватил власть над странами к востоку от Вавилона, уступив индийские провинции Чандрагупте из династии Маурья; за это он получил 500 боевых слонов. В 310 г. Кассандр убил Александра IV, что уже ранее было предрешено другими династами по договору 311 г.; отныне все они стали самостоятельными правителями.

В 307 г. Антигон и его сын Деметрий, человек больших и разнообразных талантов, но неустойчивого характера, начали вторую войну, чтобы овладеть всей империей, и в эту борьбу в конце концов были вовлечены все военные силы всех частей эллинистического мира. С 317 г. от имени Кассандра Афинами управлял перипатетик Деметрий Фалерский; при нем в городе царили мир и процветание, причем Деметрий провел законы в духе Аристотеля, но покровительствовал зажиточной части населения. В 307 г. сын Антигона, Деметрий, освободил Афины и восстановил демократическое правление, а в 306 г. нанес Птолемею страшное поражение в морском сражении у Саламина на Кипре и этим обеспечил себе преобладание на море; отец и сын, неограниченно доверявшие друг другу, оба приняли титул царей, как соправители империи Александра. Но попытка Антигона завоевать Египет и сокрушить Птолемея не удалась, и в 305 г. Птолемей и другие династы тоже приняли царские титулы в качестве царей своих территорий; год, потерянный Деметрием в его знаменитой и безуспешной осаде Родоса, позволил Кассандру начать борьбу за господство в Греции. Деметрий прогнал Кассандра, освободил бо́льшую часть Греции и в 303 г. восстановил Коринфский союз Александра, в котором он и его отец заняли положение руководителей в качестве преемников Александра. Кассандр, Лисимах и Птолемей привлекли себе в помощь Селевка, и в 302 г., когда Деметрий с большими силами двигался на Македонию, Лисимах с подкреплениями, присланными Кассандром, вторгся в Азию. Антигон не

мог с ним справиться и призвал к себе на помощь Деметрия. В 301 г. при Ипсе, во Фригии, Антигон и Деметрий дали битву соединенным силам Лисимаха и Селевка, который ввел в сражение 480 слонов; Антигон потерпел поражение и был убит, но Деметрий спасся.

Победители разделили добычу: Лисимах занял Малую Азию к северу от Тавра, а Селевк—Месопотамию и Сирию; однако Птолемей во время последней кампании занял Сирию к югу от Арада и Дамаска, а Селевк, никогда не забывавший того, что он обязан Птолемею и жизнью и получением царства, не потребовал от него очищения этих земель, хотя оговорил свое право на них. Кассандр, бывший душой коалиции, удовольствовался Македонией; Деметрий еще господствовал на море и удерживал в своем владении Тир и Сидон, некоторые города в Малой Азии и отдельные области в Греции. Взаимное недоверие победителей было благоприятно для Афин, все еще крупнейшего из греческих городов, если не считать Сиракуз; в результате снисходительности Кассандра Афины сохранили свободу, пока в 295 г. Деметрий не завоевал их и не поставил в них гарнизон. Кассандр умер в 298 г.[5], и споры между его сыновьями позволили Деметрию в 294 г. захватить трон Македонии, который он удерживал шесть лет. За это время он подчинил значительную часть Греции, за исключением Спарты, Этолии и владений Пирра, царя Эпира, и построил названный по его имени город Деметриаду (стр. 80). Позиции партий в греческих городах к тому времени стали более четкими, и с этих пор демократия обычно стояла за национальную независимость, а богатые искали опоры в Македонии, как это было позднее в Риме. Однако Деметрий, хороший полководец, не мог быть правителем; в качестве государственного деятеля он не выдерживал сравнения с Кассандром и никогда не пользовался любовью населения, так как рассматривал Македонию только как базу для завоевания Азии. В 289 г. его морские приготовления обеспокоили других царей, и они заключили соглашение против него; в 288 г. Лисимах и Пирр вторглись в Македонию и разделили ее между собой. Афины, при поддержке Птолемея, восстали, и владения Деметрия снова были ограничены несколькими греческими городами и его флотом. Тем не менее, он вторгся в Азию, без большого успеха боролся

с Лисимахом, своим злейшим личным врагом, и в конце концов, вытесненный за Тавр, оказался вовлеченным в труднейшую борьбу с Селевком. Одно время могло казаться, что Деметрий еще сможет овладеть Азией, но он заболел, его армия распалась, и в 285 г. он был вынужден сдаться. Двумя годами позже самый блестящий из диадохов Александра умер в плену от пьянства.

С падением Деметрия часть его флота перешла к Птолемею, который с его помощью обеспечил за собой Тир и Сидон, Союз островов (стр. 82) и господство на море. Но Лисимах, изгнавший в 285 г. Пирра из его половины Македонии, выиграл больше всех: владея Македонией, Фессалией, Фракией и значительной частью Малой Азии, он был теперь фактически сильнее Селевка. Это был осторожный политик, прекрасный полководец и финансист; хотя он правил своими греческими городами в духе Кассандра, он временами умел добиваться популярности и поощрял торговлю, в частности на Черном море, которое он, может быть, надеялся превратить в свое озеро. Его столицей был вначале новый город—Лисимахия вблизи Галлиполи; позже он, вероятно, перенес свою резиденцию в Македонию. Во время последней кампании Деметрия вскрылось растущее недоверие Лисимаха и Селевка друг к другу, которое предвещало их будущий спор за господство над Азией, и в 283 г. Селевк вступил в переговоры с Антигоном Гонатом, сыном Деметрия от дочери Антипатра, Филы. Антигон правил греческими городами своего отца и в 281 г. подчинил Афины, независимые с 288 г.

Дом Птолемея сыграл свою роль в окончательном падении Лисимаха. Птолемей женился на дочери Антипатра, Эвридике, долгая борьба которой с придворной дамой Береникой, любовницей Птолемея, закончилась еще до 287 г. тем, что Птолемей развелся с Эвридикой и женился на Беренике. Сын Эвридики, Птолемей, позднее получивший прозвище Керавн, т. е. «гром», был изгнан, и когда в 283 г. Птолемей умер,—это был единственный из диадохов, умерший естественной смертью, его сын от Береники мирно наследовал ему под именем Птолемея II. Керавн отправился к Лисимаху, который был женат третьим браком на сестре Птолемея II, Арсиное, дочери Береники. Вокруг него завязались темные

интриги, которые кончились тем, что Лисимах убил своего старшего сына Агафокла и толкнул все недовольные элементы в своем царстве на сторону Селевка. Селевк в конце концов форсировал Тавр, разгромил и убил Лисимаха в 281 г. у Корупедия в Лидии; на короткое время последний и наиболее удачливый из сподвижников Александра увидел у своих ног всю империю Александра, за исключением Египта. Но уже в 280 г. он был убит Керавном, которого армия Лисимаха приняла в качестве мстителя за Лисимаха и возвела на трон Македонии. Керавн старался удержать свое царство в борьбе с многочисленными соперниками, разбил на море Антигона Гоната и склонил на свою сторону Пирра, оказав содействие его экспедиции в Италию. Он избавился от Арсинои, сохранившей за собой Кассандрию; Керавн был женат на Арсиное, но вскоре развелся с ней. Антиох I, сын Селевка от его жены Апамы, родом из Согдианы, был целиком поглощен своими собственными делами: ему угрожал Птолемей II, закрепившийся в Карии, против него восстала Северная Сирия, и он был отрезан от Европы и Черного моря Северным союзом, в состав которого входили Гераклея, Византий, Халкедон, Киус, Тиос, а также владения родственника персидских царей Митридата Понтийского и Никомеда Вифинского, которые боролись за свою независимость. Из Греции его атаковал также Антигон.

В это время галаты (галльские племена), пройдя через Дунайскую долину, достигли македонской границы вместе со своими семьями. В начале 279 г. один их отряд под начальством Больгия вторгся в Македонию, разгромил Керавна, погибшего в битве, но потом отступил с награбленной добычей; однако вслед за ним границу перешел второй отряд, под командой Бренна, и после неудачной попытки осесть в стране продвинулся в этом же году дальше на юг в целях завоевания Греции. Бренн, у которого было не более 30 тыс. воинов, успешно обошел защитников Фермопил, но попытка разграбить Дельфы силами летучего отряда ему не удалась; в то же время его основная армия была задержана этолийцами и отброшена к северу с тяжелыми потерями. Последние завоевали этим заслуженную славу спасителей Греции. Опасность, грозившая Греции, заставила Антигона и Антиоха заключить подлинный мир, и их договор (осень 279 г.) на долгое

время остался краеугольным камнем эллинистической политики. Договор обязывал Антиоха не вмешиваться в дела Македонии и Греции, а Антигона—в дела Фракии и Азии; обе эти династии долгое время оставались в дружеских отношениях. В 278 г. три племени галлов—толистоаги, трокмы и тектосаги—силами в 20 тыс. человек достигли Дарданелл и были наняты Никомедом и Митридатом, чтобы атаковать Антиоха. Галлы в течение двух лет опустошали Малую Азию, сея панику среди населения, но в 275 г. Антиох, уладив дела в Сирии, дал стране некоторую передышку, разбив галлов с помощью 16 слонов, присланных ему его полководцем из Бактрии. Тогда Никомед и Митридат поселили галлов в Северной Фригии (Галатии) в качестве заслона против Антиоха. Тем временем другой отряд галлов вторгся во Фракию; в 277 г. часть их достигла моря и была уничтожена Антигоном в битве при Лисимахии. Окруженный ореолом этой победы, Антигон вступил в Македонию, в которой царила анархия. Македония признала его царем, и в конце 276 г. он стал владыкой этого государства, женившись на сводной сестре Антиоха, Филе. Помимо Галатии галлам удалось основать еще два государства, имеющих отношение к греческой истории: государство скордисков в Сербии и Тилис во Фракии.

Начиная с 275 г. мы можем проследить историю трех македонских династий в отдельности. Царство Лисимаха не возродилось более, и на берегах Черного моря у него не было преемников. Среди новых царей Антиох I был крупным градостроителем и администратором, но точных сведений о его деятельности не сохранилось. Птолемея II традиция рисует человеком болезненным и дилетантом; на деле он, хотя и не обладал данными полководца, был твердым правителем, честолюбивым, высокообразованным, способным дипломатом и искусным организатором. Антигон, второй основатель Македонского царства, обладал резким, прямолинейным характером и твердой волей; члены его дома были ему абсолютно преданы. Антигон был другом и учеником философов Менедема и Зенона, и его стоические воззрения делают его первым царем, которого философия может считать в числе своих приверженцев. Внешняя политика Египта, стремившегося к господству на Эгейском море и на его островах,

и его значительная военная сила неизбежно вовлекли его в конфликт с другими двумя царствами, поскольку Селевкиды не могли отказаться от притязаний на Южную Сирию, которую удерживал Египет. Результатом явилась длинная серия так называемых сирийских войн между Египтом и Селевкидами, переплетавшихся с войнами между Египтом и Македонией. Эти войны были одной из причин, помешавших греческой цивилизации утвердиться в Азии так прочно, как это было бы возможно при иных условиях.

Эту долгую борьбу начал уже Птолемей II; вероятно, он повел агрессивную политику сейчас же после смерти Селевка, потому что Милет, находившийся в 280 г. в руках Селевкидов, уже в 279 г. перешел к Египту. За этой войной, о которой мы, в сущности, ничего не знаем[6], последовала так называемая первая Сирийская война, во время которой в 276 г. армия Птолемея II вторглась в сирийские владения Селевкидов, но была разбита и изгнана Антиохом I, который вступил в союз с Магасом, сводным братом Птолемея II, управлявшим Киреной. Но зимой 276/275 г. Птолемей развелся со своей женой (дочерью Лисимаха, Арсиноей I) и женился на своей родной сестре Арсиное II, вдове Лисимаха и Керавна, вероятно потому, что нуждался в ее уме. Арсиноя сама энергично занялась проигранной войной, добилась поразительных успехов и в конечном счете (к 273 или 272 г.) овладела всей Финикией и большей частью побережья Малой Азии—от Милета до Каликадна в Киликии; ей, как женщине и богине, воздавались беспримерные почести. Годы до ее смерти (в 270 г.) были золотым веком Египта, и Каллимах пророчествовал, что Птолемей будет править миром от восхода до захода солнца[7]. Арсиноя хотела сделать Птолемея, своего сына от Лисимаха, царем Македонии, но она слишком рано умерла; однако она помешала Антигону вмешаться в войну, оказав помощь Пирру, который вернулся из Италии и намеревался напасть на македонского царя. В 273 г. Пирр на короткое время завоевал Македонию, но покинул ее для рискованных предприятий в Греции: он неудачно попытался захватить Спарту и в конце концов был убит (272 г.) в уличном бою в Аргосе, оставив Антигона господином Греции.

Антигон проявил умеренность. Он мог сохранить свое положение в Греции в том случае, если он сохранял Коринф, что мешало Греции объединиться (потому что объединенная Греция была бы сильнее Македонии), и Пирей, что обеспечивало Афинам роль хотя бы политической столицы его царства. Завоеванных им владений было достаточно для обеспечения сношений с Деметриадой, и он не стремился к их расширению в Греции (стр. 77). Тем не менее, в 267 г. Афины, Спарта и другие города, поощряемые Птолемеем, вступили в союз с Египтом для нападения на Антигона. Эта ожесточенная борьба (266—262), названная Хремонидовой войной по имени афинского политика Хремонида, окончилась победой Антигона и взятием Афин, которые с этого времени перестали играть сколько-нибудь выдающуюся роль в политике. Сторонники Антигона захватили в качестве тиранов власть также в Аргосе, Мегалополе и других городах Пелопоннеса и действовали, в его интересах и при его поддержке, в качестве силы, сдерживавшей Спарту. Антигон, хороший правитель, постепенно восстановил Македонию в ее самых обширных границах и создал в стране для своей династии прочное положение

После потери Эфеса, захваченного Египтом в 262 г., Антиох I умер. Его сын Антиох II и Антигон, вероятно заключившие союз, отомстили Птолемею II во время второй Сирийской войны (259—255)[8]; Антиох вернул Эфес, Милет, значительную часть побережья Малой Азии и Финикию вплоть до Берита, а Антигон разбил у Коса флот Птолемея и обеспечил за собой поддержку Союза островов* и господство на море; в течение некоторого времени его сводный брат Деметрий Прекрасный был правителем Кирены. Но восстание (около 252 г.) Александра, командовавшего его войсками в Коринфе и на Эвбее, поддержанное Египтом, сломило его мощь на море, и он смог вернуть Коринф только в 246 г., уже после смерти Александра; тем временем, в 253 г., Птолемей привлек на свою сторону Антиоха, который разошелся со своей женой Лаодикеей и женился на дочери Птолемея Беренике.

* Имеется в виду союз греческих городов и островов побережья Малой Азии и Эгейского моря; крупнейшие из них Родос, Киос, Хиос, Митилена, Абидос, Смирна, Самос и др. (*Прим. ред.*)

После смерти Антиоха (конец 247 г.) началась борьба между царицами-соперницами. Береника и ее сын были убиты, но их смерть была скрыта, и в 246 г. Птолемей III (сын Арсинои I), наследовавший своему отцу Птолемею II, завял Северную Сирию и Киликию, военным маршем прошел по смятенной стране, заявляя, что он выступает лишь защитником интересов законного царя, сына Береники, и достиг Селевкии на Тигре. Он встретил лишь незначительное сопротивление, но говорил, будто бы завоевал Селевкидскую Азию. В следующей войне, третьей Сирийской или Лаодикейской (до 241 г.), сын Лаодикеи, Селевк II, отвоевал Киликию, Северную Сирию (внутреннюю часть страны) и восточные области, но не смог завоевать Селевкию в Пиерии и Финикию и снова потерял побережье Малой Азии, которое позже было занято Птолемеем, захватившим даже побережье Фракии. Однако флот Птолемея был разбит Антигоном у Андроса (246 или 245 г.); Антигон отвоевал Делос и некоторые острова, и Египет никогда более не вернул господства на море, но Союз островов, очевидно, распался. Позднее империя Селевкидов была парализована гражданской войной между Селевком II и его братом Антиохом Гиераксом, вступившими в союз с галатами. Каппадокия уже стала независимым туземным государством, а Бактрия, Парфия и провинции за Парфией были окончательно потеряны. Галаты, одержавшие ряд новых побед, снова представляли собой серьезную угрозу.

Эта угроза способствовала выдвижению Пергама. Евнух из Тиоса, Филитер, наполовину пафлагонец, начальник крепости Пергама, обманув поочередно Антигона и Лисимаха, при Антиохе I сам стал полунезависимым, а умирая, в 263 г., оставил небольшое княжество на Каике своему племяннику Эвмену, который в 241 г., в свою очередь, завещал его, в значительно более крупных размерах, своему племяннику Атталу I. Упадок власти Селевкидов в Малой Азии содействовал замыслам Аттала: он бросил вызов галатам, отказав им в дани, которую они получали даже от Селевкидов за то, что прекратили свои разбойничьи набеги. Аттал разбил галатов в двух битвах (до 230 г.), принял царский титул, а потом вытеснил Гиеракса из Малой Азии и в период с 228 до 223 г. владел всей территорией Селевкидов к северу от Тавра.

Селевк II, который пытался возвратить Парфию, умер в 226 г., а его сын Селевк III—в 223 г.; он тоже не смог справиться с Атталом.

Тем временем в Греции выросли два больших союза (см. гл. II). Этолия, уже владевшая Дельфами, начала расширяться после 279 г.; она обещала Антигону свой нейтралитет и сдержала обещание, а в виде компенсации начала включать в свой союз мелкие государства амфиктионов*. Затем этолийцы сталкивались с оппозицией то Фокиды, то Беотии, но в 254 г. они разбили армию Беотии у Херонеи; Беотия больше никогда не имела такого значения, как прежде. В 251 г. началось расширение союза одиннадцати городов Ахайи, когда молодой сикионский изгнанник, по имени Арат, неожиданным нападением ночью захватил Сикион, изгнал из него тирана и присоединил этот город к Ахейскому союзу. Арат обладал странным характером, в котором чередовались героизм и нервозная слабость; он был лишен моральных устоев, но имел удивительную власть над умами своих сограждан; на протяжении почти поколения он, можно сказать, олицетворял собой союз, стратегом которого выбирался бессменно с 245 г. В 243 г. он отправился в священный поход, бывший делом всей его жизни, на освобождение Пелопоннеса от Антигона и тиранов, им поддерживаемых. В одну из ночей Арат захватил врасплох опорный пункт Македонии, Коринф, и занял Акрокоринф. Антигон умер в 240 или 239 г., не успев вернуть Коринф, и оба союза—Этолийский и Ахейский—сразу же начали войну против его сына Деметрия II. Деметрий ограничил влияние Этолии, но не мог нанести ей значительного ущерба; зато ахейцы приобретали город за городом, включая Мегалополь и Аргос, тираны которых сложили свою власть и стали должностными лицами союза.

* Амфиктионии — в древней Греции первоначально религиозные объединения различных городов для защиты общего святилища; амфиктионы — города-государства, а также племена, являвшиеся членами таких объединений. Наиболее важными были дельфийская и делосская амфиктионии. В классическую эпоху и в период эллинизма дельфийская амфиктиония принимает все более политический характер. Помимо Беотии, Фокиды, Фессалии, амфиктионами были и мелкие племена—долопы, перребы, локры и др. (*Прим. ред.*)

В 229 г. Деметрий II умер, потерпев жестокое поражение от дарданцев—северных соседей Македонии, вторгшихся в страну. Филипп, его сын от второй жены, эпирской царевны Фтии, был еще ребенком, и армия в конце концов возвела на престол опекуна Филиппа—Антигона Досона, сына Деметрия Прекрасного, способного правителя, который, изгнав дарданцев, восстановил Македонию. Но союзы воспользовались стечением этих обстоятельств: в результате смут 229 г. границы Этолии достигли моря на западе и на востоке (стр. 84), и она считала себя уже равной Македонии; Арат уничтожил всякий след македонского влияния в Пелопоннесе. В 228 г. Ахейский союз достиг вершины своего расцвета: он включал Ахайю, Сикион, Коринф, Мегару, Эгину, Аргос и прибрежные города, Мегалополь, а также большую часть Аркадии, т. е. практически все территории Пелопоннеса, которые были ранее под властью Кассандра и Деметрия. В его составе были только добровольные члены, и он был совершенно независим, так как номинальный союз с бездеятельным Птолемеем III не влиял на его политику. На эти годы приходится расцвет союзного движения: Досон не вмешивался в дела Пелопоннеса и довольствовался сохранением нейтралитета Этолии. После смерти Деметрия и Афины вернули свою свободу: в их дела никто не вмешивался, и, за исключением одного эпизода, когда на них напал Филипп, Афины не воевали вплоть до 88 г. Они стали блестящим городом и культурным центром Греции, и воздаваемые им почести рассматривались многими государствами как наивысшее выражение одобрения цивилизованных кругов общества.

Но Ахейский союз не мог ни завоевать Спарту, ни привлечь ее на свою сторону: ему было суждено разбиться об эту скалу. Молодой царь Спарты, Клеомен III, поссорился с союзом, набрал наемников и в 227 г., обеспечив себе таким образом необходимые силы, довел до конца свою революцию (стр. 128), восстановил (как он полагал) Спарту Ликурга и в огромной степени увеличил мощь своей страны. Затем он вторгся в Ахайю, и победа при Гекатомбее повергла союз к его ногам: город за городом, включая Коринф и Аргос, переходили на его сторону, потому что простой народ повсюду думал, что

он осуществит социальную революцию и даст ему землю. В действительности Клеомен был крайне честолюбив и стремился к господству над Пелопоннесом; на первых порах он требовал должности стратега в союзе, который он хотел сделать ядром новой федерации*. Чтобы спасти то, что оставалось от союза, пришедший в отчаяние Арат решился на великую измену: он, который раньше изгнал македонян из Пелопоннеса, решил теперь призвать их. Он попросил помощи у Досона и согласился уступить ему Коринф, ставший с тех пор вновь македонской крепостью. Досон воссоздал Коринфский союз в виде Эллинского союза союзов, но поскольку он не включил в него Этолийский союз, Спарту, Афины, Элиду и Мессению, Греция фактически была разделена на две части. Сам по себе замысел Досона достоин крупного политического деятеля. Клеомен храбро боролся, но был разбит Досоном у Селласии (222 г.), бежал в Египет, где и умер. Досон занял Спарту, которая до этого никем еще не завоевывалась, отменил революционные порядки и восстановил старый режим, сделав Спарту союзницей Македонии. Его смерть в 221 г. была тяжелой потерей для Македонии: он приложил много труда для обеспечения за страной наследства Филиппа.

В «Истории» Полибия изложение событий начинается со времени появления во всех царствах новых государей: в Сирии—Антиоха III, младшего сына Селевка II (223 г.), в Египте—Птолемея IV Филопатора (221 г.) и в Македонии—Филиппа V. Птолемей III довел свою армию до упадка, и его сын, Птолемей IV,—сентиментальный человек, любитель искусства,—предоставил управление страной энергичному и беззастенчивому министру Сосибию. Ан-

* Клеомен III — спартанский царь-реформатор (235 — 221 гг. до н. э.), осуществивший радикальные мероприятия в Спарте. Клеомен уничтожил эфорат и герусию — оплот спартанской олигархии, препятствовавшие демократизации государства, кассации долгов и переделу имущества. Автор неправильно характеризует Клеомена как честолюбца. Источники (Плутарх и др.) свидетельствуют о том, что Клеомен был очень скромным, простым и умеренным человеком. Он стремился уничтожить власть рабовладельческой олигархии, наделить бедных спартанцев землей и восстановить военное могущество Спарты. В борьбе с македонским царем Антигоном Досоном Клеомен призвал в войско несколько тысяч илотов. (*Прим. ред.*)

тиох III, позднее прозванный «Великим», молодой, энергичный и благоразумный, получил государство в таком расстроенном состоянии, что сначала должен был взяться за приведение его в порядок. В 220 г. его двоюродный брат Ахей отвоевал у Аттала малоазиатские владения Селевкидов, а сам подавил восстание своих полководцев в Мидии и Персиде. Став, наконец, господином в своем государстве, Антиох решил отвоевать Южную Сирию у бездеятельного Филопатора. Но его продвижению мешали сирийские крепости, а Сосибий тоже задерживал его переговорами; в то же время он вызывал полководцев из Греции и создавал армию. Сосибий (или Филопатор) решился на опасный шаг, завербовав в фалангу 20 тыс. туземных египтян, которые не носили оружия со времени эксперимента Птолемея I в 312 г. Эта война, четвертая Сирийская, закончилась битвой при Рафии (22 июня 217 г.). Филопатор оставил свои развлечения и стал во главе армии; тяжелый бой закончился победой благодаря его умелому командованию и храбрости египетской фаланги; но для его династии победа не принесла большой пользы, потому что с этого времени в Египте возникло движение туземного населения, начавшего отвоевывать позиции греков.

В Македонии вступление на престол Филиппа V, одаренного и привлекательного, возбудило большие надежды; его необузданный характер, омрачивший его жизнь, стал известен лишь позже. Этолийцы под руководством Скопаса отпали от Македонии после смерти Досона, и их набеги на другие государства вызвали в 220 г. так называемую Союзническую войну. В этой войне этолийцы и их союзники, Спарта и Элида, боролись с Филиппом и его Эллинским союзом. Филипп, который наблюдал за действиями Рима в Иллирии, не был заинтересован в войне; но, лойяльно защищая своих союзников, он совершил смелый набег на Терм, центр Этолийского союза, и разграбил его. Война, не давшая никакого результата, закончилась в 217 г. Навпактским миром. Навпактская мирная конференция примечательна призывом этолийца Агелая к объединению эллинов ввиду «тучи, подымающейся на западе» в лице Рима, победителя в войне с Карфагеном. Популярность Филиппа, «любимца Эллады», в 217 г. была так велика, что в этот момент у него,

казалось, были лучшие шансы на объединение Греции, чем у кого-либо из его предшественников; но он упустил эти шансы, а смерть Арата в 214 или 213 г. лишила его лучшего советника. В 215 г. Филипп вступил в союз с Карфагеном и попытался изгнать римлян из Иллирии; результатом был тот союз между Римом и Этолией (212 г.), который привел к первой Македонской войне. Это была та же Союзническая война, но со следующим важным различием: Этолии помогали войска Рима и Пергам, так как Аттал стал союзником Рима, в то время как новые союзники Филиппа, Карфаген и Прусий I Вифинский, оказывали ему лишь незначительную помощь. Некогда могущественный македонский флот был разбит, и Филипп стал беспомощным на море; несмотря на всю его энергию, он не мог одолеть врагов, и они наносили ему удары, где хотели. Единственной удачей Филиппа было то, что Филопемен из Мегалополя реформировал слабую ахейскую армию. Филопемен, хороший воин, но не более, отличился в сражении при Селласии, однако позже, проявив полное отсутствие патриотизма, отправился в поисках приключений на Крит. Он вернулся в 210 г., а в 207 г. новая ахейская армия под его предводительством разбила Маханида, захватившего власть в Спарте, и этой победой восстановила свою былую славу. Одним из последствий войны было то, что греческий мир, привыкший к македонским приемам войны, ставшим к этому времени относительно гуманными, увидел—со страхом или гневом,—как римляне обращаются со взятыми городами. В 205 г. война, не давшая определенного результата, закончилась общим миром при Фенике.

В Этолии начались беспорядки, вызванные столкновениями между должниками и кредиторами. Скопас попытался провести отмену долгов, потерпел неудачу и уехал к Птолемею, приняв командование его армией. Спарта, оставшаяся после смерти Маханида без правителя, была захвачена Набисом, дальним родственником царского дома; проведенная им революция (стр. 128) снова в огромной степени усилила Спарту. Благодаря союзу с Критом, Спарта приобрела даже некоторое значение на море. Несмотря на все свои злоупотребления, Набис был очень популярен среди широких масс, и очень досадно, что мы располагаем только враждебными ему

сообщениями*. Гибель македонского флота оставила Эгейское море без господина, и в 200 г. Родос занял это положение, создав новый Союз островов под своим руководством.

Птолемей IV умер в 203 г., оставив наследником ребенка, Птолемея V Епифана. У Полибия сохранилось замечательное описание мятежа в Александрии, во время которого народ сверг ненавистного министра Агафокла и дал ребенку новых опекунов. Филипп и Антиох, династии которых так много пострадали от козней Египта, заключили союз для раздела внешних владений Египта. У Антиоха была определенная цель—восстановление империи Селевка; после битвы при Рафии он отнял Малую Азию у своего мятежного двоюродного брата Ахея и затем предпринял знаменитый восточный поход. Он завоевал часть Армении, обложил данью Аршака парфянского, разбил Эвтидема бактрийского и проник в долину Кабула. Антиох проявил незаурядную политическую дальнозоркость, оставив на троне Эвтидема, как защитника цивилизации против кочевников. Его договор с Филиппом, повидимому, обеспечил Филиппу Кирену, Ионию и Киклады, в то время как сам он получил Кипр, южную Сирию и другие египетские владения в Малой Азии. Антиох в 202 г. вторгся в Южную Сирию (пятая Сирийская война), разбил в 200 г. Скопаса у Панея, вблизи истоков Иордана, и таким образом овладел всей территорией (включая Финикию), которая осталась впоследствии во владении его династии. Филипп, построив флот, атаковал проливы в 202 г., взял Лисимахию, Халкедон и Киус, разрушив его с такой же жестокостью, какая была проявлена позднее при осаде Абидоса и Маронеи; он применял римские методы войны и этим вызвал общее недоверие, даже ненависть. В 201 г. Филипп повернул к югу и захватил Самос; но он крайне неблагоразумно вызвал вражду Родоса, подняв против него

* Набис — спартанский тиран (207 — 192 гг. до н. э.)—своею деятельностью в известной мере продолжал реформы Агиса и Клеомена, опирался на бедных и рабов, конфисковал земли богатых, вел борьбу с Ахейским союзом и римлянами. Мероприятия Набиса не были социальной революцией, но они в значительной степени подрывали основы рабовладельческого общества. (*Прим. ред.*)

Крит, и родосцы, которым он обещал пощадить Киус, объединились против македонского царя с другом Египта Атталом. Их объединенные флоты разбили его флот у Хиоса, и хотя позднее Филиппу, в свою очередь, удалось разбить родосцев у Ладе и завоевать часть Карии, он никогда уже не был в состоянии возместить тяжелые потери флота, понесенные в битве при Хиосе.

Победа над Карфагеном в 202 г. развязала руки Риму, и в 200 г. Египет, Родос и Пергам обратились к нему за помощью; в этом не было ничего неестественного, но это обращение поставило Рим в положение арбитра в восточной части Средиземного моря, которое он более не упускал. У Рима еще не было определенной цели завоевания Востока, и до этого момента он вмешивался только тогда, когда был на это спровоцирован*, но у него с этих пор был прочный блок сторонников—Египет, Пергам, Родос и Афины. Афины желали только мира, Египет—сохранения своей независимости, Родос—свободы греков и мореплавания; но Пергам, для которого мощь Селевкидов была постоянной угрозой, всегда был готов подстрекнуть Рим к выступлению. Македония, Селевкиды и, в дальнейшем, Этолия стали представителями наиболее националистической оппозиции по отношению к успехам Рима. Рим в 200 г. не имел никаких особых претензий к Филиппу, но, повидимому, он боялся, что Филипп и Антиох завоюют Египет и, овладев его ресурсами, бросят против Италии всю державу Александра. Но это было химерой; оба царя, хотя и являлись союзниками, совсем не доверяли друг другу, и Филипп никогда не позволил бы Антиоху переправиться в Грецию. План Рима для предотвращения воображаемой опасности состоял в том, чтобы освободить Грецию и

* Утверждение Тарна не соответствует действительности; до 201 г. до н. э. Рим, занятый тяжелыми войнами с Карфагеном, просто не имел сил для вмешательства в восточные дела. Но с победой над Карфагеном положение изменилось. В итоге Пунических войн в Риме начало складываться крупное рабовладельческое хозяйство, появился сильный флот и сильная армия, что облегчало выполнение захватнических планов римских рабовладельцев на Востоке. Просьбы родосских, пергамских и египетских послов (201 г.) о помощи против Филиппа явились прекрасным поводом для вмешательства в восточные дела и осуществления захватов. (*Прим. ред.*)

сделать ее оплотом против царей. Он объявил войну Филиппу (вторая Македонская война) и послал большую армию в Иллирию. Этолийцы, постоянные враги Филиппа, вступили в союз с Римом в 198 г., и Филипп вызвал к себе вражду даже мирных Афин, которые радушно приветствовали Аттала, так как Филипп жестоко разграбил афинские пригороды. Ахейцы отпали от македонского царя, а остальные его союзники не имели большого значения. Филипп держался в течение двух лет; но Македония была настолько истощена, что в 197 г. он мог набрать только 26 тыс. человек, в том числе мальчиков и стариков, и был окончательно разбит проконсулом Т. Квинкцием Фламинином и этолийцами.

Этолийцы требовали низложения Филиппа, но Фламинин не пошел на такую крайнюю меру. Филипп должен был выдать свой флот, сдать «цепи Греции»—Коринф, Халкиду и Деметриаду, полностью очистить Грецию и Фессалию, отдать свои азиатские города, ставшие свободными, заплатить контрибуцию и стать союзником Рима. Рим поплатился за этот договор плохо скрытой враждебностью Этолии, так как она не добилась включения в свой союз всех требуемых ею городов. Фламинин дождался Истмийских игр 196 г., чтобы нанести свой театральный мастерский удар: при большом стечении народа его глашатай объявил, что все греки, ранее подчиненные Филиппу, а также члены Эллинского союза отныне становятся свободными. Это походило на прокламацию Антигона I в 314 г.: подобно Антигону, Рим действовал по политическим мотивам отнюдь не сентиментального характера и в первое время думал именно то, что говорил. Энтузиазм в Греции был огромный, тем горше было последующее разочарование. Таким образом Эллинский союз Досона был распущен, и входящие в него члены, в том числе и Ахейский союз, стали союзниками Рима, как и Акарнания; синойкизм Деметриады (стр. 80) был ликвидирован, города Магнесии снова стали автономными и объединились в союз с Деметриадой в качестве федерального центра; другими вновь образовавшимися союзами были Фессалийский, Перребийский и Эвбейский.

Оставался еще Набис. Во время войны Филипп попытался привлечь его на свою сторону, отдав ему Аргос,

но Набис взял Аргос и заключил союз с Римом. Потеря Аргоса была причиной того, что вновь вспыхнула неискоренимая вражда между Ахайей и Спартой; обе были союзницами Рима, но Фламинин стал на сторону Ахайи. Он высоко оценил силы Набиса, мобилизовавшего 15 тыс. воинов, собрав против него всех греческих союзников Рима; в конце концов он набрал в Лаконии пятидесятитысячную армию. Набис энергично защищался, и когда римляне, наконец, попытались атаковать Спарту (195 г.), полководец Набиса Пифагор сжег угрожаемый квартал и отогнал их. Но нервы Набиса не выдержали, и он заключил мирный договор. Он отдал Аргос и побережье, но удержал Спарту. Фламинин не «освободил» города и не вернул спартанцев, изгнанных революцией. Такая умеренность объяснялась частично его желанием навести в Греции порядок до того, как его преемник сможет вмешаться, и, с другой стороны—действиями Антиоха.

Антиох, который и не собирался оказывать помощь Филиппу, использовал 197 г. для завоевания берега Малой Азии от Киликии до Геллеспонта; он также аннексировал приобретения Аттала, умершего в этом году, и оставил его сыну, Эвмену II, только первоначальную территорию Пергама; естественно, Эвмен сделался и остался его ожесточенным врагом. В 196 г. Антиох перешел Дарданеллы и начал покорение Фракийского побережья. Греки и римляне преувеличивали его силы; он добился исключительных военных успехов и господствовал над огромной территорией; неизвестность нависла опасностью над римскими силами. Римские послы встретились с ним в Лисимахии и потребовали очищения Европы. Антиох ответил, что он только что занял владения Селевка, что он не вмешивался в дела Италии, и Рим не должен вмешиваться в дела Азии. Переговоры затянулись на три года, но не сдвинулись с мертвой точки: Антиоху нужно было только, чтобы его оставили в покое, а Рим не хотел войны, потому что у него было слишком много хлопот с Испанией*. Но войны желали две державы: государство Эвмена, который боялся Антиоха, и Этолия, которая хотела отомстить Риму. Римские армии поки-

* Речь идет о тяжелой для римлян войне с испанскими племенами—первой Кельтиберской войне 197—179 гг. *(Прим. ред.)*

нули Грецию в 194 г. Греция очень пострадала даже от одного содержания таких крупных военных сил, а демократические круги излечились от всяких иллюзий, потому что за Рим, как прежде за Македонию, стояли зажиточные круги населения, и Рим всюду ставил их у власти.

В 193 или 192 г. Антиох выдал свою дочь Клеопатру I за Птолемея V и обеспечил союз Вифинии, Каппадокии и Галатии. Однако, хотя в 193 г. Рим послал ему ультиматум, он по-настоящему совсем не готовился к войне. В это время прибыло посольство из Этолии, которое сообщило о настроениях в Греции, умоляя Антиоха выступить и обещая помощь Филиппа и Набиса. Ганнибал, нашедший у Антиоха убежище после изгнания из Карфагена в 195 г., естественно, подстрекал его атаковать римлян в самой Италии. Но Антиох, что опять-таки было естественно с его точки зрения, не был склонен превратить защиту Фракии в борьбу не на жизнь, а на смерть и одобрил план Этолии; его министр Менипп, со своей стороны, дал Этолии абсурдные обещания. Этолия выступила внезапно; она захватила врасплох и удержала Деметриаду, что было из ряда вон выходящим событием, но ей не удалось захватить Спарту. Тем не менее, Набис был убит; Филопемен воспользовался случаем и принудил Спарту вступить в Ахейский союз. В 191 г. он присоединил к союзу также Элиду и Мессению, и союз охватил весь Пелопоннес; однако Спарта и Мессения не были добровольными членами союза; они стали для него только источниками слабости. Антиох, до этого всегда отличавшийся осторожностью и рассудительностью, обманутый Этолией и Мениппом, не проявил на этот раз предусмотрительности; его армия не была готова к войне. Все же в 192 г. он двинулся к Деметриаде с 10 тыс. воинов, т. е. с силами, достаточными для того, чтобы спровоцировать войну, но не достаточными для того, чтобы ее вести. Его военным кличем было освобождение Греции от римлян; однако обещанного восстания и перехода Греции на его сторону не произошло, и хотя Антиох завладел Эвбеей и частью Фессалии, Македония и Ахайя держали сторону Рима; в 191 г. римская армия, в союзе с Филиппом, снова заняла Фессалию и разгромила войска Антиоха у обычной мышеловки—Фермопил; царь, почти в единственном числе, спасся бегством в Азию.

В 190 г. консул Л. Корнелий Сципион вместе со своим братом Сципионом Африканским, победителем Ганнибала, который должен был быть фактически главнокомандующим, подготовился к вторжению в Азию. Их подготовка облегчалась просьбой Этолии о перемирии и помощью Филиппа, вторгшегося во Фракию, в то время как римский флот появился в Эгейском море и соединился с флотами Эвмена и Родоса. Наварх Антиоха, родосский изгнанник Поликсенид, сражался хорошо; разбитый римлянами и Эвменом у Корника, он позднее разгромил родосскую эскадру и в заключительной битве при Мионнесе, вероятно единственном морском сражении, в котором римляне боролись с превышающим их силы противником, он мог бы разбить римлян, если бы они были одни, но искусство родосских моряков, бывших с римлянами, изменило обстановку. Этой битвой закончилось преобладание македонских государств на море, установившееся со времени разгрома афинского флота у Аморга в Намийской войне (322 г.). Тем временем Антиох собрал свою армию, но после поражения при Мионнесе он потерял голову и бросил защиту Лисимахии и Дарданелл, повидимому решив, что богиня счастья Тюхе покинула его. С помощью Эвмена Сципион форсировал Дарданеллы, и в конце 190 г. Антиох был разбит наголову при Магнесии, в значительной степени благодаря Эвмену. В 189 г. римские войска вступили во Фригию и победили союзников Антиоха, галатов, в то время как в Греции Филипп и римляне завоевали Этолию. Героическое сопротивление Амбракии обеспечило Этолии снисходительные условия мира: она снова стала союзником Рима; но Этолийский союз был значительно уменьшен, и Этолия потеряла Дельфы. В 188 г. в Апамее был заключен мир между Антиохом и Римом. Антиох должен был отдать всю Селевкидскую Малую Азию, за исключением Восточной Киликии, выдать слонов и флот и заплатить большую контрибуцию. Рим потребовал также выдачи Ганнибала, но тот бежал в Вифинию.

Мир в Апамее изменил лицо эллинистического Востока. Рим стал теперь преобладающей державой, и в самой Греции не было ни одного государства, действительно от него не зависимого. Наступили времена постоянного римского вмешательства; каждый побежденный соперник,

каждый обиженный апеллировал к Риму, и римские уполномоченные постоянно ездили на Восток. В городах демократические круги, стоявшие за национальную независимость, по крайней мере втайне мечтавшие о ней, теперь ориентировались на Македонию, тогда как зажиточные элементы поддерживали политику подчинения Риму. Эвмен в наступившее мирное время пожал плоды своих действий во время войны: он получил Селевкидскую Малую Азию к северу от Тавра и Меандра, а также часть Памфилийского и Фракийского побережий; он овладел и Западной Киликией, но так и не смог захватить дикие края Писидии и Тавра. Он достиг Черного моря у Тиоса и теснил своего врага, Вифинию. Война с Вифинией была в 183 г. решена, благодаря вмешательству Рима, в его пользу. Рим вновь потребовал выдачи Ганнибала, который принял яд, чтобы не быть выданным Прусием. Эвмен воевал также с Фарнаком Понтийским, который все же захватил Синопу и сделал ее своей столицей; но сам Эвмен стал владыкой Галатии — успех, увековеченный знаменитым Пергамским алтарем (стр. 289),—и распространил свое влияние даже на Каппадокию и Армению. О его отношениях с греческими городами будет сказано в другом месте (стр. 156). Он добился могущества, но зато заслужил всеобщую ненависть как прислужник Рима и изменник делу эллинизма. Родос получил Ликию и Карию к югу от Меандра; теперь он тоже достиг вершины своих успехов, стал главой могущественного союза городов, господствовал на море; однако ликийцы неоднократно поднимали восстания против него, подрывая его силы. Антиох, несмотря на свои потери, все еще владел крупной державой, хотя его господство над Парфией, естественно, кончилось. Но у него были большие трудности со сбором контрибуции, и в 187 г. он бесславно погиб при попытке ограбления храма в Элимаиде (Элам). Его сын, Селевк IV, не решался вести войн, что было наилучшим решением. В 175 г. Селевк был убит своим министром Гелиодором, который, очевидно, устранил и наследовавшего ему сына. Младший сын Антиоха, Деметрий, был заложником в Риме. Корона была захвачена в том же году талантливым братом Деметрия Антиохом IV Епифаном[9].

Ахейский союз подобно Родосу приобрел теперь большой престиж. Филопемен стоял за дружбу союза с Римом, но желал полной независимости во всем, что не касалось его союзных обязательств по отношению к Риму. Но как Ликия для Родоса, так и Спарта для Ахайи была бельмом в глазу, и в 188 г. Филопемен попробовал уладить дело силой: он взял Спарту, срыл стены, вернул спартанцев, изгнанных Набисом и его предшественниками, уничтожил учреждения Ликурга, переселил в Ахайю многих новых граждан Набиса и продал в рабство 3 тыс. чел., отказавшихся переселиться. Таким образом, благодаря Филопемену появилось много изгнанников, которые начали осаждать Рим своими просьбами. В 183 г. восстали мессенцы. Восстание было подавлено только тогда, когда они захватили и отравили Филопемена. Политику Филопемена продолжал Ликорт. Юный сын Ликорта, историк Полибий, нес урну Филопемена, когда его прах переносили на родину. В 181 г. в защиту Спарты выступил Рим. Противник Ликорта, Калликрат, глава римской партии в Ахайе, по приказу Рима вернул всех спартанских изгнанников, восстановил городские стены и снова ввел учреждения Ликурга. Полибий, естественно, говорит мало хорошего о Калликрате; но стремление уладить дела в Спарте—было одним из таких его поступков, которые наиболее могли быть оправданы.

Во время войны с Антиохом Филипп, с разрешения Рима, овладел Деметриадой и частью Фессалии и Фракии. Деметриаду он сохранил за собой, но Фракию и Фессалию Рим приказал очистить. Он повиновался, затаив жестокую ненависть. Филипп оказал Риму большую помощь и получил то, что было обычной участью друзей Рима. Сама Македония была разбита в одной битве, и Филипп занялся подготовкой второй войны. У него бывали припадки безумия, следствием которых явились избиение граждан в Маронее при ее очищении и убийство младшего сына, Деметрия, за симпатии к Риму—первое убийство в доме Антигонидов. Филипп стал более своенравным, чем когда-либо. Но его таланты проявились ярче в несчастии, чем во времена удачи: он вернул Македонии ее мощь и преуспеяние, прекратил детоубийства, дал землю новым поселенцам, начал разработку новых рудников, приобрел широкое влияние во

Фракии; когда он умер в 179 г., он оставил своему сыну, Персею, Македонию более населенной и богатой, чем за все время царствования Кассандра. Один из его планов был сорван самой его смертью: он хотел использовать дружественных ему бастарнов, могущественную галльскую федерацию на нижнем Дунае, для разгрома дарданцев, а потом послать их и родственных им скордисков на завоевание Италии, в то время как сам он должен был предпринять завоевание Греции. После его смерти выступила только часть бастарнов, но греки были встревожены, а Персея обвинили в том, что он таит недружелюбные замыслы против Греции. Тогда он отказал в обещанной помощи, а дарданцы разбили бастарнов и на некоторое время сокрушили их мощь.

К несчастью, Персей был наименее одаренным из Антигонидов, и ему нехватало решимости и силы воли. Но скоро он приобрел всеобщую симпатию; он женился на дочери Селевка IV, и его невесту эскортировал родосский флот; все национальные и демократические круги Греции возлагали на него надежды, и у него было много сторонников даже в Родосе и Этолии. Только Эвмен оставался непримиримым и в 172 г. лично явился в Рим требовать разгрома Македонии. Несомненно, Риму казалось, что Персей может создать большой военный союз. Рим не имел претензий к Персею, но слушал Эвмена (стр. 129), и когда при возвращении домой Эвмен едва не был убит в каком-то частном споре, Рим обвинил в этом Персея и использовал этот случай как предлог для войны. Между тем, Эвмена сочли умершим, и его брат Аттал захватил и его царство и его жену Стратонику. По возвращении Эвмена он вернул захваченное. Эвмен только заметил, что брат несколько поспешил со своей женитьбой (стр. 56).

В 171 г. Рим объявил Персею войну и призвал всех своих союзников; в 168 г. у него в Македонии и Греции было 100 тыс. воинов против 43 тыс. Персея. Единственными союзниками Персея были Котис Фракийский, Эпир и позже—Гентий Иллирийский. Их правительства не стремились поднять греческие полисы на борьбу, их основная цель заключалась не в победе Персея, а в сохранении его в противовес Риму. Персея обвиняли в нерешительности и скупости. Но, может быть, он рассчитывал, что поражение римских армий только усилит решитель-

ность Рима и что единственный его шанс заключается в том, чтобы сохранять свои ресурсы и затягивать войну до момента, когда сам Рим прекратит свои бесплодные усилия. Его политика имела успех в течение трех лет, благодаря незначительным победам и неумелости римского командования. Только в конце 169 г. консул Кв. Марций Метелл пересек границу Македонии со стороны Фессалии. Но в 168 г. Рим прислал в македонскую армию лучшего полководца—консула Л. Эмилия Павла, в то время как Персей потерял неоценимую помощь 20 тыс. бастарнов, торгуясь с ними из-за жалования. Павел выманил Персея из неприступного лагеря и при Пидне сумел вызвать его на бой. Македонская фаланга смяла римский авангард, и Павел потом признавался, что он дрожал, когда она добежала до него, раскидывая остриями копий его воинов; но атака македонских военных частей не была надлежащим образом согласована во времени, часть римских войск вклинилась между фалангой и гипаспистами, и фаланга оказалась беззащитной, очутившись под ударами с флангов. Македоняне были перебиты. Персей бежал, пока македоняне умирали на поле битвы, и потерял всякий престиж у своего народа; он даже не уничтожил документов, которые компрометировали многих греков; в конце концов, покинутый всеми, он сдался, был увезен для показа в триумфальном шествии победителя и умер в римской темнице.

Македония была насильственно разбита на четыре республики и еще больше ослаблена экономическими ограничениями. Национальные партии Греции, помогавшие Персею только добрыми пожеланиями, тяжело пострадали, много людей было изгнано; даже из Ахайи, предоставившей в распоряжение Рима свою армию, была увезена в Италию тысяча видных граждан, в том числе Полибий. Этолийский союз был расчленен, Этолия была сведена к своим первоначальным границам, и весь совет изгнан. Эпир, в отмщение за вторжение Пирра в Италию, был разгромлен раз и навсегда; количество проданных в рабство было так велико, что житель Эпира мог быть куплен за несколько драхм; были проданы в рабство и жители трех греческих городов, присоединившихся к Персею. Флот Персея использовал Делос, который был бессилен этому помешать. За это Делос был наказан передачей его Афинам, которые изгнали делосцев и колонизовали остров афинскими клерухами. Родос, постоянный друг Рима, был обманут консулом Метеллом: он предложил посредничество, которое было принято, но тем временем Рим лишил его большей части владений на материке и уничтожил его торговое преобладание, объявив афинский Делос свободным портом. Даже Эвмен, бывший для Рима не рядовым союзником, пострадал за то, что стал слишком могущественным; подозревая Эвмена в том, что он намеревался предложить свое посредничество,—точно неизвестно, как все это было,—Рим поднял против него галатов; он поехал в Рим выяснять дело, но его отправили обратно, даже не выслушав, и как только в 166 г., после тяжелой борьбы, он разбил вторгшихся галатов, Рим поспешил объявить их независимыми. В 163 г. П. Сульпиций Гальба десять дней слушал в Пергаме жалобы на Эвмена. Никакие услуги Римской республике, никакое прислужничество перед ней не могли обеспечить искренней дружбы этого безнравственного государства; и никакие эксцессы или несправедливости какого-либо правителя Македонской династии нельзя сравнить с практикой этой республики в последний период ее существования. Результатом римской жестокости было усугубление непопулярности Эвмена среди азиатских греков. Около 160 или 159 г. он умер; ему наследовал его брат, Аттал II, который снова взял в жены Стратонику.

Птолемей V сумел подавить на некоторое время мятежи туземцев, особенно усилившиеся в его царствование. В 181 или 180 г. он был отравлен; после него осталось трое малолетних детей. Старший сын его, Птолемей VI Филометор, женился позже на своей сестре Клеопатре II; младший стал после него царем—Птолемеем VII Эвергетом II[10]. В 173 г. министры мальчика-царя провели подготовку для обратного завоевания Южной Сирии; но Антиох Эпифан предвосхитил их намерение. Антиох, «спаситель Азии», был одним из наиболее замечательных представителей своей династии. Он прожил четырнадцать лет в Риме и был убежденным его другом и подражателем; он был афинским гражданином и страстным поклонником греческой культуры; он украшал Афины и многие другие города храмами и постройками, расширил Антиохию, превратил многие поселения в полисы гре-

ческого типа (гл. IV), заселив их новыми поселенцами. Любящий пышность и щедрый сам, Антиох всегда готов был разыграть роль демократа или шутника и искать ночных приключений на улицах столицы. Но, несмотря на это, он пользовался популярностью и был настоящим царем, хотя некоторые называли его сумасшедшим. Он добился большого подъема своего царства и провел удачную его реорганизацию. В 169 г. он вторгся в Египет, взял Пелусий и Мемфис и установил свой протекторат над Птолемеем VI. Затем он вернулся в Сирию (об его отношениях к Иудее см. гл. VI). Но александрийцы сделали царем Эвергета, Филометор его признал, и таким образом в Египте оказалось два царя. В 168 г. Антиох вернулся и осадил Александрию. Тем временем произошла битва при Пидне, и Рим вмешался, следуя своей постоянной политике ослабления Селевкидов: римский посол Г. Попилий передал Антиоху приказ сената очистить Египет, очертил на песке своей палкой вокруг него окружность и приказал ему дать ответ, не выходя из круга. Это была неслыханная наглость; впрочем, нечто в этом же роде случилось позже, когда Сципион Эмилиан заставил Птолемея Эвергета II сопровождать его по Александрии пешком и нарочно шел слишком быстро, чтобы опозорить своего неуклюжего хозяина в глазах его подданных. Антиох долго стоял ошеломленный; потом он медленно ответил, что поступит согласно желанию Рима. Он покинул Египет и посвятил остаток своей жизни усилению своего государства для борьбы с Римом. Но в 163 г. он умер во время очень успешной кампании на Востоке, и с ним исчезли все шансы его государства играть в будущем роль мировой державы.

Рим воспользовался тем, что его сын, Антиох V, был еще ребенком, и потребовал уничтожения сирийского военного флота и слонов; вид убитых слонов так взволновал население, что некий Лептин убил римского посла Октавия. Рим не принял тогда никаких мер в связи с этим инцидентом, решив использовать его в дальнейшем. Но мальчик царствовал недолго. В 162 г. Деметрий, сын Селевка IV, ускользнул из Рима с помощью Полибия, легко расправился с непопулярным регентом Лисием, надел корону и вступил на престол под именем Деметрия I Сотера. Он стал действовать энергично, отнял Вавилонию у взбунтовавшегося против него, признанного Римом,

полководца Тимарха, а в Каппадокии на место своего врага Ариарата I посадил нового царя. Но он был непопулярен у своего народа; Аттал II восстановил на престоле Ариарата, и они оба заключили союз против Деметрия с Птолемеем Филометором Египетским. Появился даже самозванец—некий Александр Балас, который выдавал себя за сына Эпифана. Его признали Рим и Филометор; с помощью Египта он вторгся в Сирию, и Деметрий, потерпев поражение, был убит (в 150 г.).

Совместное царствование братьев Филометора и Эвергета в Египте было кратковременным: в 163 г. Филометора изгнали александрийцы. Но Рим помог ему, общественное мнение изменилось в его пользу, и при римском посредничестве царство было разделено: Филометор получил Египет и Кипр, а Эвергет—Кирену и Ливию. Согласно преданию, Филометор был одним из лучших Птолемеев. Рим, у которого было много других затруднений, перестал интересоваться Египтом и Селевкидами и следил лишь за тем, чтобы они не стали слишком могущественными. Тогда Филометор обратил внимание на Сирию. Поддержав Баласа, он после его победы выдал за него свою дочь Клеопатру Тею и фактически осуществлял протекторат над царством Селевкидов. Но Балас был бездарен, и сын Деметрия, Деметрий II, появился с критскими наемниками и стал оспаривать у него трон. Филометор занял сирийское побережье, и поссорившись с Баласом, стал покровительствовать Деметрию, отдав ему свою дочь. Балас атаковал его в 145 г., но потерпел поражение и вскоре был убит; но и Филометор умер от ран, после чего царем всей египетской державы стал Эвергет, который женился на своей сестре Клеопатре II, вдове Филометора. Греческая традиция изображает его кровожадным тираном, совершившим множество преступлений. Большинство этих рассказов—явная пропаганда, не имеющая под собой прочной основы; к тому же им совершенно противоречат многие его декреты, в подлинности которых нет сомнений; впрочем, возможно, что его характер к концу жизни изменился (как это было с Августом). Значительный период его царствования был заполнен его войной со своей сестрой: причины этой войны неясны а перипетии не заслуживают внимания. Он женился на дочери Филометора, другой Клеопатре (III), и обе Клео-

патры часто фигурируют вместе с ним в официальных актах. Но в его царствовании интересны не личные отношения, а иные проблемы (гл. V). В 116 г. Эвергет, этот последний из великих Птолемеев, умер.

В Сирии действия критских войск Деметрия неожиданно вызвали оппозицию, и полководец Баласа Диодот возвел на трон юного сына Баласа, Антиоха VI; в 142 г. последний был убит, и Диодот сам надел корону, приняв имя Трифона. Деметрий не смог его свергнуть и, оставив свою жену Клеопатру Тею правительницей в Сирии, направился на Восток, где Митридат I Парфянский распространил свое господство на все области от Пурали до Тигра, захватив в 142 г. Вавилонию[11]. Греческие города призвали Деметрия на помощь; несомненно, он надеялся вернуться в Сирию с военными силами, достаточными для свержения Трифона. Деметрий встретил большую поддержку и освободил Вавилонию, но в конце концов был взят в плен и находился в почетном плену у Митридата, женившего его на своей дочери; Митридат вновь аннексировал Вавилонию. Однако Тея продолжала сопротивление, и в 189 г. брат Деметрия, Антиох VII Сидет, явился из Родоса к ней на помощь, женился на ней (он был ее третьим мужем) и устранил Трифона. Сидет был последним крупным представителем своей династии; единственным приписываемым ему недостатком было пьянство. Он объединил и укрепил свое царство, подчинил давно потерянную Иудею (стр. 214—215) и, наконец, с большой армией перешел Евфрат. Греческие города приняли его с энтузиазмом; Сидет вновь завоевал Месопотамию и Вавилонию, изгнал из Мидии парфянского царя Фраата и, казалось, восстановил державу Антиоха III. Но в начале 129 г. парфянский царь захватил его врасплох на зимних квартирах, одержал над ним победу и убил его, возвратив потерянные ранее области; последний документ селевкидского Вавилона датирован июнем 130 г. Фраат отослал на родину тело Сидета, и Сирия погрузилась в траур, как бы в знак того, что фактически прекратилась династия ее царей.

После битвы при Пидне в Македонии несколько лет продолжались смуты, пока на ее корону не предъявил притязания некий Андриск, уверяя, что он сын Персея, Филипп (который на самом деле умер в Италии). Рим, всецело занятый делами в Испании, не обратил внимания на «Лже-Филиппа», который нашел поддержку во Фракии и в 149 г. вторгся в Македонию, после чего его приняла вся страна. В 148 г. он вторгся в Фессалию и разбил римские силы, но оттолкнул македонян, показав себя деспотом; позднее он был разбит претором Кв. Цецилием Метеллом, увезен в Рим и казнен. В 148 г. (этот год стал началом эры[12]) Македония, первая из эллинистических государств, стала римской провинцией. Появился и другой «Лже-Филипп», но он не имел большого успеха. С этого времени история провинции ограничивается перечислением частых набегов северных варваров и крупных вторжений скордисков и фракийцев, которые во время первой митридатовой войны разрушили Дельфы и Додону. В противоположность царям династии Антигонидов, римляне не имели успеха в борьбе с вторжением.

Греции было трудно оправиться после разгрома и изгнания ее лучших людей; в некоторых округах рост греческого населения не возместил этих потерь. Но грекам предстояла еще борьба. История последнего выступления Ахейского союза остается неясной; многое из труда Полибия, открыто стоявшего на стороне Рима, утеряно, а рассказ Павсания только отражает точку зрения сторонников Рима. К счастью, на помощь приходят надписи. Заявления о том, что Ахейский союз разложился, а его руководители оказались продажными, вызывают сомнения в их достоверности.

В течение ряда лет во главе Ахейского союза стоял Калликрат, который действовал исключительно в интересах Рима; но в 150 г. 300 уцелевших изгнанников (за исключением Полибия) вернулись из Италии, и руководство союзом захватили демократы, назначившие главнокомандующим Диэя из Мегалополя, стоявшего за независимость союза. В этом году умер Калликрат, а затруднения Рима в Испании, Македонии и Африке, казалось, поддерживали надежду на оживление политической жизни. Снова начались распри со Спартой, которая в 148 г. формально отложилась от союза. Союз объявил ей войну, но вмешался Рим и пригласил обе стороны на конгресс в Коринф (147 г.). На конгрессе уполномоченные Рима объявили, что союз должен отказаться не только от Спарты, что было бы естественно, но и от Коринфа, Аргоса и Орхомена, которые в течение многих лет были его неотъемле-

мыми частями. Ахейский союз постоянно поддерживал римлян, а теперь Рим собирался уничтожить его, как ранее он уничтожил Этолийский союз. Ахейцы осыпали римских послов угрозами, но рассказ о том, что на послов было совершено нападение, признается неверным. Весной 146 г. союз провозгласил войну,—другого выхода у него не было. Со стороны греков это была народная война; был объявлен мораторий, люди записывались в добровольцы, и в городах появились клубы «патриотов»; в Трезене, несомненно и в других местах, члены клубов предоставляли в распоряжение государства всю свою собственность[13]; даже Полибий признает, что патриотическое настроение росло, подобно потоку. Беотия, Эвбея, Фокида и Локрида присоединились к Ахайе. Полководец Критолай двинулся к северу для соединения с союзниками, но потерпел поражение от Метелла, спешившего из Македонии, и был убит. Оставшиеся в живых нашли убежище в Коринфе, где консул Л. Муммий принял командование от Метелла. Диэй, ставший теперь полководцем союза, объявил общий набор, приказал освободить и вооружить 12 тыс. рабов и поспешил к Коринфу с войском численностью в 14 600 человек, может быть самой крупной армией, какую когда-либо набирал союз. Он разбил авангард Муммия, и это побудило его вступить в битву с главными силами римлян; невзирая на численное превосходство врага, ахейская фаланга сражалась с мужеством отчаяния, но была разбита превосходной римской конницей, разгромившей ее с фланга. Диэй бежал и покончил самоубийством вместе со своей семьей. Ахайя не имела причин стыдиться своей последней битвы, и она и не испытывала стыда: города составляли по этому поводу почетные списки. Мы случайно располагаем списком из Эпидавра[14], в котором перечислены 156 граждан одного небольшого города, павших в этой битве. Муммий занял Коринф и, хотя город не оказал сопротивления, поступил с ним, как с Карфагеном: мужчины были убиты, женщины и дети проданы в рабство, а город разрушен до основания. Это было решительное предостережение по адресу Греции (стр. 237), сделанное по примеру Александра, разрушившего Фивы. Халкида и Фивы тоже тяжело пострадали, но во многих других местах Греции Муммий действовал не столь жестоко.

После 146 г. Греция перешла под римский протекторат; ее контролировали из Македонии; в некоторых документах эта дата принимается за начало эры, но Греция не была еще провинцией. Полибий получил, наконец, разрешение вернуться и оказал родине большие услуги, добившись смягчения в первые суровые дни участи Ахайи, а позже—наблюдая за проведением мер переходного периода. Все союзы, принимавшие участие в борьбе, включая и Ахейский, теперь распались. Греция больше не имела своей внешней политики и не вела войн, если не считать пограничных споров. Во многих городах были учреждены тимократии, правительства богатых, и попытки изменить конституцию не допускались. Когда-то Антигон I требовал в некоторых городах подвергнуть осуждению и наказанию тех, кто предлагал законы, которые он считал неуместными[15], но Рим распорядился наказывать смертной казнью за «новые законы»[16], и это хорошо иллюстрирует разницу между римским и македонским управлением. Тем не менее, в Греции, а не в других странах, Римская республика некоторое время оправдывала свое руководство. Она принесла мир и преуспеяние, хотя и методами насилия. Некоторые территории—Коринф, Эвбея, Беотия—были обложены данью; но Афины, Спарта и другие города были свободны от обложения; вероятно, в Греции не было общей податной системы вплоть до 88 г. Афины переживали последний расцвет материального благосостояния, а факты, известные относительно Мессении (стр. 117), свидетельствуют о зажиточной жизни греческого населения около 100 г. Имело место и религиозное возрождение[17]: к этому периоду относится большой законодательный декрет о мистериях в Андании (91 г.)[18], восстановление оракула и культа Аполлона Коропейского[19], опубликование в Линде в 99 г. религиозных архивов этого города—«линдской хроники». Руководящую роль играли Афины и Беотия; празднества «Птои» в Беотии стали происходить раз в четыре года; в Танагре были основаны празднества в честь Сераписа (стр. 120). Афины возобновили на Делосе великие Делии (один раз в четыре года)[20], прекратившиеся с 314 г., а в промежутках посылали в Дельфы великолепно снаряженные религиозные процессии—Пифаиды[21]—для добывания священного огня, нужного для

очищения города. Все это содействовало восстановлению национального сознания.

В Пергаме царствование Аттала II Филадельфа, хорошего правителя, не было богато событиями, за исключением обычной войны с Вифинией; но его флот поддержал Рим в 148 и 146 гг. При Аттале пергамское царство достигло вершины своего преуспеяния. Он умер в 139 или 138 г., и ему наследовал Аттал III, незаконный сын Эвмена II, признанный им и усыновленный бездетной Стратоникой; может быть, в свое время Аттал II женился на немолодой уже Стратонике из чувства лойяльности по отношению к Эвмену, чтобы обеспечить наследство за его сыном[23]. Именно это соображение могло бы объяснить проявленную им в 172 г. поспешность и отсутствие досады на него у Эвмена. Аттал III был человеком с расстроенной нервной системой, одновременно суетным и жестоким; он казнил многих выдающихся людей и конфисковал их имущество; впоследствии, может быть из-за угрызений совести, он жил в уединении, занимаясь скульптурой и изучением ядов. Он умер бездетным в 133 г., оставив знаменитое завещание, по которому он возвращал свободу Пергаму и, вероятно, вообще греческим городам своего царства. Аттал завещал свое царство Риму, т. е. отдавал ему царскую землю, казну и права царя Пергама по отношению к другим частям страны. О мотивах такого завещания можно догадываться: высказывалось предположение, что здесь играла роль не ненависть к наследнику, сводному брату Аристонику, но, что более вероятно, Аттал лишь считался с неизбежностью захвата Римом его царства. Рим принял завещание. Жители Пергама, опасаясь восстания рабов, многих из них отпустили на волю (стр. 160); но в 132 г. Аристоник поднял национальное восстание против Рима и объединился с рабами. Он легко разбил союзников Рима, правителей Понта, Вифинии, Каппадокии и Пафлагонии; и хотя Пергам не стал на его сторону, он добился больших успехов: совершил набег на Карию, осадил Кизик, вторгся на территорию Херсонеса и в начале 130 г. разгромил консула Красса. Но новый консул—М. Перперна—нанес ему поражение и запер его в Стратоникее. Аристоник был вынужден сдаться, был увезен в Рим и казнен. Но и на этом война не прекратилась;

в 129 г. консул М. Аквилий вел тяжелую борьбу в Карии и Мизии. Эта война вызывает интерес из-за теорий, которые Аристоник собирался претворить в жизнь (стр. 129).

Война освободила Рим от условий завещания Аттала III; он завоевал царство и в 130 г. из части его территорий образовал римскую провинцию Азию. Города, помогавшие Аристонику, стали «подданными» и были обложены налогами; но многие, подобно Милету, остались свободными и в то же время римскими союзниками. Следуя эллинистическим прецедентам, Рим на первых порах смягчил обложение; в дальнейшем оно было вновь введено на основании Семпрониева закона Гая Гракха. Положение отдельных городов, тем не менее, часто менялось в лучшую или худшую сторону; все стремились освободиться от римского обложения. Эти налоги сами по себе не были тягостными; такими их делал способ взимания. Вместо сбора их ответственными чиновниками они сдавались на откуп, т. е. сборщик (публикан) покупал право собирать налоги с какого-либо округа, и размеры сбора на практике определялись его алчностью; это была наихудшая из когда-либо придуманных систем, особенно если местный сборщик, как это часто случалось, был только агентом римского товарищества откупщиков. Однако вплоть до 88 г. алчность сборщиков в какой-то мере сдерживалась, и города, в особенности свободные, как правило, продолжали процветать.

В 88 г. началась борьба, предвещавшая падение эллинизма,—первая война между Римом и замечательным варваром, Митридатом Эвпатором Понтийским. Эти войны относятся к истории Рима; в данном случае можно отметить только их результат. Вокруг Митридата и его приближенных сконцентрировалась вся ненависть к Риму и римским публиканам. Когда в 88 г. он вторгся в провинцию Азию, к нему присоединились многие греческие города, а когда он приказал истребить всех «римлян», то ему охотно повиновались. Были города, которые, подобно Родосу, спасли римлян и свою честь, но в общем погибло много людей—согласно преданию, 80 или 150 тысяч, в большинстве безобидные купцы и их семьи. Полководец Митридата Архелай, помимо того, перебил 20 тыс. человек на Делосе и других островах. Даже в Греции Митридат нашел союзников—Ахайю, Лаконию, Беотию и, что особенно следует

отметить, афинскую демократию. В Афинах, где примерно в 103 г. произошел олигархический переворот, демократия стремилась вернуть себе власть; но сам город, безобидный, живший своим историческим прошлым, в течение поколений не решался вести войны, и его открытый переход на сторону Митридата так же красноречиво отражает ненависть, которую греки чувствовали к своим римским господам, как и избиение римлян в Азии. Афины отчаянно защищались во время осады города победителем Митридата, Суллой, и уже никогда вполне не оправились от последовавшего затем разгрома. В Азии изгнание Митридатом хиосцев заставило многие города отказаться от поддержки его дела, и он попытался вновь привлечь города на свою сторону, поощряя социальную революцию. Митридат объявил отмену долгов, равноправие метэков (чужеземцев, живущих в полисе и не имеющих политических прав) и освобождение рабов; он подражал Аристонику в его попытке использовать революцию как оружие в борьбе с Римом.

Во время Митридатовой войны достигла критической стадии реакция Азии против господства Запада, начавшаяся с Каппадокии и Парфии и продолженная Иудеей и Арменией; Рим, который сделал так много для ослабления и разрушения греко-македонских государств, в конечном счете был вынужден занять их место в качестве продолжателя и защитника греческой цивилизации на Востоке. Но эллинизм сначала должен был пройти стадию упадка и разрушения. Зажатые между Римом и Понтом и тяжело пострадавшие от обоих, Греция и Азия понесли огромный ущерб как от всяких военных налогов и связанных с войной убытков, так и от того, что Сулла разграбил храмы в Олимпии и других местах. Архелай разгромил Делос, а варварские сподвижники Митридата—Дельфы; киликийские пираты, оказывавшие Митридату помощь, усилили общее бедствие. Контрибуции Суллы в обеих странах отличались суровостью, как позднее контрибуции М. Антония Кретика в Критской войне. Во всех этих войнах греческие города должны были снабжать римские эскадры. И прежде чем стало возможным как-то оправиться, греческий Восток оказался безнадежно впутанным в римские гражданские войны.

Сама Греция не имела никаких шансов на улучшение своего положения; ее страдания достигли своего апогея,

когда Антоний сознательно решил настолько разрушить Пелопоннес, чтобы его ресурсы не могли быть использованы Секстом Помпеем. Целые округа обезлюдели: Фивы стали деревней, Мегалополь—пустошью, Мегара, Эгина, Пирей—грудами камней; в Лаконии и Эвбее отдельные лица завладели обширными пространствами, на которых иной раз пасли стада немногочисленные пастухи; Этолия, подобно Эпиру, была разорена навеки. Облегчение пришло только в 27 г., когда Август превратил страну в провинцию Ахайю. Два новых торговых города—Коринф Цезаря и Патры Августа—впоследствии еще процветали; Афины все еще были ведущим центром просвещения; Элида и Беотия в конце концов вновь добились некоторого материального расцвета, и Беотия сохранила еще достаточно жизненных сил, чтобы породить Плутарха; некоторые города частично оправились. Но в целом для Греции мир Августа пришел слишком поздно.

Как ни тяжело пострадала Малая Азия, ее судьба была иной, чем судьба Греции. Переходный период был очень тяжелым; многие города с 88 г. потеряли свою свободу; новое поколение публиканов притесняло население еще больше, чем старое. В то время как по некоторым греческим законам должника нельзя было закабалять, теперь иной раз должники не только захватывались, но и предавались пытке, а их дети продавались в рабство. Правители провинций вымогали крупные суммы. Цицерон рассказывает о затруднениях правителя, придерживающегося правил обычной честности. Некоторые города, растратившие свои храмовые фонды, были вынуждены занимать деньги под ростовщические проценты у римских банкиров. Одно время Лукулл обуздал ростовщичество, но в период гражданских войн оно вновь достигло полного расцвета. Ни один из соперничающих полководцев, за исключением Цезаря (который временно упразднил откуп налогов), не заботился ни о чем, кроме своего собственного успеха, и все они нуждались в деньгах; некоторые примеры практики вымогательства приведены в другом месте (стр. 119). Но крупные города не были фактически разрушены, а поэтому оказались слишком сильны и богаты, чтобы погибнуть; и как только вернулись времена устойчивого правления, они с лихвой восстановили свое благосостояние.

Другие страны Малой Азии попадали в руки Рима одна за другой, причем переход иногда прикрывался правлением царя-клиента. Фригия была присоединена к Риму в 116 г. В 74 г., подражая Атталу III, Никомед IV завещал Риму Вифинию, а после окончательного поражения Митридата Помпей превратил ее в провинцию вместе с частью Понта. В Галатии, где Митридат истребил бо́льшую часть знати, некий Дейотар объявил себя царем; в 36 г. его секретарь Аминта приобрел милость Антония и царство, которое он значительно расширил в южном направлении; в 25 г. он пал в битве с гомаденсами Тавра и его царство перешло к Риму. Другой из царей, поста́вленных Антонием,—Полемон—управлял Понтом от Ириса до Колхиды и основал династию; его царство было присоединено к Риму только в 63 г. н. э., а Каппадокия, последнее квази-независимое государство, —при Веспасиане. Август частично вернулся к системе Селевкидов (гл. IV). Много земли в эпоху республики стало считаться ager publicus*, и некоторые римляне захватили большие владения. Август превратил ее снова в землю императора, упразднил публиканов и стал собирать налоги через правительственных чиновников, как это делали Селевкиды.

Правление Селевкидов продолжалось после смерти Сидета еще 46 лет; но Коммагена и Эдесса были потеряны, и род Селевкидов стал местной династией в Северной Сирии. Династия эта распалась, как и сама страна, в результате непрерывных семейных ссор. Фраат отпустил на свободу Деметрия II еще до поражения Сидета; Деметрий вновь овладел Сирией и женился на своей прежней жене Клеопатре Тее, которая к этому времени родила Сидету пятерых детей. Но эта женщина терпеть не могла бездарного Деметрия, не выдерживавшего сравнения с братом, и когда претендующий на престол Александр Забина разбил его, она, очевидно, помогала ему найти спасение в бегстве. Теперь Клеопатра решила удержать власть в собственных руках. Когда ее старший сын от Деметрия захватил трон, она отравила сына; позднее она

* Ager publicus—«общественное поле»; так назывался государственный земельный фонд в древнем Риме. По мере роста римской рабовладельческой державы значительная часть земель завоеванных стран также была объявлена ager publicus. (*Прим. ред.*)

сделала своим соправителем второго сына, Антиоха VIII Грипа, который избежал участи брата тем, что убил мать. Последовала продолжительная гражданская война между Грипом и сыном Сидета, Антиохом IX Кизилским, и их потомками; крупные города соблюдали собственные интересы, мелкие тираны и арабские вожди основывали в стране свои княжества, итурейцы Ливана совершали набеги на все пункты, какие им были нужны, а наступающие набатеи на некоторое время овладели даже Дамаском. В 83 г. Тигран, объединивший всю Армению, завоевал бо́льшую часть страны и покончил с правлением Селевкидов; несмотря на свою непопулярность, он все же наладил управление, но после его разгрома Лукуллом в стране воцарилась полная анархия, и для эллинистической Северной Сирии, подвергшейся таким жестоким испытаниям, было благом, что в 64 г. Помпей превратил страну в римскую провинцию.

Хотя ни один царь Египта после смерти Эвергета не был ни в какой мере выдающимся правителем, страна была еще производительной и богатой и таила в себе значительные запасы сил, что доказывается продолжающимися исследованиями и ее расширением в южном направлении (гл. VII). Вдова Эвергета Клеопатра III и ее сыновья, бесцветный Птолемей VIII, Сотер II и Птолемей IX (Александр), правили Египтом и Кипром в различных комбинациях до 81 или 80 г. Кирену Эвергет оставил своему незаконному сыну Птолемею Аполлону, который в 96 г. завещал страну Риму. Со смертью дочери Латира в 80 г. прекратилась законная династия, но александрийцы провозгласили царем незаконного сына Латира под именем Птолемея XI Неоса Диониса, прозванного Авлетом, т. е. «флейтистом». Согласно преданию, это был порочный дилетант типа Нерона, который, благодаря тому, что он всячески угождал Риму, потеряв в 58 г. Кипр, правил до 51 г. Ему совместно наследовали двое его детей—юный Птолемей XII и его старшая сестра Клеопатра. Мальчик-царь и население Александрии вели успешную борьбу с Цезарем и едва не положили конец его карьере; но совершенно особым блеском озарила падение династии Птолемеев Клеопатра. О ней было много написано, но все это не дает реального представления о женщине, которая, несмотря на ее преступления и недостатки, все-таки была настолько

крупной фигурой, чтобы внушать страх Риму, и которая, обладая бесстрашием и честолюбием, имела что-то в характере, напоминающее Александра. О Клеопатре ходили пророчества, что она сокрушит Рим, восстановит его вновь и откроет золотой век, когда долгая борьба между Европой и Азией закончится их примирением и царством справедливости и любви. Она стремилась стать императрицей римского мира; если бы Цезарь продолжал жить, может быть, она и стала бы ею, но он умер, и она была вынуждена довольствоваться Антонием, как лучшим после него. Она в конце концов добилась того, что он решил поддержать ее смелый план—попытаться завоевать Рим силами самих римлян, но было уже слишком поздно. Поражение флота Антония при Акциуме (31 г.) развеяло ее грезы об империи, и с ее самоубийством в следующем году фактически прекратилась последняя линия македонских государей. Престол Птолемеев был занят Августом[23].

Глава II

МОНАРХИЯ, ГОРОД-ГОСУДАРСТВО И СОЮЗ ГОРОДОВ

Древняя македонская монархия сохранила некоторые характерные черты героической монархии, известной нам по Гомеру и тевтонским сагам[1]. Царь, божественного происхождения, с подвластными ему князьями и равными ему соплеменниками управлял национальным* государством, требуя верности как патриотического, так и личного характера. «Гетайры» Александра были последним остатком царской свиты греческого периода, старинные узы—идея рода—еще не вполне в это время умерли[2].

Сохранилось прежнее собрание вооруженных свободных мужчин—войска, и оно упорно держалось за свои права; в Македонии эти права, возможно, были древнее самой монархии, которая была не абсолютной, а ограниченной правами армии; ее даже называли квази-конституционной[3]. Царь не мог назначить своего преемника: после его смерти корона переходила к войску, которое выбирало нового царя; естественно, что обычно преемником был старший сын, но это не было обязательным. Если царь был ребенком, только войско могло назначить регента или опекуна. В процессах по делам об измене, в которых сам царь был одной из сторон, государство представлялось войском, которое выслушивало дело и выносило приговор. Так как армия выбирала царя, то она могла и низложить его, хотя при сильном царе использование этого права могло повлечь за собой переход войск к неприятелю. Но войско не имело никакого голоса в вопросах политики; если ему нужно было в эти вопросы вмешаться, воины могли только стать на путь мятежа, что иной раз и случалось[4].

Войско полностью представляло народ в том смысле,

---

* Нация в понимании Тарна—племя или народность. (*Прим. ред.*)
** «Гетайры»—друзья, приближенные, свита. (*Прим. ред.*)

что в нем служили все свободные македоняне; государство воплощалось в царе, хотя он и подчинялся указанным выше привилегиям войска, и только царь представлял Македонию во внешних сношениях. Таким образом, Александр занимал в Коринфском союзе двойственное положение, которое не всеми верно понималось: союз состоял из греческих государств и Александра, который официально олицетворял македонское государство, но в то же время Александр как человек, царь Македонии, был лично председателем союза. Это положение продолжалось до Антигона Досона, который превратил македонский народ в «Государство македонян»[5]—и тем самым сделал народ частью государства, которое официально называлось не «царь Антигон», а «царь Антигон и македоняне»[6]. Это была только внешняя форма, и она не давала народу никаких широких прав; на деле Филипп V правил иногда с бóльшим произволом, чем какой-либо другой македонский царь.

Завоевание Македонией Египта и Азии поставило новые проблемы. Во время войн диадохов македоняне во всех армиях удерживали свои привилегии, но, вероятно, утеряли их после 300 г., так как македоняне стали только незначительным меньшинством в смешанных армиях наемников. Абсолютные монархии Селевкидов и Птолемеев лишены каких-либо конституционных черт, свойственных Македонии, если не считать права подавать царю петиции, которое было известно в Египте[7]. Если при поздних Птолемеях иногда в государственные дела вмешивалось войско, то это считалось вмешательством преторианской гвардии, и оно не имело ничего общего с древней македонской конституцией: на деле в войско вряд ли входил хотя бы один свободно рожденный македонянин. Если Македония создала монархии Селевкидов и Птолемеев, то тем, чем они стали, их сделали Азия и Египет: их цари были абсолютными монархами, так же как Дарий I или Тутмос III. Селевкиды и Птолемеи не были национальными правителями, и в их царствах не существовало никакого общеимперского гражданства, как это было в римском государстве. Единственным оправданием этих двух династий было то, что только абсолютная монархия, стоящая над греками и жителями Востока, имела шансы объединить Восток и Запад. Это

было в конце концов принято Римом, потому что республика не справилась с управлением эллинистическими странами. Селевкиды и Птолемеи часто делали наследника престола соправителем отца при жизни последнего; в среде Птолемеев были довольно обычны убийства по династическим мотивам, которые в течение более чем столетия позволяли избежать гражданских войн.

Однако каждый царь испытывал влияние греческих идей и желал иметь для своего правления какую-либо базу, помимо прав завоевателя. В Азии и Египте эта база была найдена в идее божественности царя[8], но при рассмотрении этой идеи почитание царей греческими городами следует отличать от официальных культов, установленных самими царями. Обожествление Александра[9] при его жизни не было официальным культом: оно было только политической мерой, ограниченной греческим миром, который обожествил его. Александр желал этого для того, чтобы получить опору и некоторый авторитет у греческих городов, являвшихся его свободными союзниками, в среде которых он, как царь, не мог иными путями найти себе прочное место. Задолго до Александра некоторые греки провозглашались богами и им при жизни воздавались религиозные почести[10]; и когда города качали воздавать эти почести диадохам, они, как и Александр, находили в этом политическую выгоду. Антигон I[11], Деметрий I[12] Лисимах[13], Селевк I[14], Птолемей I[15], даже Кассандр[16],—всем им воздавались религиозные почести в различных городах, но никто из них не стал официально, при жизни, богом в собственном царстве. Три грека в Египте, избежав какой-то опасности, воздали почести Птолемею I и его супруге Беренике как «богам-спасителям»[17], но это еще не означает официального обожествления. Александру поклонялись в Александрии как основателю города[18], но такие культы и ранее были обычны. После смерти Александра ему поклонялись Эвмен и македонская армия[19] и, возможно, судя по монетам, был введен его официальный культ в царстве Лисимаха (не в Македонии). Но прецедентом для древнего мира послужил только официальный культ великого македонянина, учрежденный Птолемеем I, вероятно, вскоре после его воцарения в 305 г. Немного позднее, в 280 г., Птолемей II устроил в Александрии празднество рели-

гиозного характера в честь своего отца, Птолемея I[20], а еще позже Антиох I обожествил Селевка в качестве Зевса Никатора[21]; тем самым установился на будущее время принцип, согласно которому цари, подобно Александру, после смерти официально становились богами.

Окончательное обожествление царя оформилось при Птолемее II; его сестра и супруга, Арсиноя II, была официально обожествлена еще при жизни как богиня Филадельфа[22], а вместе с ней и Птолемей II (который никогда не называется Филадельфом) стал официально, при жизни, богом, получая почести совместно с нею и отдельно[23]. После его смерти каждый очередной Птолемей—это разумелось само собой—официально становился при жизни богом и занимал свое место в официальном культе. Первое место в этом культе занимал Александр; жреческие обязанности в культе Александра выполняли виднейшие люди страны; но вслед за его именем шел список обожествленных царей и их супруг под их культовыми именами—боги Адельфи (Птолемей II и АрсинояII), боги Эвергеты, боги Филопаторы и т. д. В конечном счете Птолемей I и Береника заняли свое место в списке сейчас же после Александра в качестве богов Сотеров; вероятно при Птолемее IV Арсиноя II также имела особую жрицу для своего культа, как позднее Береника, жена Птолемея III, и Арсиноя, жена Птолемея IV. Из Селевкидов, возможно, при жизни стал официально богом Антиох II, хотя это не вполне достоверно[24]; но, вероятно, со времени его царствования устанавливается официальный культ династии, включая и здравствующего царя, во всех главных городах сатрапий, но с местными вариантами формы[25]. Для обеих династий были придуманы божественные родословные. Селевкиды происходили якобы от Аполлона[26], а Птолемеи—от Геракла и Диониса[27]. Правители Пергама, хотя они, после того как Аттал I стал царем, почитались в различных городах при жизни и официально обожествлялись лишь после смерти, никогда официально не становились богами при жизни и потому не могли говорить, что их власть является следствием того, что они—боги[28].

По-другому было в Македонии. Она была национальной монархией, а Антигониды не были царями-завоевателями, выбирались армией, как национальные цари, в конституционном порядке. Не было и речи об официальном культе этих царей, и ни один Антигонид никогда не был для македонян богом, хотя он мог обожествляться в греческих городах или в таких городах Македонии, которые сохранили свой греческий характер: так, Деметрий I почитался в Афинах, Эвбее, Сикионе и в других местах, Антигон Досон—в Сикионе, Гистиее и Лаконии[29], Филипп V—в Амфиполе[30], Кассандр и Лисимах в Кассандрии. Один царь—Антигон Гонат—и в этом случае был исключением и, очевидно, никем и нигде не обожествлялся[31]. Его стоическое воспитание и взгляды, повидимому, заставляли его смотреть на такой культ, как на нечто постыдное, и он, может быть, унаследовал это чувство от своего деда Антипатра—македонянина старого закала, который в свое время отказался воздавать почести Александру, как богу. Сам Гонат предпочитал искать теоретическую базу своей власти в удовлетворении требований философии, и его знаменитое определение царской власти как «благородного рабства» показывает, что в его глазах эта база представляла собой долг службы: царь должен быть слугой своего народа.

Каков был смысл обожествления царей? Вендланд назвал его «политической религией», и это определение отражает истину, если только ставить логическое ударение на первом слове, потому что оно не имеет ничего общего с религиозным чувством. С точки зрения царя, обожествление было политической мерой, которая создавала ему почву в греческих городах и обеспечивала постоянство и законную силу его действиям и после смерти. Эта мера стала возможной благодаря распространению неверия в богов в образованных кругах общества, так как олимпийская религия духовно умерла и к моменту установления культа царей ничто еще не заняло ее места. Говорить лишь о высокомерии этих царей—значит просто не понимать положения: ни один царь никогда на самом деле не считал себя богом, и никто (за исключением Антиоха Эпифана) не придавал большого значения своему культу. Антипатр в более раннее время считал культ царя кощунственным[3]; но в третьем веке люди посмеялись бы над такой мыслью, хотя Гонат, вероятно, считал обожествление просто глупостью. Ведь в представлении людей обычного, среднего уровня, чем, собственно говоря, были

боги? У двух наиболее популярных в это время богов—Аполлона и Диониса—были смертные матери, как у Александра или Птолемея; другие, подобно Асклепию, были людьми, и всем была хорошо известна теория Эвгемера, что некогда все боги были людьми. Правда, они бессмертны. Но разве фактически не был бессмертен и Александр, дух которого все еще вдохновлял мир? Олимпийцы не давали ни личного спасения, ни надежды на бессмертие, они давали очень мало духовной пищи и были, по большей части, весьма непригодны в качестве хранителей высшей морали. Их почитателям приходилось слишком многое принимать на веру: можно было верить в мощь и величие Зевса, но можно было также созерцать мощь и величие Птолемея. Местный бог не мог кормить народ во время голода, а царь мог. Может быть, Дионис спас Темисоний от галлов; но, несомненно, Антиох I спас всю Малую Азию. Аполлон не мог помочь хозяйственным руководителям Делосского храма вытребовать долги с островов, а когда они попросили Птолемея, он послал наварха, и тот сразу добился этого[33]. Разве не обладал царь мощью, которой не было у бога? По крайней мере, так казалось людям. Популярная песня, в которой афиняне призывали на помощь Деметрия против Этолии, звучала так[34]: «Других богов нет, либо они далеко, либо они не слышат, либо не обращают на нас внимания; но ты здесь, и мы можем тебя видеть не в дереве или камне, но в живом виде».

Вот почему у рядового человека существовал культ царя; и самые культовые имена первых царей: Сотер, т. е. Спаситель, Эвергет, т. е. Благодетель, выражают тот факт, что им поклонялись за их действия. Афины поклонялись Деметрию, потому что он спас их от Кассандра, Родос и острова поклонялись Птолемею I, потому что он спас их от Деметрия, Иония поклонялась Антиоху I, потому что он спас ее от галлов, а Милет—Антиоху II, потому что он сверг тирана[35]; типичной функцией царской власти была филантропия, т. е. помощь подданным[36]. Надо вспомнить, что этот культ не ограничивался царями, а распространялся и на частных благодетелей[37], как, например, на Диогена, помогшего Афинам освободиться в 229 г. и почитавшегося наряду с Птолемеем III[38], и на Диодора, жреца Зевса в Пергаме[39], которому при жизни был воз-

двигнут и роскошно освящен храм в Филетерии за спасение Пергама от смут после 133 г. В то же время афинские эфебы начали приносить жертвы вообще «благодетелям» города[40]. В Ахейском союзе Арату и Филопемену стали воздавать религиозные почести после смерти[41]: посмертный культ людей как героев был обычным явлением, гораздо более древним, чем самый эллинизм.

Кроме имен «Спасителя» и «Благодетеля», бо́льшая часть царских культовых имен отражала семейные отношения—Филадельф, Филопатор, Филометор; совсем на другую почву стал один из царей, приняв имя Эпифана[42],—«открывшегося людям бога». Впервые это имя было дано Птолемею V, вероятно в связи с совершеннолетием[43] в 197 г. Так как тогда он был лишь двенадцатилетним мальчиком и, может быть, первым представителем династии, коронованным жрецами по египетскому ритуалу, то этот титул, тождественный титулу в египетском тексте Розеттского камня—«появляющийся», точно соответствующий смыслу слова Эпифан, мог быть дан ему египетскими жрецами, для которых мальчик реально был богом солнца, появившимся на земле; политические события этого времени не дают нам ключа к пониманию этого вопроса[44]. Но этот титул получил особое значение в руках второго своего носителя—Антиоха IV Эпифана, который, может быть, был единственным монархом, принимавшим всерьез свою божественность. Но, несомненно, мотивы, которыми он руководствовался, были в основном политическими: он видел, что для того чтобы противостоять Риму, его царство должно стать единым по культуре и иметь общий культ[45], а это можно было сделать только на основе греческой культуры и культа. И совершенно так же, как он часто превращал местные города в полисы с греческими формами правления, так и в культе своей особы, как проявлении образа Зевса, он, возможно, видел средство для достижения единства. Антиох IV был первым из Селевкидов, запечатлевшим свое культовое имя и божественный титул на своих монетах. В более позднее время все культовые имена потеряли всякое особое значение, и даже имя «Эпифан» означало уже не больше, чем в позднейшее время «христианнейший» государь.

Когда Рим постепенно стал играть ведущую роль в эллинистической политике, греческие города стали

переносить элементы культа царей на римские божества и почитать его полководцев. «Богиня Рома» —олицетворение всего римского—почиталась в Смирне в 195 г., а в Алабанде в 170 г.[46], в обоих случаях в благодарность за «спасение»—помощь против Антиоха III; после организации провинции Азии этот культ мы находим в Милете, Элее и других местах[47]. Культ богини Ромы создавал Риму то же положение в свободных греческих полисах, каким обладали обожествленные цари. К нему присоединялось почитание римских «благодетелей»—Фламинина, победителя Филиппа V в Халкиде[48], и М. Аквилия, установившего порядок в Азии, в Пергаме[49]. В первом веке до н. э. римские правители провинций почитались все без разбора, и у Цицерона было много хлопот, чтобы не допустить такого культа по отношению к себе самому[50]. Конечно, в этом сказывалась только боязливая угодливость, потому что правители мало что приносили населению, кроме вреда. Кульминационным ее пунктом явился культ Цезаря в Эфесе как воплощенного бога[51]. В конце концов все эти культы растворились в официальных провинциальных культах Рима и Августа.

Некоторые черты были характерны для всех царств эпохи эллинизма: государство воплощалось в царе, министры и чиновники были только его слугами, которых он назначал или смещал по своему произволу; его совет «друзей» был чисто совещательным органом[52]. Царь был источником права[53]; чиновники действовали на основании инструкций, изложенных для них в его указах, но он давал любые толкования инструкции, какие ему было угодно. Для редакции указов существовал департамент секретарей[54], и один из них вел официальный журнал[55], ежедневно проверяемый царем, рассказывающий о важнейших военных и политических событиях; благодаря этим журналам и указам возник канцелярский язык, влияние которого можно заметить у Полибия. Провинции в их внутренних и внешних отношениях обычно управлялись стратегами—губернаторами, обладающими военной властью, хотя Антигониды никогда не применяли этой системы в собственно Македонии и Фессалии и очень осторожно—в Греции; у Птолемеев и Селевкидов[56] был также главнокомандующий флотом (наварх), и египетский наварх при Птолемее II был одним из ближайших помощников царя[57]. Но система делегации власти была мало эффективна, и та работа, которая падала на плечи добросовестного монарха— военная, административная, юридическая, торговая, даже попросту письменная,—была обременительной; явная слабость, проявлявшаяся в конце жизни ранее энергичных царей, несомненно, объясняется тем, что они были утомлены этой непосильной деятельностью.

Поскольку в Македонии после смерти царя корона находилась в руках армии, пока она не назначала нового царя, государство со смертью каждого царя как бы временно прекращало свое существование, и все договоры, заключенные покойным царем или с ним, а также сделанные им пожалования теряли силу, если их не возобновлял его преемник[58]. Новый царь обычно возобновлял действие грамот при условии, если будет внесено вознаграждение для продления договора, и скверные результаты этой системы сказались в действиях Этолии, когда ее договоры о нейтралитете, заключенные с Гонатом и Досоном, потеряли силу в связи с их смертью. Наоборот, акты Селевкида или Птолемея, бывших богами, должны были иметь силу и после их смерти; но эти цари, тем не менее, придерживались теории, что пожалования становятся недействительными с каждой сменой короны, в целях взимания коронного сбора.

Цари имели в своем распоряжении обычный придворный аппарат и особое военное учреждение, постоянное со времени Александра,—«агему» или гвардию: корпус царских пажей—знатных мальчиков, обучаемых для выполнения разных поручений, и офицеров, составлявших личную гвардию царя. Гвардейцы Александра были его штабом; но во втором веке этот термин, так же как и термин «гетайры» и родичи, стал только придворным титулом, жалуемым царем в определенной последовательности, причем титул «родичей» был наивысшим[59]. Внешним выражением царской власти была диадема—повязка из белого полотна вокруг головы; цари иногда жаловали другим лицам, чиновникам или актерам, право носить пурпур македонских царей[60].

Армия и флот принадлежали царю. В это время на море шло соревнование в постройке больших военных кораблей, начавшееся в 314 г. с изобретения в Финикии,

может быть Деметрием, гептеры—галеры, двигательная мощь которой по сравнению с квинкверемой может быть выражена отношением 7 : 5 и которая доказала свою ценность в битве при Саламине в 306 г. Когда Деметрий потерял господство на море в 285 г., его флагманский корабль, который Птолемей I, возможно, передал Делосу[61], достигал уже отношения 15 : 5. Птолемей II построил на Кипре два судна, коэфициенты которых были 20 : 5 и 30 : 5, и наградил их конструктора Пирготела[62]; у Птолемея IV был корабль с коэфициентом 40 : 5, с двойными носом и кормой[63]. В связи с военными действиями часто упоминаются корабли с коэфициентом 8 : 5, 9 : 5 и 10 : 5; флагманский корабль Деметрия действовал очень эффективно; другим знаменитым судном был флагманский корабль Антигона Гоната «Истмия», который был посвящен богу на Делосе после победы у Коса,—тяжелый корабль, возможно, имевший три палубы и снаряженный первоначально для бортового боя[64]; но мы не можем сказать, каково было крупнейшее судно из тех, которые действительно участвовали в бою, так как остались неизвестными все детали битв между Гонатом и египетским флотом. Вполне вероятно, что коэфициенты до 10 : 5 означают количество гребцов у каждой уключины, соответственно пяти на квинквереме[65]; но что означает коэфициент 30 : 5 или 40 : 5, до сих пор остается неясным. В начале третьего столетия мы встречаем две определенные теории морского боя; в очень грубых чертах это: 1) афинско-финикийская традиция действий быстроходных кораблей с техникой использования тарана, которая была принята Карфагеном, Родосом и, вероятно, Египтом (в руках которого была Финикия), и 2) коринфско-сиракузская традиция использования более тяжелых кораблей, прибегающих к абордажу и бортовому бою, принятая Македонией и Римом. Во втором веке стандартные квадриремы и квинкверемы все еще употреблялись в Эгейском море, но более крупные суда выходили из употребления, что объясняется, возможно, тем, что на крупные суда тратились бóльшие средства и человеческие силы, а не тем, что они были непригодны для боя. В 201 г. Филипп V произвел во флоте изменения, последовательно вводя в строй легкие иллирийские галеры «лембы»[66], являвшиеся предшественницами римских либурнийских

галер. Крупные эллинистические корабли еще существовали в Египте, и Антоний некоторое время употреблял их; но Рим никогда не вводил их в свой флот, и возвращение империи к триремам и либурнийским судам закончило несколько необычную главу истории морского дела.

Сухопутный бой[67] получил иной характер благодаря использованию Александром тяжелой кавалерии, и от Исса в 333 г. до Селласии в 222 г. ведущую роль играла конница. Александр был мастером комбинирования разных родов оружия—тяжелой и легкой пехоты различных типов, тяжелой и легкой кавалерии; его диадохи сохранили все эти методы ведения сражений, прибавив боевых слонов, которыми сам Александр никогда в бою не пользовался. Пока продолжалось его влияние, типичной формой боевого построения была фаланга, с тяжелой пехотой в центре, легко вооруженными пехотинцами и кавалерией на флангах; кавалерия начинала, а иногда и заканчивала бой, и бывали сражения, в которых тяжелая пехота совсем не принимала участия. В течение столетия после смерти Александра война в значительной мере велась силами наемников, набираемых среди всех народов Европы и Азии; после 278 г. в большой моде были галльские наемники, так как они были храбры, а вначале и дешевы. Цари охотно использовали наемников, так как благодаря этому они могли щадить свои национальные войска, составляющие фалангу. Наемники редко бились на смерть, и война часто приводила к тому, что наемников врага принуждали к сдаче, а потом сами вербовали их в свою армию. Но с 222 г. способы ведения войны начали меняться, и фаланга, национальный македонский военный строй, снова стала выступать на первый план: битвы при Селласии в 222 г. и Рафии в 217 г. были решены столкновением национальных фаланг, которые бились, как бьются люди, когда задето их национальное чувство. Для Македонии было несчастием, что, когда она столкнулась с Римом, методы ведения войны Александра уже были забыты. Фаланга Александра была активной и гибкой боевой единицей, состоящей из многочисленных отрядов; их копья своей длиной напоминали кавалерийские пики[68]; огромной заботой при этом была охрана флангов, и не раз ряды приходили в расстройство из-за невоз-

можности удержать линию боя. Но в битве при Киноскефалах Филипп V использовал фалангу, ставшую жесткой и негибкой, вследствие веса удлиненных копий[69], причем все было принесено в жертву, лишь бы иметь как можно больше остреев копья перед первым рядом фронта, и совершенно без внимания была оставлена жизненная необходимость иметь очень сильные фланговые заслоны. Конечно, едва ли фаланга имела серьезные шансы на победу при Киноскефалах или Пидне, так как обе битвы с самого начала велись неправильно; но, несомненно, в подходящих для нее условиях—на ровной почве и при непроницаемой охране флангов—она разбила бы римские легионы и любую другую армию. Но такие условия встречались редко, а в борьбе с Римом просто никогда не встречались, и решающее значение имела способность легиона хорошо драться почти при всех условиях. Фаланга, подобно динозаврам, погибла от крайней специализации.

Век гигантских военных кораблей на море был веком боевых слонов на суше: все полководцы Александра, под впечатлением отчаянной битвы с Пором, высоко оценили боевые качества слонов, и можно еще проследить между 324 и 275 гг. прибытие из Индии отдельных их партий. Около 275 г. Птолемей II начал охотиться за африканскими слонами[70]; его единственное посольство к Виндусаре из династии Маурья[71], несомненно, имело задачей добыть индийских дрессировщиков и погонщиков. Известно, что в государстве Птолемеев дрессировали африканских слонов до второго века. Но именно Селевкиды были настоящими «владыками слонов»: в битве при Ипсе 480 слонов обеспечили Селевку овладение Азией, и когда в 163 г. Рим старался разоружить династию, народ более всего раздражило истребление слонов. Слоны были страшны для воинов, которые никогда с ними не встречались, они скоро теряли боевое значение в битве с опытной пехотой, зато часто были полезны в действиях против конницы. Однажды, в битве при Рафии, встретились индийские и африканские слоны, и африканские были разбиты; но из этого нельзя делать никаких выводов, потому что африканских слонов было гораздо меньше.

О системе управления в царствах Азии и Египта будет рассказано в другом месте; здесь можно сказать несколько слов о Македонии при Антигонидах[72]. Это национальное

государство сохраняло свою мощь до самого конца; эта мощь покоилась на национальной армии, а наемниками пользовались только для того, чтобы, по возможности, щадить македонян. Придворная жизнь здесь была проще, чем в других государствах, накопление богатств относительно меньше: поземельный налог давал немногим более 200 талантов в год, и трон, до последних лет правления Филиппа V, был занят царями, обладавшими высокими достоинствами; семейная верность у македонских царей вошла в поговорку, и династия не знала убийств до Филиппа V; для той эпохи характерен интерес Гоната к философии и истории и то, что он собрал вокруг себя кружок ученых. Пелла снова стала столицей; не было сделано попытки выстроить город, который стал бы соперником Александрии или Антиохии. Вероятно, в самой Македонии не было никакой царской земли, и македонский крестьянин был собственником своего надела; но в завоеванных округах, например в Халкидике и Пеонии, земля переходила к государству, т. е. к царю. Антигониды использовали царскую землю в значительной степени так же, как и Селевкиды (гл. IV): они давали поместья знатным и клеры (κλῆροι) обычного типа военным поселенцам и отставным наемникам; но, кажется, они никогда не давали земли в полную собственность, как это часто делали Селевкиды, а удерживали за собой право возврата земли в казну. Оставшаяся от раздач царская земля обрабатывалась держателями; цари были собственниками рудников и лесов.

Македония, по крайней мере ее высший класс, в течение третьего века была полностью эллинизирована: македонский диалект был вытеснен или аттическим греческим, или «койне» («общей речью»), а местный пантеон[73]—олимпийцами. Несмотря на свое смешение с другими этническими элементами, македоняне стали теперь единым народом, способным ассимилировать чужеземных поселенцев; и страна стала только еще одной, новой областью греческого мира, правда более мощной, чем все другие, хотя она уже никогда более не набирала таких армий, как в четвертом веке. Население греческих прибрежных городов теперь называло себя македонянами[74]. Пелла и, несомненно, другие старинные македонские города стали автономными и имели учреждения греческого

полиса. Антигониды построили несколько городов, имевших небольшое значение, но главные новые города в стране были основаны Кассандром: Фессалоника (Салоника) и Кассандрия на месте Потидеи. Это были греческие города с греческой организацией, и жители Кассандрии никогда не называли себя македонянами. Македония казалась странной в глазах греков, потому что в стране не было религиозного центра, а население состояло из убежденных сторонников монархии; дом Антигонидов, благодаря Гонату, в такой степени пользовался привязанностью народа, что династия пала только вследствие подавляющей мощи внешнего врага. Но сколько великих людей ни породила Македония, может быть, величайшим достижением небольшой страны был простой македонский крестьянин, свободный, лойяльный и одинаково умелый и в мирное и в военное время. Македония пала в борьбе с Римом просто потому, что македонян было очень мало.

Что же касается существовавших ранее греческих полисов, то период эллинизма является для них как бы переходным между свободными полисами и муниципиями Римской империи. В начале периода велась борьба между двумя теориями о том, каковы должны быть отношения между монархией и полисом. Александр рассматривал греческие полисы как свободных союзников, Антипатр видел в их жителях подданных, ставил в городах по своему произволу гарнизоны, поддерживал власть олигархов или тиранов, стоявших на его стороне, и борьба этих противоположных направлений политики затянулась надолго[75]. Кассандр, Лисимах, Птолемеи и Атталиды—все в основном следовали Антипатру и трактовали полисы как подданных. Антигон I воскресил методы Александра как политическое оружие в борьбе против Кассандра и в течение ряда лет фактически обращался с полисами как со свободными; но позже он начал вмешиваться в их дела, а в конечном счете стал ставить свои гарнизоны там, где ему хотелось. Деметрий следовал тому же курсу, начав политикой признания свободы и кончив подчинением[76]; он и Лисимах[77] ввели нечто новое—обложение, вероятно развившееся из номинально свободных военных «контрибуций», взимавшихся Александром и Антигоном I с союзных городов. Гонат использовал и ту и другую системы

в зависимости от обстоятельств; Досон открыто вернулся к политике Александра. При Селевке и Антиохе I города были подданными-союзниками[78] и, вероятно, облагались налогом[79]; возвращение свободы Ионии Антиохом II было поворотным пунктом[80]. Может быть, в целом преобладала тенденция рассматривать полисы в качестве подданных, но она чередовалась с упорными попытками возвращения к политике свободных союзов Александра; однако вопрос в огромной степени осложняется всякого рода вариантами и исключениями, и, конечно, были города и (в Греции) страны, которые никогда не были связаны ни с какой монархией. Свободный союз не давал еще безусловной свободы, так как внешняя политика определялась более могучим союзником; но зато он обеспечивал полную внутреннюю автономию. С течением времени обложение все более становилось признаком подчинения, а отсутствие обложения—признаком свободы; и методы Антипатра уступили место управлению царских эпистатов, или правителей городов; в хороших руках эта система не обязательно приводила к насилию. Другой метод, применявшийся при случае, состоял в том, что царь назначал одного или нескольких главных магистратов, как Атталиды в Пергаме[81], Птолемей I в Кирене[82] и, вероятно, позднейшие Птолемеи в Птолемаиде в Египте[83]; Гонат поступал так с Афинами с 261 до 255 г.[84], и это был, может быть, единственный случай такого рода управления в самой Греции.

В качестве примера сложности этого вопроса можно взять царствование Гоната. Древней Македонией[85] и Фессалией (стр. 82) он управлял непосредственно; их города находились под управлением городских правителей, но их собрания не контролировались. Халкидикой от его имени управлял военный наместник. Фессалоника имела своего городского правителя, который контролировал собрание[86], но Кассандрия была, вероятно, вполне автономной. В Греции городские собрания никогда не контролировались, но в Коринфе, Халкиде и Пирее стояли гарнизоны, и они, вместе с Мегарой и Эвбеей, находились под военным управлением. Афины, хотя и управлялись друзьями царя, афинскими сторонниками Македонии, были вначале в такой мере свободны, что мы не можем даже сказать, зависели ли они от Гоната как своего

суверена; в период с 261 до 255 г. в городе были гарнизон и эпистат[87], и Гонат назначал магистратов; после 255 г. Афины стали снова свободны, гарнизон был выведен, но Гонат получил тогда, несомненно, власть над ними[88]. Аргос, Мегалополь и, может быть, другие города Пелопоннеса управлялись в его интересах его сторонниками, захватившими власть в качестве тиранов; остальная Греция не была с ним связана и жила свободно. Такого рода ситуацию нельзя резюмировать какими-либо общими фразами о том, что Греция находилась в подчиненном положении. Она отражала сложную борьбу противоположных сил, как это всегда являлось характерным для Греции. Отличительной чертой эллинизма было то, что некоторые полисы, как, например, Коринф, имели теперь мало шансов на сохранение свободы. Но говоря о свободе, надо вспомнить, что греки слишком часто понимали под ней только свободу истреблять друг друга, и удерживать их от этого мог только царь или союз. Когда в 217 г. Агелай воззвал к греческому единству против Рима, одним из указанных им мотивов было право беспрепятственно воевать друг с другом; и даже в конце периода эллинизма независимый Византий фактически уничтожил Каллатис—самый цветущий греческий полис западной части Эвксинского Понта[89]. Даже федерализм не был в состоянии подавить этот дух партикуляризма, бывший проклятием Греции.

Внешне конституция самоуправляющегося греческого полиса в III веке выглядела во многом совершенно так же, как и в классическую эпоху: полис имел свое собрание, совет и магистратов, юрисдикцию над своими гражданами, свои расстроенные финансы и междоусобицы. В северной Греции происходило даже постоянное увеличение числа автономных полисов, особенно в Этолии. Но на деле многое изменялось в силу того основного факта, что действительная политическая жизнь города, которая охватывала собой все и всех, потеряла свое прежнее значение и интерес (гл. III). За время второй четверти III века олигархия и демократия как политические теории борющихся групп населения отмерли; реальная линия раскола приняла другое направление. В Азии можно было стоять за Селевкида или за Птолемея, в каком-либо городе выступать за партию царя или за национальные интересы, но часто враждовали просто богатые и бедные—нездоровый признак, так как в старинные демократические партии часто входили и те и другие. Народные собрания теряли значение; иногда власть переходила к совету, но часто она оказывалась в руках коллегии магистратов. Растущее значение последних иллюстрируется тем, что когда город заключал договор или вступал в союз городов, он часто менял свою магистратуру в соответствии с магистратурой городского союза или союзника[90]. Заметно растет значение двух магистратур—агоранома, который наблюдал за снабжением хлебом, и гимнасиарха, надзиравшего за воспитанием. В некоторых городах Азии жрец—стефанофор, по имени которого обозначался год, становился главным магистратом[91]; такую должность мог отправлять только богатый, потому что в обязанности стефанофора входило и увеселение граждан[92]. Эта должность продавалась, и город, таким образом, получал двойную выгоду. Искренноть гражданского патриотизма даже в поздний период проявлялась в том, что все еще находились люди, готовые платить за привилегию продолжать брать на себя новые расходы. Правда, во времена смут иной раз не находилось покупателя, и тогда сам местный храм выкупал должность и давал название году. Со II века жреческие должности тоже регулярно продавались[93], и их исполнение влекло за собой расходы, но в этом случае покупатель получал некоторое возмещение: он мог избежать бремени гимнасиархии или триерархии т. е. обязанности платить деньги и организовать хоры для праздников, а в Милете в I веке жрец римского народа даже получал огромное жалование[94]. Гимнасиарху и агораному тоже приходилось иногда самим тратить большие средства. Результатом указанных выше изменений было то, что в конце концов бедный человек не мог занимать какую-либо городскую должность, если, как это иногда случалось, какой-либо царь или богатый человек не делал вклада. Когда наступили времена римского господства, эти тенденции стали еще более развиваться: Рим заменил демократии тимократиями, появились новые коллегии магистратов, например политархов в городах Македонии и Фессалии[95], и иногда захватывала власть узкая олигархия, как, например, пятьдесят «владык Милета»[96]. Рим мог утверждать, что только доводит

до логического конца власть демиургов и апоклетов в Ахейском и Этолийском союзах.

Одной из типичных мер, часто использовавшихся царями, был синойкизм[97],—слияние двух или большего числа полисов или общин; Антигон I образовал Антигонию Троаду из семи полисов, а Кассандр объединил двадцать шесть общин в один полис—Фессалонику. Иногда синойкизируемые полисы уничтожались, но нередко переселялась только часть населения, а прежние города продолжали существовать в качестве «деревень» (т. е. демов) нового большого города. Самым необычайным из всех известных синойкизмов была Деметриада[98]—город в Пагасском заливе, основанный Деметрием в качестве южной столицы. Она соединилась с Пагасами, имела свои городские стены и образовала один полис с двумя кварталами[99]. При ее создании ничего не разрушали, но Пагасы и все полисы[100] Магнесии от мыса Сепии до Темпи на македонской границе стали «деревнями» Деметриады, которая, таким образом, охватила всю территорию Магнесии и образовала особый, выступавший в южном направлении округ Македонии. Когда Рим отнял Магнесию у Филиппа V, он уничтожил этот синойкизм.

Полис не был единственной типичной греческой государственной формой: почти каждая страна Северной Греции была организована в какой-либо традиционной форме кантональной общины, называемой безразлично «койнон» (община или союз) или «демос», всегда с религиозным центром. Растущее в III веке чувство бессилия небольших городов по отношению к монархиям привело в самой Греции к широкому распространению федерального принципа, и великие эллинистические союзы образовали среднее звено между полисом и монархией; эти ассоциации имели тенденцию выдвигать единоличных руководителей, и Арат пользовался в Ахейском союзе авторитетом, очень напоминающим единовластие. Они были очень полезны, обеспечивали лучшую безопасность и защиту даже против монархий тем, что ограничивали споры своих членов и мешали им воевать между собой. К несчастью, у греков было только одно слово для обозначения почти каждой формы публичной или частной ассоциации: «койнон». При переводе этого термина теперь невольно приходится употреблять часто неподходящее слово «союз».

Прежде чем перейти к союзному государству в собственном смысле слова (Bundesstaat), следует сказать о союзе отдельных суверенных государств (Staatenbund). Панэллинский Коринфский союз[101], образованный Филиппом II и продолженный новыми договорами Александра, был широко задуман и давал единственную когда-либо представлявшуюся возможность осуществления давней мечты—объединения греческого мира, если бы только греки стали смотреть на него с этой точки зрения. Это был союз между Александром и отдельными греческими государствами, за исключением Спарты, с конгрессом делегатов в Коринфе. Члены его оставались суверенными государствами, и в их внутренние дела не вмешивались, если только в каком-либо полку не происходило революции (стр. 126); но Александр был председателем и главнокомандующим союза, и на практике внешняя политика греческих государств была его политикой. Однако это не было бы неизбежно, если бы более крупные полисы позаботились, чтобы союз действовал единодушно; они были бы достаточно сильны, чтобы предупредить всякое покушение на свои свободы и заставить во внешней политике считаться с их голосами. Сильной стороной союза было то, что он давал малым полисам права, пропорциональные правам крупных, и некоторые полисы смотрели на это как на свои хартии свободы. Но опорой союза в некоторых полисах, к несчастью, было непопулярное в народе правительство, и на многих греков это производило впечатление чужого господства, что и обусловило распад союза после смерти Александра. Возобновление союза Деметрием[102] в 303 г. имело большие шансы на успех, так как союз опирался на демократические правительства, искренне его поддерживавшие; но и этот союз распался после Ипса. Он был восстановлен в третий раз Антигоном Досоном; членами его были уже не отдельные полисы—тогда почти не осталось особых городов-государств, за исключением Афин и Спарты,—а союзы Ахайи, Беотии, Фокиды, Фессалии, Эпира, Акарнании и Македонии. В это время, как было уже отмечено, македонский царь формально не олицетворял уже только в своем лице македонское государство. Союз Досона не претендовал на роль панэллинского (стр. 36); но государства союза были достаточно сильны, чтобы принудить Филиппа помимо

его желания к союзнической войне, а это показывает, на что был бы способен прежний Коринфский союз, если бы он этого хотел. Этот союз был последней попыткой Македонии объединить Грецию. Впоследствии Греция была в самом деле объединена в единую панэллинскую федерацию, однако это было сделано императором Адрианом[103] спустя три века, тогда, когда оно потеряло всякое значение и стало как бы иронической эпитафией над тем единством, которого Греция сама никогда не могла добиться.

Говоря о союзах[104], мы можем разделить их на три группы: союзы, которые создавались каким-либо царем или были орудием в его руках; союзы, которые выросли из сельского округа, и союзы полисов. Типичным примером первой категории является Фессалия: пока Филипп V не потерял эту страну в 197 г., каждый македонский царь, начиная с Филиппа II, поочередно владел Фессалией как частью Македонии, становясь пожизненным главой ее союза; несомненно, некоторое время цари Эпира управляли Акарнанией благодаря председательству в ее союзе. В самом Эпире был налицо долгий и сложный конфликт между принципами федерализма и монархии: к 300 г. три его племени—молоссы, хаоняне и феспротийцы—сами образовали федеративный «союз Эпира» под председательством царя молоссов, которого молоссы имели право смещать по своему желанию. В руках Пирра монархия стала фактически самодержавием; около 235 г. народ освободился от последних потомков Пирра и государство стало федеративной республикой. Очень своеобразными были союзы, основанные Антигоном I во время его борьбы за власть.

Он предпочел бы вновь образовать Коринфский союз, но до 303 г. это было невозможно, и поэтому он создал три местных союза: ионийский—возрождение прежнего союза, илионский—союз эолийских полисов с Илионом в качестве центра федерации, и союз островов, Ионийских Киклад, с центром в Делосе. Эти союзы не были суверенными государствами: у них не было собрания, председателя, военных или судебных властей и, очевидно, права чеканить монету; дела велись советом уполномоченных, а чрезвычайные издержки покрывались полисами. Их главным делом было справлять союзные праздники и культ Антигона; они были тем реальным орудием, при помощи которого Антигон добивался влияния на входившие в состав союзов свободные города.

В Северной Греции можно встретить несколько примеров развития союзов из различных сельских округов—демов, но основным образцом такого союза является Этолия, единственная страна в Греции, которая от начала своей истории до конца никогда не была завоевана каким-либо царем и не зависела от него. У Этолии было мало городов и не было столицы, а роль федерального центра играл храм Аполлона в Терме. Когда после 321 г. Этолия начала реорганизовывать свою старинную коммуну, членами союза часто были не города, а сельские округа, группировавшиеся вокруг какой-либо деревни или укрепленного холма; но и города продолжали постепенно развиваться. Вся политическая власть принадлежала собранию, в котором принимали участие все свободные этолийцы; собрание возникло из армии, т. е. всего вооруженного народа, и было точным ее соответствием в гражданской жизни; оно собиралось дважды в год—до и после сезона военных походов. Главой союза был ежегодно выбираемый стратег, который являлся председателем и главнокомандующим союза; переизбрание было возможно только через несколько лет. Другими должностными лицами были начальник конницы, секретарь, агонотет, избираемый для проведения празднеств, и семь заведующих финансами. Этолийский союз не был примером союза, в котором входившие в него государства делегировали власть какому-либо союзному органу: союз естественным порядком вырос из народной военной организации, но полисы сохранили внутреннюю автономию и собственное гражданство.

По мере расширения Этолийского союза каждая территория, входившая в него, распадалась на отдельные полисы или другие единства и в таком виде входила в его состав. Если новая единица примыкала к территории союза, она входила в симполитию с Этолией, т. е. ее население становилось во всех отношениях этолийцами и получало доступ в собрание союза. Но полис, находившийся на некотором расстоянии от границ Этолии, становился союзником и входил в исополитию[105], предполагавшую взаимное гражданство; его граждане становились потенциально

этолийцами, но это потенциальное гражданство могло стать действительным только при поселении (на что его граждане имели право) в каком-либо городе этолийской симполитии. Мы еще встретимся с этим потенциальным гражданством в другой связи. Этолийский союз имел совет (буле), состоявший из членов, выбранных единицами, входившими в союз, пропорционально их военным контингентам; но этот орган не имел большой власти и ведал только текущими делами, с которыми нельзя было ждать до ближайшего собрания. Но когда союз сильно разросся, управление им при помощи такого собрания, т. е. массовой сходки, собиравшейся два раза в год, стало невозможным. Однако Этолия никогда не знала какой-либо формы представительства. Результатом было то, что совет выделил небольшой комитет апоклетов, не предусмотренный конституцией, но постоянно заседавший вместе со стратегом и фактически правивший страной, хотя в руках собрания оставалась власть решать вопрос о войне и мире. Таким образом, в период 280—220 гг. Этолия, бывшая наиболее демократической страной Греции, превратилась теперь в наименее демократическое государство.

Этолия была первым союзом, который использовал свое союзное гражданство для расширения своей территории. Ее примеру последовали Ахайя и Беотия. К 220 г. Этолийская симполития распространилась от моря до моря, включив в себя Западную и Эпикнемидийскую Локриду, Малиду, Дориду, энианов и долопов, часть Акарнании, часть Фокиды, часть Фессалии и Ахайю Фтиотидскую. Членами союза на правах исополитии стали Кефалления, Амбракия, Кеос, Хиос, Ваксос на Крите, Фигалея и фактически—Мессения; позднее членами союза были даже Лисимахия, Киус и Халкедон. Примерно в 290—189 гг. союз контролировал Дельфы, хотя они никогда не были членом союза[106].

Примерами союзов, в основе которых лежало объединение полисов, а не сельских округов, хотя они и представляли собой определенные племена, были Аркадия и Беотия. И та и другая область претерпели много ударов судьбы, но Беотийский союз продолжал существовать и время от времени включал Опунтийскую Локриду и Мегару; и Аркадский союз, хотя временами лишался

многих своих союзников, просуществовал до тех пор, пока входившие в него полисы не присоединились к Ахейскому союзу. Ахейский союз был первоначально союзом двенадцати ахейских полисов; он распался во время войн диадохов; его начали восстанавливать в 280 г., и к 272 г. он включал десять оставшихся ахейских полисов, так как Гелика и Бура были разрушены в результате стихийного бедствия; позже Олен стал одиннадцатым членом[107]. Тем не менее, подлинное оформление его системы управления датируется 255 г., когда один стратег заменил прежних двух. Союз был симполитией наподобие Этолии, и другие страны при вхождении в него подобным же образом распадались на свои составные части. Города сохраняли свое гражданство, свои конституции (хотя некоторые согласовали свои магистратуры с должностями союза), свои судебные курии и такую широкую внутреннюю автономию, что в них, в отличие от Этолии, были свои местные монетные дворы наряду с федеральным этолийским. Ни один гражданин какого-либо города не имел прав частного лица в другом городе без специального на то разрешения. Однако в руках союза была вся внешняя политика, армия, федеральные налоги, веса и меры (которые были унифицированы) и право судить преступления против союза. Федеральным центром был храм Зевса Амарийского в столице—Айгионе. Стратег, бывший председателем и главнокомандующим союза, мог переизбираться через год; кроме секретаря, казначея и наварха было десять демиургов, повидимому по образцу аркадских пятнадцати[108], и соответствующих десяти основным городам союза (первоначально каждый город имел право на одного демиурга, но это вскоре было отменено), которые вместе со стратегом образовывали орган управления союзом, обладавший значительной властью.

Кажется вероятным, что Ахайя некогда, подобно другим государствам, имела совет (буле) и собрание (синод), причем состав последнего был ограничен имущественным цензом, и что в возобновленном союзе оба органа слились в Ахейский совет, который после расширения союза значительно увеличился и, вероятно, состоял из нескольких тысяч человек. Этот совет собирался в Айгионе два раза в год—в апреле и сентябре, причем его сессии

сохранили старое наименование синода; некоторые думают, что было четыре регулярных ежегодных собрания, но известные нам другие собрания, повидимому, были чрезвычайными сессиями, собиравшимися в военное время. Синод ведал всей союзной политикой и всеми союзными делами, за исключением новых договоров и соглашений, объявления войны и заключения мира; эти дела подлежали решению синклита—сходки всех граждан старше тридцати лет. Синклит не был союзным собранием; он мог только решать дела, переданные ему синодом, и являлся массовым референдумом; при этом голосование происходило по городам, чтобы избежать скопления народа в том городе, где созывалась сходка; так происходило голосование и в синоде. Подобное же массовое собрание созывалось каждую зиму для выбора новых должностных лиц, которые приступали к исполнению своих обязанностей в мае; впоследствии, может быть в 213 г., и выборы и вступление в должность были перенесены на осень.

Чтобы судить о конституции союза, которая вызывала громкие похвалы, мы должны прежде всего представить себе, чем был синод. Он состоял из делегаций отдельных городов пропорционально их населенности, каждая из которых выбиралась своим городом. Подобная форма делегирования власти была известна в советах различных греческих городов, но она никогда не применялась к союзным собраниям. Поскольку такую систему можно было бы назвать представительством, Ахейский союз пошел по этому направлению дальше, чем любое греческое государство, так как его совет на практике почти стал союзным собранием; но неизвестно, насколько это было результатом сознательного намерения. К несчастью, неизвестно главное: как выбирались делегации, голосованием или жребием, и как представлялись интересы меньшинств. Греция никогда не выработала настоящей системы представительства, но ближе всего к ней подходила система Ахейского союза. Крупнейшим дефектом союза было то, что его конституция распределяла права и обязанности в интересах зажиточных, и несмотря на многие ее хорошие постановления, она в одном отношении определенно уступала конституции Этолии: ограничение синклита гражданами свыше тридцати лет по-

казывает, что половина военнообязанных мужчин не имели голоса при объявлении войны, тогда как в Этолии, повидимому, не было подобного ограничения. Это может облегчить понимание того факта, что во время войны Этолия имела такое решающее преимущество.

Позднейшая история «койнон» как типа государства, может быть здесь намечена лишь вкратце.

В 198 г. Рим урезал Этолийский союз и отнял у него Дельфы, а после 168 г. он совсем уничтожил его: все члены [109], даже такие мелкие племена, как этеане, стали отдельными союзами, которые вместе с союзами, возникшими в 197 г. (стр. 41), отныне причислялись вообще к Северной Греции. Единственной примечательной чертой их устройства является то, что Фессалийский союз имел как некогда, Союз островов, странную привилегию давать права гражданства населению составляющих его городов[110]. Ахейский союз, бывший с 224 до 198 г. сателлитом Македонии, стал снова независимым в 197 г., насколько мог им быть союзник Рима; но хотя в 191 г. он охватывал весь Пелопоннес, он никогда не вернул себе положения, которое он занимал в 228 г. (стр. 17). Однако имелась возможность, что союзный принцип еще сыграет реальную роль в политике, чего Рим не хотел больше допускать, и после 146 г. он распустил и Ахейский и другие союзы. Позже было разрешено вновь образовывать союзы только типа «койнон»[111]; кроме «койнон» Северной Греции, в Пелопоннесе были известны такого рода союзы: элевтеролаконяне и союзы Ахайи, Аркадии, Арголиды[112]; но все это были религиозные общества, лишенные политического значения. Подобные же неполитические объединения возникли в Малой Азии: Вифинский и Понтийский восходят к Помпею, Азиатский «койнон» существовал при Антонии; позже существовали и некоторые другие. Некоторые их черты восходят к союзам, основанным Антигоном I; в известной мере они были представителями своей провинции, потому что могли жаловаться в Рим на ее правителя, но их главным делом было отправлять официальный культ императора. Единственным известным «койнон», сохранившим настоящие политические функции в царствование Августа, был старинный союз 23 городов Ликии[113].

Таким образом, из соперничавших государственных форм эллинистического периода выжила монархия, хотя македонские монархии погибли. Цезарь представлял себе греко-римское царство по эллинистическому образцу; Антоний фактически построил такое царство. Но настоящим наследником эллинистических царей был Август, так как хотя его принципат по своей форме был римским, а не эллинистическим, его империя многими нитями соединялась с македонскими царствами. Но эта тема относится к истории Рима.

Глава III

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЛИСЫ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Со смертью Аристотеля отдельный человек перестал быть «общественным животным» (Ζῷον πολιτικόν), членом полиса или самоуправляющегося города-государства; со времени Александра появляется человек как отдельная личность. Человек ощущал потребность анализировать собственную жизнь и отношения к другим людям, которые вместе с ним составляли «ойкумену». Для удовлетворения первой потребности появились системы, устанавливающие нормы поведения (гл. X), для удовлетворения второй—некоторые новые идеи человеческого братства. Они родились в один из критических моментов истории, в тот день, когда на пире в Описе Александр молился о единении сердец (гомонойя) и едином государстве македонян и персов[1]; он первый переступил национальные границы и первый подал мысль о человеческом братстве, в котором не должно быть ни грека, ни варвара. Стоическая философия быстро усвоила это понятие, и самое раннее сочинение Зенона, его «Полития»[2], выражало надежду, которая никогда уже полностью не покидала человека: Зенон мечтал о мире, в котором не будет отдельных государств, который был бы полисом с единым божественным правом, в котором все жители одного города были бы гражданами и членами любого другого, связанными не законами, а их собственным добровольным соглашением или (как он его называл) любовью. Это то, что иногда называется «космополитизмом»,—слово, придуманное киниками[3] для обозначения того, что они не принадлежат ни к одному государству; но остальные греки этим словом не пользовались, и с ним стали соединяться такие неприятные ассоциации, что лучше его избегать, так как оно вовсе не выражает того, что под ним разумели стоики. Слово «космополитизм» означало уклонение

от выполнения национального долга, чего не потерпел бы ни один стоик, так как мудрый человек (по их словам) должен выполнять долг перед своей собственной страной[4], и они, кажется, поняли, что если бы их братство когда-либо реализовалось, оно должно было бы добиться этого благодаря национальному государству, а не вопреки ему. Даже практическая жизнь невольно оказалась под влиянием грезы Зенона, так как школа стоиков делала ударение на понятиях равенства и братства и «обитаемый мир», или «ойкумена»[5], теперь трактовался как целое; иностранец больше не мог ipso facto считаться врагом, и гомонойя приобрела, пожалуй, более приверженцев, чем какое-либо другое эллинистическое понятие. Начали всплывать некоторые идеи о взаимных отношениях между государствами, независимо от действующих договоров, и зачатки современного международного права восходят к стоицизму III века.

Грекам приходилось теперь думать о том, как спасти себя в условиях господства этих идей индивидуализма и братства. Прежде всего следует указать, что чувство гуманности у греков несколько расширилось. Этот период полон противоречий, и чувство гуманности росло в условиях бесконечных раздоров и войн. Греки попрежнему были воинственно настроены, но они стали сомневаться, следует ли им быть такими. Исократ в 370 г. желал объединить всех греков для нападения на Персию; Агелай в 217 г. хотел объединить их для защиты против Рима[6]; эта разница красноречива. Теперь чрезвычайно возрастает значение посредничества[7]. Арбитраж применялся в Греции давно, хотя и редко, и Аргос и Спарта некогда заключили договор о передаче в арбитраж всех своих споров; но в III веке и позднее арбитражи между городами, чаще всего по поводу границ[8], стали обычным явлением; как правило, роль посредника выполняла комиссия из другого города, но Александр и многие из его диадохов[9] тоже разбирали споры между городами, не пользуясь своей властью, как это позже делал римский сенат. Эти вечные судебные дела о нарушениях границы, источником которых был постоянный страх перед голодом и вытекающее из него желание получить более обширную площадь годной для обработки земли, не были идеалом, но это было лучше, чем альтернативный выход; каждый приговор арбитража означал, что удалось избежать еще одной войны, и если приговоры не всегда выполнялись, то это только требовало новых постановлений; и даже незначительные города, как некоторые из критских, заключали постоянные договоры об арбитраже.

На некоторое время могло показаться, что война изменила свой характер, так как великие македоняне—Александр, Деметрий и Антигон Гонат—стали проявлять в военных действиях известное рыцарство. Раньше было общим законом[10], что при взятии города следует перебить мужчин и продать женщин и детей; ко времени Александра это правило было заменено продажей всего населения[11], и он сам продал население четырех городов—Фив и Газы—без всяких исключений, кроме требуемых законом, а население Тира и Кирополя продал со всякого рода исключениями в отношении мужчин. Но диадохи, повидимому, совсем прекратили эту ужасную практику: взятие города имело отныне целью использовать его ресурсы[12], а не превратить его в пустыню. Могло казаться, что старинное право уже умерло; и когда в 279 г. галлы вторглись в Грецию, греческие города горько жаловались на «жестокость» варваров, вновь так напоминавшую о себе[13].

Затем последовала Мантинея; в 223 г. Антигон Досон позволил Арату и ахейцам удовлетворить свою месть продажей населения этого города. Но это вызвало сильное раздражение, и мы знаем о буре протеста[14], вызванной этой процедурой. В отношении сильных мира сего Мантинея была концом надежды на лучшие времена; во II веке римляне[15] и Филипп V вели войну так же, как она велась всегда, и обращение со Спартой ахейца Филопемена было не многим лучше, чем жестокость Филиппа по отношению к Киусу и Маронее. Но некоторые греческие города и многие греки придерживались более гуманной практики: когда Милет и Магнесия во II веке закончили борьбу соглашением о равном обмене пленными, Магнесия возвратила бо́льшее число пленных, причем за излишек не взяла выкупа[16]. Ликург некогда провел в Афинах[17] гуманный закон, запрещавший афинянам покупать греческих пленников из числа свободных. Некоторые города поступали теперь еще лучше и установили особым договором[18], что если один из граждан купит

гражданина другого города, то он должен освободить его после возмещения затраченной суммы. Нам известно много случаев[19], когда отдельные лица, часто с риском для себя, старались отпустить на волю или выкупить пленных, и хотя выкупленный пленник, согласно закону, становился рабом выкупившего его до уплаты соответствующей суммы, все же от этой суммы часто отказывались. Среди примеров альтруизма можно назвать имена двух братьев из Эгиалы—Гегесиппа и Антипаппа, которые сами отдали себя в заложники пиратской шайке, чтобы спасти нескольких женщин; наградой им был только венок из зеленых листьев и рассказ об этом, случайно спасший их имена от забвения[20].

Гуманность заметна и в стремлении спасти от войны некоторые места. «Святое место»—храм и его территория—было запретно для военных действий[21], хотя единственным наказанием для нарушителя был гнев богов; остров Делос, место рождения Аполлона, был таким «святым местом», вероятно, с незапамятных времен. Различные города стремились сделать себя и свои территории «священными», т. е. запретными для войны, с согласия всех греков и эллинистических царей; первой встала на этот путь Смирна[22] около 240 г., за ней последовала Магнесия на Меандре[23], Алабанда[24], Теос[25], Милет[26] и другие города; оракулы рекомендовали и другие посвящения, так никогда и не осуществленные[27]. Влияние Дельф и амфиктионов играло большую роль в этом движении и придало ему религиозную основу[28]. Было и аналогичное движение за признание отдельных территорий неприкосновенными (ἀσυλία), т. е. запретными для репрессий (σύλη) или частной войны, права отдельного лица или города арестовывать людей и имущество в мирный период[29]; этим правом объясняются многие частные войны того времени. Некогда каждый чужеземец был подвержен репрессалиям; но это право постепенно урезалось, отчасти, пожалуй, вследствие его отрицательного влияния на торговлю, и многие храмы давно стали местом убежищ (ἄσυλον)[30]. В эллинистический период эта привилегия была предоставлена многим другим храмам[31], но она распространялась иногда и на целые города и их территории; первым ее получил остров Тенос[32] около 270 г., а за ним последовали все греческие полисы,

которые стали «священными», и различные другие[33], наконец—самые Дельфы[34].

Считать наименование «священный и неприкосновенный» пустым звуком—значит не понимать эпоху. Движение за признание ряда городов «священными и неприкосновенными» было серьезной попыткой ограничить войну: разве Селевк II беспокоился бы о предоставлении ничего не значащего наименования Смирне, своему самому лояльному союзнику? Даже в Сирии в I веке оно сохраняло некоторое значение[35] (стр. 154) и потеряло его только в римский императорский период. Но какой практический эффект имело это движение, трудно себе представить, так как оно не меняло политического характера города и не ограничивало его политической деятельности. Между тем однажды такое наименование оказало свое действие весьма любопытным путем: Антиох III, будучи не в состоянии взять Ксанф, объявил его «священным», чтобы спасти свой престиж при отступлении[36]. Ἀσυλία оказывала реальное действие в том, что она помогала ограничить то самоуправство, которое было отрицанием общественного порядка. Она распространялась далеко за пределы отдельных городов и храмов: артисты Диониса стали неприкосновенными[37], так что публика могла быть уверена в том, что их представления состоятся; каждый декрет о проксении* давал «асилию» получателю грамоты, и весь греческий мир был наполнен людьми, которые были неприкосновенными для подданных того или иного государства. Не следует думать, что этолийский солдат, воевавший за свой страх и риск, грабил деревню со списком неприкосновенных этолийских проксенов в руке; но Этолия пыталась справиться с этим затруднением выдачей удостоверений об изъятии[38] дружественным городам и уплатой хорошего вознаграждения за убытки отдельным лицам. То, что в эпоху империи «асилией» начали злоупотреблять и что некоторые города кишели подонками, получившими право неприкосновенности, и вынуждали Рим к вмешательству, не имеет никакого отношения к достоинствам этого учреждения в более раннее время.

Многое и помимо федерализма заставляло города теснее сближаться и отказываться от своей обычной

* Проксения—право общественного гостеприимства. (*Прим. ред.*)

изоляции. Резко увеличилось число пожалований почетного гражданства жителю другого города и его потомкам; каждый город имел во многих других городах друзей, ставших его гражданами. Мнение, что один человек не мог быть гражданином двух городов, должно было измениться: он мог быть гражданином любого числа городов, но возможно, что в III и II веках он мог быть одновременно активным гражданином только в одном городе, а его гражданство в других оставалось лишь потенциальным. Если Коринф жаловал почетное гражданство гражданину Аргоса, аргосец имел право, в случае переселения в Коринф, осуществить это гражданство и стать вполне коринфянином; в противном случае его коринфское гражданство оставалось потенциальным. Неизвестно только, оставался ли он действительным активным гражданином Аргоса после того, как практически становился коринфским гражданином[39]. Но в I веке отдельный человек, бесспорно, мог быть действительным гражданином в двух городах,—это естественное развитие событий; так, в Вифинии Помпей запретил такое двойное гражданство, но не добился его прекращения; Дион был гражданином Прусы, Никомедии и Апамеи, и когда Траян пожелал уничтожить это многократное гражданство, оно оказалось в такой мере укоренившимся, что Траян не мог осуществить свое намерение без потрясения всей муниципальной жизни и мог запретить его только на будущее время[40]. Но кроме своих граждан, каждый город имел в других городах многих друзей, которые в случае приезда не были совершенно чужими: у них были первые места на играх, и они обедали в городском приемном зале. Межгородские связи принимали различные сложные формы.

Но этот процесс вовсе не ограничился привилегиями отдельных лиц и пошел гораздо дальше: города начали давать права гражданства всем гражданам другого города, что получило название «осополитии» (стр. 83). В начале III века Афины дали права гражданства Приене[41]; позже имели место взаимные пожалования гражданства между многими городами—Афинами и Родосом[42], Мессеной и Фигалеей[43], Паросом и Алларией[44], Милетом и целой группой городов[45]: Ольвией, Кизиком, Гераклеей-Латмосом, Киусом, Фигелой, Миласой, Селевкией-Траллами; все киренцы были гражданами Теноса[46], все жители Феры—Кирены[47], все теосцы—отдельных городов Крита[48]. Использовать эти права можно было так же, как и в случаях почетного гражданства. Это было потенциальным гражданством, которое каждый пожалованный мог по своему желанию осуществить законным образом на деле. Кроме гражданства, подобным же образом жаловались и другие права. Афины дали проксению целым группам людей в некоторых городах Фессалии[49]; все мессенцы стали проксенами Дельф, все дельфийцы—Сард, все граждане Акраганта—городов Молосского союза[50]. Индивидуальные пожалования проксении стали столь многочисленными, что некоторые города перестали издавать отдельные постановления; в III веке Эпидавр, небольшой город, выпускал их в среднем четыре раза в год[51] и только включал имена в список, как это уже делала Анафа[52]; Дельфы поступали так же с 197 г.[53]; около 264 г. Гистиея в течение года издала 32 таких постановления[54]. Проксении добивались многие: она не только охраняла от ареста и конфискации, но и давала право приобретать землю в собственность в городе, дававшем проксению; это право широко использовалось, и первым шагом Рима после завоевания Ахайи в целях ослабления Пелопоннеса было воспретить право на земельную собственность в двух городах[55], хотя позднее он отменил это запрещение. Целые города—Мессена, Херсонес, Александрия, Смирна, Сарды—получали право на первоочередную консультацию Дельфийского оракула[56]; Итака предоставила всем гражданам Мессены лучшие места на своих играх, Одиссеях[57]; многие города, в целях поощрения торговли, давали освобождение от ввозных и вывозных пошлин другим городам и их гражданам. Все эти меры способствовали сближению городов между собой. Посейдипп в III веке мог сказать: «Есть много городов, но все они—одна Эллада»[58]. Хотелось бы знать, как далеко зашел бы этот процесс, если бы не вмешался, Рим.

Трудно сказать, в какой мере реально использовалось почетное гражданство. Во всяком случае, из литераторов только немногие ограничивали свою деятельность родным городом: они шли туда, куда их звали работа, друзья, может быть библиотеки. Почетные пожалования

давались многим поэтам и философам, декламировавшим и читавшим лекции в других городах, часто в расчете на то, чтобы поднять местный патриотизм; и, несомненно, эти люди, когда они где-либо поселялись, обычно осуществляли в этом городе свое право гражданства: Менандра из Тиррея называли Кассопейским[59], Метродора из Скепсиса—Халкедонским[60]; Аполлония из Александрии и Динократа из Македонии называли Родосскими, Аристарха из Самофракии—Александрийским; известны и многие другие случаи этого рода[61]. Может быть, отсюда можно было бы сделать вывод о некотором обмене гражданами между городами. Однако конституции союзов обычно не допускали приобретения личных прав в другом городе без специального пожалования.

Другим орудием объединения эллинистического мира было развитие общего языка; повсюду образованные люди начинали пользоваться аттическим диалектом, а из аттического диалекта, видоизмененного местными особенностями, развился греческий язык—«койне», «общая речь» эллинизма, известная как греческий язык Нового Завета. Одно время начала было развиваться из дорических диалектов вторая «общая речь», сохранившаяся у Феокрита, однако она не смогла удержать завоеванные позиции. Местные диалекты продолжали существовать в некоторых странах вплоть до I века; но в конечном счете «общая речь» завоевала каждый греческий город, так как, сделавшись всеобщим средством связи между населением различных диалектов, она в конце концов привела к их исчезновению. Вместе с «общей речью» появилось и то, что юристы называют «общей формой»: указы во всех полисах составлялись по одинаковой форме. Действительно, масса почетных декретов этого периода тоже была соединительным звеном между полисами, потому что, как правило, если один город жаловал чем-либо гражданина другого, копия декрета доставлялась уполномоченными в родной полис гражданина, получившего пожалование; здесь уполномоченные просили разрешения передать декрет, их угощали обедом и они произносили речь, подчеркивающую солидарность и добрые чувства обоих городов друг к другу[62]. Огромное количество новых праздников приводило к тому же результату: исполнители были только профессионалами,

совершавшими свои обычные гастрольные поездки, самые игры были религиозным актом, и полисы командировали на них религиозных представителей. Участки городских храмов были наполнены «стелами» (вертикально стоящими каменными столбами), на которых были высечены декреты и анналы полиса; они играли роль городского архива (хотя некоторые полисы делали свои записи на табличках, хранимых в городской ратуше), и любой посетитель мог прочитать почетные пожалования своим соотечественникам. В III веке почетный декрет часто являлся ценным политическим документом или даже политическим манифестом, но в I веке, когда независимость греческих полисов отходила в прошлое, почетный декрет выродился; он стал тем более многословен[63], чем менее значительно было его содержание, и передавал иногда самые тривиальные детали частной жизни, вплоть до числа гостей на свадьбе[64]: ведь он теперь давался за плату и должен был оправдать затраченные на него деньги.

Может быть, важнее всего были судебные комиссии; не те, которые в порядке арбитража обсуждали политические споры между двумя городами, а те, которые проводили судебные процессы в самом городе. Дело в том, что еще до 300 г. система рассмотрения судебных дел советом присяжных, состоящим из большого числа граждан, почти исчезла, как этого и заслуживала: она была чуть ли не худшей из всех изобретенных когда-либо судебных систем, потому что на решения совета обычно оказывали влияние политика, страсти масс и предрассудки. В течение эллинистического периода эта система очень часто заменялась совершенно новой системой, которая состояла в том, что из другого города приезжала комиссия в составе одного или большего числа судей (дикастов), которая и разбирала все дела, поступившие в суд[65]. Это была не идеальная система, так как она не функционировала регулярно; ясно, что часто обращались к судебной помощи другого города только в том случае, когда положение было уж очень плохим. Это вело к большой затяжке судопроизводства[66]—иногда по прибытии комиссия обнаруживала, что дела не рассматривались годами; а поскольку быстрое судопроизводство не менее важно, чем беспристрастное, это, несомненно,

могло вызывать частые проявления самоуправства со всеми характерными для него нежелательными последствиями. Когда комиссия приезжала из другого города, она выполняла свою работу хорошо, потому что стояла в стороне от борьбы местных партий; и судя по сохранившимся протоколам, комиссии в некоторых городах появлялись достаточно часто, чтобы не допускать чрезмерных отсрочек в рассмотрении дел[67]. Процедура работы комиссий была единообразной: сначала они, по возможности, улаживали дела путем убеждения или неофициального арбитража; оставшиеся дела они либо разрешали сами, либо передавали присяжным. В дошедшем до нас документе описан случай, когда дикасты, присланные из Иасоса в Калимну[68], нашли 350 ожидающих их дел, и из них они сами разобрали 340, только 10 передав присяжным. Поскольку дела, подлежащие строгому судебному разбору, рассматривались на основании местных законов (а также царских рескриптов, если город подчинялся какому-либо царю), а не законов города—родины членов комиссии[69],—это значит, что во II веке должны были появиться в греческих городах кадры настоящих юристов, которых раньше не существовало, людей, которые изучали законы многих городов, кроме их собственного. Работы Теофраста по юриспруденции тоже помогли формированию более правильных взглядов на задачи права. Более того, так как бóльшая часть дел повсюду улаживалась неофициальным путем, должно было появиться множество правил и для этой процедуры, в которой мы можем, пожалуй, видеть зачатки международной системы правосудия. Беспристрастие в судопроизводстве было для Греции чем-то совершенно новым, так как присяжные чаще всего выносили решения в пользу бедняка или должника. Некоторые города своим беспристрастием снискали себе почетную славу; кажется, главным занятием Приены было улаживание судебных дел ее соседей.

Цари также завоевали себе в этом деле почетную репутацию, и возможно, что первая идея о таких судебных комиссиях возникла у Антигона I[70]. Если город находился в области, подчиненной царю, иногда, вместо того чтобы назначать комиссию, царский правитель сам выступал в качестве судьи, как это делали римские правители более позднего периода. Клеон[71], правитель Эгины при Атталидах, заслужил большую похвалу от этого города за то, что был «справедливым судьей во всех случаях, не руководствовался личными мотивами, никогда не заставлял действовать несправедливо или произвольно, но старался в большинстве случаев привести стороны к соглашению», т. е. действовал в точности так, как должна была бы действовать комиссия. Самих царей часто призывали прекратить внутренние смуты, диапазон которых изменялся от споров из-за залогов до первых шагов революции, и они или их правители в этих целях присылали судебные комиссии[72].

Из дел, разбираемых дикастами, многие развивались на основе σύμβολον[73], т. е. соглашения двух городов об улаживании частных споров между их гражданами, в целях недопущения того, чтобы какая-либо сторона трактовалась в судах другой в качестве чужеземцев[74]; хотя σύμβολον намного древнее эллинизма, его все более частое появление[75] означает известный успех, и высказывалась мысль, что он, подобно стоицизму, содействовал появлению более поздней идеи международного права. Но среди всех судебных процессов дела о долгах были наиболее обычными, и они лежали в основе большей части внутренних разногласий в городах. Присяжные никогда не действовали честно в делах по долговому вопросу, и уже приводившийся документ из Калимны разъясняет нам, что дикасты старались избежать передачи этих дел присяжным, потому что их решение путем голосования в этих квази-политических органах было обильным источником новых разногласий. Все наши источники о судебных комиссиях подчеркивают одно: дикасты старались, часто успешно, восстановить в полисе гомонойю, согласие. Взятые в целом, сохранившиеся постановления дикастов являются хвалебным гимном в честь гомонойи, к которой люди стремились, но которой не могли достигнуть. Власти всех рангов—цари[76], послы[77], правители[78], полководцы союзов[79]—постоянно призывали народ жить в согласии; наиболее знаменитыми женщинами эпохи были те, которые, как Фила или Аполлонида, старались содействовать этой цели; в это дело вмешивались даже боги, и Аполлон призывает Иасоса к гомонойе[80]. Сама гомонойя почиталась в виде богини в Иасосе

и Приене[81]. Гомоной́я была одной из великих идей эллинистического века, но оставалась только религиозным стремлением. Согласие не было достигнуто, пока Рим не прекратил все внутренние междоусобия; тогда, в императорский период, полисы свободно прославляли гомоной́ю на своих монетах, и ей часто воздавался культ[82], но всякое значение этого культа для греков уже отошло в прошлое.

Все это могло со временем повести к бо́льшему объединению между городами, чем это когда-либо в действительности имело место. Дело в том, что во многих вопросах, требующих совместных действий, им ничего не удалось добиться, как, например, в вопросе об общем календаре. Историк Тимей ввел неудобный счет по олимпиадам (стр. 254), но города продолжали придерживаться своей системы летосчисления по магистратам и даже не начинали одновременно нового года: Афины начинали новый год примерно в июле, Спарта—в октябре, Делос—в январе, наконец, Милет—в апреле; все это вызывало страшную путаницу. Единственные городские календари, перевод которых в систему Юлианского летосчисления достаточно надежен,—это Делосский[83] и Милетский[84]. Система календарей III века в Афинах и Дельфах остается еще в высшей степени неясной[85]. Еще хуже этого неудобства было то, что не были проведены хорошие дороги, не была обеспечена безопасность сношений между городами. Бандитизм был общим явлением[86]; иногда рядовые бандиты были подручными крупного организатора; когда Гераклид в 205 г. путешествовал по Греции, он отметил, что безопасной была только одна дорога—от Оропа до Танагры[87]. Пиратство[88] было хуже бандитизма и лучше организовано. В борьбе с пиратами цари не оказывали никакой помощи. Деметрий и Антигон Гонат, Птолемей II и Антиох III—все они были в дружественных отношениях с предводителями пиратов, в которых находили хороших союзников. Многие так называемые пираты были людьми, ведущими частную войну. Подлинные пираты—изгнанники, неудачники, безработные наемники, бежавшие рабы—жили в небольших крепостях вокруг Эгейского моря; такая банда некоторое время удерживалась в Фигелах[89] на территории Эфеса. Нам известны их многие нападения на острова, но в III веке

это часто были только рейды на одном корабле для захвата нескольких рабов; у пиратов был тогда смертельный враг—Родос[90], и пока морская мощь Родоса была непоколебима, он удерживал это зло в должных границах. Больше всего беспокойства доставлял ему Крит. В городах Крита старые пираты, с годами ставшие уважаемыми гражданами, управляли ими, как надлежало, а молодежь под командой какого-либо вожака-авантюриста отправлялась в свои преступные экспедиции. Усилия Родоса были направлены к тому, чтобы заставить городские власти держать в узде этих удальцов[91]. Вот почему, в отличие от царей, Родос редко вмешивался в бесконечные гражданские войны на острове: с его точки зрения, они были даже полезны, потому что удерживали до́ма искателей приключений. Но после 168 г. римская политика ослабления всех сильных государств без замены их другими принесла свои плоды: Родос оказался не в состоянии держать пиратов в повиновении, а Рим, после захвата Пергама в 130 г., оставил без господина дикие области западной Киликии, ранее находившиеся под управлением Атталидов; сюда собрались пираты и основали настоящее государство[92]. Киликия стоила Риму, вполне это заслужившему, двух войн; и даже энергичные мероприятия Помпея только на время расчистили моря.

Мы рассмотрели вопрос о сношениях между городами. Теперь мы должны обратиться к некоторым явлениям, касающимся отдельных лиц как граждан или просто как людей, осознавших растущее значение их индивидуальной жизни. С ослаблением связи с родным городом начинается огромный рост неполитических частных ассоциаций и клубов[93]. Таких клубов было мало в Афинах IV века (олигархические клубы V века были совсем иного рода), а Деметрий Фалерский (317—307 гг.) запретил образование новых[94]; огромный рост числа ассоциаций по всей Греции начинается с 300 г. Многие объединения были крайне малочисленны: если не считать артистов Диониса, число членов более ста почти не встречается. Ассоциации были первоначально социальными и религиозными обществами, группирующимися вокруг культа какого-либо бога; возможно, что эти θίασοι были более чистого религиозного типа, тогда как ἔρανοι,

которые собирали значительные денежные сборы со своих членов—в одном из них вступительный взнос достигал 30 драхм*[95],—были, прежде всего, обществами социального типа. Около 200 г. появляются семейные ассоциации, основываемые отдельными лицами для увековечения памяти предков; в этих ассоциациях жречество становилось наследственным. Каждый клуб имел свой храм, хотя бы маленький, но содержание его доставляло бесконечные хлопоты: многие в свободное от богослужения время сдавали помещения своих храмов для светских целей, подобно клубу Эргетов в Афинах, но, сдавая их в наем, резервировали один день в году для своего ежегодного празднества[96]. Клуб Эпиктеты в Фере, один из самых богатых, имел ежегодный доход в 210 драхм[97], завещанный его основателем; один афинский клуб однажды закончил год с наличностью в 1770 драхм[98]; но это были исключения, и клубы стали все более и более зависеть от какого-либо богатого члена, который соглашался нести издержки и в честь которого воздвигалась статуя (сооружение статуи он сам оплачивал),—совершенно так же, как это происходило и с расходами городов (стр. 115).

Эти клубы ни в каком отношении не были обществами взаимопомощи: они могли помогать своим членам в трудное время или заботиться о похоронах умерших членов, что, вероятно, было предлогом для обеда, но на этом дело и заканчивалось[99]. Ассоциации, называемые по занятиям своих членов, появляются в Афинах[100] и Косе[101], но союз по профессиям практически не известен эллинизму, разве только Египту[102]; настоящие профессиональные союзы появились только во времена римской империи, и, наконец, Юстинианов кодекс стал говорить об их статутах. Обычно клуб не имел никакого политического значения; но во время последней схватки Ахейского союза с Римом появились клубы «патриотов»[103], т. е. людей, объединившихся для защиты конституции своих отцов. Клуб строился по типу городской организации: у него были должностные лица тех же наименований, и он принимал резолюции, подобные декретам го-

* Драхма—древнегреческая монета (серебряная или медная), равная 35 коп. золотом. (*Прим. ред.*)

рода; и это в такой мере стало стандартным образцом, что самые различные формы деятельности—философские школы, Александрийский Мусейон[104], артисты Диониса[105], гарнизонные войска Птолемея[106], поэты, жившие в Афинах[107], врачи, обученные в Косе или других местах[108], бывшие воспитанники того или другого гимнасия[109]—все принимали одну и ту же форму организации. Число клубов было велико; в 146 г. в небольшом городе Трезене[110] их было 23; очевидно, они отвечали наличным потребностям и не позволяли отдельным гражданам чувствовать себя затерянными в огромном новом мире. Едва ли стоит говорить, что жизнь клубов кажется нам утомительной и невыразимо скучной; трудно сказать, казалась ли греку скучной его жизнь, и не показалась ли бы наша жизнь скучной людям, жившим за 2000 лет до нас. Самой важной функцией клуба было предоставить свободный доступ в полис иноземцам и иноземным культам; чисто греческие клубы[111] встречаются в Афинах и Родосе, но обычно клубы состояли из иноземцев или были смешанного состава, в этом случае они содействовали разрушению национальных перегородок; так, например, один клуб в Книде, кроме греков насчитывал в своем составе фракийца, финикиянина, писидийца, фригийца и ливийца[112]. Иногда членами клубов были и рабы, но, повидимому, первый известный нам клуб рабов существовал только в конце эллинистического периода в Египте[113].

За это время были достигнуты некоторые успехи в воспитании[114]; наблюдавший за воспитанием гимнасиарх[115] в конце концов стал почти важнейшим магистратом. Некоторые полисы, как, например, Милет[116], считали, что воспитание должно быть, как это предлагал Платон, делом государства; но в деле его организации они слишком часто зависели от даров царей и богатых частных лиц, как для целей строительства, так и для оплаты преподавателей; даже Родос принял в этих целях дар от Эвмена II[117]. В более передовых полисах появились хорошо организованные начальные школы; в Ионии они включали и мальчиков и девочек; в Теосе и на Хиосе мальчики и девочки тоже воспитывались совместно[118], как это давно было принято в Спарте. Повидимому, к учителям не предъявлялось никаких особых требований,

но магистраты старались, чтобы это были люди с твердым характером. Воспитание девочек, очевидно, не шло дальше начальной школы; мальчики становились эфебами[119]. Эфебия была преобразована в Афинах Ликургом около 335 г.; в эфебы в обязательном порядке зачислялись юноши 19 и 20 лет; эфебия основывалась на военной тренировке, но включала и некоторые воспитательные моменты; однако названия учителей—косметы (обучающие порядку) и софронисты (обучающие самообладанию)—показывают, что целью Ликурга было прежде всего заложить в человеке моральные основы. Система эфебии практически получила универсальное распространение в греческих полисах, но Афины вскоре отказались от ее организации путем принуждения, а другие полисы никогда не применяли этого метода: эфебия была свободным воспитанием. Центром ее был гимнасий. Те, кто проходил через гимнасий, образовывали своего рода неофициальную аристократию, и в новых полисах Азии гимнасий олицетворял греческую жизнь: поселение, которое могло его учредить, находилось на верном пути, чтобы стать полисом. Благоустроенный полис, вроде Пергама, должен был иметь три гимнасия—для мальчиков, эфебов и молодых людей, которые уже прошли через эфебию. Атлетическая тренировка была поставлена образцово; об интеллектуальном образовании мы плохо информированы, но, вероятно, оно не шло дальше грамматики, поэзии (с музыкой) и, в небольшом объеме, риторики; если кто-либо хотел получить высшее образование—изучить философию или точные науки,—он должен был работать самостоятельно у какого-либо известного учителя. Некоторые гимнасии имели библиотеки. Должность гимнасиарха была обременительной; он часто сам тратил много средств как на необходимые текущие издержки, так и на специальные призы и празднества. Конечно, много времени уходило на процессии учащихся к месту жертвоприношений как на обычных городских праздниках, так и в специальных случаях, например при посещениях города царем или в день его рождения. В одном косском календаре[120] отмечено на протяжении одного месяца восемь дней праздников и четыре дня экзаменов. Если влиятельные люди настаивали на школьном празднике, то это обычно означало только новую

процессию; было бы удивительно, если бы мальчики предпочитали праздник, состоящий преимущественно из принудительного пения, своим занятиям по бегу и борьбе. В школьных помещениях, откопанных в Пергаме и Приене, стены от пола до потолка покрыты именами[121]. Эфебы, как и их отцы, образовывали ассоциации[122], представляющие в малых размерах городские организации: и «герусия», союз «старичков»[123]—тех, кто в прошлые годы окончил городской гимнасий,—в конце концов во времена Римской империи стала своего рода муниципальным сенатом. Даже маленькие школьницы принимали постановления, составленные по надлежащей форме, в честь влиятельных посетителей[124].

Великие македонянки из правящих династий в течение двух поколений после Александра оказывали большое влияние на положение греческих женщин. Если Македония дала миру, может быть, самую выдающуюся группу мужчин, которые известны истории, то женщины во всех отношениях не уступали мужчинам. Они играли большую роль в делах, принимали послов и добивались уступок для них от своих мужей, строили храмы, основывали полисы, набирали наемников, командовали армиями, обороняли крепости и при случае выступали в качестве регентш и даже соправительниц; влияние такой женщины, как Арсиноя Филадельфа,—красивой, способной, повелительной—на людей, которые ей служили, было, очевидно, громадно. Эти царицы, так же как и их мужья, любили культуру; Арат[125] писал стихотворения Филе, Посидипп из Пеллы[126]—Арсиное, Каллимах[127]—Беренике, жене Птолемея III; Арсиноя переписывалась с физиком Стратоном[128], а Стратоника, жена Антиоха I, приумножила художественную коллекцию на Делосе[129]. Едва ли менее замечательны были некоторые царицы греческой крови; об Аполлониде из Кизика[130], которая вышла за Аттала I Пергамского и сыновья которой так славны, говорили так же, как римляне говорили о «матери Гракхов»,—как об идеале женщины; сестра Клеомена Спартанского Холонида[131] сделала бы честь любому обществу. Одна гречанка—Пифодорида[132], дочь гражданина из Тралла, внучка Антония, достигла значительной власти и правила царством дикарей, простиравшимся от Кераса до Колхиды. Из дворов македон-

ских царей (относительная) свобода женщин распространялась и на жилища рядовых греков, и женщины, которые стремились к эмансипации—вероятно, меньшинство,—были в состоянии в значительной степени ее добиться. Деметрий Фалерский провел в Афинах законы, которые возвращали женщину к ее обычным занятиям[133], но они были отменены после его падения; и хотя в некоторых городах появляются «гинайкономы»—блюстители нравов женщин, они, насколько нам известно, наблюдали только за воспитанием девочек[134]. Стоицизм, который позже способствовал созданию лучшего определения брака у римских юристов, тоже содействовал улучшению положения женщины. Женщины могли теперь получать любое воспитание, какое только хотели; многие философы насчитывали женщин среди своих слушателей; так, например, ученицей Эпикура была Леонтиона, вышедшая замуж за его друга Мётродора[135]. В III веке вновь стали появляться поэтессы[136], и Аристодама из Смирны[137] объездила Грецию со своим братом, выполнявшим роль импрессарио, устраивая вечера декламации, проходившие с большим успехом. Известна одна ученая женщина—Гестиея[138]—и по меньшей мере одна художница[139]. Произведения некоторых писателей совершенно явно написаны для читательниц-женщин. Женщины получали теперь право гражданства и проксению от других городов за те же заслуги, что и мужчины; и женские магистраты римского периода, во всяком случае, появляются уже в I веке до н. э., когда одна женщина—Фила—занимала высшую должность в Приене и построила новый водопровод и резервуар[140]. Отношения между полами стали менее стесненными и более естественными. Женщины основывали клубы[141] и принимали участие в клубной жизни, хотя, естественно, в меньших размерах, чем мужчины; в Афинах[142] и Александрии[143] существовали клубы только для женщин. Девушка из хорошей семьи, Гиппархия, ученица киника Кратеса, вышла за него замуж и с энтузиазмом восприняла его учение о жизни «согласно природе»—жизни странствующих нищих; трудно было пойти дальше по пути эмансипации. Но бóльшая часть рассказанного, конечно, имеет отношение только к меньшинству женщин. Свобода не давалась автоматически, ее надо было

завоевывать; образование большинства населения было очень незначительным, и даже в I веке встречались женщины, достаточно богатые, чтобы иметь рабов, и все же не умевшие читать и писать[144]; Греция страдала от того, что мужчины и женщины находились на различном уровне культуры. Но самым страшным злом в жизни женщины, помимо всего вышесказанного, было то, что ей часто не разрешалось растить рожденных ею детей. Не сохранилось никаких сообщений о том, в какой мере женщина примирялась с этой своеобразной мерой предосторожности против голода, и гадать об этом совершенно бесполезно.

Дело в том, что никакое преуспеяние в среде высших классов не могло изменить основного факта в жизни Греции: в стране было лишь ограниченное количество земли, пригодной для обработки, и она не могла прокормить более определенного, давно уже достигнутого максимума населения. За ввозимые продукты питания приходилось платить. Но в Греции не было рудников, в которых добывался бы металл, за исключением Лаврийских, к тому времени почти исчерпанных, а так как каждый город, расположенный на берегу Средиземного моря, мог сам заниматься морскими перевозками, то за предметы питания нужно было платить вывозом ремесленных изделий или транзитом. Правда, Коринф обогатился благодаря транзитной торговле; но примитивное греческое ремесленное производство хотя и могло обогащать немногих частных лиц, имело для государства в целом небольшое значение. Поэтому древняя Греция всегда жила под страхом чрезмерного увеличения числа едоков. В конце IV и в начале III века положение облегчалось развитием наемничества и эмиграцией в Азию. Писатели IV века все еще были заняты проблемой перенаселения, и около 300 г. в стране был еще значительный излишек населения; однако, хотя страна оставалась полностью заселенной, этот излишек постепенно исчезал. Полибий[145] говорит, что греки в середине II века отказывались воспитывать более одного или, самое большое, двоих детей; и множество свидетельств подтверждает правильность его наблюдения.

Иные так же энергично утверждали, как и отрицали, на основании литературных текстов[146] распространенность

детоубийства в Греции, но для конца III и для II века решающим является свидетельство надписей. Здесь я могу только суммировать данные, которые мне удалось собрать. Из нескольких тысяч семейств греческого происхождения, которые в 228—220 гг. приняли милетское гражданство, имеются сведения о 79[147]; в них насчитывалось 118 сыновей и 28 дочерей, многие из которых были младшие; такие пропорции нельзя объяснить никакими естественными причинами[148]. Подобным же образом среди родственников Эпиктета около 200 г. насчитывалось 25 мужчин и 7 женщин[149]. В семьях Милета 32 семейства имели по одному ребенку, а 31— по два, и у них заметно определенное стремление иметь двоих сыновей. Это широко подтверждается надписями. Довольно обычно встречаются два сына, очень редко— три, в Эретрии в III веке из 19 семей, несомненно, две имели больше одного сына, что ниже, чем пропорция сыновей у милетских иммигрантов, но согласуется со сведениями из Дельф[150]; в Фарсале эта пропорция, возможно, равняется 1 : 7[151], однако можно допустить эмиграцию некоторых сыновей. Но что касается дочерей, фактически ни в одной семье не оставляли более одной; этим подтверждается утверждение Посейдиппа, что «даже богатый человек всегда подкидывает дочь». Судя по дельфийским надписям, во II веке из 600 семей только одна сотая часть воспитывала по две дочери[152]; с этим согласуются данные из Милета, и во всей массе надписей сестры могут быть перечислены по пальцам[153], с одним странным местным исключением: список II века женщин-жертвовательниц из Пароса[154], *по всей вероятности*, дает цифру20 сестер (8 семейств) из 62 имен; но острова переживали расцвет, не были затронуты войной и в отношении роста населения скорее могут быть причислены к Азии, чем к Греции. В какой-то мере надо принять в соображение и падение рождаемости; например, в Родосе усыновление было так обычно, что (около 100 г.) в списке 40 магистратов мы находим семь приемных сыновей[155]; в одном случае в деме Телоса приходится три приемыша из четырех детей[156]; и в других местах приемные дети, даже дочери[157], встречаются довольно часто, и никто не убивает собственного ребенка, чтобы взять приемыша. Телос мог также гордиться одной семьей в семь человек[158], един-

ственной известной нам эллинистической семьей более чем с пятью детьми, за исключением восьми детей Клеопатры Теи от трех браков; распространенность искусственного ограничения численности детей доказывается появлением вновь семей с четырьмя и пятью детьми в Афинах во время их вторичного расцвета в конце II века[159].

Кажется несомненным следующий общий вывод для времени с 230 г. и позже: самой обычной была семья с одним ребенком, но было налицо и некоторое желание иметь двоих сыновей (хотя бы ввиду возможной смерти на войне); очень редки были семьи с четырьмя или пятью детьми; очень редко также в семье было более одной дочери; и не приходится сомневаться в значительном распространении детоубийства, особенно девочек. Для поддержания численности населения на определенном уровне требуется, чтобы на каждый брак приходилось в среднем по три ребенка; таким образом, население Греции (не принимая в расчет иммиграции) должно было значительно уменьшиться к 100 г. до н. э. Греция слишком увлеклась предосторожностями против вечного страха перенаселенности; однако, за исключением евреев, ни в одной среде не подымался моральный протест против детоубийства, пока, уже во времена империи, не выступили стоики Мусоний[160] и Эпиктет[161]. Филипп V после Киноскефал по военным мотивам предпринял шаги по искоренению детоубийства и поощрению многодетности и в течение одного поколения поднял численность вооруженных сил Македонии почти на 50%[162]; а при Антонинах Фивы провели формальное запрещение[163] детоубийства—единственный, может быть, такого рода случай, если не считать евреев, вплоть до вмешательства христианства.

Однако настоящего обезлюдения в Греции не было до гражданских войн в Риме. Конечно, отдельные города могли по различным причинам прийти в упадок: Лариса[164] при Филиппе V наполовину обезлюдела вследствие войны и изгнания этолийских партизан, а Гераклея-Латмос[165] и Тиррейон[166] в Акарнании сократили длину своих стен; но ведь у Тиррейона, небольшого города, была стена бóльших размеров, чем даже у Фив. Все это ничего не доказывает. Аристотель упоминает отдельные случаи

такого рода, как довольно обычные[167], и в III веке города, нуждавшиеся в новых гражданах,—Лариса, Диме[168], Милет (для заселения Миуса)—не встречали затруднений в привлечении греков из других городов. Но к 100 г. в Греции такие же широкие размеры, как в Азии (стр. 149), должно было принять освобождение рабов и включение в число граждан чужестранцев; иное объяснение кажется немыслимым, поскольку установлен факт сокращения чисто греческого населения Греции. Но доказать это нелегко, потому что чужеземцы носят греческие имена; однако поскольку в это время начинают, как правило, включать в число эфебов уроженцев Италии[169], нельзя считать это исключением и для представителей других народов.

Следует отметить, что Пергам в 133 г. и Эфес около 85 г. дали освобожденным в это время рабам права метэков[170]; идея Филиппа V[171] о том, что будущее страны зависит от предоставления прав вольноотпущенникам, может быть соответствовала действительности, так как греческие города были полны вольноотпущенников. Несомненно, в I веке в Греции было много чужестранцев, как освобожденных, так и рабов, и то, что происходило в Азии и Египте, в меньших масштабах происходило и в Греции: Оронт нес свои волны в Илисс, прежде чем докатил их до Тибра, и полуголодный «гречишка» (graeculus) Ювенала часто не имел ничего греческого, кроме имени и языка. Это изменение в составе населения можно уже в очень ранний период вскрыть в Коринфе, который в III веке мог навербовать гоплитов только в количестве одной четверти ополчения V века[172], хотя размеры города увеличились. Это совершенно очевидно по отношению к Делосу с 166 г. Таким образом, заметен процесс ломки классовых и расовых рамок. В I веке, когда богатый человек устраивал пир для своих сотоварищей-граждан, он часто приглашал метэков, вольноотпущенников и даже рабов[173]; иногда теперь приносились жертвы за здравие не граждан, а всех жителей города[174]; и встречаются такие клубы, как клуб Сидекта в Лаконии, членами которого были мужчины и женщины, члены его семьи, некоторые городские магистраты, много ремесленников, как свободных, так и вольноотпущенников, и одна девочка-рабыня[175].

Одна форма рабства в эпоху эллинизма стояла особняком—труд рабов в рудниках (стр. 229—230). Это был ад на земле, которого не коснулись ни стоицизм, ни Дельфы и в существовании которого были одинаково повинны и цари и города. Но обычное домашнее рабство часто не было жестоким: раб мог родиться в лучшем положении и получить лучшее воспитание, чем его господин, и не один философ, потрясавший мир, был рабом, хотя бы по рождению. Афины, которые терпели ужасы Лавриона, давно строго ограничили—новое странное противоречие—наказания других рабов[176], и закон об общественном здравоохранении в Пергаме последовал этому же примеру. Стоицизм ратовал за лучшее обращение с рабами и постепенно добился известных успехов; он учил, что рабов надо скорее жалеть[177], чем наказывать, и на протяжении всего III века освобождение рабов по завещанию, особенно в философских кругах, становилось все более обычным явлением[178]. Отдельные случаи освобождения рабов всегда имели место, но около 200 г. началось новое важное движение: под влиянием Дельф, всегда готовых защищать дело гуманности, во время этолийского господства рабы получили возможность покупать свободу путем фиктивной продажи их какому-либо богу[179]; этому движению содействовало соображение чисто земного характера, что дешевый свободный труд делает невыгодным рабское производство. Некоторые рабы зарабатывали деньги своим ремеслом, и отпущение на волю стало вскоре делом весьма обычным: в Ларисе в течение одного года было освобождено 36 рабов[180]; в Галосе, небольшом городе, за два года—более 40[181]. Вольноотпущенники образовали в городах особый класс, по своему положению мало отличающийся от метэков. Но освобождение рабов имело свою теневую сторону. То, что освобожденная рабыня часто была вынуждена жить у своей госпожи в течение всей ее жизни, само по себе не было бы так плохо, если бы она фактически не оставалась попрежнему рабыней[182]; она могла быть закована, высечена и даже продана[183], и дети, рожденные ею, оставались рабами[184], если только они не были заранее освобождены (иногда условно) по акту об отпуске на волю. Иногда она была даже обязана дать одного или нескольких детей в качестве рабов

для своей госпожи и обучить их. Случалось, что освобожденная рабыня могла заменить эту обязанность уплатой денег[185].

Ничего не известно ни о числе рабов в Греции, ни о соотношении их к числу свободного населения; но в других отношениях случаи отпуска на волю в Дельфах и в Навпакте бросают некоторый свет на рабское население в Северной Греции[186]. Среди купленных рабов число мужчин и женщин одинаково; но среди рожденных дома, судя по получившим освобождение, женщины в такой мере преобладали, что, повидимому, девочка, рожденная рабыней, имела больше шансов остаться в живых, чем рожденная свободной матерью. Купленных рабов было гораздо больше, чем рожденных в доме господина; по национальности среди них более обычны греки, фракийцы и сирийцы, хотя представлены все народы, от бастарнов до арабов. Стандартная цена на рабов обоего пола колебалась от 3 до 4 мин*, но за рабов некоторых национальностей платили больше. Больше всего ценились македонские рабы; их средняя цена составляла $5^3/_4$ мины за мужчину и $5^1/_4$—за женщину, что подтверждает слова Полибия о достоинствах этого великого народа[187]. Среди мужчин особенно высоко ценились фракийцы—по $5^2/_5$ мины—и римляне с италиками (некоторые из пленников Ганнибала)—по $5^1/_4$ мины, но цена их женщин была невысокой; высоко ценятся (по $4^1/_2$ мины) также мужчины-галаты, но из женщин гречанки ближе всего по цене (по $4^2/_5$ мины) к македонянкам. Любопытна разница в цене и в пропорции мужчин и женщин в среде купленных и рожденных дома рабов: в среде купленных рабов 96 мужчин, национальность которых нам известна, стоят в среднем $3^1/_3$ мины, а 98 женщин—немногим менее 4, а в среде рожденных дома—наоборот; 101 женщина—в среднем немногим выше 4, а 47 мужчин—$5^1/_2$ мины; в общем, рожденный дома раб, обучаемый с детства, ценился выше. Наиболее высокая известная нам цена—25 мин за одну фригийку[188]; некоторые известные нам высокие цены в общем объясняются каким-либо специальным мастерством раба.

* Мина—весовая и денежная единица=1/60 таланта=100 драхмам. (*Прим. ред.*)

Наиболее жгучим вопросом в Греции было снабжение зерном. Цена пшеницы, ввозимой в Афины во времена Демосфена, обычно достигала в среднем 5 драхм за медимн*[189]. Так как в связи с появлением в обращении персидских сокровищ (после захвата их Александром) ценность драхмы упала, пшеница, естественно, поднялась в цене: около 300 г., при стоимости драхмы (обычно равной 6 оболам) в 3 обола, пшеница, если пренебречь сезонными колебаниями, должна была бы стоить в среднем около 10 драхм за медимн; ее цена постепенно падала при росте стоимости денег, но около 200 г. все еще равнялась $5^1/_2$ драхмам[190]. Пшеница в это время имелась в изобилии (стр. 230); экспорт зерна был хорошо организован Птолемеями, и хозяйственная политика Афин, Коринфа, Делоса, многих островов, ионийских и, может быть, других полисов вначале была рассчитана на привозное зерно; но обычно полис зависел от собственного урожая, хотя иногда он должен был искать дополнительного источника снабжения хлебом. Поэтому неурожай для полиса мог означать как сокращение хлебного пайка, так и голодовку; в это время местные голодовки обычны[191], так как сухопутные средства сообщения были очень плохи. Как правило, какие-нибудь магистраты, агораном или ситофилаки наблюдали за торговцами хлебом и следили, чтобы полис снабжался хлебом по сходным ценам. Но когда цены быстро росли, эта система рушилась, пока агораном[192] не скупал зерна сам или не убеждал какого-нибудь богатого купца продать его ниже себестоимости. Большое число людей, которые, таким образом, сами оплатили разницу, свидетельствует о том, что в городах настроение общества было здоровым. Во время большого голода[193] 329—325 гг., который распространился на всю Грецию и Эпир и был усугублен скупкой египетского зерна Клеоменом[194], правителем Александра в Египте,—афинское государство вмешалось в это дело, объявило подписку и назначило комиссию, которая по любой цене скупала зерно и распределяла его по нормальным ценам, так что население получало свой паек: хлебные карточки—отнюдь не

* Медимн—мера объема в древней Греции, равная 58,94 литра. (*Прим. ред.*)

новейшее открытие. Такие специальные комиссии[195] и «отмеривание» зерна с тех пор стали обычной системой в неурожайные годы. Но это была далеко не совершенная система: подписка была добровольной и могла быть недостаточной, а бедные не всегда могли оплатить свой паек.

Самос около 246 г. испытал целый ряд голодовок, причем собранные деньги дважды исчезали в руках купцов, и полис был спасен только частным гражданином Булагором[196]. Возможно, что именно этот полис решился на последний шаг и организовал постоянные запасы зерна[197]: с богатых взимались деньги, достаточные для того, чтобы с процентов на них снабжать город зерном. Пример Самоса нашел широкое применение: система государственного снабжения одержала победу в Приене и, возможно, в других местах[198], а постоянные зерновые фонды известны в Милете[199], Теосе[200], Деметриаде[201], Делосе[202], Эгине[203] и Фуриях[204]; возможно, что они стали почти повсеместными. Даже при рационировании государственные фонды означают, что богатые (делавшие первоначальные взносы) кормили бедных; так и в Родосе богатые добровольно отправляли свои хлебные литургии, основанные на принципе, что каждый богатый брал на свое попечение известное количество бедных[205]. Но Самос и Фурии пошли дальше: на Самосе зерно распределялось ежегодно между всеми гражданами, в Фуриях (около 100 г.)—только между бедными, а богатые, повидимому, платили за хлеб по повышенным ценам. Поскольку цари и богатые люди часто делали дары зерном[206] и поскольку в Аркесине и Миное во II веке (а это вряд ли было исключением) богатые люди начали также распределять бесплатные билеты на местные празднества[207],—мы видим, что деморализующий лозунг panem et circenses, «хлеба и зрелищ», был лишь скопирован Римом у позднего эллинизма.

В эту эпоху, полную противоречий, ничто так не поражает, как контраст между низким уровнем заработка (стр. 125) и расточительной щедростью богатых людей[208]. Богатые не хотят платить, они хотят давать. Однако то, что они давали, как правило, было даром государству, причем граждане (или жители) трактовались как нечто единое. Многие города, повидимому, могли пригласить какого-нибудь богатого человека и

просить его, по его собственному выбору—подарить[209] или ссудить без процентов[210] большие суммы для покрытия некоторых специальных расходов; отправиться в качестве посла за собственный счет на защиту интересов города против царей или римских сборщиков податей[211]; построить мост[212], гимнасий[213], храм[214]; если нехватало фондов городов—взять на себя снабжение военными материалами, оплатить устройство нового праздника[215] или организацию нового гимнасия[216], взять на себя выполнение разных литургий[217], закупку масла для атлетов[218], оплату призов для учащихся, расходы на банкеты для граждан и их жен[219]; наконец согласиться, чтобы в в его честь—и за его счет—поставить статую[220]. Такие люди как Протоген в Ольвии, Менас в Сесте, Мосхион в Приене, Поликрит в Эритрее, несли на своих плечах почти все расходы города[221]. Этот постоянный расчет на помощь какого-либо богача, своими средствами восполняющего финансовый пробел, повидимому, свидетельствует, что города были лишены прочного экономического базиса; но редко в какую-либо другую эпоху в такой мере проявлялся местный патриотизм, даже если иной раз он означал покупку почетного имени или грамоты. «Он подверг опасности все свое достояние ради общественного блага», свидетельствует декрет Эпидавра о некоем Аристобуле[222], а в декрете Пергама говорится о Диодоре: «Его забота об общем преуспеянии не позволяла ему думать о собственном»[223]. И такого рода местный патриотизм проявлялся не только богатыми людьми. Ничто не производит такого отрадного впечатления, как многочисленные благодарственные декреты в честь врачей. Муниципальные врачи не были богаты: единственное известное нам жалованье—40 фунтов (в современных ценах) в год[224]; но они часто во время эпидемий отказывались от вознаграждения[225] и, тем не менее, подобно Дамиаду в Спарте, «не делали никакого различия между богатым и бедным, свободным и рабом»[226]. Когда во время эпидемии на Косе погибли все врачи, Ксенотим добровольно пришел на помощь полису[227], а Аполлоний Милетский боролся с чумой на островах, не получая вознаграждения[228]; врачи отличались в это время высокой преданностью своему делу. Философы тоже иногда освобождали от платы за свои лекции неплатежеспособных[229]. Тогда, повидимому,

Chapter 1 1
Chapter 2 2
Chapter 3 3
Chapter 4 4
Chapter 5 5
Chapter 6 6
Chapter 7 7
Chapter 8 8
Chapter 9 9
Chapter 10 10
Chapter 11 11
Chapter 12 12
Chapter 13 13
Chapter 14 14
Chapter 15 15
Chapter 16 16
Chapter 17 17
Chapter 18 18
Chapter 19 19
Chapter 20 20
Chapter 21 21
Chapter 22 22
Chapter 23 23
Chapter 24 24
Chapter 25 25
Chapter 26 26
Chapter 27 27
Chapter 28 28
Chapter 29 29
Chapter 30 30
Chapter 31 31
Chapter 32 32
Chapter 33 33
Chapter 34 34
Chapter 35 35
Chapter 36 36
Chapter 37 37
Chapter 38 38
Chapter 39 39
Chapter 40 40
Chapter 41 41
Chapter 42 42
Chapter 43 43
Chapter 44 44
Chapter 45 45
Chapter 46 46
Chapter 47 47
Chapter 48 48
Chapter 49 49
Chapter 50 50
Chapter 51 51
Chapter 52 52
Chapter 53 53
Chapter 54 54
Chapter 55 55
Chapter 56 56
Chapter 57 57
Chapter 58 58
Chapter 59 59
Chapter 60 60
Chapter 61 61
Chapter 62 62
Chapter 63 63
Chapter 64 64
Chapter 65 65
Chapter 66 66
Chapter 67 67
Chapter 68 68
Chapter 69 69
Chapter 70 70
Chapter 71 71
Chapter 72 72
Chapter 73 73
Chapter 74 74
Chapter 75 75
Chapter 76 76
Chapter 77 77
Chapter 78 78
Chapter 79 79
Chapter 80 80
Chapter 81 81
Chapter 82 82
Chapter 83 83
Chapter 84 84
Chapter 85 85
Chapter 86 86
Chapter 87 87
Chapter 88 88
Chapter 89 89
Chapter 90 90
Chapter 91 91
Chapter 92 92
Chapter 93 93
Chapter 94 94
Chapter 95 95
Chapter 96 96
Chapter 97 97
Chapter 98 98
Chapter 99 99
Chapter 100 100
Chapter 101 101
Chapter 102 102
Chapter 103 103
Chapter 104 104
Chapter 105 105
Chapter 106 106
Chapter 107 107
Chapter 108 108
Chapter 109 109
Chapter 110 110
Chapter 111 111
Chapter 112 112
Chapter 113 113
Chapter 114 114
Chapter 115 115
Chapter 116 116
Chapter 117 117
Chapter 118 118
Chapter 119 119
Chapter 120 120
Chapter 121 121
Chapter 122 122
Chapter 123 123
Chapter 124 124
Chapter 125 125
Chapter 126 126
Chapter 127 127
Chapter 128 128
Chapter 129 129
Chapter 130 130
Chapter 131 131
Chapter 132 132
Chapter 133 133
Chapter 134 134
Chapter 135 135
Chapter 136 136
Chapter 137 137
Chapter 138 138
Chapter 139 139
Chapter 140 140
Chapter 141 141
Chapter 142 142
Chapter 143 143
Chapter 144 144
Chapter 145 145
Chapter 146 146
Chapter 147 147
Chapter 148 148
Chapter 149 149
Chapter 150 150
Chapter 151 151
Chapter 152 152
Chapter 153 153
Chapter 154 154
Chapter 155 155
Chapter 156 156
Chapter 157 157
Chapter 158 158
Chapter 159 159
Chapter 160 160
Chapter 161 161
Chapter 162 162
Chapter 163 163
Chapter 164 164
Chapter 165 165
Chapter 166 166
Chapter 167 167
Chapter 168 168
Chapter 169 169
Chapter 170 170
Chapter 171 171
Chapter 172 172
Chapter 173 173
Chapter 174 174
Chapter 175 175
Chapter 176 176
Chapter 177 177
Chapter 178 178
Chapter 179 179
Chapter 180 180
Chapter 181 181
Chapter 182 182
Chapter 183 183
Chapter 184 184
Chapter 185 185
Chapter 186 186
Chapter 187 187
Chapter 188 188
Chapter 189 189
Chapter 190 190
Chapter 191 191
Chapter 192 192
Chapter 193 193
Chapter 194 194
Chapter 195 195
Chapter 196 196
Chapter 197 197
Chapter 198 198
Chapter 199 199
Chapter 200 200
Chapter 201 201
Chapter 202 202
Chapter 203 203
Chapter 204 204
Chapter 205 205
Chapter 206 206
Chapter 207 207
Chapter 208 208
Chapter 209 209
Chapter 210 210
Chapter 211 211
Chapter 212 212
Chapter 213 213
Chapter 214 214
Chapter 215 215
Chapter 216 216
Chapter 217 217
Chapter 218 218
Chapter 219 219
Chapter 220 220
Chapter 221 221
Chapter 222 222
Chapter 223 223
Chapter 224 224
Chapter 225 225
Chapter 226 226
Chapter 227 227
Chapter 228 228
Chapter 229 229
Chapter 230 230
Chapter 231 231
Chapter 232 232
Chapter 233 233
Chapter 234 234
Chapter 235 235
Chapter 236 236
Chapter 237 237
Chapter 238 238
Chapter 239 239
Chapter 240 240
Chapter 241 241
Chapter 242 242
Chapter 243 243
Chapter 244 244
Chapter 245 245
Chapter 246 246
Chapter 247 247
Chapter 248 248
Chapter 249 249
Chapter 250 250
Chapter 251 251
Chapter 252 252
Chapter 253 253
Chapter 254 254
Chapter 255 255
Chapter 256 256
Chapter 257 257
Chapter 258 258
Chapter 259 259
Chapter 260 260
Chapter 261 261
Chapter 262 262
Chapter 263 263
Chapter 264 264
Chapter 265 265
Chapter 266 266
Chapter 267 267
Chapter 268 268
Chapter 269 269
Chapter 270 270
Chapter 271 271
Chapter 272 272
Chapter 273 273
Chapter 274 274
Chapter 275 275
Chapter 276 276
Chapter 277 277
Chapter 278 278
Chapter 279 279
Chapter 280 280
Chapter 281 281
Chapter 282 282
Chapter 283 283
Chapter 284 284
Chapter 285 285
Chapter 286 286
Chapter 287 287
Chapter 288 288
Chapter 289 289
Chapter 290 290
Chapter 291 291
Chapter 292 292
Chapter 293 293
Chapter 294 294
Chapter 295 295
Chapter 296 296
Chapter 297 297
Chapter 298 298
Chapter 299 299
Chapter 300 300
Chapter 301 301
Chapter 302 302
Chapter 303 303
Chapter 304 304
Chapter 305 305
Chapter 306 306
Chapter 307 307
Chapter 308 308
Chapter 309 309
Chapter 310 310
Chapter 311 311
Chapter 312 312
Chapter 313 313
Chapter 314 314
Chapter 315 315
Chapter 316 316
Chapter 317 317
Chapter 318 318
Chapter 319 319
Chapter 320 320
Chapter 321 321
Chapter 322 322
Chapter 323 323
Chapter 324 324
Chapter 325 325
Chapter 326 326
Chapter 327 327
Chapter 328 328
Chapter 329 329
Chapter 330 330
Chapter 331 331
Chapter 332 332
Chapter 333 333
Chapter 334 334
Chapter 335 335
Chapter 336 336
Chapter 337 337
Chapter 338 338
Chapter 339 339
Chapter 340 340
Chapter 341 341
Chapter 342 342
Chapter 343 343
Chapter 344 344
Chapter 345 345
Chapter 346 346
Chapter 347 347
Chapter 348 348
Chapter 349 349
Chapter 350 350
Chapter 351 351
Chapter 352 352
Chapter 353 353
Chapter 354 354
Chapter 355 355
Chapter 356 356
Chapter 357 357
Chapter 358 358
Chapter 359 359
Chapter 360 360
Chapter 361 361
Chapter 362 362
Chapter 363 363
Chapter 364 364
Chapter 365 365
Chapter 366 366
Chapter 367 367
Chapter 368 368
Chapter 369 369
Chapter 370 370
Chapter 371 371
Chapter 372 372
Chapter 373 373
Chapter 374 374
Chapter 375 375
Chapter 376 376
Chapter 377 377
Chapter 378 378
Chapter 379 379
Chapter 380 380
Chapter 381 381
Chapter 382 382
Chapter 383 383
Chapter 384 384
Chapter 385 385
Chapter 386 386
Chapter 387 387
Chapter 388 388
Chapter 389 389
Chapter 390 390
Chapter 391 391
Chapter 392 392
Chapter 393 393
Chapter 394 394
Chapter 395 395
Chapter 396 396
Chapter 397 397
Chapter 398 398
Chapter 399 399
Chapter 400 400
Chapter 401 401
Chapter 402 402
Chapter 403 403
Chapter 404 404
Chapter 405 405
Chapter 406 406
Chapter 407 407
Chapter 408 408
Chapter 409 409
Chapter 410 410
Chapter 411 411
Chapter 412 412
Chapter 413 413
Chapter 414 414
Chapter 415 415
Chapter 416 416
Chapter 417 417
Chapter 418 418
Chapter 419 419
Chapter 420 420
Chapter 421 421
Chapter 422 422
Chapter 423 423
Chapter 424 424
Chapter 425 425
Chapter 426 426
Chapter 427 427
Chapter 428 428
Chapter 429 429
Chapter 430 430
Chapter 431 431
Chapter 432 432
Chapter 433 433
Chapter 434 434
Chapter 435 435
Chapter 436 436
Chapter 437 437
Chapter 438 438
Chapter 439 439
Chapter 440 440
Chapter 441 441
Chapter 442 442
Chapter 443 443
Chapter 444 444
Chapter 445 445
Chapter 446 446
Chapter 447 447
Chapter 448 448
Chapter 449 449
Chapter 450 450
Chapter 451 451
Chapter 452 452
Chapter 453 453
Chapter 454 454
Chapter 455 455
Chapter 456 456
Chapter 457 457
Chapter 458 458
Chapter 459 459
Chapter 460 460
Chapter 461 461
Chapter 462 462
Chapter 463 463
Chapter 464 464
Chapter 465 465
Chapter 466 466
Chapter 467 467
Chapter 468 468
Chapter 469 469
Chapter 470 470
Chapter 471 471
Chapter 472 472
Chapter 473 473
Chapter 474 474
Chapter 475 475
Chapter 476 476
Chapter 477 477
Chapter 478 478
Chapter 479 479
Chapter 480 480
Chapter 481 481
Chapter 482 482
Chapter 483 483
Chapter 484 484
Chapter 485 485
Chapter 486 486
Chapter 487 487
Chapter 488 488
Chapter 489 489
Chapter 490 490
Chapter 491 491
Chapter 492 492
Chapter 493 493
Chapter 494 494
Chapter 495 495
Chapter 496 496
Chapter 497 497
Chapter 498 498
Chapter 499 499
Chapter 500 500
Chapter 501 501
Chapter 502 502
Chapter 503 503
Chapter 504 504
Chapter 505 505
Chapter 506 506
Chapter 507 507
Chapter 508 508
Chapter 509 509
Chapter 510 510
Chapter 511 511
Chapter 512 512
Chapter 513 513
Chapter 514 514
Chapter 515 515
Chapter 516 516
Chapter 517 517
Chapter 518 518
Chapter 519 519
Chapter 520 520
Chapter 521 521
Chapter 522 522
Chapter 523 523
Chapter 524 524
Chapter 525 525
Chapter 526 526
Chapter 527 527
Chapter 528 528
Chapter 529 529
Chapter 530 530
Chapter 531 531
Chapter 532 532
Chapter 533 533
Chapter 534 534
Chapter 535 535
Chapter 536 536
Chapter 537 537
Chapter 538 538
Chapter 539 539
Chapter 540 540
Chapter 541 541
Chapter 542 542
Chapter 543 543
Chapter 544 544
Chapter 545 545
Chapter 546 546
Chapter 547 547
Chapter 548 548
Chapter 549 549
Chapter 550 550
Chapter 551 551
Chapter 552 552
Chapter 553 553
Chapter 554 554
Chapter 555 555
Chapter 556 556
Chapter 557 557
Chapter 558 558
Chapter 559 559
Chapter 560 560
Chapter 561 561
Chapter 562 562
Chapter 563 563
Chapter 564 564
Chapter 565 565
Chapter 566 566
Chapter 567 567
Chapter 568 568
Chapter 569 569
Chapter 570 570
Chapter 571 571
Chapter 572 572
Chapter 573 573
Chapter 574 574
Chapter 575 575
Chapter 576 576
Chapter 577 577
Chapter 578 578
Chapter 579 579
Chapter 580 580
Chapter 581 581
Chapter 582 582
Chapter 583 583
Chapter 584 584
Chapter 585 585
Chapter 586 586
Chapter 587 587
Chapter 588 588
Chapter 589 589
Chapter 590 590
Chapter 591 591
Chapter 592 592
Chapter 593 593
Chapter 594 594
Chapter 595 595
Chapter 596 596
Chapter 597 597
Chapter 598 598
Chapter 599 599
Chapter 600 600
Chapter 601 601
Chapter 602 602
Chapter 603 603
Chapter 604 604
Chapter 605 605
Chapter 606 606
Chapter 607 607
Chapter 608 608
Chapter 609 609
Chapter 610 610
Chapter 611 611
Chapter 612 612
Chapter 613 613
Chapter 614 614
Chapter 615 615
Chapter 616 616
Chapter 617 617
Chapter 618 618
Chapter 619 619
Chapter 620 620
Chapter 621 621
Chapter 622 622
Chapter 623 623
Chapter 624 624
Chapter 625 625
Chapter 626 626
Chapter 627 627
Chapter 628 628
Chapter 629 629
Chapter 630 630
Chapter 631 631
Chapter 632 632
Chapter 633 633
Chapter 634 634
Chapter 635 635
Chapter 636 636
Chapter 637 637
Chapter 638 638
Chapter 639 639
Chapter 640 640
Chapter 641 641
Chapter 642 642
Chapter 643 643
Chapter 644 644
Chapter 645 645
Chapter 646 646
Chapter 647 647
Chapter 648 648
Chapter 649 649
Chapter 650 650
Chapter 651 651
Chapter 652 652
Chapter 653 653
Chapter 654 654
Chapter 655 655
Chapter 656 656
Chapter 657 657
Chapter 658 658
Chapter 659 659
Chapter 660 660
Chapter 661 661
Chapter 662 662
Chapter 663 663
Chapter 664 664
Chapter 665 665
Chapter 666 666
Chapter 667 667
Chapter 668 668
Chapter 669 669
Chapter 670 670
Chapter 671 671
Chapter 672 672
Chapter 673 673
Chapter 674 674
Chapter 675 675
Chapter 676 676
Chapter 677 677
Chapter 678 678
Chapter 679 679
Chapter 680 680
Chapter 681 681
Chapter 682 682
Chapter 683 683
Chapter 684 684
Chapter 685 685
Chapter 686 686
Chapter 687 687
Chapter 688 688
Chapter 689 689
Chapter 690 690
Chapter 691 691
Chapter 692 692
Chapter 693 693
Chapter 694 694
Chapter 695 695
Chapter 696 696
Chapter 697 697
Chapter 698 698
Chapter 699 699
Chapter 700 700
Chapter 701 701
Chapter 702 702
Chapter 703 703
Chapter 704 704
Chapter 705 705
Chapter 706 706
Chapter 707 707
Chapter 708 708
Chapter 709 709
Chapter 710 710
Chapter 711 711
Chapter 712 712
Chapter 713 713
Chapter 714 714
Chapter 715 715
Chapter 716 716
Chapter 717 717
Chapter 718 718
Chapter 719 719
Chapter 720 720
Chapter 721 721
Chapter 722 722
Chapter 723 723
Chapter 724 724
Chapter 725 725
Chapter 726 726
Chapter 727 727
Chapter 728 728
Chapter 729 729
Chapter 730 730
Chapter 731 731
Chapter 732 732
Chapter 733 733
Chapter 734 734
Chapter 735 735
Chapter 736 736
Chapter 737 737
Chapter 738 738
Chapter 739 739
Chapter 740 740
Chapter 741 741
Chapter 742 742
Chapter 743 743
Chapter 744 744
Chapter 745 745
Chapter 746 746
Chapter 747 747
Chapter 748 748
Chapter 749 749
Chapter 750 750
Chapter 751 751
Chapter 752 752
Chapter 753 753
Chapter 754 754
Chapter 755 755
Chapter 756 756
Chapter 757 757
Chapter 758 758
Chapter 759 759
Chapter 760 760
Chapter 761 761
Chapter 762 762
Chapter 763 763
Chapter 764 764
Chapter 765 765
Chapter 766 766
Chapter 767 767
Chapter 768 768
Chapter 769 769
Chapter 770 770
Chapter 771 771
Chapter 772 772
Chapter 773 773
Chapter 774 774
Chapter 775 775
Chapter 776 776
Chapter 777 777
Chapter 778 778
Chapter 779 779
Chapter 780 780
Chapter 781 781
Chapter 782 782
Chapter 783 783
Chapter 784 784
Chapter 785 785
Chapter 786 786
Chapter 787 787
Chapter 788 788
Chapter 789 789
Chapter 790 790
Chapter 791 791
Chapter 792 792
Chapter 793 793
Chapter 794 794
Chapter 795 795
Chapter 796 796
Chapter 797 797
Chapter 798 798
Chapter 799 799
Chapter 800 800
Chapter 801 801
Chapter 802 802
Chapter 803 803
Chapter 804 804
Chapter 805 805
Chapter 806 806
Chapter 807 807
Chapter 808 808
Chapter 809 809
Chapter 810 810
Chapter 811 811
Chapter 812 812
Chapter 813 813
Chapter 814 814
Chapter 815 815
Chapter 816 816
Chapter 817 817
Chapter 818 818
Chapter 819 819
Chapter 820 820
Chapter 821 821
Chapter 822 822
Chapter 823 823
Chapter 824 824
Chapter 825 825
Chapter 826 826
Chapter 827 827
Chapter 828 828
Chapter 829 829
Chapter 830 830
Chapter 831 831
Chapter 832 832
Chapter 833 833
Chapter 834 834
Chapter 835 835
Chapter 836 836
Chapter 837 837
Chapter 838 838
Chapter 839 839
Chapter 840 840
Chapter 841 841
Chapter 842 842
Chapter 843 843
Chapter 844 844
Chapter 845 845
Chapter 846 846
Chapter 847 847
Chapter 848 848
Chapter 849 849
Chapter 850 850
Chapter 851 851
Chapter 852 852
Chapter 853 853
Chapter 854 854
Chapter 855 855
Chapter 856 856
Chapter 857 857
Chapter 858 858
Chapter 859 859
Chapter 860 860
Chapter 861 861
Chapter 862 862
Chapter 863 863
Chapter 864 864
Chapter 865 865
Chapter 866 866
Chapter 867 867
Chapter 868 868
Chapter 869 869
Chapter 870 870
Chapter 871 871
Chapter 872 872
Chapter 873 873
Chapter 874 874
Chapter 875 875
Chapter 876 876
Chapter 877 877
Chapter 878 878
Chapter 879 879
Chapter 880 880
Chapter 881 881
Chapter 882 882
Chapter 883 883
Chapter 884 884
Chapter 885 885
Chapter 886 886
Chapter 887 887
Chapter 888 888
Chapter 889 889
Chapter 890 890
Chapter 891 891
Chapter 892 892
Chapter 893 893
Chapter 894 894
Chapter 895 895
Chapter 896 896
Chapter 897 897
Chapter 898 898
Chapter 899 899
Chapter 900 900
Chapter 901 901
Chapter 902 902
Chapter 903 903
Chapter 904 904
Chapter 905 905
Chapter 906 906
Chapter 907 907
Chapter 908 908
Chapter 909 909
Chapter 910 910
Chapter 911 911
Chapter 912 912
Chapter 913 913
Chapter 914 914
Chapter 915 915
Chapter 916 916
Chapter 917 917
Chapter 918 918
Chapter 919 919
Chapter 920 920
Chapter 921 921
Chapter 922 922
Chapter 923 923
Chapter 924 924
Chapter 925 925
Chapter 926 926
Chapter 927 927
Chapter 928 928
Chapter 929 929
Chapter 930 930
Chapter 931 931
Chapter 932 932
Chapter 933 933
Chapter 934 934
Chapter 935 935
Chapter 936 936
Chapter 937 937
Chapter 938 938
Chapter 939 939
Chapter 940 940
Chapter 941 941
Chapter 942 942
Chapter 943 943
Chapter 944 944
Chapter 945 945
Chapter 946 946
Chapter 947 947
Chapter 948 948
Chapter 949 949
Chapter 950 950
Chapter 951 951
Chapter 952 952
Chapter 953 953
Chapter 954 954
Chapter 955 955
Chapter 956 956
Chapter 957 957
Chapter 958 958
Chapter 959 959
Chapter 960 960
Chapter 961 961
Chapter 962 962
Chapter 963 963
Chapter 964 964
Chapter 965 965
Chapter 966 966
Chapter 967 967
Chapter 968 968
Chapter 969 969
Chapter 970 970
Chapter 971 971
Chapter 972 972
Chapter 973 973
Chapter 974 974
Chapter 975 975
Chapter 976 976
Chapter 977 977
Chapter 978 978
Chapter 979 979
Chapter 980 980
Chapter 981 981
Chapter 982 982
Chapter 983 983
Chapter 984 984
Chapter 985 985
Chapter 986 986
Chapter 987 987
Chapter 988 988
Chapter 989 989
Chapter 990 990
Chapter 991 991
Chapter 992 992
Chapter 993 993
Chapter 994 994
Chapter 995 995
Chapter 996 996
Chapter 997 997
Chapter 998 998
Chapter 999 999
Chapter 1000 1000

действительно было много людей, считавших, что существует кое-что более важное, чем деньги.

И все же, несмотря на все эти филантропические и патриотические чувства, характерные для эллинистической эпохи, филантропия в нашем смысле—организованная помощь бедным со стороны богатых—была почти неизвестна. Не существовало заботы о бедноте как таковой: идеи демократии и равенства были так сильны, что все, что делалось, должно было делаться для всех*. Упомянув литургии по снабжению продовольствием в Родосе, выдачи воинам-инвалидам в Афинах[230], указания Полибия, что Офельт в Беотии помогал бедным из государственных запасов[231], и заявление Гераклида, что состоятельные жители Танагры были добры к своим беднякам[232] («легко быть добрым,—сухо добавляет он,—когда имеешь достаточно пищи»), мы составим почти полный список, если только не будем включать в него случаи, когда такие организации, как организация демархов, обеспечивали дочь умершего члена[233]. Раздачи жертвенного мяса, значение которых особо подчеркивалось, не могли быть общим явлением; по крайней мере, это ясно по отношению к Афинам: жрецы получали свои добавочные доли, за которые им в конце концов часто было уже уплачено, и вряд ли оставалось вообще какое-либо мясо в пользу бедных. Каталог Микона около 200 г.[234], являющийся дополнением к другому, утерянному, упоминает одно распределение в четыре месяца, обед только для жен граждан и посвященных в данный культ женщин. Список Коса за несколько дней[235] дважды упоминает мясо, которое шло «городу», но из этого еще не следует, что оно раздавалось. Согласно Павлу, повидимому, бо́льшая часть мяса попадала обычно в лавки торговцев. Можно было бы ожидать, что стоики и киники, с их чувствами человеческого братства, будут заниматься филантропией, но они этого не делали. Для стоиков бедность, подобно рабству, имеет отношение только к телу, а то, что касается одного тела, было для них совершенно безразлично; беднейший раб может быть

* Автор упускает из виду, что упомянутые им идеи демократии и равенства распространялись только на свободных граждан. Рабы исключались вообще из числа граждан. (*Прим. ред.*)

царем в собственной своей душе, поэтому они сосредоточивали все внимание на душе, пренебрегая телом, почему никогда и не требовали уничтожения рабства. Киники прославляли бедность, в которой они сами находились; если отсутствие имущества само по себе не является добродетелью, то, чтобы приобретать имущество—нужно сначала стать бедным; очевидно, они не проводили различия между природной бедностью рабочего человека и добровольным отречением от богатства философа. Единственное отражение филантропии в литературе—стихотворение Керкида (стр. 251)—было, очевидно, навеяно революцией Клеомена.

В этой главе часто указывалось на материальное преуспеяние эллинистической эпохи; вопрос этот должен быть теперь рассмотрен более детально. До Суллы это был век процветания для высших классов; об этом свидетельствует бурное развитие торговых сношений (гл. VII), а также рост числа клубов, новых праздников (стр. 119), роскошь стола, описанная в литературе, роскошь женской одежды, в частности шелковой и златотканной (стр. 231), лучше спланированные города, богаче оборудованные частные дома, более изящная мебель (гл. IX). Тем не менее, надо проводить различие между самой Грецией и Азией (с островами). Не вся Греция ощутила этот подъем; Коринф и Этолия, Амбракия и Пагасы стали богаче (стр. 227), но Афины, как и Спарта, обеднели, вплоть до оживления в конце II века, хотя и по другим основаниям. Северная Греция в общем пользовалась благосостоянием, как об этом свидетельствует число рабов и то, каким образом теперь выдвигаются полисы, о которых раньше не было и слышно. Положение дел в Мессении около 100—91 гг. явилось своего рода откровением[236], так как Мессения была аграрной страной, не имевшей особого значения и лежавшей вне торговых путей. Среднее состояние мессенских граждан в это время, согласно вычислению профессора Вильхельма, составляло одну пятую таланта*, тогда как в Афинах во времена Демосфена оно равнялось одной четвертой; двухпроцент-

* Талант—древнегреческая мера веса и денежная единица. Аттический талант = 25,92 кг, эгинский=37 кг. В среднем талант составлял 6 тыс. драхм. (*Прим. ред.*)

ный земельный налог давал около 2,5 драхмы дохода с человека (во Франции в 1908 г.—2,75 франка, причем, конечно, покупательная способность драхмы была много выше, чем франка). Женщины часто тратили более 100 драхм на одно платье и питали пристрастие к дорогим прозрачным шелкам[237]. Другой процесс, который легко проследить,—это рост суммы штрафа за невыполнение решений арбитража[238]. Штрафы поднимались до 2 тыс. драхм[239]; в V столетии самая высокая известная нам сумма достигает 5 талантов, но во II в. мы встречаем суммы в 20 талантов (Киклады)[240], 30 и 50 (Малая Азия)[241] и 60 (Локрида)[242]. Что касается отдельных лиц, самый богатый человек в Греции эпохи Демосфена—афинянин Дифил, может быть, имел 160 талантов[243], а самый богатый грек (около 200 г.)—Александр Исийский в Этолии—200[244]. Мы вправе сказать, что хотя Греция и не увеличила своего материального благосостояния в той мере, как Азия, но оно было довольно значительно вплоть до времени Суллы.

Что касается Азии и островов, наши сведения подавляют своим обилием, даже независимо от роста городов и распространения торговли. Афины взимали с Византии ежегодную подать в 15 талантов и от 1 до 2 талантов с каждого из зависимых от них карийских городов; около 200 г. Византия платила галлам ежегодную дань в 80 талантов[245], а позже Родос извлекал из своих карийских владений, главным образом Кауна и Стратоникеи, 120 талантов[246]. Размеры приданого невест в Миконе в сравнении с размерами приданого в Афинах IV века [247], сумма подписок в Косе около 200 г.[248], масштабы взносов в клубе Эпиктета в Фере в сравнении с афинской практикой[249], новый обычай, возникший в клубах Коса и Феры, подносить в знак почета своим членам венцы из золота, а не из листьев[250]—все это красноречиво свидетельствует о богатстве. В Малой Азии, что бы ни происходило в политической области, благосостояние и богатство постоянно росли до 88 г., может быть вплоть до гражданских войн в Риме. Вполне понятно, что царские министры должны были составить крупные состояния, но в I веке и частные граждане тоже иногда становились богатыми в такой мере, которая была немыслима в самой Греции; некий Гиерон из Лаодикеи на Ликусе имел свыше 2 тыс. талантов[251], и бывший одно время другом Помпея Пифодор

из Тралл имел состояние свыше 4 тыс. талантов[252], включая и стоимость его земельных владений. Но наилучшим доказательством являются суммы, награбленные в Азии Римом. В 63 г. публикан Фальцидий[253], откупив налоги с Тралл за 900 тыс. сестерций* (т. е. 39 талантов), предложил взятку в 50 талантов за предоставление ему на второй год этого откупа на прежних условиях, т. е. он за один год со второстепенного города собрал по меньшей мере 100 талантов, в то время как поземельный налог во всей Македонии давал ежегодно только каких-нибудь 200 талантов. Это более красноречиво, чем обширные богатства, извлеченные из Азии Помпеем и Крассом. В 86 г. Митридат взял с Хиоса 2 тыс. талантов[254]; в 70 г. сенат потребовал с Крита 4 тыс. талантов[255]. Кассий взял с Родоса 500 талантов и сверх этого 8090 у отдельных родосцев[256]. Сулла в 84 г. взял 20 тыс. талантов с провинции Азии в качестве недоимки налогов за пять лет[257]; Брут получил 16 тыс. талантов в качестве налога за один год[258]; наконец, Антоний потребовал 200 тыс. в качестве аванса налогов за десять лет вперед[259], т. е. сумму бóльшую, чем сокровища, накопленные персидскими царями более чем за два века с половины континента. Нет нужды приводить другие примеры: давно прошли или должны были пройти те времена, когда эллинистический мир называли «пораженным бедностью».

О богатстве можно судить и по народным увеселениям: не только умножились игры, но и возросла стоимость проведения праздника, ибо исполнителями стали теперь профессионалы. Полный список новых эллинистических праздников занял бы целую страницу. С 323 г. (год смерти Александра) до 189 г. повсюду в городах было учреждено множество праздничных дней с играми и жертвоприношениями, требующими соответствующих расходов, а пять ежегодных праздников—в Феспиях[260], Косе[261], Дельфах[262], Магнесии[263] и Милете[264]—были превращены в «увенчанные» игры,—великие торжества, происходившие раз в четыре года. Кроме них, масса праздников была учреждена различными царями; величайшим из них были Птолемейи в Александрии, единственный праздник, который приравнивался к олимпийским праздне-

* Сестерций—римская серебряная монета; с 217 г. до н. э. вес ее равен—1,09 грамма. (*Прим. ред.*)

ствам[265] (к пифийским некоторые празднества приравнивались)[266]. Во II веке отдельные города основывали праздники в честь Рима[267]; из них известно по крайней мере 13 (первый по времени—в 189 г. в Дельфах); но даже после 146 г. беотийские Птойи стали четырехгодичными[268], а Танагра основала свои Серапийские празднества [269]. Со времени появления в Греции Суллы и до установления мира Августом больше нигде не учреждались новые праздники.

Естественно, что исполнители на таких праздниках, артисты Диониса[270], приобрели большое значение. Их древнейшая ассоциация, афинская, возникает вскоре после смерти Александра; ее привилегии были закреплены за ней амфиктионами вскоре после 279 г. Затем оформилась истмийская ассоциация с центром в Коринфе, особо связанная с Феспиями. Во II веке эта ассоциация распространилась на всю древнюю Грецию, за исключением Афин, и имела во многих городах свои секции. Разрушение Коринфа в 146 г. нанесло ей тяжелый удар; начались внутренние распри между секциями; некоторые из них присоединились к афинской ассоциации, и истмийская ассоциация уже не могла более оправиться. Третья ассоциация актеров возникла еще в ранний период эллинизма в Азии, с центром в Теосе; позже она объединилась с актерами придворного пергамского театра—ассоциацией Диониса Категемона, и вся организация стала зависимой от Атталидов. В свои лучшие дни артисты Диониса составляли как бы независимое государство, посылающее и принимающее послов[271]; на них сыпались почести, привилегии[272], иммунитеты, охранные грамоты[273]; они субсидировались царями и городами, а афинская ассоциация имела даже право носить пурпур; можно было подумать, что лучше забавлять народ, чем управлять им.

Размер процентов[274] может в какой-то мере определять размеры самого капитала в стране, но для Греции он не так показателен, потому что в ней было мало современных удобств для интенсивного обращения капитала. Частные банки обычно были небольшими, и главными источниками капитала, доступными для кредитных операций торговцев и крестьян, были либо какие-нибудь вклады, со стоимости которых получались проценты, что давало ежегодный доход с вложенного имущества,

либо храмовые фонды; но храмовые фонды, пускаемые в оборот, обычно были невелики[275], и Делосский храм веками давал взаймы под 10%, независимо от изменений в стоимости денег. Тем не менее, можно привести кривую высоты процента, насколько она нам известна. В царствование Александра обычный размер процента достигал 12, не считая риска ссуды под морские перевозки, что вело к сильному повышению процентов. К 300 г. размер процента упал до 10, что соответствует падению стоимости драхмы, вследствие появления в обращении богатств персидской казны; и эти 10% оставались нормой в течение всего III века[276], хотя встречаются также $8^1/_3\%$[277] и 6%[278] (последний случай, очевидно, объясняется льготой политического характера); в первой половине II века в сделках делового типа мы встречаем 7%[279] и $6^2/_3\%$[280]. С середины II века размер процента снова повышается, и ко времени Суллы он опять возвращается к старой норме—12%. После Суллы размер процентов становится показателем только римской жадности. Лукулл временно запретил его повышение в Азии, установив в качестве максимума 12%[281], но во время гражданских войн римляне брали необычайно высокие проценты, даже до 48%[282]. Насколько можно судить, эти размеры процентов свидетельствуют об устойчивом процветании вплоть до 146 г., когда, очевидно, деньги были в изобилии и дешевы. Драхма снова стала стабильной перед 200 г. Это подтверждается тем, что земельные арендаторы в Феспиях получают право возобновить аренду на прежних условиях[283], в то время как около 300 г. на Делосе они могли возобновить аренду только с условием повышения ренты на 10%; но дошло ли дело когда-нибудь до возвращения к ценам времени Александра, когда модий* пшеницы стоил 5 драхм,—остается неясным; имеются указания, что примерно до 100 г. цена на пшеницу оставалась несколько выше 5 драхм за модий.

Имело место и некоторое развитие банкового дела, но в Греции банки не играли большой роли и никогда не достигали такого значения, как римские банки. Частные банки, кроме обмена денег, брали денежные вклады и давали ссуды; возможно, применялась система чеков.

* Модий—римская мера сыпучих тел, равная 8,754 литра. (*Прим. ред.*)

Так называемые «государственные» банки в некоторых греческих полисах[284], если они не были только монополией по обмену денег, откупленной каким-либо частным лицом, были фактически дополнением к казначейству: они получали и выплачивали деньги, вели городскую денежную отчетность, могли авансировать деньги на непредвиденные расходы, компенсируя себя позже; эти операции имели целью уберечь полис от неприятных хлопот с внешними займами, которые в иных условиях были обычным явлением.

В большинстве случаев городской заем был связан с различными финансовыми ухищрениями. Это в такой же мере не имеет ничего общего с бедностью, как и современные муниципальные займы. Объясняется этот факт очень просто. У города не было бюджета[285]; некоторые получения были связаны с известными расходами; непредвиденные выдачи, хотя бы небольшого размера, означали новый налог или подписку[286], что отнимало время, и полис просто ради удобства занимал эту сумму[287] и возвращал ее потом в удобное для себя время. Иногда имела место определенная задержка в уплате денег[288], но это опять-таки не доказывает бедности полиса. Можно привести один пример. Приблизительно в 220—200 гг., по словам Полибия[289], в Беотии было изобилие денег, но Гераклид говорит, что долги были почти безнадежными[290]. Как раз в этот период Орхомен дважды делал заем; уплату по займу Никареты полис всячески оттягивал[291], тогда как Эвбулу уплатили досрочно[292]; очевидно, полисом руководили соображения политического, а не экономического порядка. Делос систематически брал деньги взаймы и регулярно финансировался за счет храмовых фондов, которые он постоянно то брал взаймы, то возвращал обратно[293]. Конечно, официально почти каждый полис был беден, так как городское казначейство редко имело какие-нибудь резервы; но это не значит, что и граждане были бедны. Но из этого следует, что редко какой-либо полис мог одолжить деньги другому[294]; однако его граждане могли это делать и делали неоднократно подписки от имени полиса[295]. Полисы иногда буквально жили текущим днем. Эфес однажды достал деньги для вооружения некоторых своих сторонников путем продажи дюжины почетных грамот на право гражданства[296];

Фасос около 285 г. продал четыре или пять прав гражданства по 2 тыс. драхм каждое[297]; во время союзнической войны Тритея продала их несколько для набора наемников[298]. Конечно, тот или иной полис мог лишиться кредита. Ороп пытался соблазнять кредиторов обещанием гражданских почестей[299]. И самый богатый полис может быть дезорганизован войной; так, в 201 г. действия Филиппа V в Карии помешали Милету получить с нее свои доходы, и Милет был вынужден сделать заем у своих граждан с уплатой им долга пожизненной рентой[300]. Но полисы, потерпевшие такого рода ущерб, снова приводили свой бюджет в порядок, как это естественно для простых экономических организмов.

Самой слабой стороной этой незрелой финансовой системы была трудность организации общественных работ. Работы кооперативного порядка, даже по проведению приличных дорог, были почти невозможны, пока их организацию не взяли в свои руки цари, как это было, когда всеобщими усилиями восстанавливали Фивы в 316 г.[301] и Родос после землетрясения 225 г.[302]; и даже городские работы было трудно проводить, если у полиса не было каких-либо специальных ресурсов. Эретрии удалось осушить болото благодаря тому, что она предоставила подрядчику существенные привилегии[303]; Делос оплатил постройку своей новой гавани новыми торговыми доходами, предоставленными ему Римом, а постройка великолепных рынков Милета, когда она не была делом Селевкидов, стала возможной благодаря тому, что у города, как у царя, было собственное шерстяное производство.

Это не значит, что города не вводили налогов. Прямые налоги были неприемлемы для греков: традиционные 10% с урожая—азиатская традиция. Но иногда необходимость заставляла их преодолевать свое отвращение к прямым налогам; в Афинах давно существовал налог, «эйсфора», на всю частную собственность, и в эллинистический период он был усвоен некоторыми городами, особенно Милетом[304]. Другие, как Краннон[305] и Делос[306], взимали 10% с урожая или, как Делос и Кос[307],—10% дохода с дома. Но обычно денежные налоги были косвенными, и мы знаем очень много таких налогов. Общее распространение имели 2%-ный налог на весь вывоз и ввоз (стр. 346, прим. 217), пастбищный налог на каждое

выгоняемое на пастбище животное и налоги на рыночные места; Кос ввел специальный сбор на вывоз (косского) вина и обложил налогом хлеб, муку, овощи, соленую рыбу и многие другие товары[308]; Теос в III веке[309] обложил налогом пахотных волов, рубку леса, овец и свиней, шерстяную одежду из милетской шерсти (может быть, и шерсть), крашение пурпуром, сады и пчел. Может быть иногда такое обложение производилось городом, имевшим поручение взимать налоги[310] в пользу царя, и в этом случае город не мог воспользоваться всей получаемой суммой. Но даже если все собранные деньги шли в пользу города, вся эта раздражающая население система сборов не давала возможности использовать в интересах города богатства частных лиц, за исключением эйсфоры, но и эйсфора не была совершенной, поскольку граждане облагались на основании представляемых ими самими сведений о своей собственности, которые часто были заниженными. Откуп налогов был уже известен, но не имел значения вплоть до момента появления римского откупщика, ненавистного публикана.

Мы говорили о процветании греческого мира. Теперь мы должны взглянуть на оборотную сторону этой картины—положение мелкого люда и рабочего класса. За исключением некоторых азиатских городов, вроде Милета, промышленность в Греции отставала от торговли, и мелкий предприниматель, использующий дюжину рабочих рук, не мог соперничать с крупными заведениями рабовладельцев Александрии и Пергама. Что касается земледелия, то некоторые ученые, на основании реального падения земельной ренты на Делосе после 250 г., делали вывод о падении сельского хозяйства; но это значит только, что *на Делосе* люди находили транзитную торговлю более прибыльной; ибо постоянная тяга в III и II веках к разделу земли свидетельствует, что сельское хозяйство было на прежнем уровне, хотя в некоторых странах—Лаконии, Этолии, Фессалии[311]—земля в то или иное время оказывалась переобремененной долгами. В больших городах, естественно, была тенденция к образованию класса пролетариев-*потребителей*; немногочисленные промышленные предприятия эпохи эллинизма были разрознены и незначительны по размерам, а поэтому и не было *производительного* пролетариата, имеющего

классовое самосознание. Однако сведения по всему объему вопроса отсутствуют, за одним единственным исключением[312]: мы знаем о положении трудящихся на Делосе примерно в 300—250 гг.; позднее, когда можно проследить развитие какого-либо специального ремесла, например резчиков надписей, мы видим, что их положение не улучшается. Так как рабочие на Делосе были не местного происхождения, а пришлые с других островов, то можно предположить, что положение трудящихся на этих островах было еще хуже.

Снижение ценности денег к 300 г. вело к соответствующему росту цен[313]: пшеница вздорожала примерно вдвое, масло—в 3½ раза, простое вино в 2½ раза[314]. Средний доход с дома на Делосе, не достигавший 20 драхм в IV веке, достиг 100 драхм во II веке[315], хотя в этом случае могла сыграть свою роль местная перенаселенность[316]; однако цены на съестные продукты нигде не достигли того уровня, какой был в Афинах во времена Демосфена, а также в 250 г. и, может быть, в 200 г. С другой стороны, оплата труда на Делосе значительно снизилась по сравнению с таковой в Афинах времени Демосфена[317], вероятно в результате ничем не смягченной конкуренции. Для бедняка и раба прожиточный минимум, при стоимости пшеницы в 5 драхм, равнялся 2 оболам в день в течение всего года на одного человека и 1 драхме (6 оболам) на семью[318]. Но и на Делосе квалифицированный ремесленник мог зарабатывать в лучшем случае 4 обола в день в течение года, а неквалифицированный—2 обола, иногда и меньше[319], хотя пшеница поднялась до 10 драхм. Это значит, что оплата труда неквалифицированного свободного рабочего, которого можно было заменить рабом, не могла подняться выше уровня оплаты раба, а при случае падала и ниже него. Поэтому и пропасть между богатыми и бедными стала шире по сравнению с IV веком, и в этом следует видеть самое нездоровое явление эллинизма. Влияние бедности на рост населения очевидно: бедным тяжелее растить детей. То, что в календаре было много нерабочих (праздничных) дней, несущественно: людям надо есть и по воскресеньям. Такое положение с оплатой труда может объяснить, почему некоторые города были вынуждены итти навстречу бесплатной раздаче хлеба, т. е. пауперизации.

Разумеется, были и социальные смуты. Конечно, не было профессиональных организаций, и в рабовладельческом обществе забастовки были почти невозможны (забастовки в Египте—стр. 184—185—сюда не относятся). Однажды не вышли на работу хлебопеки Пароса, вследствие задержки в выдаче зарплаты, что, очевидно, случалось неоднократно. Но здесь быстро вмешался агораном, принял меры к оплате за отработанное время и поставил их снова на работу[320]. У нас нет сведений о какой-либо другой забастовке, вплоть до стачек в римской Азии во II веке н. э.[321], когда начали возникать профессиональные союзы, а первая известная нам стачечная борьба за лучшие условия труда относится только к V веку н. э. Когда положение становилось совершенно невыносимым, единственным выходом было восстание или революция[322].

Уже IV век был одержим страхом перед социальной революцией[323], и отчасти именно поэтому зажиточные слои стали на сторону Македонии, как защитницы существующего порядка. В договорах между Александром и городами Коринфского союза предусматривалось, что Македония и союз должны подавить в любом городе союза всякое движение за отмену долгов, раздел земли, конфискацию частной собственности или освобождение рабов в помощь революции[324]; конституция восстановленного Деметрием в 303 г. союза включала эти же условия[325]. Следовательно, у революции была тогда программа, состоящая из этих четырех пунктов. Бедняки добивались земли, но побудительным мотивом к возмущению мелкого люда был долговой вопрос: рядовые общины могут терпеливо сносить тяжелые жизненные условия, но они всегда ненавидят кредитора. Счета Делосского храма, среди которых мы встречаем много мелких займов и тяжелой задолженности, бросают некоторый свет на долговой вопрос[326].

Философия внесла свой вклад в этот вопрос с совершенно иной точки зрения: подчеркивание стоиками начал равенства и братства запало в человеческие души и внушало надежду на лучший порядок, чем существующий. Некоторые искали убежища от цивилизации в описании фантастических образов добродетельных варваров, живущих согласно природе,—прототипов «Германии» Тацита; так стали появляться утопии. Разумеется, и Платон и

Аристотель рисовали идеальные государства, но они были довольно бесполезны для трудящихся, а первая утопия, принадлежащая перу Зенона (стр. 89), была слишком блестящей и слишком далекой от психологии среднего человека, чтобы владеть умами. Но Эвгемер (около 300 г.)[327] и Ямбул (III век)[328] создали подлинные современные утопии, локализуемые на островах Индийского океана; и в великом государстве солнца Ямбула стоический коммунизм проявляется уже в своем зрелом виде. В этой утопии люди равны во всех отношениях, даже в мудрости; они живут в общинах или «системах», в которых все одинаково трудятся и имеют одинаковую долю в продуктах труда; люди избежали «порабощения средствами производства», потому что остров, к счастью, круглый год дает урожай, частью даже без помощи человеческого труда; каждый по очереди выполняет все обязанности, от слуги до правителя; а правителем каждой системы является ее старейший член, который должен умереть по достижении определенного возраста (этот пункт взят из одной кеосской легенды)[329]. Здесь, таким образом, нет места для богатства, честолюбия или учености—этих врагов равенства, а также классовой борьбы, потому что здесь нет классов; выше всего люди почитают гомонойю, и они объединяются в согласии и любви. Ямбул и его последователи стремились уничтожить ту классовую борьбу, ужасы которой были на глазах у многих греков; но, разумеется даже когда революционные философы и консервативные правительства сходились в почитании «Согласия», некоторые усердные поклонники этой богини были всегда готовы истреблять во имя ее своих сотоварищей.

За исключением, может быть, одного восстания рабов на Хиосе[330], первой революционной вспышкой III века, о которой у нас имеются сведения, является восстание неимущих в Кассандрии в 279 г., организованное неким Аполлодором, который установил тиранию, подверг богатых тяжелым испытаниям и раздал часть их имущества своим сторонникам. Он показал, что это легко выполнимо с помощью наемного войска, и имел значительный успех, пока его не уничтожил Антигон Гонат[331]. За этим последовали четыре вспышки волнений на островах (одна из них, несомненно, была вызвана конфликтом между

богатыми и бедными), но дело не дошло до открытого восстания, они были урегулированы царской властью[332]. Но великими революциями III века были две спартанские[333], поскольку Спарта тогда страдала серьезным социальным недугом, вследствие захвата всей земли немногими богачами. Агис IV (вступил на престол в 244 г.) попытался путем мирной реформы отменить долги и разделить землю, но потерпел неудачу. Его более сильный преемник—Клеомен III, при содействии стоика Сфера, ученика Зенона, провел реформу при помощи силы, отменил долги и национализировал землю, которую он разделил на 4 тыс. наделов для спартиатов и 15 тыс. для периэков, пополнив ряды спартиатов периэками и метэками. Ни один из этих царей не затронул вопроса об илотах, потому что оба они, далеко не будучи революционерами, думали, что возрождают древнюю Спарту Ликурга. Но греки считали, что Клеомен выполняет революционную программу, и в последующей войне с Ахейским союзом он имел в каждом городе на своей стороне бедноту. В одном из городов—Кинефе—произошел революционный переворот и земля была разделена[334]. Если бы Клеомен пожертвовал своим военным честолюбием и не стремился к господству над Пелопоннесом, то он мог бы обеспечить в Спарте длительный успех своей реформе; но зажиточные руководители Ахейского союза в отчаянии призвали на помощь Македонию, и Антигон Досон взял Спарту (222 г.) и восстановил прежний порядок. Революция снова разразилась в Спарте в 207 г. под руководством Набиса (стр. 38); он выполнил все четыре пункта революционной программы[335], освободил многих илотов, хотя вовсе не разрешил радикально вопроса об илотах; каждая греческая революция, за исключением, быть может, пергамской, производит впечатление беспочвенной, так как в ней не участвуют рабы. Набис отнял имущество у богатых, но, по его словам, только в пользу государства; может быть, государство стало теперь оплачивать общие обеды (это было неизбежно, если было освобождено много илотов). Имеются указания, что Набис вовсе не был таким жестоким, как его обрисовали враги[336]. Рим, разгромив Македонию, вместо нее вмешался в дела Спарты и подрезал крылья Набиса; и хотя Рим не вмешался непосредственно в ход самой спартанской революции, богатые

греки с этого времени были готовы приветствовать его как своего защитника.

Около 200 г. в Этолийском союзе возникла борьба между должниками и кредиторами; удачливый полководец Скопас попытался отменить долги, но потерпел неудачу вследствие сопротивления богатых и ушел в изгнание в Египет; однако борьба затянулась на ряд лет[337]. В Фессалии тоже постоянно происходили волнения[338]; и Эвмен II обвинил перед сенатом Персея в намерении использовать фессалийских должников для убийства богатых сторонников Рима т. е. в потворстве социальной революции. Разумеется, такая роль была бы необычной для македонского царя. Но мы не знаем ни одной крупной вспышки восстания между 200 и 132 г.,—потому ли, что наши сведения недостаточны, или потому, что цены были тогда в лучшем соотношении с зарплатой. Правда, в 146 г., в своей последней борьбе с Римом, Ахейский союз декретировал мораторий, а также освобождение и вооружение 12 тыс. рабов[339]; но это вряд ли была революция, хотя после римского завоевания в Диме, возможно, произошло восстание должников и были сожжены городские архивы[340]. Тем не менее, позже Митридат сделал попытку использовать социальную революцию как оружие против Рима [341] (стр. 58), в то время как Эфес применил то же оружие против него самого[342]. Великое рабское восстание в Сицилии затронуло и эгейский мир: восстали рабы Делоса (130 г.), но были усмирены; восстали рабы в рудниках Македонии; восстали рабы Лавриона, захватили Суний и некоторое время опустошали Аттику[343]; восстали, очевидно, рабы и в Пергаме. Эти восстания рабов, как мне кажется, были только результатом нищеты массы рабов в рудниках, царских мастерских, в крупных поместьях в Италии. Рабы восставали, чтобы вернуть свободу, должники—собственность, а что касается Митридата, он готов был использовать что угодно, лишь бы отомстить Риму. Было только одно движение, не считая спартанских, которое выработало теорию, могущую быть названной социалистической: пергамское восстание. Если бы мы знали детали этого восстания, оно, может быть, было бы для нас интереснее спартанского, так как оно впервые породило новую конструктивную идею. Когда Аристоник в 132 г. поднял знамя восстания

против Рима (стр. 56)[444], он объединил свою судьбу с восстанием рабов и пользовался содействием стоика Блоссия из Кум, известного друга Тиберия Гракха, который играл в Пергаме ту же роль, что Сфер в Спарте: оба они хотели осуществить на земле государство солнца Ямбула. Сила их воздействия на их сторонников самого смешанного состава—азиатских наемников, городских добровольцев, горцев Мизии, обездоленных и рабов—была такова, что они уничтожили римского консула и его армию, что никогда не было по силам даже Македонии. Это действительно была великая мечта. Но Рим в конце концов победил Аристоника и разбил надежду на государство солнца; при римском правлении для мечты уже не было места.

Глава IV

АЗИЯ

История Селевкидов[1] интересна для нас тем, что эта династия пыталась эллинизировать отдельные области Азии путем насаждения греческих полисов и колонизации. Самые границы царства Селевкидов сильно изменились. Селевк, с 312 г. повелитель Вавилона, завоевал Восток и потерял Индию до 303 г., но приобрел Северную Сирию и Месопотамию в 301 г., Киликию в 296 г. и всю Малую Азию, за исключением местных царств и некоторых городов, в 281 г.; его сын и внук правили державой, простиравшейся от Эгейского и Средиземного морей до Туркестана и Афганистана. С 250 до 227 г., в связи с постепенным укреплением Греко-бактрийского и Парфянского царств, были потеряны все страны к востоку от линии, проходившей по границе Мидии, Сузианы, Персиды и Кармании; но в 198 г. Антиох III отвоевал у Египта последнюю принадлежавшую ему часть Сирии. В 189 г., потерпев поражение в борьбе с Римом, он потерял Малую Азию (за исключением Восточной Киликии); и все же Селевкиды правили еще огромной державой, пока смерть Антиоха Сидета в 129 г. не повлекла за собой окончательной потери Вавилонии и Иудеи и не низвела их до положения местных княжеств со своими династиями в Северной Сирии. Но, к сожалению, мы знаем слишком мало о Северной Сирии, настоящей родине династии Селевкидов; бóльшая часть наших сведений относится к Малой Азии.

У державы Селевкидов было три отдельных жизненных центра: Иония, Северная Сирия и Вавилония. Все остальные части державы имели второстепенное значение; и если Антиохия, столица Северной Сирии, находилась в лучшем положении по отношению к другим городам, то Сарды и Селевкия на Тигре тоже были столицами, имевшими почти такое же значение. По Западной Азии

прошло много волн завоевателей, и все они оставляли после себя некоторый след; рядом с культурными народами Вавилона и Персии здесь были народности первобытно-варварского уровня, в то время как побережье находилось в руках греческих малоазиатских полисов и крупных торговых городов Финикии. Персия придала всей стране некоторую видимость единства, правда за исключением греческих полисов, и администрация Селевкидов в некоторых отношениях восприняла традиции ахеменидской системы управления, так же как последняя, возможно,—ассирийской; в этом сказалась своего рода историческая преемственность, несмотря на смены правителей и господствующей культуры. Одной из характерных черт правления Селевкидов было возрождение Вавилонии[2], древняя культура которой была для них тем же, чем была египетская для Птолемеев. Возродилась клинописная литература; кроме научных астрономических трудов (гл. IX) и деловых документов, были составлены хроники текущих событий и переложены в стихи мифы; один из них излагает жизнь Мардука с момента, на котором останавливается Сказание о сотворении мира. Ритуальные тексты, заклинания и литература гаданий, особенно последняя, часто копировались и изучались, так же как шумерийские гимны и их вавилонские переводы; мы знаем много комментариев и букварей последних в новой форме, очевидно для использования их греками; последний дошедший до нас клинописный документ датируется 7 г. до н. э.[3] Это изобилие памятников литературы свидетельствует о религиозном возрождении, поощряемом царями: Антиох I привел в исполнение проект Александра восстановить Э-Сагила[4], храм Бела в Вавилоне, разрушенный Ксерксом, и вновь основал храм бога «Небо» в Борсиппе. Жрец Бела Берос посвятил Антиоху свой труд по вавилонской истории; при Селевке один жрец из Урука, возможно по его поручению, нашел в Сузах и скопировал древний ритуал богов Урука, культ которых был восстановлен[5]; храм Ану в Уруке был восстановлен в 182 г. при Селевке IV[6]. Жрецы Урука собрали также храмовую библиотеку[7]. Сидней Смит высказал мне предположение, что Селевкиды покровительствовали вавилонской религии как оплоту против религии Зороастра, вероучения персидского национализма;

и действительно, главной слабостью, приведшей к падению Селевкидской державы, было ее неуменье обеспечить сотрудничество с иранскими элементами, жизненность которых была признана Александром. Когда наступило время восточной реакции, она оказалась в некоторой степени восстанием деревенского населения и его веры против греческого и вавилонского населения городов.

Сами Селевкиды, подобно Ахеменидам и Александру, смотрели на свою державу как на сочетание четырех категорий: покоренных царей, династов, народов и городов[8]. В этой главе можно дать только краткий обзор этой империи в ее наиболее обширных размерах, не считая крайних восточных областей. Сатрапиями Селевкидов в Малой Азии, управлявшимися военными губернаторами обычного типа, были Геллеспонтская Фригия, Фригия Лидия, Кария, Киликия и Южная Каппадокия (Каппадокия Селевкийская) с Катаонией; Ликия принадлежала Египту, а до 272 г. им же были заняты берега Южной Ионии, Кария, Памфилия и Западная Киликия. Египетское господство было неустойчивым, но до 197 г. и Селевкиды не стали полными господами побережья Малой Азии. От Черного моря их империя была отрезана тремя государствами: местными государствами Понта или Северной Каппадокии (со включением большой части Пафлагонии) и Вифинии и между ними—могущественным греческим полисом Гераклеей, территория которого включала несколько других городов: Тиос, Киерус, Амастриду. Вифиния и Понт проникли в Северную Фригию и вскоре после 275 г. поселили в этой стране своих союзников[9]—вторгшихся в Малую Азиию галлов (отсюда новое название страны—Галатия); позднее в том же III веке Южная Каппадокия сама стала местным государством во главе с Ариаратом. С 262 г. пергамские династы начали выкраивать в Эолиде небольшое княжество. Писидия, плоскогорье Тавра, осталась непокоренной; она управлялась мелкими династами, но полугреческий город Сельге был достаточно силен, чтобы отбить все покушения Селевкидов или кого-либо другого на свою независимость. Позже в этом столетии династы появляются и вне Писидии, как, например, в Олимпихусе в Карии, македонский дом Лисия—около Филомелия во Фригии

и (с 189 г.) местная линия Моагета—в многонаселенной Кибире[10]. Селевкиды могли считать своим прочным владением только Геллеспонтскую Фригию, Лидию, внутреннюю Карию, Южную Фригию, Восточную Киликию и великую сквозную дорогу от Сард до Антиохии; и после смерти Селевка они никогда не давали чувствовать свою власть мелким местным династам—их целью скорее было обеспечивать хорошие отношения с соседями договорами и брачными связями. Кроме галлов, их постоянным врагом был Пергам.

В Сирии Селевкиды владели всей территорией к северу от Ливана с Дамаском и Арадом в Финикии, хотя граница между Селевкидской и Египетской Сирией не была постоянной; к северу от Сирии и Месопотамии их единственной постоянной провинцией была, вероятно, Коммагена; правители Армении только временами платили дань. За пределами Малой Азии Селевкиды, повидимому, уничтожили некоторые крупные сатрапии, что, возможно, было уже намечено Александром; но их новое административное деление трудно определить[11]. Месопотамия, вероятно, состояла из трех сатрапий: Месопотамии, Киррестики и Парапотамии[12] по течению Евфрата; провинция Персидского залива Халдея была отделена от Вавилонии, и когда Вавилония была потеряна, тогдашний военный правитель провинции Персидского залива Гиспасин[13] сделал ее самостоятельным государством (Месена) и вновь основал ее столицу Антиохию (может быть, Мохаммерах) под именем Харакса. Впоследствии этот город стал важным торговым центром. Густо населенная Северная Сирия превратилась в четыре сатрапии, а позднее четыре сатрапии были и в Южной Сирии[14],—вероятно, Дамаск и Ливан с Финикией, Самария и Галилея с побережьем, Трансиордания и Идумея, причем это разделение было, может быть, неустойчивым; Иудея была жреческим государством, платящим дань Селевкидам. Во всем государстве можно насчитать около 25—28 сатрапий, включая и крайние восточные провинции; утверждение Аппиана, что сатрапий было 72, основывается на смешении их с гипархиями, так как каждая сатрапия в административных целях делилась на отдельные округа, управляемые гипархами, подчиненными военному правителю сатрапии; гипархии, возможно, соответствовали персид-

ским хилиархиям. Финансовым управлением[15] каждой сатрапии заведывал «эконом»[16], стоявший выше гипархов, но подчиненный военному правителю; в каждой гипархии эконом имел помощника, называемого «начальником доходов»[17]. Был также чиновник, называвшийся «диойкетом»[18], который, судя по аналогии с Египтом, может быть, являлся главой всей финансовой администрации, занимая пост, созданный Александром для Гарпала. Подобно Антигону I, Селевкиды, хотя и непоследовательно, подражали плану Александра использовать персов в роли правителей провинции[19], и позже, подобно Александру, они воскресили персидскую должность визиря, названного теперь «министром дел»[20]. Селевкиды сохранили персидскую почтовую службу[21].

В каждой гипархии существовала земельная опись[22], которая указывала границы деревень и владений; на основании таких описей составлялась опись сатрапии, которая хранилась в столице сатрапии регистратором в канцелярии и называлась «царскими записями», на основании их составлялся центральный регистр, которым пользовался царь. Центральная опись и описи сатрапий не указывали детальных границ, и центральный регистр, если мы учтем расстояния, не мог всегда давать свежие сводки. Это была та же система, что и в Египте, но с гипархией, а не деревней в качестве основной единицы. Поэтому кажется очевидным, что Селевкиды, даже если бы этого хотели, не могли бы провести такого детального обложения, как Птолемеи. Администрация ввела греческую систему откупа и иногда отдавала в аренду и царскую землю[23]; и в некоторых городах, а может быть и во всех, регистрировались сделки по купле-продаже[24].

Пользование землей у царей дома Селевкидов[25] в Малой Азии и Северной Сирии своими корнями относится к далекому историческому прошлому. Возможно, вся или большая часть земли первоначально принадлежала нескольким жреческим государствам[26], и до Александра история страны сводилась к постоянным захватам этих государств различными завоевателями, приносившими с собой свои религиозные культы. Если не говорить о независимых горцах типа жителей Писидии, земли Малой Азии во времена Александра можно разделить на три категории: царскую землю, храмовую землю и город-

скую землю, т. е. принадлежащую новым греческим городам; но Селевкиды считали себя верховными владыками храмовой земли, и поэтому в эпоху их царствования основное значение имело разделение земли на царскую и городскую; царская земля, должно быть, включала основную массу территории страны и, конечно, все рудники и леса вне пределов городской земли. Часть царской земли находилась в непосредственном царском владении, а часть—жаловалась крупным земельным собственникам, местным жителям и персам. Некоторые из этих землевладельческих фамилий могли быть много древнее персидского правления, а некоторые сохраняли свое положение и в римские времена, но царь все же был их феодальным владыкой, и ему принадлежала действительная собственность на землю. Эти землевладельцы, подобно средневековым баронам, жили в замках среди своих поместий, имевших вид укрепленных четыреугольников, построенных вокруг центрального двора[27], имели отряды вассалов, собирали налоги со своей земли и передавали их в государственное казначейство.

Действительными обитателями возделываемой земли всюду было местное крестьянство, живущее в деревнях[28], класс, редко меняющий свой характер, несмотря на частую смену завоевателей. Там, где царь непосредственно владел землей, ее обрабатывало крестьянство—«царские люди», платившие налоги чиновникам. Там, где земля была пожалована землевладельцу, крестьяне, жившие в имении, хотя и платили налоги через его посредство, все же официально считались людьми царя, а не этого землевладельца. Крестьяне не были полукрепостными, как в Египте, а настоящими крепостными[29]: покупались и продавались вместе с землей; они не могли оставить «свое место» и не имели никакой сельской организации; их налоги выплачивались в индивидуальном порядке[30], а не собирались сразу со всей деревни; и поскольку речь шла о выборе между царем и землевладельцем, для самих крестьян было, несомненно, лучше, если налоги с них собирались ответственным чиновником. Но когда греческий полис приобретал землю и вместе с ней крестьян,— условия часто изменялись; неясно, в результате ли сознательного освобождения крепостных или естественной эволюции, крестьяне могли иногда еще быть крепостными,

как во времена Александра в Зелее[31], но в общем они стали свободными наследственными поселенцами («катойки»)[32], платящими налоги полису, и их деревни иногда приобретали до известной степени корпоративное устройство[33]; они принадлежали к другой категории, чем рабы-земледельцы, скажем, в Лаконии. Греческий полис, таким образом, был благодетелем азиатского крестьянина, и его политика вела к улучшению положения последнего.

Селевкиды не освободили крепостных; но у них были специальные суды для царских крестьян[34], так что суд и администрация были разделены; они провели реформы трех родов, которые постепенно уменьшали объем крепостнической зависимости и могли бы со временем совершенно ее уничтожить. В первую очередь надо упомянуть основанные ими греческие полисы, что приводило к переходу в широких размерах царской земли в городскую. Во-вторых, Селевкиды были готовы, в отличие от Птолемеев, полностью дарить или продавать царскую землю[35] при условии, чтобы пожалованный присоединил свою землю к какому-либо полису и сделал ее городской землей; естественно, полисы охотно шли на такое увеличение своей территории. В-третьих, они принялись за уничтожение феодального замлевладения, что означало и уничтожение существовавшей до тех пор фактической частной собственности на крепостных. Эвмен Кардийский и Антигон I передавали феодальные имения грекам или македонянам[36] и при Селевкидах, которые всецело поддерживали полисы; феодальные имения, переданные новым собственникам, тоже имели тенденцию превращаться в городскую землю. Повидимому, главным образом вне сферы действия Селевкидов—в Писидии, Каппадокии, Понте—феодальные имения сохранились до римского времени. Как только земля становилась городской, крестьянин мог, и обычно так это и было, освободиться от крепостной зависимости. Это должно было сказываться и на крестьянах царской земли, потому что в период ранней римской империи эти крестьяне приблизились к положению поселенцев с корпоративной организацией; возможно, что некоторое время они были даже в лучшем экономическом положении, чем крестьяне на городской земле. Но в эпоху поздней римской империи они попали в прежнее положение, и ко времени Юсти-

ниана в Азии даже вновь появилась частная собственность на крепостных.

Древние храмовые государства[37], крупные и мелкие, были крайне многочисленны, и некоторые из них владели обширными пространствами земли. Они восходят к доарийской социальной системе, основанной на матриархате, совершенно чуждой гречески или персидским порядкам; первоначально во всех этих государствах, вероятно, поклонялись великой азиатской богине плодородия и ее божественному спутнику, одновременно ее сыну и супругу. Должно быть, к этой древней религии относится обычай брака между родными братом и сестрой[38], который был отмечен наукой у многих царских семей Западной Азии: хорошо известен пример дома Мавсола в Карии, и селевкидские, а позже набатейские[39] царицы официально назывались «сестрами»; другим, долго существовавшим пережитком этого обычая, является то, что в греческих надписях во Фригии иногда называется только мать[40], а имя жены предшествует имени ее супруга[41]. Некоторые из храмов были захвачены чужими божествами, которые, тем не менее, подчинились древней организации; и только в эллинистическое время соединенное влияние индоевропейских идей—фригийских, персидских, греческих—иногда выдвигает на первый план бога по сравнению с богиней, и некоторые их имена эллинизируются (стр. 311—312). Правитель храмового государства, наследственный первосвященник, часто приучался вести свое происхождение от какого-нибудь героя греческой мифологии. Но система никогда не менялась: жрец управлял землями храмового государства и живущими на них крестьянами, «божьими крестьянами», и они ему платили налог. В самой деревне было много людей, посвященных богу, иногда это были евнухи; но отличительной чертой такого государства, особенно поражавшей греков, была масса храмовых рабынь, священных проституток, которые обслуживали культ богини плодородия. Они были обычно дочерьми «крестьян, принадлежащих богу» и некоторое время служили в храме, прежде чем стать женами крестьян; ведь страна и народ жили волей богини, и отдать дочь для содействия расширению ее влияния—значило совершить акт лойяльности по отношению к обществу; женщины гордились своим происхождением от рода храмовых проституток[42]. Храм часто действовал в качестве местного банка, а в деревне при нем устраивалась большая ежегодная ярмарка[43].

Можно отметить наиболее известные храмовые государства и их божества[44]. В Каппадокии выделяются: государство Ма в Комане («место гимнов»)[45] с 6 тыс. храмовых рабов, мужчин и женщин; государства Зевса в Венасе с 3 тыс. рабов и Артемиды в Кастабале-Гиерополе[46], жрицы которой могли ходить босыми по горячим углям; в Понте известны государство Ма в Комане Понтийской с 6 тыс. храмовых рабов и строгим табу на свиней и свиное мясо, государство Анаит в Зеле и Фарнакского Мена (с Селеной) в Кабире, которым официально клялись понтийские цари. Во Фригии отметим государства Кибелы-Агдистис и Аттиса в Пессинунте[47], Лето и Лаирбена вблизи Дионисополя[48], Карского Мена вблизи Аттоудды[49], матери Диндимены на территории Кизика и Зевса в Аизани[50]. Государствами были также: два храма Аскайнского Мена (Маннес и Урамны)[51] и Селены вблизи писидийской Антиохии; матери Дзидзимены в Ликаонии [52]; Тиамского Мена[53] или Тирана[54], и матери Анаит[55] в Лидии; Зевса в Ольбе, в Киликии[56] и разные территории, именуемые гиерополями—«храмовыми городами», которые в случае усиления греческого влияния становились гиерополями—«священными городами», а это различие имеет существенное значение. Сама Артемида Эфесская была только богиней плодородия, древний храм которой был присоединен к греческому городу; уже давно этот храм с его первосвященником Мегабизом или Царем-Пчелой, и толпой посвященных богине девушек, которые в Эфесе были девственны и, возможно, назывались «пчелами», был государством в государстве, пока Лисимах не передал управления храмом греческому совету и не снял изображения пчелы с эфесских монет[57]. Такого же рода жреческие государства существовали в Северной Сирии, как, например, в Бамбике, Бетокайке[58] и Эмесе, и распространились вплоть до Албании и Иберии на Кавказе[59]—территории столь многочисленных остатков древнейших народов.

Хотя первые Селевкиды были готовы уважать религиозные чувства своих подданных[60] и даже вновь отстроили храмы в Бамбике[61] и Ольбе[62], они боролись со светской

властью жрецов-царей, так же как и с феодализмом. Их политика сводилась к тому, чтобы оставить в распоряжении храмового государства жреца, храм и деревню при храме с количеством земли, достаточным для отправления культа, и секуляризировать все остальное храмовое имущество[63]; например, Антиохия у границ Писидии была, вероятно, выделена из некогда обширных владений Аскайнского Мёна. Однако жреческие государства сумели помешать тому, чтобы эти меры были полностью проведены, и в дни своего упадка Селевкиды снова расширили территорию некоторых сирийских храмов и дали им право убежища[64], что напоминает сходные явления в Египте. В смутное время, до принципата Августа некоторые из этих наследственных жрецов исчезли; Помпей и Антоний ставили жрецов по своему усмотрению; в Ольбе Антоний передал жреческое государство женщине[65]; Зела, Кабира и позже Камана Понтийская стали греко-римскими городами[66], и Римская империя продолжала сокращать храмовые земли. Но некоторые из крупных жреческих фамилий[67] сохранились до христианских времен и дали церкви выдающихся епископов.

Сокровища, накопленные Ахеменидами, доказывают, что Западная Азия уже перешла от натурального хозяйства к денежному, и полисы Селевкидов должны были ускорить этот процесс, хотя, вероятно, он проходил здесь медленнее, чем в Египте, и во многих сельских округах преобладало натуральное хозяйство. Дошедший до нас список налогов Селевкидов[68] упоминает портовые сборы, ввозные пошлины, рыночные налоги, налоги на продажу, на некоторые сделки и на скот, а также подушный налог с царских крестьян; встречаются налоги на сады и огороды[69]; рудники и леса тоже приносят доход. Конечно, в этом видно общее сходство с египетскими налогами (гл. V), хотя неизвестно, как велики были налоги Селевкидов, за исключением того, что с садов (а поэтому следует предположить—и с виноградников) взимали $^1/_{10}$ продукта,—значительно меньше, чем в Египте; но насколько позволяют судить наши скудные сведения, различие с египетской системой было значительным. Неизвестны какие-либо царские монополии, кроме рудников; ничего не слышно о постоянном недовольстве, которое характерно для египетских крестьян и ремесленников: важ-

нейший поземельный налог на царскую землю собирался совсем по-иному. Селевкиды продолжали характерную для Азии и Египта с незапамятных времен практику взимания десятины с урожая[70]; таким образом, они были заинтересованы в урожае наряду с крестьянами, и несли потери в плохой год, чем аргументировал Антоний, желая распространить эту систему на греческие полисы[71]. Возможно, что было в обычае требовать и вторую десятину с земли, оставляемой под паром при системе двухгодичного севооборота[72], хотя этот вопрос неясен; но даже в этом случае крестьянин мог удержать за собой четыре пятых урожая,—гораздо больше, чем в Египте[73]. Возможно, что часть поземельного налога выплачивалась деньгами[74], но платежи натурой были достаточно велики, и царь мог стать крупным хлеботорговцем[75]. Неизвестно, какие операции производились с зерном, за исключением того, что налоги со всех сатрапий стекались в столицу[76]; деньги должны были передаваться в центральное казначейство («василикон»), но большие расстояния и трудности транспорта не допускали подобной концентрации зерна в столице: оно, должно быть, хранилось в нескольких местах. Крестьяне были обязаны выполнять некоторые принудительные работы.

Всякие оценки доходов Селевкидов остаются предположительными[77]. Сумма поземельного налога менялась вместе с ценой на хлеб, и у нас совсем нет сведений о хлебных ценах в отдельных внутренних районах и очень мало о приморских городах; конечно, зерно не обязательно имело ту же цену в Сирии или в Вавилонии, что и в Милете или на Самосе. Судя по движению цен в других местах, должен был происходить сильный рост цен, достигающий наибольшей высоты к 300 г., после чего последовало их длительное падение. В начале II века цари очень нуждались в деньгах, и хотя это отчасти объясняется уплатой контрибуции Риму, все же обнаруживается недостаточное накопление денежных средств. Но позже, в том же II веке, вероятен новый подъем, судя по тому, что в Египте пшеница в I веке была на 60% дороже, чем в III в. (хотя это отчасти объясняется менее интенсивной обработкой земли). Сообразно этому династия со времени Антиоха Эпифана была, очевидно, снова в относительно лучшем положении, несмотря на крупные территориальные потери.

Впрочем, экономическому подъему могла частично содействовать и торговля. Но, говоря вообще, Селевкиды никогда не приобрели богатств, сколько-нибудь напоминающих те, которые Птолемеи извлекли из Египта: они, очевидно, расходовали на управление страной гораздо большую часть доходов.

Говоря, что Селевкиды основывали полисы, следует иметь ясное представление о том, что это означало. Согласно греческой теории, группа домов была полисом только в том случае, если она имела муниципальное самоуправление и некоторые органы корпоративной жизни. Необходимым условием для полиса было разделение граждан на филы, совет, выбираемый этими филами, ответственные магистраты, выбираемые жребием, и своя городская земля, законы и финансы; обычно, хотя и не обязательно, имелась также городская стена, общее собрание и местные подразделения городской территории (демы). Поселения, лишенные всего этого, оставались деревней; размеры поселения в этом случае не имели значения, и для греков Вавилон, Мемфис, Иерусалим были, собственно говоря, деревнями, хотя они допускали одно исключение в странах варваров: они признавали полисами сложно организованные финикийские города, и Аристотель добавил к своему собранию конституций греческих полисов и конституцию Карфагена. Но после Александра старая антитеза «или полис или деревня» была уже неприменима: появились новые переходные формы, и возникли новые термины, как, например, «политевма» (корпорация) или «катойкия» (поселение), для обозначения общин с некоторой автономной организацией, менее широкой, чем организация полиса; причем члены катойкии были катойками, т. е. поселенцами. Политевма[78], подобно полису, имела религиозный центр, могла обладать советом и магистратами и давала возможность включения в состав горожан чужеземцев, без предоставления им прав гражданства. Может быть, политевма была обычным термином в Египте, а катойкия[79]—в царстве Селевкидов. Крупные туземные центры тоже стали называться городами[80], хотя добросовестные писатели, вроде Исидора и Страбона, для обозначения туземного города, не имеющего организации греческого типа, пользуются выражением «Κωμόπολις» («деревня-город»); как правило, неизвестно, какого типа

был туземный подвластный город до его эллинизации. Фактически деревня превращалась в полис постепенно, и не всегда можно сказать, являлось ли то или иное поселение полисом или нет, хотя иногда это выясняется благодаря монетам. Для понимания процесса эллинизации Азии необходимо помнить эти различия в типах городов.

Александр думал о слиянии в будущем Европы и Азии, и, вероятно, основанные им Александрии, которые, во всяком случае, были в значительной мере военными поселениями, нельзя считать вполне греческими полисами; они были скорее городами нового типа, которые должны были содействовать этому слиянию, состоящими из одной или нескольких квази-автономных политевм, или корпораций, из которых греческие были наиболее важными[81]. Александрии были, конечно, подчинены царским наместникам[82],—в этом их отличие от прежних греческих полисов,—и селившиеся в них греки не соглашались считать эту систему эллинским «образом жизни и воспитанием»[83]. Если судить по Дура (Салихие) на Евфрате, основанной Никанором[84], полководцем Антигона I[85], развалины которой дают картину раннего эллинистического города[86],—земля этих городов оставалась царской, и их граждане получали земельные наделы, хотя в Дура эти наделы составляли часть более крупных единиц, называемых гекадами, значение которых неизвестно[87]. Но Селевк и его династия стремились эллинизировать Азию; греко-македоняне с их более высокой цивилизацией предназначались к роли господствующей расы, и держава Селевкидов должна была покоиться на обширной сети городов и поселений более или менее греческого характера; греческий полис казался им единственным шансом создания устойчивого государства среди масс азиатов. Какие из основанных Селевкидами поселений были в действительности «полисами», не всегда можно установить с полной достоверностью, но, вероятно, македонское название или название поселений по династии указывает на вполне греческую организацию и права полиса. Возможно, города, основанные Александром, тоже стали вполне полисами[88]. И несомненно, когда туземный город получал династическое название, это значило, что он был «вновь основан» как вполне греческий полис, что влекло за собой существенные изменения.

Не всегда можно различить в этом отношении деятельность отдельных Селевкидов, но, вероятно, организация полисов в Северной Сирии и Вавилонии-Сузиане была, в первую очередь, делом Селевка, в Иране—Антиоха I, в Малой Азии—Антиоха I и Антиоха II. Организация полисов повсеместно усилилась при Антиохе Эпифане. Большой размах организации полисов Селевкидами—один из самых замечательных актов истории, и полный список основанных полисов и поселений заполнил бы много страниц[89].

Северная Сирия, уже при Антигоне населенная его ветеранами, при Селевке стала второй Македонией: здесь была новая Пиерия и Киррестика, а за Евфратом—новая Мигдония, и здесь находились четыре крупных полиса Селевка—столицы четырех сатрапий Северной Сирии. Антиохия—столица всей империи, на судоходном в те времена Оронте, имела в конце эллинистической эпохи четыре квартала, каждый из которых внутри общей городской стены имел собственные стены. Селевк отстроил первый квартал, Селевк II—третий, Антиох Эпифан—последний. Антиохия никогда не была центром культуры; хотя она была крупным торговым рынком, она всегда более славилась как город веселья, и ее парк Дафна приобрел широкую известность. Посидоний, сам уроженец соседней Апамеи, бичует роскошь сирийских греков[90]. Вблизи устья Оронта находился портовый полис—мощная Селевкия в Пиерии, место погребения членов династии, простирающаяся от моря террасами вплоть до утеса; в ней местом культа был древний конический камень. Далее к югу лежит Лаодикея приморская (Латакий) и на среднем Оронте в туманной долине—Апамея, арсенал Селевкидов, заменившая Пеллу Антигона: здесь были особые кварталы для слонов и крупные конские заводы. Помимо этих четырех крупнейших полисов в стране было много поселений вплоть до Лаодикеи Ливанской и Гелиополя (Баалбек) у истоков Оронта; еще гуще была сеть городов на востоке, группирующихся около Бероэи (Алеппо) на Халусе, на дороге от Антиохии к Гиераполю—Бамбике и у Халкиды далее к югу; на севере—Антиохия в Киррестике. Много полисов было расположено вдоль Евфрата; среди них Дура была основана вновь под названием Европос, Тапсак—под названием

Амфиполь; далее к северу Апамея охраняла мост на судах при Зевгме, которая отняла у Тапсака значение главной переправы через великую реку. В Северной Месопотамии среди других были два знаменитых города—Антиохия-Нисибис в Магдонии и Антиохия-Эдесса в долине Урфы. Во II веке Хамат получил название Эпифании, Берит—Лаодикеи[91] и у Галилейского озера появилась Антиохия; на некоторое время Антиохией был назван и Иерусалим.

В Вавилонии и Сузиане Селевк проводил в жизнь планы Александра, связанные с районом Персидского залива также, как, может быть, Лисимах у Черного моря. Величайшим полисом был первый основанный Селевком город—Селевкия на Тигре, на некотором расстоянии ниже Багдада; Сузы стали называться Селевкией на Эвлее[92]; была еще одна Селевкия в долине Суз и одна у Персидского залива; Апамея находилась в Масене; выше Багдада была еще одна Апамея, Антиохия и еще одна Дура; в направлении к холмам Сузианы находился важный город Артемита. Александрия у Персидского залива, позднейший Харакс, была основана вновь Эпифаном под названием Антиохии. Вавилон был разрушен Антигоном I, и в 275 г. Антиох I выселил оставшееся, гражданское население, сохранив только храм[93]; Эпифан, вероятно, основал его вновь как греческий город. Урук (Варка) тоже был частично эллинизирован под именем Орх[94].

В Иране была основана большая группа новых поселений в Мидии—отчасти, чтобы сдерживать горные племена; среди них: Эвропос-Раги вблизи Тегерана и Апамея у Каспийских ворот; в Парфии—Гекатомпил и четыре других города; в Персиде—Антиохия и Лаодикея, хотя туземный дух был силен и туземные жрецы-цари, предки Сассанидской династии, еще правили в Персеполе. Великое избиение греков во время восстания после смерти Александра, вероятно, наполовину разрушило города, основанные Александром на Востоке. Антиох I вновь основал Гераклею в Хорасане под именем Ахеиды, восстановил Александрию-Герат, основал вновь крайнюю Александрию (Ходжент) на Яксарте под именем Антиохии и вновь отстроил Александрию-Мерв под именем Антиохии Маргианы. Вторичное основание Экбатаны под именем Эпифании есть дело Эпифана.

О дороге, проходившей через всю Малую Азию, хорошо заботились[95]. Там, где дорога от Мелитены, проходившая через Каппадокийскую Мазаку, соединялась с дорогой из Гарса, проходившей через Иоиний, находилась Лаодикея «Обожженная», прозванная так оттого, что неподалеку, в Зизиме, находились горны ртутных рудников; дальше к западу находился большой город Апамея-Келайны, прозванный неизвестно почему «Ковчегом»; это название заставило позже этот город изображать на своих монетах ноев ковчег. Дальше к западу, на реке Лик, где сходились дороги, идущие на Эфес и Сарды, находилась еще одна Лаодикея. Это были главные узлы движения. От Лаодикеи Обожженной шла дорога на юг, достигавшая моря у Селевкии на Каликадне, и на север, через Филомелий и Синниаду, в Никею и Никодемию в Вифинии. От Апамеи дорога шла в Антиохию, Аполлонию и Селевкиду «Железную»—города, стоявшие в качестве передовых постов на границе с независимой Писидией; от Лаодикеи на Лине шла дорога на юг, через туземную Кибиру, к морскому побережью Памфилии. У этой Лаодикеи главная дорога разветвлялась: одна дорога шла в Сарды и дальше на север, к селевкидской Тиатейре, откуда одно из ответвлений дороги шло в Пергам, а другое на север, через Стратоникею на Каике к Кизику, другая дорога шла в Эфес, проходя через Антиохию на Меандре, Антиохию-Нису и Селевкию-Траллес, откуда одно из ответвлений дороги шло к югу, через Антиохию-Алабанду, к Стратоникее в Карии.

При Эпифане многие города в Киликии были преобразованы, и позднее здесь было известно пятьдесят греческих полисов. Маллос и Адана стали Антиохиями, а Мопсуэстия —Селевкией. Тарс, уже в III веке ставший Антиохией[96], позже превратился в важный центр просвещения[97].

Кроме полисов, Селевкиды основали в Малой Азии много военных поселений[98] (некоторые из них были крепостями), которые позже гордились своим македонским происхождением; многие в конце концов стали полисами, как, например, Накраса в 159 г.[99] Поселенцы (клерухи), наемники многих племен, называли себя «македонянами» такого-то поселения и, возможно, были организованы в форме политевмы или катойкии; они получали

земельные наделы обычно более крупные, хотя и менее плодородные, чем наделы египетских клерухов. Клерухи, вероятно, использовались для освоения пустошей, хотя об этом упоминается только при Атталидах. Господствует мнение, что наделы селевкидских клерухов, в отличие от египетских и пергамских, не облагались налогом, но сведения об этом вряд ли достаточны. Много подобных поселений должно было существовать и в Сирии, и, может быть, их уже основывал Антигон I, например Карры в Месопотамии и Докимей во Фригии. Наделы клерухов оставались царской землей, но во II веке они могли делиться, продаваться и даже наследоваться женщиной.

Эти колонии обычно были связаны с какой-нибудь деревней и носили туземные имена, но они могли быть связаны и с полисом; так, например, колония в Магнесии при Сипиле находилась отчасти даже в пределах городских стен[100]; может быть, некоторые из новых полисов включали и землю клерухов. Эти колонии были, в первую очередь, военными поселениями, и клерухи были обязаны военной службой; а цепь колоний, проходящая через Малую Азию от Каика до Меандра,—Накраса, Тиатейра, Гирканида, Кады, Блаунд, Мизо-Македония, Пельта—явно предназначалась для защиты Ионии от галатов. В Малой Азии было также много невоенных поселений (катойкии), устроенных по деревням, с аналогичной корпоративной организацией, но неизвестно, были ли некоторые из них греческими, что можно было бы сопоставить с эволюцией «частной земли»— «γῆ ἰδιοτική»— в Египте, или они представляли собой только развитие туземной деревни.

Дело в том, что характерной чертой эпохи Селевкидов был постоянный прогресс[101] этих различных политических форм, который продолжался непрерывно, уходя глубоко в римскую эпоху: аморфная туземная деревня стремилась стать организованным поселением, а поселение и туземный подвластный город—эллинистическим полисом[102]. Исидор, тщательно подбирающий термины, приводит много «полисов» в глубине Азии с туземными названиями, и некоторые из них встречаются в Сирии. Получившие организацию деревни, вероятно в какой-то степени подражая греческим формам, сами, наконец, объединялись в ассоциации или союзы, корни которых

восходят ко временам эллинизма. Такими ассоциациями были Каистрианы, Гигралеиды, Гептакометы, Пентедемиты и многие другие; некоторые из них начали даже чеканить монету, что обычно было правом полисов. Конечно, развитие деревни в эллинизированный город не было чем-то абсолютно новым, и этот процесс происходил также в самой Греции, например в Этолии III века; но этолийская деревня значительно отличалась от деревни фригийских крепостных.

И масштабы процесса превращения деревни в полис во владениях Селевкидов не идут ни в какое сравнение с греческими. Если бы для этого процесса было достаточно времени, то в Малой Азии и Северной Сирии государство оказалось бы состоящим полностью из полисов со смежными территориями, пользующихся внутренней автономией, под верховной властью бога-царя, который руководил бы основным направлением политики. Стремились ли в действительности к этому первые Селевкиды, остается неизвестным, но, несомненно, к этому стремился Рим, и те приёмы, которые Рим применял, заставляют предполагать, что эта идея была эллинистической. Так, Помпей, разбив Митридата, сам получил возможность выбрать тот или иной порядок расселения и администрации; он попытался в некоторых районах провести эту идею одним росчерком пера[103]; например, он разделил Понт на одиннадцать городских округов, причем из этих одиннадцати полисов только Синопа, Амисос и Амасия были греческими, а остальные были туземными городами или деревнями, превращенными в греко-римские города, подобно Евпатории-Магнополю и Кабире-Диосполю. В Вифинии он также образовал двадцать городских округов. Но Римская империя довольствовалась более медленным и естественным ростом, который, понятно, не был равномерным: город мог прийти в упадок и снова превратиться в деревню.

Можно привести примеры сложности эллинистических государственных форм в Азии. В Карии существовал старинный религиозный союз туземных деревень, почитавших Зевса Хрисаорея[104]. Одна деревня—Алабанда—была вновь основана в качестве Антиохии[105]; превратившись в греческий полис, она осталась членом Карийского союза. На городской земле важного нового полиса—

Стратоникеи—были расположены некоторые из этих деревень; они стали ее демами, и благодаря им Стратоникея тоже стала членом союза. Один из этих демов—община, которая сама поклонялась Зевсу Панамару,—ушел настолько вперед в организационном отношении, что стал издавать декреты и предоставлять «права гражданства», т. е. права члена дема, уроженцам других мест[106]; между прочим, этот дем и даровал «право гражданства» некоторым гражданам Стратоникеи, т. е. того полиса, частью которого он был сам с точки зрения греков. Неудивительно, что Страбон оставил попытку найти в греческой фразеологии название, подходящее для этого древнего Карийского союза, и назвал его «системой».

Неясна та роль, которую играли азиаты в новых полисах и которая была прелюдией к их эллинизации; условия, повидимому, были различны. Некоторые новые полисы кажутся чисто греческими, как Антиохия в Персиде[108]; но греческие имена мало что значат, так как вскоре после 300 г. их приняли и финикийцы[107], и многие азиаты, должно быть, поступали так же. Далее, некоторые полисы, старые и новые, даже в III веке давали права гражданства отдельным азиатам (могли быть и древние прецеденты, так как среди граждан Милета и Кирены было много людей карийской и ливийской крови); так, Аспенд включил в свои филы некоторых азиатских наемников смешанного происхождения[108], Смирна дала права гражданства отряду персидских войск[109], Стратоникея имела карийские демы. Сарды, которые в III веке имели только туземную организацию, во II веке стали греческим полисом[110]; нельзя себе представить, чтобы в составе их граждан не было многих лидийцев. Точно так же и Сельге, придумавшая легенду об основании ее греками, несомненно, имела в составе населения многих писидийцев[111], а эллинизированные ликийские города—ликийцев. Антиохия-Тарс тоже должна была иметь много туземных граждан, а Пергам в 138 г. дал право гражданства вообще всем азиатам (стр. 160).

В местах, населенных значительным числом азиатов, можно встретить и другие формы организации. Вновь основанный Вавилон получил греческий театр, гимнасии, учреждения полиса[112]; но религиозная и научная деятельность вавилонян продолжалась, несмотря на греческие

формы, как и в Уруке; один греческий иммигрант носил вавилонское имя[113]. Селевкия на Тигре[114] сохранила до конца свой эллинистический облик, но в ней жило население Вавилона. Она заменила Опис, большой туземный город, и стала в какой-то степени двойным городом[115], поскольку на некоторых ее монетах изображены две богини городов с башенками на головах, держащие за руки одна другую[116].

Так как население Селевкии определяется в последнее время в 600 тыс., то вне стен, должно быть, жило много местного, негреческого населения[117]; несомненно, Опис стал ее «деревней», и вторая городская богиня может быть Описом, символизирующим вавилонское население Селевкии[118]. Организация этого населения неизвестна, во всяком случае оно не могло быть частью греческого полиса. Но его наличие объясняет, почему жителей Селевкии постоянно называли вавилонянами. Подобным образом и в Аполлонии, расположенной на границе Писидии, оставались разделенными фракийский и ликийский города[119]. В Антиохии опять-таки положение было иным; город, основанный Селевком, был чисто греческим, но позднее в Антиохии был очень силен сирийский элемент, и в этом следует искать причины возникновения таинственного второго квартала города, не имеющего царя-основателя (стр. 144): сирийцы селились вне стен и впоследствии были включены в район, опоясанный второй стеной; возможно, они образовали свою собственную политевму, подобно негреческим политевмам в Александрии (стр. 172). Городом этого же типа, возможно, была и Антиохия-Эдесса, прозванная «полуварварской»[120]. Действительно, многие полисы могли разрешать вопрос о туземном населении путем политевм так же, как они разрешали еврейский вопрос (стр. 201). Греческому полису, Антиохии у границ Писидии, пришлось основать неподалеку от своей черты отдельное святилище Аскайнского Мена (стр. 312), что уже само по себе указывает на наличие здесь многочисленного туземного поселения. Наконец, существовали туземные города, вроде Сиринкса в Гиркании, в которых среди местного населения селились греческие торговцы, образовавшие греческий квартал[121], но это не привело к созданию греческих политических форм.

Но хотя мы знаем слишком мало о политических причинах, благодаря которым Азия была частично эллинизирована, этому процессу содействовали и другие силы, кроме политических. В Азии распространялось греческое право, вероятно вначале при помощи Александра, который подчинил в полисах греческому праву иноземные политевмы[122]; с течением веков развилось греко-сирийское право, с которым пришлось считаться Риму[123], и в него глубоко проникли греческие юридические формы. Как городское право Александрии, хотя и греческое, очевидно, не является правом какого-либо одного греческого города[124], так и наследственное право Дура, недавно открытое, оказывается афинским в смешении с другими элементами[125]; но наиболее поразительны документы I века—греческие арендные договоры, написанные по-гречески, но заключенные между людьми, носящими иранские имена, найденные в Авромане, потому что они относятся не к какому-либо полису, а к отдаленной деревне персидского Курдистана[126]. Греческим языком пользовались очень многие азиаты, как это было в туземной Кибире[127]; в I веке до н. э. несколько вавилонских жрецов написали греческими буквами посвящение[128], и немногим позже набатейские эпитафии составлялись по греческим образцам[129]. В сирийском и арамейском[130] языках много слов, заимствованных с греческого, и греческий язык совершенно вытеснил местные языки в Лидии и Западной Фригии[131]. Но каким бы могучим орудием ни был греческий язык, его успех имел свои пределы: Восточная Фригия, Ликия, Ликаония, Сирия сохранили свои местные языки в сельских округах, как, естественно, и внутренние области Азии; даже в Библе[132] и Тире[133] в христианскую эпоху говорили еще по-финикийски. Наемники, поселявшиеся в Азии, женились на туземках; конечно, в I веке такого рода браки и смешение народностей в повседневной жизни и торговле уже сделали свое дело, и точно так же, как в Египте этого времени, термин «грек» иногда означает культуру, а не происхождение; «гречанка, родом сирофиникиянка» (у Марка VII, 26) была такой «гречанкой по культуре», может быть обладавшей греческими политическими правами в своем полисе. После того как закончилась великая европейская иммиграция III века,

на первых порах установилось равновесие, а затем греческий элемент начал терять почву, отчасти благодаря смешению с азиатскими племенами. Были и исключения—города, оставшиеся по преимуществу греческими. Но то, что происходило обычно, опять-таки иллюстрируется в Дура (которая в этот период не входила в сферу римского влияния).

Имена в Дура[134] в начале II века греческие. Но хотя после 6 г. н. э. отдельные семьи удержали полностью свои греческие имена, наблюдается чрезвычайное смешение форм вавилонских, персидских, сирийских; встречаются такие мужские имена, как Самисилаб (Шамаш—мой отец), Рагеадад, Бафаладад и Зебидадад (сложные с Ададом), Рагеибел (отдых Бела), Даниил и Варнава, и женские имена, произведенные от имен азиатских богинь, преимущественно от Нанайи, вавилонской богини города, как Маттанат (дар Анаит), Батнанайя (дочь Нанайи), Мекатнанайя, Барибоннайя, Ригутаи (имя субботней служанки Эсфири) и имя героини Флобера—Саламбо, которое появляется как имя женщины Саламбуа в Дура[135] и Газе[136], так же как имя Азии, употребляемое Шелли, встречается как женское имя в надписях и папирусах[137]. В результате свободного смешения народностей греческий язык теряет грамматику, и прежде всего—окончания, как, например, можно проследить по монетам царя Канишки в Индии. Встречаются семьи, в которых имена братьев еще греческие, а сестер—азиатские; это значит, что некоторые греческие поселенцы женились на туземках и сыновья, согласно обычаю, получали имена на языке отца, а дочери—на языке матери. Таким же образом живущие в Сирии греки до 100 г. были женаты на сирийках—Таосе, Рибу, Румате[138]; и некоторые сирийские полисы признавали в качестве городской богини Атаргатис или Астарту. Но, повидимому, в Дура не было брака между братьями и сестрами, который в конце концов появился у египетских греков; встречаются два раза в семьях с греческими именами браки с единокровными сестрами[139], что дозволялось некоторыми греческими законами.

Выше было уже описано общее отношение старых греческих полисов к царям (гл. II)[140]. Вероятно, при Селевке и Антиохе I они были подвластными союзниками, платящими налоги, хотя сведений об этом мало, так как «галатский» налог, взимавшийся Антиохом I для уплаты дани галлам, был необычным; но некоторые города, как, например, Эритры, были, возможно, свободны от обложения[141]. Конечно, первые Селевкиды стремились заслужить уважение полисов и, кажется, были популярны среди горожан. Антиох II, которого надписи рисуют в благоприятном свете[142], вернул полную свободу ионийским городам, и последние всегда ссылались на этот факт, как на свою хартию вольностей. Когда Антиох III отвоевал у Египта побережье Малой Азии, он выдвинул новую теорию, согласно которой все полисы были его подданными и их свобода была лишь актом милости с его стороны[143]. Некоторые полисы, действительно, вновь платили налог, но после того, как Антиох III в 188 г. потерял Малую Азию, положение полисов стало зависеть от Рима и Пергама. Один негреческий город—Арад—получил исключительные привилегии от Селевка II, в том числе и право убежища для политических эмигрантов[144].

Новые полисы Селевкидов, конечно, платили налоги, так как, поскольку много царской земли передавалось городам, казначейство не могло бы выдержать такой утечки поземельного налога, если бы не получало эквивалента; многие полисы находились под управлением городских правителей (эпистатов), которые упоминаются в некоторых сирийских городах[145]: в Селевкии на Тигре[146] и в Уруке[147]. Очевидно всюду, где было значительное местное население, ощущалась нужда в какой-либо власти помимо магистратов полиса; однако в Антиохии в Персиде если и был эпистат, он не контролировал собрания, и полис вел летосчисление не от эры Селевкидов, а по жрецам культа Селевкидов[148]. Но когда династия стала клониться к упадку, сирийские полисы сумели постепенно достигнуть довольно широкой независимости[149]. В 148—147 гг. четыре великих полиса Северной Сирии были достаточно автономны, чтобы заключить монетное соглашение как «народы-сестры»[150]. В гражданских войнах между членами династий сирийские полисы фигурируют в качестве политического фактора, поддерживая того или другого претендента; и очень многие из них в качестве награды за помощь с 140 г.

добивались от царя титула «священный и неприкосновенный» (стр. 93), который гарантировал их от его нападений и давал право убежища для нарушителей царской воли; такой полис мог чеканить свою монету, причем часто в качестве начала эры использовался год получения этой хартии свободы.

Вероятно, величайшим достижением Селевкидов, если не считать их колонизации, было введение правильного календаря. Это не был в полном смысле слова первый календарь, так как некоторые финикийские города уже начали пользоваться фиксированной эрой[151]; но это был первый календарь с широким охватом, и он представлял собой большой прогресс по сравнению с системой счета по магистратам-эпонимам или по годам правления царя. Даты исчислялись в годах с эры Селевкидов, но, к несчастью, эта эра не была единообразной: в Вавилонии первый год начинался 1 Нисана (март—апрель) 311 г.— первого новогоднего праздника Селевка после отвоевания Вавилона, а в Сирии эта дата совпадала с обычным тогда началом македонского года—1 Диона (октябрь) 312 г. Таким образом, между двумя эрами имеется расхождение около пяти месяцев[152]. Селевкидский календарь был широко воспринят в Азии, даже евреями, и долго держался. Он использовался в парфянском царстве и зависимых от него государствах и, как говорят, продолжает еще существовать среди сирийских христиан.

Как ни бедна наша информация о Селевкидах, она, может быть, еще беднее по отношению к Пергамскому царству, которое, будучи сначала незначительным по величине, включало Малую Азию в пределах до Тавра от 228 до 223 г. и от 188 до 133 г. Источники рисуют нам это царство как построенное по образцу государства Птолемеев: это была организованная машина для накопления богатства, причем, с точки зрения эллинизма, она находилась на более низком уровне, чем селевкидская. Политические причины сделали Атталидов упорными врагами Селевкидов и друзьями Египта; поэтому они, естественно, подражали Египту, но поскольку они не могли претендовать на божественное происхождение своей власти и не были национальными царями, они вместо этого принимали позу демократических правителей: их дворец был только большим домом, они никогда не употребляли царского «мы», а иногда даже называли себя гражданами Пергама[153]. Возможно, что Атталиды считали себя первыми гражданами, предвосхищая идеи Августа. Но тот факт, что Атталиды деловито и умело управляли своими владениями и римляне и сторонники римлян в Греции хорошо отзывались об этих лояльных союзниках Рима, не может скрыть подлинного, резко отрицательного отношения к ним греческого общественного мнения: для националистически настроенных греков Эвмен II был Иудой, архипредателем дела эллинизма, человеком, который подстрекнул Рим сокрушить династию Селевкидов, стоявшую за развитие эллинистической культуры. Население Антиохии могло смеяться над Антиохом, и он сам мог позволить себе злые шутки над этим населением; но грамматик Дафит самым серьезным образом сравнивал одетых в пурпур выскочек Атталидов, разыгрывавших из себя господ над греческими полисами, с высеченным рабом, спина которого разукрашена пурпуровыми полосами от бичевания; за это Дафит был распят[154]. Ни один грек никогда не говорил ничего подобного о Селевкидах.

Там, где правил Пергам, упразднялась политика Селевкидов, неуклонно сокращавших размеры царской земли и крепостничества: Атталиды, повидимому, не только сохранили свою царскую землю, но даже расширили ее[155] присоединением храмовых владений и приписки храмов к какому-нибудь городу. Это облегчалось тем, что хотя в Эолиде было много древних храмовых государств, ни одно из них не было действительно могущественным[156]. Подобно Птолемеям, Атталиды, должно быть, раздавали за службу право пользования земельными угодиями на царской земле (с правом отобрания их в казну); во всяком случае, Аттал III многие такие владения конфисковал, или, вернее, взял обратно. Они основали несколько городов[157], из которых два, несомненно, были настоящими полисами: Атталия в Памфилия, морской порт Атталидов для сношений с Египтом, там, где достигает моря дорога от Лаодикеи к Кибире, и Филадельфия в вулканической области Лидии, которая впоследствии получила большое значение; она получила прозвище «малых Афин» и была построена с расчетом на устойчивость против частых здесь землетрясений[158].

Атталиды расширили Элею в качестве порта Пергама и построили у Пропонтиды другую гавань—Гелленополь. Они основали несколько военных колоний обычного типа, первыми из которых были Филетайрия у горы Иды и Атталия на Герме; известны некоторые другие названия поселений, основанных Атталидами, но нельзя сказать, были ли они полисами или военными колониями. Атталиды пользовались наемной армией, хотя использовали мизийских горцев[159] как для войны, так и для вывода колоний. В их разросшемся царстве сатрапии управлялись военными губернаторами обычного типа[160] и имелся министр «для дел», или визирь, как у Селевкидов[161].

Отношения Атталидов к греческим полисам были ясно изложены на мирной конференции после поражения Антиоха III, когда Рим передал Эвмену II Селевкидскую Малую Азию[162]: в то время, как Родос ратовал за свободу греческих полисов, Эвмен просил, чтобы их признали его подданными. Рим пошел на компромисс и отдал ему в подданство[163] все те города, которые платили дань Атталу I или помогали Антиоху; остальные города были объявлены свободными. Среди городов, переданных Эвмену в подданство, были Эфес, Теос и Траллы, а некоторые города, объявленные свободными,—из них упоминаются Самос, Приена, Магнесия, Лампсак—позднее вступили в «дружбу и союз» с Римом, который ограничил их действия в иных направлениях. Но значительное число полисов, включая Милет и Смирну, действительно пользовалось свободой, а Аполлония у границ Писидии начинает свою эру с 189 г.[164] Естественно, что подвластные города не были довольны своим положением, и известно, как поступил Эвмен с одним греческим полисом, вероятно Аполлонией на Риндаке в Геллеспонтской Фригии[165]: он уничтожил ее автономию, конфисковал храмы и подчинил ее стратегу сатрапии. Позже он восстановил ее внутреннюю автономию и храмы, но город попрежнему платил дань и подчинялся стратегу. Теос тоже платил дань[166], и, несомненно, ее платили, как это устанавливают более поздние авторы, все несвободные греческие города, ибо Теос имел преимущество перед ними как главный азиатский центр артистов Диониса, которым покровительствовали Атталиды. Некоторые полисы—источниками упоминаются

Эфес и Амблада[167],—очевидно, облагались общей суммой налогов, вычисленной путем оценки собственности граждан. Эту сумму налогов городские власти взимали со своих граждан в любом порядке. Но в Аполлонии граждане были обложены непосредственно, без вмешательства городских властей; повидимому, существовало много налогов, и, может быть, тот длинный список налогов, которые сам Теос взимал со своих граждан (стр. 124), каким-то образом связан с обложением Атталидов; но мы не имеем ясного представления об этой системе налогового обложения. Однако, с другой стороны, цари выдавали из казначейства субсидии некоторым городам, например Теосу и Аполлонии, которые ежегодно выплачивались городским властям и могли быть использованы для гражданских и религиозных расходов города.

Таким образом, при Атталидах несвободные греческие города имели только формальную автономию, но она была непрочной и по произволу царя могла быть отнята; город был в какой-то мере подчинен военному правителю провинции и был обложен налогом, причем принятие царской субсидии давало царю право вмешательства в его финансовую администрацию. Бывали и другие случаи произвольного вмешательства. Один из Атталидов конфисковал доходы с рыбной ловли в священных озерах Артемиды Эфесской, чего Эфес никогда не мог простить[168]. Цари считали себя вправе, как это делали Антигон I в конце царствования и Лисимах, распоряжаться населением городов по своему произволу: часть территории Приапа была отдана Париону, Дардан был соединен с Абидосом, Гаргара была почти затоплена внезапным наплывом азиатов, деревня Гергита перенесена из Троады к Каику[169]. В Накрасе и Эгине и, несомненно, также в других местах были поставлены эпистаты (правители города)[170], в Пергаме—инспектор храмовых доходов[171]. Сам Пергам, хотя формально он был греческим полисом, контролировался царем, который назначал главных магистратов, пять городских стратегов и давал им свои распоряжения[172]; вероятно, только они могли передавать дела в собрание и совет. Это позволяло Атталидам контролировать финансы города, как поступали и Птолемеи со своими полисами в Малой Азии, хотя и иными путями.

Финансы Пергама процветали[173] и позволяли царям содержать большие армии, но мало известно о том, как цари собирали деньги с населения. На царской земле, поскольку она не давалась за службу и не использовалась для военных поселений (земля клерухов), они, как это было обычно, вели собственное хозяйство, но, вероятно, они пользовались египетской системой взимания определенной суммы с крестьян, а не получали долю урожая, как Селевкиды, потому что стратил Геллеспонтской Фригии говорил, что в том случае, если будет нужно зерно для посевов, об этом следует подать прошение царю, который, таким образом, контролировал все излишки пшеницы за пределами полисов[174]. Привилегированные клерухи в военных колониях, однако, платили в качестве налога одну десятую своей продукции[175]. Эолида и Троада были развитыми земледельческими и скотоводческими районами; царские конские заводы находились, вероятно, вблизи горы Иды, и сама Ида поставляла дерево и смолу. Отчасти именно нужда в смоле Иды связывала Египет с Атталидами. Из шкур своего скота и шкур, которые они ввозили с Эвксина через Кизик, они выделывали пергамент, которым снабжали мир. Экономическая система Атталидов неизвестна, но, несомненно, она была высоко развита, в частности в отношении продуктов земледелия; цари были так же заинтересованы в улучшении земледелия как и первые Птолемеи, и Аттал I писал о горе Иде[176], а Аттал III о садах[177]. Интересно, что для обозначения царской сокровищницы употребляется птолемеевский термин «rhiscus»[178], а не «gaza», применявшийся македонскими царями в Азии—Антигоном I, Лисимахом и Селевкидами. Следует также предполагать, что пергамент и смола были царскими монополиями. Впрочем, одна черта экономической системы Атталидов отличает ее от системы любого другого государства—это усиленное применение ими рабского труда. Все цари и города пользовались рабским трудом в рудниках. Но если в Египте монопольные мастерские обслуживались полукрепостными,—царские предприятия в Пергаме, вырабатывавшие пергамент, ткани и знаменитую «парчу Атталидов», затканную золотыми нитями, применяли труд массы рабов, преимущественно рабынь, под надзором «главного надзирателя царских

мастерских»[179]; и царство Атталидов реально основывалось не на полисах и поселениях, как государство Селевкидов, а на богатствах, производимых трудом крепостных и рабов. Но оно оказало миру две услуги: оно защищало большое число полисов от галатов и собрало в Пергаме библиотеку, уступавшую только Александрийской.

Атталиды постепенно превратили расположенную на вершине холма древнюю крепость Пергам в великолепную столицу[180], построенную не по обычному прямоугольному плану, а так живописно, что, может быть, на нее в этом отношении походит только Селевкия в Пиерии. У подножья холма, на котором возвышалась столица, были расположены дома простого народа, а греческий город был размещен по склонам холма; на его вершине возвышались великолепные царские постройки. Главная дорога вела к пропилеям, которые образовывали собой вход в три гимнасия, расположенные один над другим террасами, поддерживаемыми крепкими стенами; театр выходил на верхнюю террасу, а выше его крепостная стена охватывала часть вершины. Внутри пространства, окруженного этой стеной вдоль вершины с севера на юг, были расположены дворец, библиотека и храм Афины; вблизи, но за стенами, возвышался огромный алтарь Зевса Сотера (стр. 289), окруженный крытым черепицей двором, который служил рынком; за ним находились храм Диониса и нижний рынок, на котором стояли часы в виде Гермеса с рогом изобилия, из которого в определенные промежутки времени вытекала вода. Нам частично известен закон об общественном здравоохранении, изданный одним из Атталидов[181]; он предписывал домовладельцам очистку улиц и ремонт разрушающихся или угрожающих разрушением домов; если собственник не выполнял своей обязанности, астиномы могли оштрафовать его и выполнить работу за его счет, а если и они не выполняли этого, то за это могли взяться стратеги полиса; стратеги действовали на основании распоряжения царя, но царь был высшей властью по вопросам здравоохранения. Проявлялась и забота о поддержании дорог в хорошем состоянии; все цистерны были зарегистрированы, и были введены суровые наказания за загрязнение городской воды стиркой платья или водопоем животных. Но несмотря на все свое величие и форму греческого полиса, Пергам был полуазиатским

городом: в храме Афины, кроме нее, почитался Зевс Сабазий[182], одно из воплощений универсального бога Малой Азии, культ которого привезла с собой со своей каппадокийской родины Стратоника, жена Эвмена II; а нижний город кишел чужеземными торговцами, корпорациями наемников, вольноотпущенниками и массами рабов, занятых работой в государственных мастерских. Аттал III в завещании, которым он передавал свое царство Риму, сделал Пергам свободным городом; а граждане, чтобы предупредить восстание рабов, аналогичное сицилийскому, дали права гражданства всем метэкам и наемникам, включая мизийцев и пафлагонцев, поселенных на территории города, и подняли вольноотпущенников и рабов, за исключением некоторых женщин, до положения метэков, что само по себе было революцией и наиболее массовым освобождением жителей Азии, о котором мы имеем сведения[183].

* * *

Туземные царства Малой Азии были эллинизированы только поверхностно. Каппадокия, Понт, Армения удержали свои древние феодальные системы; и хотя Каппадокия, в подражание Селевкидам, была разделена на десять сатраний, или военных округов[184], она вела летосчисление по персидскому календарю[185]. Цари этих азиатских государств приняли греческие культовые имена, пользовались при своих дворах греческой речью и титулами и насаждали праздники Диониса; они приглашали всякого рода греческих экспертов и строили города, называя их своими именами, например Ариаратея в Каппадокии, Эвпатория в Понте, Арсамосата и, позднее, Тигранокерта в Армении; но это были только царские города, а царства оставались по существу азиатскими: Каппадокия и Понт были оплотами маздеизма, и сам Митридат Эвпатор был только варваром, несмотря на некоторый внешний лоск. Греческая надпись в Нимруд-даге на могиле друга Помпея, Антиоха I, царя Коммагены, иллюстрирует этот смешанный эллинизм[186]. Она написана на цветистом греческом языке, но ее составитель не усвоил правильного употребления греческого артикля. Царь, наполовину Селевкид, выводит свое происхождение от Дария I и Александра[187]

(от последнего — через жену Селевка Апаму, считавшуюся дочерью Александра) и трактует Персию и Македонию как два «корня» своей царской власти; он пользуется македонским календарем, но приписывает свои успехи благочестию и святости. Его боги — персидские: Агурамазда и Митра, но они носят также и греческие имена. Он учреждает фонд для увековечения их культа на своей могиле на греческий лад, т. е. свой собственный культ героя. Однако все это в целом носит совсем не греческий облик: для обеспечения этих служб отводится несколько деревень, а также группа иеродулов (храмовых рабов), потомки которых должны навеки посвятить себя этому культу, т. е. воскрешают древние азиатские формы жреческого государства.

Только в Вифинии эллинизм был сильнее азиатских влияний; местная династия рассматривала себя как соперников и конкурентов Атталидов и основала много городов[188]. «Прекрасная» Никомедия заменила греческий Астак, разрушенный Лисимахом, и стала в римские времена важным полисом; Прусий I построил Прусию Приморскую, которая имела право чеканить монету, и она заменила Киус, греческий город, разрушенный Филиппом V. Прусий возродил вновь Киерос и назвал его Прусией на Гипии. По совету Ганнибала Прусий I основал Прусу (Брусса), может быть взамен другого исчезнувшего греческого города — Атуссы, порт которой, Мирлия, был позже эллинизирован под именем Апамеи; в состав царства входила также лисимахова Никея. Никея и Прусия, вероятно, имели некоторую автономию, другие города тоже, может быть позднее, получили формы греческого полиса, так как заслуживает внимания, что все они заменили собой более древние греческие города.

Один народ в Малой Азии практически оставался незатронутым эллинизмом вплоть до римского периода — это галаты[189]. Они были инородным телом в чужой для них стране, жили в крепостях, откуда совершали набеги и грабежи, и господствовали над местными крестьянами, обрабатывавшими их поля; галаты, очевидно, получали пополнения из Европы и сохранили свой язык, племенную организацию, обычаи и добродетели: храбрость мужчин, гордое целомудрие женщин. Три их племени[190] делились каждое на четыре части, или тетрархии,

которые управлялись тетрархами с подчиненными им судьями. Судьи ведали гражданскими делами, но уголовная юрисдикция и, возможно, политическая власть находились в руках совета 300 старейшин, которые собирались в своем священном центре Дринемете[191], что означает, может быть, собрание в роще; из тетрархов выбирались те военные вожди, которые позднее упоминаются у греческих и римских авторов в качестве «царей». Они не вмешивались в дела расположенного в глубине их территории государства Пессин вплоть до 166 г., когда они заняли Пессин и религия галатов постепенно подверглась фригийскому влиянию. На это проливает свет переписка Эвмена II, сюзерена Галатии (183—166 гг.), со жрецом-царем Пессина Аттисом[192]. Эвмен пишет Аттису, как царь царю. Дружба с Аттисом укрепила влияние Эвмена в Галатии. Брат Аттиса перешел к галатам, принял галатское имя и добился верховного жречества, несомненно в интересах галатов и при их поддержке. Эвмен II построил в Пессине храм и портики, окончательно разрушил остатки могущества галатов. После истребления галатской аристократии Митридатом галаты начали перенимать цивилизацию страны. Но даже в III веке н. э. язык галатов еще не исчез и они еще поклонялись вельтскому богу под именем Зевса Буссуригия[193].

* * *

Эту главу уместно закончить некоторыми замечаниями о важном значении древних греческих полисов в Азии[194]. Эти полисы, с их старинными традициями, многочисленным населением, сложной и деятельной жизнью, растущим богатством, великолепными общественными зданиями и обширными стенами, едва ли чувствовали себя стоящими много ниже какого-либо царства. Хотя ни один из этих полисов не мог своими размерами соперничать с Афинами IV века и тем более—с Сиракузами, все же во II веке Милет с прилегающей территорией, возможно, имел население около 100 тыс. человек, включая рабов[195]; Эфес был еще больше, а Родос не мог быть намного меньше. Около 300 г. Милет все еще был величайшим из ионийских городов; его процветанию содействовала торговля шерстью; он построил крупнейший гре-

ческий храм в Азии; однако в дальнейшем его превзошли Эфес и Смирна. После 250 г.[196] на подъеме находилась и Смирна. Независимость Смирны была полной, и сохранился любопытный рассказ о ее отношении к Селевку II и его горячей поддержке этого полиса: когда в 244 г. Селевк перешел через Тавр, Смирна действовала в качестве его наместника; так, она подтвердила пожалования, сделанные его отцом, побудила Селевка сделать новые пожалования и поручила его казначейству уплату денег наемникам[197]. В Эфесе[198] концентрация восточной торговли по дороге Апамея—Эфес, в связи с тем, что Лисимах перенес город к морю, после того как старая гавань затянулась илом, вызвала мощное развитие; может быть, впервые на монетах появляются те кистофоры*[199], которые стали обычными на монетах Пергамского царства и распространились по всей Малой Азии. Во II веке Атталиды начали превращать Эфес в главный порт своего царства, но он никогда не мог забыть их конфискаций и в 132 г. использовал удобный случай для мести: его флот разбил Аристоника на море и открыл Риму путь в Азию. С тех пор, хотя Пергам формально был столицей римской провинции Азии, фактически ее главным городом стал Эфес,— в нем была резиденция правителя и казна провинции. Он был естественными воротами в эту страну, так как был не только греческим полисом: его широко прославленный храм азиатской богини плодородия с евнухами и посвященными богине девами, его восходящее к доисторическим временам убежище и его священная рыба принадлежат более древнему миру.

Магнесия, расположенная на Меандре, возможно, простирала свое влияние от Итаки[200] до Оксуса; она помогла защитить Дельфы от галатов[201], она дала бактрийскому эллинизму его наиболее мощную династию[202] и была в какой-то мере причастна к проникновению в Индию. Магнесия помогла Селевкидам создавать Антиохию на границе Писидии[203], Антиохию в Персиде[204] и, несомненно, другие полисы, хотя нам об этом и неизвестно. В III веке в Магнесии не часто практиковалось детоубийство. Ее великий храм Артемиды Левкофриены, преем-

* Кистофоры—изображения участников вакхических мистерий, увенчанных плющом, выбиваемые на монетах. (*Прим. ред.*)

ницы Матери Диндимены, уступал по размерам только храмам в Эфесе и Дидиме (стр. 284) и, как говорят, был красивее обоих. По реальному могуществу около 280 г. Гераклея Понтийская, вероятно, превосходила любой полис материка: она управляла большой территорией, включающей другие города, и некогда считала себя сильнее самого Селевка[205], но в более позднее время она не сумела сохранить это положение. То же применимо и к Синопе: одно время могло казаться, что Лисимах хочет сделать Черное море своим озером и Синопа будет господствовать на новых обширных торговых путях[206]; но Лисимах не оставил преемника, и Синопа стала лишь столицей понтийских царей. Зато независимый Кизик, с его удивительной двойной гаванью и хорошим флотом, был более чем простым ее преемником; в его руках была большая дорога через долину Макеста до Сард, и по этой дороге проходила торговля между Пергамским царством и побережьем Черного моря[207]; Страбон ставит его наряду с Родосом, Карфагеном и Массилией[208]. Политика Кизика заключалась в постоянной дружбе, а по возможности — и союзе с Пергамом[209]; его отношения к этой монархии походили на отношения Родоса к Египту, и он дал династии Атталидов ее лучшую царицу — Аполлониду (стр. 105), которую он позже обожествил. Наследники многих царственных домов присылались в Кизик для завершения своего образования[10]. В 277 г. он был уже достаточно силен, чтобы разбить в единоборстве племя галатов-трокмов[211]; а двумя веками позже он боролся один-на-один с Понтийским царством и чуть не захватил в плен Митридата на вершине его мощи. При Августе Кизик управлял обширной территорией, включающей древние полисы, вроде Зелеи, и совершил более опасный подвиг, чем борьба с Митридатом: он подверг телесному наказанию нескольких римлян[212]. Для этого у него были хорошие основания; но он был счастлив, что отделался только пятью годами чрезвычайного налога.

Но по словам Страбона ни один полис не мог равняться с Родосом[213]. Во время исторической осады 304 г. он успешно сопротивлялся всем силам Деметрия, и до 166 г. его мощь и ресурсы непрерывно росли. Его купцы и банкиры желали мира, но он защищал два принципа; равновесие сил и свободу мореплавания, и за них он всегда был

готов бороться с агрессором. Родос помог Македонии сломить морскую мощь Птолемея II, Пергаму — обуздать Филиппа V, Риму — разбить Антиоха III. Его правление было ограниченной демократией[214] или, может быть, скорее аристократией, при которой, как в Англии XVIII века, власть оставалась в руках руководящих фамилий; правители Родоса выполняли свой долг по отношению к бедным, и, несмотря на свое космополитическое портовое население, Родос никогда не знал внутренних смут[215] и мог, в случае крайней необходимости, спокойно вооружить своих рабов. Окружающие острова были его демами, и он претендовал на право налагать вето на жалуемые им почести[216]. Благодаря выгодному расположению, через Родосский порт проходила торговля между Египтом и Севером, Сирией и Западом. В 170 г. его 2%-ный сбор с импорта и экспорта достигал миллиона драхм[217], и о расцвете его торговли свидетельствует масса родосских ручек от амфор, найденных во всех странах древнего мира. Родос был центром международного кредита и обмена, главным городом эллинистической торговли; когда в 225 г. он был разрушен землетрясением и ему угрожал коммерческий кризис, эллинистический мир доказал свою торговую солидарность предоставлением обильной помощи деньгами и натурой, присланной ему всеми царями, говорящими по-гречески, а также многими полисами[218].

В 200 г., когда македонский флот пришел в упадок, Родос господствовал на Эгейском море; он преобразовал союз островов под своим председательством, вместо царя[219], и укротил пиратов; после 188 г. он управлял большей частью Карии и Ликии. Когда в 220 г. Византий наложил пошлину на корабли, проходящие через Босфор, Родос сразу же принял меры для освобождения проливов[220]. Его флот, вероятно, никогда не насчитывал больше каких-нибудь пятидесяти морских кораблей, но их качество было лучшим в мире[221]; он в единоборстве разбил флоты Египта и Сирии, и в ходу была хвастливая поговорка, что каждый родосец стоит военного корабля[222]. При Мионнесе, где римский флот столкнулся с флотом Антиоха III, именно родосский морской отряд вывел Рим из тяжелого положения; но если бы сражение закончилось иначе, оно все же было бы победой Родоса, потому что флотом Антиоха командовал родосский изгнанник. Вход

в некоторые из его арсеналов был запрещен для населения под страхом смертной казни. Город был украшен памятниками искусства, в том числе многими картинами Протогена и Паррасия, знаменитым Колоссом (стр. 288) и многими другими грандиозными статуями, и во II веке он был центром греческой образованности, родиной философии и риторики, прославленной именами Панеция и Посидония. Родос долго оставался крупным центром просвещения. Был знаменит его кодекс морского права, принятый Антонинами; возможно, фрагменты его включены в византийскую компиляцию под названием «Родосского морского права» и отсюда перешли в Венецию; это были единственные греческие законы, которые, таким образом, в живой форме дошли до современного мира[223].

Глава V

ЕГИПЕТ[1]

Папирусы, найденные за последние десятилетия в Египте, дают представление об этой стране в эпоху эллинизма в некоторых отношениях гораздо более конкретное, чем то, что нам известно вообще о древнем греческом мире. Но это—особый мир, интересный прежде всего экономической системой Птолемеев. Египет давал бы сравнительно мало материала об эллинизме в общем, если бы не было Мусейона и знаменитой библиотеки в Александрии; без них вряд ли он повлиял бы на развитие греческой цивилизации. Дело в том, что грек в Египте оставался чужестранцем среди массы туземного населения, которое в конце концов поглотило бы его, если бы не вмешательство Рима. Действительно, при Птолемее I страна не была заселена до предела, ибо имелись еще участки невозделанной земли; но в I веке население Египта, возможно, составляло 8 или 9 млн. человек[2]; страна могла тогда прокормить максимально 10 млн. человек. С Птолемеем I в страну прибыло незначительное число македонян, которые всегда сохраняли привилегированное положение; но их было слишком мало, чтобы они могли иметь какое-либо значение, и первые Птолемеи опирались на греков, которые в качестве наемников и поселенцев до середины III века в большом количестве прибывали в страну. С ними явились фракийцы и уроженцы Западной Азии, бо́льшая часть которых, за исключением евреев, была эллинизирована[3]; в 252 г. в армии Птолемея находился только один римлянин[4].

Некоторое время греки обращались с Египтом, как с завоеванной страной. Но не к этому стремился Александр Македонский: в его государстве европейцы должны были ведать финансами и оккупационной армией, а гражданское управление (под его собственным руководством) доверялось египтянам; номы (округа страны) оставались

под властью египетских монархов, и Александр назначил на места не македонских сатрапов, а местных правителей. Даже Птолемей I, хотя он и был сатрапом, не вполне отказался от идеи Александра[5] и больше привлекал египтян к управлению страной, чем это практиковалось впоследствии, когда он начал завоевывать заморские территории. Преемники Птолемея I стремились создать державу на побережье Эгейского моря и рассматривали Египет как источник получения денег. С 312 г., при первых трех Птолемеях, ни один египтянин не носил оружия. Но в конце III века положение изменилось. В 217 г. вновь набранные Птолемеем IV египетские войска одержали победу в битве при Рафии и этим доказали свое важное значение для государства; с прекращением греческой иммиграции резко возросла роль египетских элементов. Вначале мы дадим очерк птолемеевского Египта в III веке, а затем отметим более поздние изменения, в частности те, которые были результатом целой серии декретов Птолемея Эвергета II.

Сходные и различные черты в политических, административных и экономических системах держав Птолемеев и Селевкидов показывают, что оба государственных организма развивались из общих источников, но различными путями; главное различие заключается в экономической политике и в отношении к греческим полисам. Птолемеям с самого начала было ясно, что они не могут создать в Египте такое сильное государство, как Селевкиды в Азии, на основе греческого полиса; и хотя Птолемей I не мог бы считаться диадохом Александра, если бы он не основал ни одного полиса,—он основал в Египте только один полис: Птолемаиду в Верхнем Египте, несомненно в противовес Фивам—центру жреческого влияния. Птолемаида[6] была формально автономным греческим полисом, но ее автономия с самого начала была ограничена стратегом Фиваиды, ставшим ее главным магистратом[7], что напоминает автономию Пергама или Фессалоники. Навкратис продолжал существовать, но рядом с Александрией он потерял всякое значение, и если не считать Александрии, Птолемеи проявляли некоторый интерес к городам только в своих внешних владениях. Эти владения одно время были очень обширны, хотя границы их не были устойчивы[8]. Птолемеи владели Кикладами или контролировали

их с некоторыми перерывами с 285 до 254 г.; они контролировали Самос с 281 до 201 г., большую часть побережья Малой Азии—от Каликадна в Киликии до Эфеса—приблизительно с 273 г. (или еще ранее), с перерывами, до 197 г., хотя многие города и округа часто меняли своих господ во время войн Птолемеев с Селевкидами. Птолемеи удерживали значительную часть побережья Геллеспонта и Фракии с Лесбосом и Самофракией приблизительно с 241 до 202 г., включая даже Абдеру в пределах Македонии; Южную Сирию вплоть до Ливана и значительную часть Финикии (с неустойчивыми границами)—до 200 г.; Феру[9], Метану в Арголиде[10] и Итан на Крите[11]—до 146 г.; Киренаику (за исключением недолгого времени ее независимости около 258—246 гг.) и Кипр, их последнее зарубежное владение,—до 58 г. Многие города были ими переименованы: Метана, Патара в Ликии и какой-то город в Кеосе—все стали Арсиноями[12]. Арсиноя и Филадельфия в Киликии[13], возможно, были впервые основаны, как и некоторые другие города в Сирии, например Филотерия на Генисаретском озере, а иные туземные города основаны вновь в качестве греческих полисов; например, Ака (Акра) стала Птолемаидой, а Раббат-Аммон—Филадельфией.

Греческие полисы во внешних владениях Птолемеев были всецело подвластными городами: они облагались налогами, и форма правления в них была связана с египетскими традициями. Одним из нововведений Птолемеев было уничтожение власти египетских номархов и передача управления номами греческим или македонским стратегам, как если бы они были сатрапиями; зарубежные владения тоже управлялись стратегами, а во главе полисов стояли эпистаты[14]. Большое значение имело то обстоятельство, что внутренняя жизнь этих греческих полисов контролировалась не только царем, через стратега и эпистата, но и министром финансов (диойкетом) в Александрии. Дело в том, что как в каждом номе, кроме военачальника, находился подчиненный министру финансов «эконом», так и в провинциях, например в Карии, наряду с военачальником был «эконом», имеющий соответствующую власть над греческими полисами[15]. До такой крайности не доходила ни одна монархия, и это заставляет предположить попытку ввести в греческий мир египетскую экономическую систему. К сожалению, неизвестно,

как практически проводилась в жизнь эта система; но известно, что Лесбос, кроме денежных налогов, платил налог зерном[16], а это означает, что принадлежащая городу земля рассматривалась как царская земля; в Галикарнасе, очевидно, была триерархия для облегчения содержания египетского флота[17]; и Птолемей II пытался заменить монеты азиатских городов своими собственными[18]. Сирия, несомненно, была в какой-то мере организована по египетскому образцу, но не целиком: кроме жреческого государства в Иудее под господством Птолемеев все еще существовали туземные вожди, вроде Товиадов в Аммоне (стр. 193).

Что касается общественных строительных работ в Египте, то Птолемей I основал библиотеку и Мусейон (стр. 242), а Птолемей II закончил сооружение библиотеки, восстановил канал, построенный Дарием I и соединявший Красное море с Нилом через Горькие озера, и в начале своего царствования начал дренаж Меридского озера, воссоздав тем самым Арсинойский ном Фаюм и отвоевывая плодородную землю, которую он сделал центром поселения греков[19]. Прежнее болото было в конце концов превращено в озеро, размерами в нынешнее озеро Карун. Караванная дорога от Копта на Ниле до Береники на Красном море была снабжена колодцами и укрепленными станциями[20]; были налажены быстрая доставка правительственной почты, по образцу персидской, и транспортировка тяжелых тюков и людей, основанная на системе реквизиции по пути упряжных животных[21]; при Птолемее II начали пользоваться верблюдами[22], а позже почта перевозилась на верблюдах с юга к Александрии. В другом месте (глава VII) будут упомянуты замечательные исследования вдоль Красного моря. Но величайшим достижением было, конечно, окончание постройки Александрии.

Александрия[23] отличалась от остального Египта тем, что была полисом. Она находилась на перешейке между морем и озером Мареотидой, с гаванями на море и озере. Дейнократ построил ее по обычному в эллинистических городах прямоугольному плану (стр.280), встречающемуся даже в греческих деревнях Фаюма. Но вскрытые археологами александрийские улицы оказались по времени римскими, а эллинистическая Александрия известна главным образом из труда Страбона, который пишет о большой улице, в 30 м шириной, идущей с востока на запад и пересекаемой другой улицей под прямым углом. Несколько улиц носили культовые имена Арсинои II[24]. Александр соединил остров Фарос с материком молом длиной в семь стадий* (Гептастадион), который, таким образом, создавал как бы двойную гавань, известную также по образцам Сиракуз, Синопа, Кизика. К востоку от мола находился естественный бассейн, ныне заброшенный, к западу—искусственный порт Эвност, созданный плотинами и связанный с Мареотидским озером каналом. И бассейн и порт имели небольшие внутренние закрытые гавани; в восточной гавани был частный порт Птолемея, а в Эвносте—военная гавань Кибот. Гавань на Мареотидском озере сосредоточила у себя нильские перевозки товаров и, как говорили, вмещала даже бóльший тоннаж, чем морские гавани; здесь находился пышный увеселительный флот Птолемея II, а позже—великолепная вилла на барже, сооруженная для Птолемея IV. В восточной гавани находился царский квартал Брухейон, в котором среди храмов и обширных садов помещались дворец, Мусейон и библиотека, казармы гвардии, могилы Птолемеев и замечательная могила, построенная для останков Александра Македонского Птолемеем II, когда он привез их из Мемфиса. Эта могила еще римскими императорами считалась священной, и к ней ездил на поклонение Каракалла. Над всем городом возвышался Фарос—маяк, воздвигнутый на острове Состратом Книдским для безопасного мореплавания (стр. 283).

Внутри города были постройки, в которых помещались центральные канцелярии всей администрации, главные склады для зерна, масла и других продуктов, судебная палата и гимнасий; за восточными воротами находился стадион и гипподром для состязаний на колесницах; на западе, вблизи египетского квартала, стоял Парменискˆ[25], большой храм Сераписа; с искусственного холма, посвященного Пану, открывалась панорама всего города. Лавки и базары окаймляли центральный проспект, и около 100 г., вероятно, здесь были дома в несколько

* Стадий—древнегреческая мера длины, равная 177,6 м. (*Прим. ред.*)

этажей; некоторые дома сдавались под квартиры, и ими управляли рабы домовладельцев. Канал доставлял городу нильскую воду, и она расходилась по трубам, образующим систему подземных цистерн[26], из которых брали воду жители; позже в некоторых домах, повидимому, можно было доставать воду насосами. Город выходил за пределы стен с обеих сторон; на западе находился туземный египетский квартал, на востоке, за Элевсинским пригородом, сады богачей тянулись до Канопа—района, где происходили игры. В 200 г. Александрия была величайшим городом известного тогда мира, хотя позже ее превзошел Рим; во времена Августа все население Александрии достигало, может быть, миллиона[27]. В недавно открытом диалоге один энтузиаст заявляет, что Александрия, это—мир: вся земля—это как бы ее городская земля, а другие города только ее деревни[28]. Кое-что об ее богатстве и великолепии при Птолемее II можно почерпнуть из рассказа Калликсена, сохраненного Афинеем, о праздничной процессии этого царя.

Нельзя признать это громадное скопление людей «полисом»[29] в подлинном греческом смысле этого слова. Александрия была собранием политевм (стр. 142), основанных на национальном принципе, причем греческая политевма была наиболее важной; вне политевм были несколько привилегированных македонян и масса египтян. Не было даже городского совета (хотя некоторые думают иначе)[30]; и мнение профессора Вилькена[31], что Александр не мог основать города без совета, основано на предположении, что Александр основал именно «полис», тогда как все основанные им города были, вероятно, нового, смешанного типа. Тем не менее, греческая политевма Александрии более приближалась к типу полиса, чем какая-либо другая, нам известная; греки здесь назывались «гражданами», «александрийцами» и делились на филы[32]; они выбирали магистратов греческого типа, которые ведали строительством, здравоохранением и т. д. Избирались также греческие судебные курии, ведавшие судопроизводством, основанным на «праве полиса», т. е. на праве греческих граждан и на царских указах; они, повидимому, имели право суда над всеми жителями, кроме граждан еврейской политевмы, позднее III века[33]. Земля, приписанная к Александрии, была землей «александрийцев», т. е. греческой политевмы; и если бы когда-нибудь стало известно о ее совете,—вероятно, он оказался бы правящим советом этой политевмы, который, должно быть, существовал. Однако в Александрии было много греческих жителей, не бывших членами греческой политевмы, и все население было подвластно наместнику Птолемея[34], позднее обладавшему военной властью; были и другие царские должностные лица, например префект полиции, эксегет (носивший пурпур) и эвтениарх; один из двух последних, может быть, ведал снабжением города продуктами питания[35], но и сам царь наблюдал за тем, чтобы население великого города было накормлено[36]. Любопытно, как личное «городское право» греков, распространяясь и на не греков, находилось на пути превращения в настоящее территориальное право. Это могло быть частью плана Александра, намечавшего слияние различных народов; и после того как во II веке начались браки между греками и египтянами, население Александрии, если не считать евреев и меньшинства греков, в конце концов слилось в более или менее однородную массу, буйную, помешанную на зрелищах, насмешливую и иногда враждебную той династии, за которую она, тем не менее, в последний период ее существования боролась и о которой она долго сожалела.

Описывать птолемеевскую систему хозяйства и управления, не говоря об Александрии,—значит описать тело без головы, ибо все нити вели к Александрии. Но о центральных канцеляриях нам ничего не известно; все сведения идут из других районов страны. Уже при персах денежные платежи вытеснили натуральные, и этот процесс стал еще быстрее развиваться при Птолемеях; но натуральное хозяйство еще существовало, и капитал в стране всегда был сравнительно редким; уровень процентов достигал от 24 до 36[37], что было неизвестно в Греции, за исключением займов под морские перевозки. Что же касается феллахов, то в отношении их действовал принцип, что каждый имеет «свое место» (ἰδία), которое он не может оставить иначе, как по официальному приказу или разрешению[38]. Истоки системы царских монополий можно видеть уже в древних храмовых монополиях времен фараонов и в знаменитом запасе пшеницы, скопленном Клеоменом, главным финансовым надзирателем Александра[39], когда в его руках был фактический контроль

над страной; но монополии как система—создание Птолемея II, хотя она была начата, следует полагать, уже его отцом.

Царь олицетворял собой государство; и Птолемей I после смерти Пердикки претендовал на Египет как на территорию, «завоеванную копьем»[40], которая по македонскому обычаю переходила к царю. Он поэтому претендовал на право быть собственником всей египетской земли, за исключением земли Навкратиса, Александрии и Птолемаиды. Птолемей I претендовал на земли не только древних царских поместий, но и на храмовые земли и земли знати, которую сокрушили Птолемеи. Вся земля[41] делилась только на две категории: царскую землю в более узком смысле, т. е. непосредственно используемую царем, и землю пожалованную. Царская земля обрабатывалась для Птолемея «γεωργοί βασιλικοί» («царскими крестьянами»), λαοί βασιλικοί» («царскими людьми»). Они составляли важнейшую категорию феллахов деревень, и их предки возделывали царскую землю с незапамятных времен; многие были мелкими крестьянами, но среди них некоторые обладали достатком. Обычное держание «царских крестьян» частично было преобразовано в греческие формы; они были приравнены к арендаторам. Но у «царских крестьян» не было письменных договоров, и царь не связывал себя обязанностями, обычными для собственника, сдающего землю в аренду. Крестьяне не могли покинуть свои деревни, были обязаны обрабатывать свою землю, и их могли принудить к обработке еще большего участка, если по соседству оказывалась свободная земля (государство придерживалось правила, что все земли царя должны быть возделаны). У «царских крестьян» мог быть реквизирован скот, их заставляли выполнять работы на плотинах и каналах, и они в любое время могли быть прогнаны. Таким образом, «царские крестьяне» фактически мало отличались от крепостных. Неизвестно, сколько было в Египте царской земли; во всяком случае, она была весьма существенной частью всего земельного фонда страны; в Фаюме и в Дельте, может быть, даже бóльшая часть земли принадлежала царю.

Пожалованная земля делилась на четыре категории: а) храмовые земли, б) земли клерухов, в) дарственные земли и г) так называемые частные земли.

Рассмотрим все четыре категории.

а) Для царя, который был также египетским богом, обрабатывали прежние храмовые земли; он определял, какое количество продуктов требуется для храма, и удерживал в свою пользу остальное. Вероятно, к этой категории относились обширные земли в Фиваиде.

б) Клерухи (держатели «клера», или военного надела) были военными поселенцами, первоначально—наемниками различных национальностей, преимущественно греков, объединенных по поселениям. Посадить их на землю—значило обеспечить их кадрами наемников; и это также позволяло царю возделывать пустоши, потому что эти клеры были часто, хотя не всегда, невозделанными пустырями, право владения которыми продавалось наемникам по низкой цене, с тем условием, чтобы они возделали их. Клерухи могли использовать наделы по своему желанию под хлебное поле или сад (виноградники считались садовой землей) и соответственно этому платили ренту: за хлебное поле—зерном, за сад—деньгами; эта рента не была тяжелой, так как можно было в счет ренты нести военную службу. Если клерух умирал или не был в состоянии выплачивать ренту или отправлять военную службу, царь мог отнять землю, но около 218 г. клер стал наследственным и переходил к сыну клеруха, а позднее стал отчуждаемым, хотя, вероятно, клерух никогда не получил права завещать его кому-либо, кроме родственников по мужской линии.

в) Дарственная земля представляла собой обширное земельное владение, включающее в себя одну или несколько деревень с их землей; это владение, передаваемое какому-либо должностному лицу, получавшему в свое подчинение деревенские власти, для того чтобы с его помощью добиться наилучшего использования земли; но царь мог и отобрать землю обратно. Папирусы Зенона дали нам много сведений о земельном владении в Фаюме, пожалованном Птолемеем II его министру финансов Аполлонию[42].

г) Частная земля первоначально включала дом, сад и виноградник; даже дом и сад «царских крестьян» были «частными». Греки иногда считали частную землю, дом и сад собственностью, но это была, как и всякая другая птолемеевская форма, не собственность, а владение. Если

не считать греческих городов, то собственность, или законное право, на любую землю в Египте всегда принадлежали царю. Но цари вскоре стали передавать гражданским лицам права на вечное пользование землей, домом, садом, пустырем или выморочной землей клеруха и даже свободной царской землей; и такая земля тоже стала считаться «частной». Она приобретала все большее значение в I веке и еще большее—при римском господстве: если клерухи давали государству военные кадры, то «частные» владельцы, вероятно, занимали мелкие чиновничьи должности. Все это можно сравнить со схожими формами землепользования в Селевкидской Азии, где, возможно, наряду с военными, поселялись гражданские колонисты.

Переходим к рассмотрению экономической системы Птолемеев[43]. Главным продуктом Египта была пшеница. Со всей земли, занятой под хлеб, кому бы она ни принадлежала, платили налог зерном непосредственно царю; а на царской земле крестьянин не мог распоряжаться хотя бы малейшей частью урожая, пока он не сдавал царскую долю, которая была больше его собственной, и не перевозил ее в царскую житницу. Если в Азии Селевкиды делили урожай с крестьянами, разделяя с ними и убытки (стр. 141), то в Египте с каждого клочка земли в первую очередь передавали царю определенное количество зерна, причем потери и убытки падали только на земледельца[44]; это и было одним из источников колоссального богатства Птолемеев. «Царским крестьянам» оставлялся только прожиточный минимум; царь снабжал их зерном для посева следующего года. Из деревенских житниц пшеница переправлялась в центральную житницу нома, а оттуда увозилась по Нилу и хранилась в царской житнице в Александрии[45]; пшеница была вторым Нилом, огромной рекой, питаемой тысячами ручейков и текущей вплоть до столицы. Птолемеи были крупнейшими хлеботорговцами, каких только видел мир.

Другой была политика по отношению к предметам промышленности, составляющим царские монополии, подобно тканям и маслу. Ткани, весь лен, а может быть и вся шерсть, продавались царю по твердой цене; очевидно, он ежегодно определял, сколько льна должно быть посеяно, а привозная шерсть облагалась 20%-ной пошлиной[46], что привело к экспериментам Аполлония с милетскими

овцами[47] (греческими мериносами) под охраной ввозных тарифов.

Ткачи, кажется, жили в своих деревнях, но станки не были национализированы; ткач, собственно, не принуждался к работе, но он не имел права оставить «свое место», и государство, очевидно, устанавливало определенное количество полотна или сукна, которое он должен поставить в соответствии с количеством своего сырья[48]. Около 100 г. ткацкое дело перестало быть полной монополией и право заниматься им могло сдаваться на откуп[49].

Но крупнейшей царской монополией было масло[50]. Оливковое дерево, хотя и давно завезенное в Египет, было еще редкостью. Деревья сажали для украшения, и оливки использовали только для еды[51], а масло выделывалось из сезама (самое лучшее), кротона, льняного семени, желтяницы и колокинта (тыквенного семени). Царь ежегодно определял, сколько земли должно быть отведено под эти растения; посадка была принудительной, и царь покупал всю продукцию по твердой цене. Масло производилось в царских мастерских; рабочие были крепостными, прикрепленными к «своему месту», пока не переводились куда-либо официальным приказом; наконец, масло распределялось между лавочниками по твердой цене. Рабочие в этих мастерских получали свою долю прибыли, доходящую до 4% продажной цены[52]; но какое это имело значение и было ли это в самом деле мерой просвещенных государей, как это некоторые предполагали, мы не можем сказать, потому что мы не знаем, какую оплату они получали и в каком отношении вообще находились оплата труда и цены в Египте. Во избежание конкуренции иноземное масло было обложено высокой ввозной пошлиной[53]. В 259 г. Птолемей II продал свое масло в Египте по 52 драхмы за метрет*, а ввозная пошлина достигла тогда 50%, причем привозное масло должно было продаваться царю по 46 драхм. Дело происходило следующим образом. Владелец груза масла из Греции должен был заплатить пошлину в размере 26 птолемеевских драхм (за каждый метрет), а также сбор в александрийской гавани и некоторые другие сборы, всего около 2 драхм, и продать масло по

* Метрет — древнегреческая мера объема, равная 39 литрам. (*Прим. ред.*)

46 птолемеевских драхм. После этого у него оставалось каких-нибудь 18 птолемеевских драхм за метрет для покрытия покупной стоимости масла, 2%-ной вывозной пошлины того города, откуда он его вез, стоимости провоза и собственной прибыли. Следовательно, он не мог привозить масло в Египет, если его покупная цена не была значительно ниже 18 птолемеевских драхм, которые соответствали примерно 15 аттическим драхмам эпохи Александра. Но около 259 г. розничная цена масла в свободной от пошлины продаже на Делосе колебалась от 21 до 17 аттических драхм. Таким образом, египетская пошлина была рассчитана на полное запрещение ввоза, и если, тем не менее, Аполлоний ввозил оливковое масло на собственных кораблях, великий диойкет мог позволить себе заплатить за свои причуды. Но Птолемей ничем не хотел рисковать. Если кто-нибудь, несмотря на пошлину, привозил по Нилу заграничное масло для собственного употребления,—он платил другой сбор в размере 12%, а если пытался масло продать,—масло конфисковалось, и он сам платил штраф по 100 драхм за метрет. Масло было строжайшей монополией; все, имеющее к нему отношение, было национализировано—посадка растений, производство, распределение. Доходы Птолемеев достигали 70% стоимости сезамного масла и 300% и более—стоимости масла из колокинта[54].

У царя была монополия[55] или доля в прибылях и в производстве многих других продуктов[56]. Производство папируса, этого основного писчего материала того времени, стало монополией при Птолемее II. В 331 г. свиток папируса стоил в Греции 2 драхмы; в 296 г., в связи с открытием доступа в Египет, за одну драхму можно было купить несколько свитков; но после 279 г., вследствие монополии, свиток снова достиг средней цены в 2 драхмы[57]. Монопольными были рудники, каменоломни, солеварни, шахты натрона (карбоната соды, употреблявшегося в качестве мыла), возможно—также валяние сукна. Производство изделий из конопли и продажа их были организованы так же, как и изделий из льна. Все ввозимые пряности должны были продаваться царю по указанной им цене. Он имел свою 25%-ную долю в рыболовстве и добыче меда и соответственно взимал 25%-ную ввозную пошлину для сохранения своих прибылей[58].

Ему принадлежала часть торгового флота на Ниле и, возможно, кожевенные заводы. У Клеопатры была суконовальня, вероятно, обслуживаемая рабынями[59]. Фактически монополией являлось и банковое дело. Имелся государственный банк в Александрии и банки в столицах номов и в деревнях, отдававшиеся в аренду частным лицам, которые не только проводили банковые и разменные операции, но действовали также в качестве отделений государственного банка (если, разумеется, они не были официально такими отделениями, находящимися под управлением чиновников)[60], получали денежные налоги и совершали платежи по счетам казначейства, подобно так называемым государственным банкам в греческих полисах (стр. 121). Многими делами, помимо банкового, как-то: пивоварением, пчеловодством, свиноводством, можно было заниматься только при условии ежегодного разрешения со стороны казначейства; это правило применялось ко всем немонополизированным промыслам. Царь был собственником всех пастбищ и владел огромными стадами рогатого скота; «царские крестьяне» после уборки своего хлеба должны были выращивать траву для откормки царского скота. Он был также собственником больших стад свиней и гусей, которые сдавались в аренду. Без его позволения в Египте нельзя было срубить ни одного дерева, так как все деревья росли на царской земле.

В завершение всего следует упомянуть об «апомойре»[61]. Это был налог, в размере $^1/_6$ от урожая винограда, уплачиваемый натурой, и $^1/_6$ от урожая огородов и садов, вносимый деньгами. Апомойра принадлежала храмам, но в 266 или 265 г. Птолемей II передал ее культу обожествленной Арсинои Филадельфы, что, вероятно, означало передачу части этих доходов казначейству. Так как в дополнение к апомойре Птолемей II ввел $33^1/_3$%-ный налог[62] на урожай виноградников, огородов и садов, взимаемый в зависимости от урожая, среднего за три года, то значительная часть годового сбора винограда принадлежала ему, хотя вино, поставляемое натурой, шло на продажу через финансовых чиновников. Этому налогу соответствовала $33^1/_3$%-ная ввозная пошлина[63] на тонкие греческие вина, которая была так точно рассчитана, что не наносила ущерба виноделию Птолемеев, но все же открывала доступ тем ионий-

ским винам, без которых Александрия не могла обойтись. Форма обложения виноградников делала Птолемея как бы компаньоном виноделов, которые нередко были греками, и это было своего рода расовой дискриминацией, поскольку царь не был компаньоном египетских хлебопашцев.

Как обстояло дело с местными монополиями на сырье в управляемых Египтом странах: сульфиумом Кирены, бальзамом Иерихона, смолой района Мертвого моря— неизвестно.

Все это говорит о том, что все виды деятельности в Египте, как и вся земля, принадлежали Птолемеям, так как если они не являлись царскими монополиями, то, повидимому, для того чтобы ими заниматься, надо было иметь разрешение царя или же отдавать ему часть продукции.

Помимо этого, в Египте было множество денежных налогов и сборов. Налог на наследование имений; 5%-ный налог с дохода за аренду дома; 10%-ный налог с продажной цены товара; 2%-ный налог на рыночные сделки; 33%-ный налог на голубятни [64]; налоги на рогатый скот и рабов; подушный налог на всех египтян, кроме жрецов. Существовал акцизный сбор за провоз грузов из Верхнего в Нижний Египет и из деревень в города; 2%-ная ввозная и вывозная пошлины в нильских гаванях; ввозные и вывозные пошлины, иногда очень тяжелые, в Александрии и других морских портах. Были сборы на золотую корону при восшествии царя на престол, сборы на содержание флота и маяка и сборы на местные нужды, полицию, врачей, бани. Была проведена реформа по отделению казначейства от частной царской казны, и последняя была поручена чиновнику с титулом «идиос логос»[65] («частная отчетность»), подчиненному диойкету. Помимо всего (судя по распоряжениям времени Августа), все дети-подкидыши были источником дополнительного дохода Птолемея и учитывались указанным чиновником как подлежащие продаже[66]. Поразительна забота о мелочах: великий Аполлоний зарабатывает несколько монет продажей роз[67] и использует старые милетские кувшины для масла[68]. К сожалению, нам не известна сумма доходов Птолемеев[69], но, вообще говоря, представители этой династии считались величайшими богачами мира. Это они скопили знаменитые

«сокровища Птолемеев», которые так возбуждали корыстолюбие римлян.

Для построения государства на таких основах была необходима детальная статистика, и система учета при Птолемеях была очень тщательной. Каждая деревня имела свою земельную опись, сохранившуюся до конца правления династии, где описывался каждый клочок земли на деревенской территории; столица нома имела номовую опись, составленную на основании деревенских; в Александрии должна была быть опись всей страны, составленная по номовым описям. Должна была существовать и опись домов; были переписаны все упряжные быки и весь рабочий скот; если кто-либо покупал разрешение на рыбную ловлю, за ним наблюдал агент, учитывавший его улов. Официальная земельная опись использовалась для обложения земельной собственности; обложение движимого имущества было основано на системе заявок собственников и сопоставления их с данными официальной инспекции. Вероятно, ежегодно в какой-либо форме производилась перепись населения[70]. Контроль был не менее детальным, чем учет. В стране буквально все инспектировалось, и Птолемей всегда знал, как велико имущество каждого из его подданных и чем большинство из них занимается. Вероятно, за исключением, может быть, греческих полисов, в стране не существовало независимой торговли на внутреннем рынке: мелкие торговцы были только государственными агентами по распределению, и их доходы фиксировались. Даже сдача на откуп сбора денежных налогов не давала свободы действий, за исключением зарубежных владений: сборщик налогов контролировался государством[71],—это, может быть, лучшее из того, что сделали Птолемеи,—и был только винтиком в машине, собиравшей налоги; но он должен был их собрать, так как если он не выплачивал определенной суммы, могла быть конфискована собственность и его самого и его поручителей. Не только царским, но и другим крестьянам указывалось, что они должны сеять; даже Аполлоний однажды получил такой приказ, который мог быть отдан только лично Птолемеем II[72]. Все рабочие быки царских крестьян находились в распоряжении государства, и сроки посева и сбора урожая были так распределены, чтобы обеспечить наилучшую обработку земли. Много было сделано для

усовершенствования земледелия[73]; помимо более точной организации труда, производились эксперименты с новыми семенами[74]; стали заниматься разведением арабских овец[75]; Аполлоний ввозил также в свое имение милетских овец[76]; кроме того, он сажал ели, чтобы убедиться, можно ли покончить с постоянной нехваткой древесины в Египте[77]; во времена Августа в Фаюме было уже изобилие оливковых деревьев[78].

Такая экономическая система требовала целой армии чиновников, административных и финансовых. В административном отношении каждый ном разделялся на топы (τόπος), и каждый топ включал несколько деревень. Во главе каждой деревни и каждого топа находилось два египетских чиновника. В каждом номе также имелось два чиновника—номарх и его писец. Но фактически главой нома был стратег, обладавший главным образом гражданскими и судебными функциями; несмотря на свой титул, диойкет, или министр финансов, второй человек в царстве, был главой финансового ведомства и назначал более мелких финансовых чиновников; из своей канцелярии в Александрии он осуществлял контроль над двумя центральными учреждениями—царской житницей для зерна и других продуктов и государственным банком для денежных поступлений. В столицах номов и в деревнях были житницы, в которых собиралось зерно, направляемое в Александрию, и банки, куда поступали денежные сборы. В каждом номе за житницами и банками осуществлял надзор подчиненный диойкету эконом, но позже эту должность стали выполнять два эконома; один из них ведал продуктами, а другой—деньгами. Честности финансовых чиновников вовсе не доверяли: они не только должны были находить поручителей, но при каждом из них находился «счетовод», или контролер; когда крестьянин привозил свое зерно в житницу, он не получал расписки, пока контролер не проверит, как зерно взвешено начальником житницы. Если не находилось достаточно добровольцев, различные более мелкие должности замещались в принудительном порядке.

Птолемей, как абсолютный монарх, был источником права[79], и его указы имели силу закона. Но в обычном судопроизводстве[80] приходилось считаться с двумя различными системами—греческой и египетской; дело в том,

что хотя греки прибывали из разных городов, их право трактовалось как нечто целое; и действительно, «городское право» Александрии обнаруживает смешение элементов афинского и (возможно) малоазиатского происхождения[81]. Птолемеи признали греческий принцип, что право является личным, а не территориальным и что египтяне должны жить по своему собственному праву. Египтяне имели своих египетских судей, лаокритов; их национальное земельное право было переведено на греческий язык, и позднее, в III веке, был учрежден специальный трибунал для разбора споров между греками и египтянами с учетом обеих систем права. Для суда над греками были созданы коллегии присяжных, называемых хрематистами, обычно в числе трех человек в каждой коллегии, причем каждая коллегия действовала в своем округе; апелляции подавались в главную судебную палату Александрии. Но и египетский процесс можно было вести у хрематистов, и позже они начали оттеснять на второй план лаокритов. Естественно, обе системы права влияли друг на друга, но в целом греческая укреплялась за счет египетской. Однако гораздо важнее был захват судебной сферы администрацией. Судья фактически получал указания от Аполлония[82], и даже грекам при конфликтах с казначейством не разрешалось пользоваться адвокатами[83]. Сложился также обычай передавать административным чиновникам все мелкие дела (дела магистрата), а не ждать судебной сессии; и во II веке чиновники все больше вмешивались в полномочия судей, повидимому во всякого рода гражданских делах; их решения, следует полагать, носили неофициальный, несудебный характер, но население удовлетворялось этим более скорым и доступным правосудием. В Египте происходило то же, что и в судебных комиссиях в Греции (стр. 98): неофициальная юрисдикция одерживала верх над официальной. В конечном итоге в Египте весь обширный класс царских крестьян и рабочих в монопольных производствах выпал из сферы действия обычных судебных курий и был поставлен под юрисдикцию финансовых чиновников и диойкета, выносивших суровые решения; администрация и суд перемешались, и администрация узурпировала правовые полномочия.

Египетское общество в III веке было резко расслоено. Верхний слой населения, поставлявший бюрократию,

включал в себя египетскую жреческую касту, клерухов (стремившихся образовать военную аристократию), гражданских оккупантов «частной» земли и греков из трех полисов. Низший слой населения состоял из обширной массы феллахов. Феллахи не получали никакого образования, и приказы, в частности относящиеся к налогам, часто выходили на демотическом языке[84] позднеегипетской речи того времени. Они страдали от самой эффективности той системы, в которой жили: она была настолько жесткой, что от нее нельзя было спастись путем каких-либо уловок, которые так часто смягчали суровые условия жизни на Востоке. Как ни бедна была их жизнь, они не знали лучшей; однако многочисленные восстания, начиная с 216 г., показывают, что недовольство было широко распространено. Что касается оплаты, то ремесленник получал 2—3 обола в день, а работник в сельском хозяйстве (в 254 г.) только один обол за тяжелую работу и еще меньше—за легкую[85]. Даже по́ низкой греческой мерке (стр. 125) такая оплата показалась бы немыслимой; но хлеб был дешев, и ввиду невозможности пока полностью изучить движение зарплаты и цен в Египте дальнейшие рассуждения на эту тему, повидимому, бесполезны. Тем не менее, за исключением рудников, в Египте не было рабства, если не считать домашних рабов в греческих домах: труд местного населения был слишком дешев и слишком детально контролировался, чтобы рабство имело хозяйственный смысл.

Может быть, наиболее яркий свет на положение феллахов бросают многочисленные стачки[86]*—издревле обычный в Египте способ борьбы. Мятежи, во время которых избивали начальников, были довольно обычны, но, кроме того, в III веке и позже часто происходили настоящие стачки: стачки рудокопов, каменотесов, гребцов, рабочих всякого рода, царских крестьян-лавочников, полицейских, даже чиновников. Во время стачек рабочие не боролись за более высокую плату или лучшие условия труда, потому что таких стачек и быть не могло. Они были результатом полного отчаяния, усиленного, может быть,

* В древнем Египте, как и в период эллинизма, не было и не могло быть стачек: стачки, как одна из форм классовой борьбы пролетариата, имеют место лишь при капитализме. Автор называет стачками прекращение работы ремесленниками или рабами. (*Прим. ред.*)

каким-нибудь несчастным случаем, например неполучением в срок зерна для посева. У людей было одно оружие, пугавшее чиновников: они могли остановить всю хозяйственную жизнь, покинув свою ἰδία. В рассказе об одной стачке мы читаем: «Мы изнурены; мы убежим»[87]; и они обыкновенно укрывались в каком-нибудь храме, имеющем право убежища[88]. Власть Птолемея кончалась у стены такого храма[89], и у промышленных чиновников не оставалось другого оружия, кроме убеждения или каких-нибудь мелких уступок, чтобы побудить забастовавших вернуться на свою ἰδία. Первые три Птолемея сократили число храмов, имевших право убежища; но даже они не посмели уничтожить или нарушить это право. Более достойно внимания, что египетские жрецы, с санкции Птолемея I, сами отказывали в этом праве одной части населения—потомкам персов, осевших в Египте. Их не могло быть много, но это потом привело к странной судебной фикции: кредиторы при возбуждении процесса обычно характеризовали должника, кто бы он ни был, как «потомка персов», чтобы помешать ему спастись в святилище[90].

Власть жреческой касты—последних остатков древней местной аристократии—была сломлена уже давно: царь захватил храмовые земли, крестьян, которых нельзя уже было отличить от царских, заставлял всех жрецов являться в Александрию для празднования дня его рождения и лишил их доходных монополий на масло и лен; тем не менее, царь разрешал храмам—и это была единственная брешь в системе государственных монополий—производить достаточное количество полотна и масла для собственного употребления. Жреческая каста содействовала также замещению мелких административных должностей, служба в которых была принудительной; жрецы могли собираться на съезды (синоды)[91], но, очевидно, только для урегулирования религиозных дел и для воздания почестей царю. Однако цари старались не оскорблять религиозной щепетильности местного населения; они отличали богов от жрецов, почитали и поощряли египетскую религию, делали вклады и строили египетские храмы в Дендере, Эдфу, Ком Омбо и Филах: ведь Птолемей, подобно фараону, сам был египетским богом, сыном бога солнца.

Греки[92] явились в Египет с целью обогащения; насколько это было возможно, они перенесли в Египет свой быт и в течение целого века не общались с египтянами. Они принесли своих богов, читали Гомера и Эврипида и учреждали бесчисленные клубы. Их элементарное воспитание не было ни принудительным, ни организованным в государственном порядке, что в Египте было редкостью; до нас дошло много школьных учебников и школьных упражнений, материалов для чтения и списывания грамматического и математического характера, отрывков из Гомера; но среди греков часто встречались и неграмотные. Гимнасии основывались в столицах всех номов (метрополиях) и даже в деревнях, где жило много греков, как, например, в Филадельфии в Фаюме; позднее один гимнасий был в Фивах[93] и даже так далеко на юге, как в Омби у катарактов[94]. С гимнасиями связано и проявление системы эфебии. Что же касается среднего образования, то, очевидно, греки читали многих авторов, но главным предметом была риторика, потому что она открывала доступ к более высоким должностям; математика изучалась для измерения земли и для выработки сложных уравнений между египетским и македонским календарями, настолько сложных, что управляющий Аполлония, Зенон, иногда отказывался определить, какой сегодня будет день по македонскому счету[95]. Частные ассоциации стали появляться и у прирожденных египтян; известен длинный список профессиональных ассоциаций[96], но, может быть, это были только религиозные и товарищеские объединения. Наемники объединялись в многочисленные клубы; некоторые из них были местными, как клубы наемников на Кипре[97], а другие носили характер землячеств, почему они сами называли себя политевмами, как если бы они были частями своего государства. Нам известны клубы критян[98], идумеев[99], мизийцев[100], беотийцев[101]; от их национальности, конечно, вскоре осталось только название. Но сами греки, рассеянные по Египту и лишенные возможности основать свои полисы, сорганизовались в настоящие политевмы; каждая из них могла охватывать значительный район: мы встречаем греков в «Дельте», «Фиваиде», «Арсинойском номе»[102], но их члены по возможности подражали автономной греческой организации. Частная жизнь иллюстрируется

массой дошедших до нас писем, иногда очень интересных: письмо[103], написанное Клеону, инженеру-гидравлику, который осушал Меридское озеро[104], его женой Метродорой после его опалы и падения, делает честь ее благородной натуре. Письма указывают на бо́льшую свободу женщин, чем мы ожидали бы, а также на одно из тех странных противоречий, которыми полон эллинизм: на большое развитие семейных привязанностей и в то же время на частые случаи подкидывания детей[105].

Однако Птолемеи, несмотря на все свои первые успехи, не смогли построить прочное и мощное государство, основанное на эксплоатации народа: как только прекратился наплыв греков, их военная мощь пала, и в 168 г. лишь вмешательство Рима спасло Египет от завоевания Антиохом Эпифаном. Птолемеевская система полностью покоилась на компетентности и честности чиновников; она могла хорошо действовать в сильных руках Птолемея II, но при слабых царях II века злоупотребления чиновников значительно увеличились, пока в долгой гражданской войне между Эвергетом II и его сестрой Клеопатрой II чиновничество не разложилось окончательно. Длинный ряд декретов Эвергета II[106], изданных около 118 г., дает живую картину дезорганизации и произвола: чиновники собирали или вымогали деньги для своих собственных целей и захватывали лучшие царские земли; они заставляли народ бесплатно работать на себя; при расквартировании войск они не считались с теми, кто был освобожден от повинности, обманывали налогоплательщиков с помощью фальшивых весов и мер и даже арестовывали за долги царских крестьян с их скотом и орудиями; египтяне привлекались к греческим судам, и, что было хуже всего, их сажали в тюрьмы без суда, по произволу самих чиновников. Кто был виноват в этих злоупотреблениях—чиновники или система? Вероятно, и они и система; система могла достойным образом применяться только тогда, если ее приводили в действие люди, стоявшие выше обычных человеческих недостатков. Несомненно, долгая гражданская война усугубила зло; но каковы бы ни были промахи Эвергета, как только война отошла в прошлое, он энергично взялся за искоренение зла, вплоть до применения смертной казни; запретил заключение в тюрьму без судебного приговора и восстановил власть египетских

судей, лаокритов, положив в основу принцип, что в процессах о выполнении договоров между греками и египтянами применяется право того народа, на языке которого составлен договор, и что все споры между египтянами должны разрешаться лаокритами. Он принял также ряд мер для защиты личности и собственности налогоплательщика и для возмещения потерь военного времени. Частичный успех этих мер доказывается тем фактом, что династия удержалась еще одно столетие и, несмотря на ряд слабых правителей, оставалась достаточно сильной, чтобы осуществлять дальнейшее исследование южных областей и организовать в какой-то степени эффективную борьбу с Цезарем. Но Эвергет не намеревался уничтожить старую систему; его целью было вернуть ей действенность и наладить ее правильный ход.

Битва при Рафии пробудила национальное сознание египтян, и во II веке греки оказались на положении обороны. Жреческие декреты в честь Птолемея IV после Рафии[107] и в честь Птолемея V (Розеттский камень)[108] обнаруживают сильный египетский колорит; царей именуют фараонами; Птолемей V был коронован по египетскому ритуалу в Мемфисе, который стал второй царской резиденцией; мятежи египтян, начавшиеся в 216 г., при Птолемее V превратились в крупное восстание и продолжались в течение всего века. Эвергет II, пытаясь успокоить египтян, сильно расширил полномочия, привилегии и владения жречества. Этот странный человек вызывал ненависть греков—ученых и литераторов, потому что он временно закрыл Мусейон; александрийцев—потому что в гражданской войне он позволил своим войскам свободно действовать против враждебного ему населения, и всех вместе—потому что, по их мнению, он покровительствовал египтянам; они соответствующим образом очернили его память. Но он отчасти понимал свое положение, выполнил требования Рима и лелеял великую идею строительства национальной греко-египетской монархии; кроме других реформ, он преобразовал египетскую военную организацию[109], назначил египтянина Паоса своим «родственником» и правителем Фиваиды [110]. Он стремился, подобно Антиоху Эпифану, усилить свое государство, чтобы оно могло лучше сопротивляться Риму на новой основе; и расширяя права египтян, он надеялся избежать тех трудно-

стей, которые привели к крушению политики чистой эллинизации Антиоха. Но и он не смог создать национальную монархию, потому что она была несовместима с экономической системой Птолемея II, а он не пытался пересмотреть эту слишком доходную систему. Поэтому Эвергет II не мог привлечь на свою сторону египтян, и восстания продолжались до тех пор, пока в 85 г. Птолемей Латир не подавил последнее из них и не разрушил частично Фивы.

Многое может иллюстрировать национальное оживление[111] после 200 г. и националистическую (в египетском духе) политику царей. Греческие чиновники уже не получали больших имений. Было создано много новых убежищ и восстановлено много древних: за время с 93 до 57 г. четыре убежища было создано только в одной деревне—Теадельфии[112]; этим правом стали так злоупотреблять, что Рим его решительно урезал, хотя, возможно, оно продолжало существовать до того времени, когда его присвоила христианская церковь. При Эвергете II македонский календарь был в конце концов согласован с египетским. Птолемей I ввел серебряные деньги, чуждые египтянам, и некоторые подати можно было уплачивать медью только в размере 10%; но после 200 г. отношение серебра к меди хотя и колебалось, все же настолько возросло, что иногда превышало 1 : 500[113], т. е. в стране было изобилие медной монеты в угоду египтянам. После Рафии возросло значение египетских воинов—μάχιμοι; они были превращены в клерухов с более мелкими наделами, а греческие клерухи в отличие от них стали называться κάτοικοι; позднее слово «катойки» стало означать клерухов греческой культуры; в конечном итоге термины «катойки» и «махимой» потеряли национальное значение и ими обозначали только держателей более крупных или более мелких наделов[114]. В 215 г. один грек и один египтянин оказались совместными держателями одного участка[115], а после 200 г. заключались смешанные браки; имена перестали быть в какой-либо мере критерием расового происхождения[116], так как некоторые египтяне возвысились по общественной лестнице и приняли греческие имена, а положение некоторых греков понизилось; греческие и египетские имена встречаются в одной и той же семье. Некоторые греки продолжали держаться обособленно от египтян; но все

же образовалась новая, смешанная народность, занимающая среднее положение между греками и феллахами, и слово «эллин» стало означать человека с элементами греческой культуры[117]. Живой греческий язык папирусов III века был вытеснен варварским греческим языком местного населения; некоторые греки усвоили также египетский язык[118]. Египтизированный грек перенимал египетскую религию[119] и обычаи, даже бальзамирование покойников; в I веке среди греков появляются браки между братьями и сестрами[120], и они стали настолько обычными, что впоследствии Риму пришлось запретить их; даже те, кто окончил гимнасий, совершали жертвоприношения египетским богам[121]. Народная литература начала предсказывать падение ненавистной Александрии[122]. Птолемеи принесли в Египет не дух Греции, а только внешние формы; к I веку Египет почти поглотил все чуждые элементы, и Август мог спасти то, что оставалось от эллинизма, только вернувшись к принципам Птолемея I, покровительствуя всему греческому, поощряя устройство и работу гимнасиев и снова сокрушая восстановленную мощь жречества.

Египет был имением Птолемеев; интерес его заключается в том, что он позволяет нам изучить всестороннюю систему национализации и что Египет в значительной мере послужил образцом для бюрократии императорского Рима. Широко распространенный взгляд, будто первые Птолемеи были отцами своего народа, готовыми выполнять требования философии, не основан ни на одном документальном свидетельстве, кроме очень случайных увещеваний чиновникам вести себя достойным образом[123]; в то же время неизвестный стоик III века, оставивший нам неоценимый фрагмент теории эллинистической монархии, осуждает некоего царя—он, конечно, подразумевает царствовавшего в его время Птолемея—за то, что он рассматривает имущество своего народа как свою собственность[124]. Хотя можно допустить, что «участие в прибылях» рабочих маслобоен могло в конце концов иметь некоторое значение, не следует забывать, что, в противоположность практике других стран, вся тяжесть потерь в случае неурожая падала на крестьянина; часть ученых даже допускает, что это верно и для потерь в случае недостаточного разлива Нила[125], хотя последнее и оспаривается. Естественно, первые Птолемеи стремились не к накоплению денег, а к построению сильного государства, но они виноваты в том, что полученные денежные средства они не использовали в интересах тех, кто добывал эти средства трудом. Они улучшили землю, но они не улучшили положения народа. Они не имели никакого желания притеснять египтян; но у них не было и желания помогать им; они были готовы только поддерживать египтян, для того чтобы они были пригодны к работе, что делается каждым хозяйственным рабовладельцем. Если Александрийская библиотека и Мусейон прославили Птолемеев в мировой истории, то они не принесли никакой пользы их подданным; ни материальное богатство, ни богатство источников не должны закрывать нам глаза на тот факт, что их правление с этической точки зрения стоит гораздо ниже правления двух других македонских династий. Антигониды, обладая небольшими ресурсами, являлись национальными правителями свободного народа, были щитом греческого мира против северного варварства и сделали возможным подъем замечательной культуры III века. Селевкиды, перегруженные заботами и трудами, тем не менее старались, и не без успеха, поднять уровень цивилизации половины континента. А Птолемеи хозяйничали в своем имении и наполняли свою казну.

Глава VI

ЭЛЛИНИЗМ И ЕВРЕИ[1]

Цель этой главы состоит в том, чтобы характеризовать воздействие эллинизма на евреев, показать соприкосновение греческого мира с народностью, достаточно сильной, чтобы сопротивляться натиску его победоносной культуры.

Не многие греки периода эллинизма овладели сколько-нибудь значительными сведениями о евреях. Александр, который наблюдал цивилизации Египта и Вавилона, разговаривал с аскетами Индии и принес с собой в Европу первые сведения об иранской Авесте, никогда не был в Иерусалиме[2]; его полководцы, вероятно, представляли себе Иудею как типичное жреческое государство, аналогичное другим, встречавшимся в Малой Азии и Сирии, а Теофраст[3] знал евреев только как астрологов, придумавших человеческое жертвоприношение. Зачатки более точных сведений восходят ко времени Птолемея I, современник которого Гекатей Абдерский[4] в несколько путаном изложении подчеркнул два важных факта: евреи не делают изображений богов и, согласно заповеди законодателя—Моисея, не практикуют детоубийства. Никто из евреев не сделал попытки изложить историю своего народа в доступной для греков форме до Иосифа Флавия в конце I века н. э.; когда грек Александр Полигистор (около 50 г. до н. э.) попробовал взять на себя эту задачу, у него получилось лишь что-то комическое; даже Страбон, который так много знал, очень плохо разбирался в еврейской истории и, очевидно, ничего не слыхал о еврейской литературе[5]. В некотором роде евреи всегда составляли особый мир.

Небольшое горное иудейское государство, в котором Ездра положил начало современному иудаизму, объединяло только часть еврейской народности, когда в 301 г. его завоевал Птолемей I. Газа и приморская равнина

не входили в пределы Иудеи, а города филистимлян были эллинизированы; на территории Самарии жила смешанная народность, которая поклонялась Яхве в Сихеме; в Галилею и Перею уже Антигон I вывел несколько греческих поселений, и они, в особенности к востоку от Иордана, были усилены поселениями, выведенными Птолемеями. Южную Иудею и область к югу от Мертвого моря занимали воинственные идумеи (эдомиты), использовавшиеся Египтом как наемники. Иудея не имела выхода в крупные страны тогдашнего мира. Но многие евреи жили к востоку от Евфрата, главным образом в Вавилонии. «Книга пророка Ионы» около 300 г. передает настроения еврея, живущего в ассирийской обстановке, а сцены «Книги Товии» сложились в еврейской колонии в Мидии. В иудейской традиции об этих восточных евреях говорили как о десяти племенах, а в Иудее жили племена Иуды—Вениамина и Леви; но, вероятно, племенная система уже потеряла всякое локальное значение, и еврей Иудеи мог по своему происхождению принадлежать к любому племени: пророчица Анна происходила из Ашера, а в письме Аристея первосвященник посылает к Птолемею II представителей всех двенадцати еврейских племен, —автор не мог бы написать этого, если бы это было явно невозможно.

До 200 г. Иудея находилась под управлением Птолемеев, и об ее истории известно очень мало, за исключением рассказов о ссорах между двумя руководящими фамилиями: Ониадами, члены которой занимали пост первосвященника, и Товиадами[6], имевшими крепость вблизи Есевана в Аммоне и бывшими, предположительно, аммонистской крови.

О еврейской литературе III века до н. э. ничего не известно. «Послание Иеремии» может быть датировано 306 г.; «Книга Ионы»—около 300 г.; часть «Книги пророка Захарии»—главы IX—XIV—написана, может быть, позже Александра; и больше, кажется, не появилось ничего до «Екклезиаста» (около 200 г.). Оживление еврейской литературы наступило в период волнений при Селевкидах, и если бы отсутствие исторических и литературных произведений можно было считать показателем народного счастья, то Иудея при Птолемеях могла бы казаться очень счастливой. Правда, очевидно, к 200 г. богатые слои

населения были недовольны, вероятно, тяжелым египетским налоговым обложением. Неизбежно должно было происходить некоторое расселение еврейского народа; так как евреи выращивали всех своих детей, их население росло быстрее, чем у других народностей, и еврейские общины возникают в Трансиордании, а потом и в Галилее. Несомненно, Птолемеи переселяли евреев и в свои собственные владения; но неизвестно, в какой мере происхождение египетских евреев можно выводить из Иудеи.

Первые три Птолемея, кажется, следовали обычной эллинистической практике невмешательства в религию своих подданных; но Птолемей IV, фанатический поклонник Диониса, может быть, был обманут предполагаемым тождеством Сабазия Саваофу и решил, что евреи почитают того же Диониса, только под другим именем; а так как Дионис был приравнен и к Серапису, вследствие наличия в последнем элементов культа Осириса, то возможно, что Птолемей IV мечтал установить в своей державе единый культ Диониса, который должен был объединить различные национальные элементы[7]. Неясно, пытался ли он ввести в Иудее поклонение Дионису, но известно, что он навлек на себя ненависть той партии, которая много потрудилась над очернением его памяти, как об этом свидетельствует «Третья книга Маккавеев». «Экклезиаст»[8] содержит печальный рассказ аристократа-проповедника о положении Иудеи в конце царствования Птолемея IV: страна наводнена слезами униженных, и мертвый счастливее живого; шпионы были так вездесущи, что даже птица небесная может передать донос. Сам «проповедник», очевидно, готов приветствовать Антиоха III, «благородного царя». Полибий говорит, что простые люди предпочитали ориентироваться на Египет; это свидетельствует о том, что до 200 г.—трудно сказать, на сколько ранее,—аристократическая партия поссорилась с Птолемеем и стала на сторону его соперника. Посмотрим, что это была за партия.

Египетское управление и соседние эллинистические города способствовали тому, что евреи осваивались с греческим языком, названиями и другими внешними проявлениями греческой цивилизации; и хотя влияние Ездры оставалось сильным в Иудее, часть аристократии из окружения первосвященника благоприятно относилась к эллинизму: они претендовали на репутацию таких же хороших евреев, как и их товарищи, но охотно воспринимали внешние формы господствующей цивилизации. Эта партия поддерживала Селевкидов, тогда как правоверные иудеи обычно придерживались египетской ориентации. Вполне понятно, что «Екклезиаст» стал кладезем истины для тех ученых, которые искали в еврейской литературе следов греческого духа. Эти эллинизирующиеся евреи вызывали ожесточенную ненависть благочестивых: они — «безбожники», позднее так часто упоминающиеся в еврейских произведениях, и еврейский эллинизм может быть той «чужой женой» в «Книге притчей Соломоновых», которая «льстит губами своими», но «ноги ее нисходят к смерти». Они обвинялись в пренебрежении к обряду обрезания, а также во всех моральных недостатках, обычно приписываемых в Ветхом завете отступникам. О спаде этого недовольства свидетельствует то, что в 169 г. против них выставляли лишь два определенных обвинения[9]: что они благоприятно относились к греческим атлетическим упражнениям (для выполнения которых требовалось обнажение тела) и носили греческие головные уборы. В 200 г. Иудея переменила хозяев: Антиох III отнял у Египта всю Северную Сирию и временно отменил различные налоги. Но население страны не чувствовало себя хорошо при Селевкидах; правда, в Иудее был принят и сохранился Селевкидский календарь; партии старались натравливать друг на друга Сирию и Египет, и положение не улучшилось от того, что Гелиодор, министр Селевка IV, попытался захватить сокровища храма. Партия ревностных иудеев, безуспешно стремившихся устранить некоторые неполадки в деятельности храма, покинула Иудею под руководством вождя, прозванного «Звездой», и ушла в Дамаск, где учредила «Новый завет» покаяния[10]. Таково было общее положение в стране, когда Антиох Эпифан обратил на нее внимание.

Благочестивые иудеи не могли подобрать достаточно резких выражений против Антиоха, «мужа, одетого в пурпур, гордого, несправедливого, вспыльчивого, рожденного молнией», как он характеризуется в «Сивиллиных книгах»[11], который преследовал их веру и потопил страну в крови; «Книга Даниила» показывает, какую ненависть возбуждал Антиох, ставший прототипом антихриста.

Однако смуту начали евреи-эллинофилы, а не Антиох, и его первое вмешательство касалось скорее местных споров, хотя, несомненно, он сделал бы лучше, если бы остался в стороне. Первосвященник Ония III отправился в Антиохию до вступления Антиоха на престол, чтобы склонить на свою сторону царя в каком-то вопросе, касающемся бесконечной вражды с партией Товиадов; брат Онии, Ясон, вождь эллинофильской партии, интриговал против него, обещал Антиоху более высокую дань, убедив низложить Онию и сделать его первосвященником. Ясон добился также разрешения евреям устроить в Иерусалиме гимнасии и называться антиохийцами, т. е. Иерусалим переименовать в Антиохию[12]. Но в 170 г. Антиох, разочаровавшись в Ясоне, изгнал его и сделал первосвященником Менелая, сторонника Товиадов (или даже Товиада), который предложил царю еще более высокую дань. И Ониады и Товиады были эллинофилами, и их спор не имел религиозного значения. В 169 г., когда Антиох вторгся в Египет, Ясон вернулся, занял весь Иерусалим, кроме цитадели, в которой нашел убежище Менелай, и перебил сторонников Менелая. Несомненно, Ясон пользовался значительной поддержкой населения, и для Антиоха его выступление означало не что иное, как восстание Иерусалима в тылу. Возвращаясь из Египта, Антиох вступил в город; Ясон бежал, его сторонники были перебиты сирийскими войсками, а Менелай, вернувшись к власти, ввел Антиоха в храм и передал ему часть храмовых сокровищ. Антиох вошел в «святая святых» (стр. 212).

Вначале Антиох не затрагивал иудейской религии, и если он был нужен евреям, то они для него вовсе не имели никакого значения: он был занят в первую очередь завоеванием Египта, а позже—обороной Вавилонии против Парфии; Иудея была для него только небольшим вассальным государством наряду с другими, дела которого обычно поручаются ведению правителя соответствующей провинции. Но в 168 г. Рим заставил его очистить Египет, нарушив все правила международного общения; в лице Антиоха был оскорблен весь мир эллинизма; даже кругу Рима стало ясно, чего он может от него ожидать. Антиох решил, что единственный его шанс заключается в том, чтобы превратить население своей державы в один народ, объединенный культурой и религией, а такой культурой и религией могли быть только греческие; Иудея, подобно другим областям, должна была подчиниться этой общей необходимости. Менелай, возможно, уверял его, что в этой стране он не встретит затруднений, и, как установил Бивен, более ранняя традиция (I и II книги Маккавеев) не рисует Антиоха столь враждебным евреям[13]; его мысли были заняты Римом. В 167 г. полководец Антиоха Аполлоний занял Иерусалим, разрушил стены, построил в «городе Давида» новую цитадель и занял ее гарнизоном; его сменил уполномоченный царя, получивший приказ запретить иудейскую религию. Во дворе храма над иудейским алтарем был помещен греческий алтарь, «мерзость запустения», и на нем приносились в жертву свиньи для месячных очищений; и иудейский храм стал храмом Зевса Олимпийского, земным проявлением которого был сам Антиох. Храм Яхве в Сихеме превратился в храм Зевса Ксения, как говорили иудеи, по ходатайству самаритян.

Многие евреи подчинились этим мероприятиям, так как эллинофильская партия поддерживала Антиоха, но многие оказали пассивное сопротивление; известно, что некоторые евреи героически погибли мученической смертью, хотя сильно приукрашенные подробности не заслуживают доверия. Согласно преданию, активное сопротивление Селевкидам возглавил в Модине Маттафия из рода Асмонеев; он умер около 166—165 гг., а его сын Иуда, прозванный Маккавеем (Молот), собрав группу единомышленников, начал партизанскую войну и в 164 г. разбил шеститысячное войско Горгия, военачальника, правителя Сирии. Для Антиоха Иудея была лишь мелкого масштаба мятежницей против законной власти; он уже перешел Евфрат, для того чтобы напасть на Парфию, но в 163 г. умер. Иуда захватил храм, но не мог взять крепость и восстановил культ Яхве; а в декабре 164 г. в Иерусалиме было устроено большое благодарственное празднество. В 162 г. Лисий, регент малолетнего Антиоха V, возглавил поход в Иудею, овладел страной и осадил Иерусалим, но был вынужден возвратиться в Сирию, так как на Антиохию наступал его соперник, Филипп, министр «для дел» Эпифана[14]. Чтобы привлечь на свою сторону евреев, Лисий восстановил их религию, сохранив верховное владычество Селевкидов над их страной и казнив Менелая. Это было концом религиозной войны,

так как попытка Антиоха ввести религиозное единообразие не удержалась после его смерти; но хотя Иуда показал себя патриотом, культ Яхве был спасен не его мечом, а раздорами Селевкидов.

Эти же раздоры позволили Маккавеям основать самостоятельное государство. Римский сенат, уже решивший разгромить Селевкидов, признал Иуду своим союзником; но когда Деметрий I обеспечил за собой трон Селевкидов, он вновь завоевал Иудею. После того как Иуда 15 адара (марта) 160 г. разбил его полководца Никанора, этот день долгое время считался у евреев праздничным; преемник убитого Никанора, Бакхид, которого поддерживал новый первосвященник—Алким, из жреческого рода, одержал победу над Иудой, который был убит. Бакхид занял своими войсками страну, поставил Алкима на его пост, но не вмешивался в религиозные споры евреев. Брат Иуды, Ионафан, и его партизаны заключили с Селевкидами мир, и все, казалось, было улажено. Но затем претендент на власть Александр Балас напал на Деметрия. Оба просили Ионафана о помощи, но Балас привлек его на свою сторону обещанием сделать его первосвященником; и когда в 150 г. Балас победил Деметрия, первосвященник Ионафан, ловкий и беззастенчивый, стал номинально селевкидским военным правителем Иудеи, но фактически независимым государем. В 147 г. он занял Иоппию (Яффу) и этим предоставил Иудее выход к морю. После смерти Ионафана его брат Симон, пользуясь недавними конфликтами в Сирии, изгнал гарнизон из иерусалимской крепости и в 142 г. заключил с Деметрием II мир, который считался потом началом эры свободы. Иудеи провозгласили Симона наследственным первосвященником и правителем, а Рим признал за ним эти полномочия.

Мы должны теперь обратиться к истории «диаспоры» (рассеяния) евреев за пределами Иудеи. В Египте давно были еврейские поселения[15]. В период с VII до V века в Элефантине, на Верхнем Ниле[16], существовало поселение, первоначально наемников, устроенных здесь каким-то царем. У них был храм Яхве, которому евреи-поселенцы поклонялись наряду с богинями Ашимой и Анат (Анаит); они находились под властью египетского правителя, клялись именами египетских богов и в V веке говорили на арамейском языке, lingua franca персидской

державы; среди них имела хождение арамейская книга народной мудрости, содержавшая историю Ахикара Мудрого. Другие евреи осели в Египте в эпоху Иеремии, а в Мемфисе существовала старинная еврейская колония[17]. Впоследствии Птолемей I поселил большое количество евреев в Александрии и предоставил их высшему классу то же привилегированное положение, что и македонянам[18]. В течение всего III века евреи переселялись в Египет, поселяясь главным образом в Александрии, но иногда и в других частях страны, и при Птолемее III у них были уже здесь две синагоги[19]; одной из них, в Леонтополе, Птолемей III дал право убежища. Евреи арендовали землю[20] и часто использовались в качестве сборщиков налогов, но редко занимались банковыми операциями или денежными ссудами и едва ли когда-нибудь выступали в качестве торговцев[21]. Многие из них жили в особом квартале в Александрии, а так как численность их все возрастала, они организовались в особую политевму (стр. 201) и уже не считались «македонянами»; еврей, который при Августе сам называл себя македонянином, был или прозелитом, или любителем древностей[22].

Во II веке поселения евреев в Египте были уже многочисленны; в различных местах строились синагоги, и сельские власти резко различали евреев и греков; нам известен только один еврейско-египетский брак[23]. При Птолемее VI явился в Египет Ония, сын первосвященника Онии III; ему отвели разрушенный храм в Леонтополе, где он в 160 г. построил по образцу Иерусалимского храма храм меньших размеров в качестве религиозного центра для евреев Египта и учредил в нем такую же службу, как в Иерусалиме. Этот храм существовал до 73 г. н. э., но более благочестивые евреи все еще думали об Иерусалиме[24]. До нас дошли сведения, что и Птолемей VI и позже Клеопатра III пользовались услугами еврейских полководцев; а еврейский наемник Абрам был членом греко-египетской военной ассоциации[25]. В гражданской войне между Клеопатрой III и ее сыном Птолемеем Латиром евреи поддерживали царицу, что послужило началом напряженных отношений в Александрии между евреями и греками, так как греки были на стороне одержавшего победу Латира; но напряженные отношения между евреями и греками, в первую очередь политического характера,

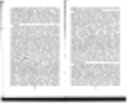
не пошли дальше словесных споров; антисемитизм, сопровождаемый насилиями, был неизвестен в Египте до установления господства Римской империи. В I веке евреи имели в Александрии крупнейшую еврейскую колонию за пределами Иудеи; после начала христианской эры численность евреев в Египте достигала миллиона, и они тесно наполняли два из пяти кварталов Александрии внутри городских стен[26]; но здесь не было никакого гетто, и некоторые евреи жили разбросанно в других кварталах.

Труднее обрисовать расселение евреев в Азии. Некоторые религиозные данные (стр. 205) делают вероятным предположение, что значительная часть переселенцев пришла в Малую Азию из Вавилонии, и именно такова традиция Талмуда, где говорится о малоазиатских евреях как о десяти племенах[27]; если это верно, то иммиграция, несомненно, началась прежде, чем Селевкиды потеряли Малую Азию в 188 г., так как, повидимому, они вначале, подобно Птолемеям, благоволили к евреям как хорошим поселенцам[28]; и нет никакого основания отвергать сообщение, что Антиох III поселил 2 тыс. еврейских семейств в Лидии и Фригии, даже если его письмо было сфабриковано в целях пропаганды[29]. Мы должны предположить наличие поселений евреев в Малой Азии, аналогичных поселениям евреев в Египте, хотя достоверные сведения о крупных еврейских общинах во многих городах Малой Азии начинаются только с I века[30]; но около 140 г. в «Сивиллиных книгах» говорится, что все страны переполнены евреями[31]. В Сардах и, возможно, в других городах им был отведен особый городской квартал[32]. На Делосе еврейская община существовала еще до 100 г., и ее прекрасная синагога была построена до 88 г.[33]; поселения, известные позднее в Греции и Македонии, едва ли были организованы до превращения Македонии в римскую провинцию в 148 г. Ко времени христианской эры число евреев резко увеличилось в Дамаске и вообще в Сирии, включая Антиохию, но неизвестно, когда началось массовое поселение евреев в Антиохии. Предполагается, что здесь, как и в Египте, не было проявлений активного антисемитизма вплоть до времен Римской империи. Правда, однажды евреи Делоса стали призывать проклятия на головы неизвестных, проливших невинную кровь двух еврейских

женщин[34]; но это еще не означает, что имело место выступление против евреев как таковых.

Если евреи селились в греческом городе, их положение вначале соответствовало только положению метэков; но как только они оказывались достаточно многочисленными, они воздвигали синагогу и, вероятно, образовывали частную ассоциацию для отправления культа, как обычно поступали и другие метэки (стр. 307)[35]. Такая ассоциация должна была иметь своих должностных лиц — «правителя синагоги» и других, разрешавших, на основании еврейского права, возникавшие между евреями споры, избегая обращения к греческим судебным куриям. Сначала это было неофициально, но поскольку все правители покровительствовали евреям, привилегия судиться собственным судом по своему праву во многих областях стала общепризнанной и формально гарантированной. В Риме еврейская община не имела никакой организации за пределами этих синагогальных ассоциаций; и когда еврейские пленники, привезенные Помпеем в Рим, были освобождены и вернулись на родину, они даже в Иерусалиме организовали собственную синагогу, построенную неким Феодотом, с гостиницей, жилыми помещениями и банями[36]. Но в греческих полисах эта форма синагогальной общины — там, где она существовала — в конце концов перешла из сферы частного права в сферу права публичного и стала политической формой, в рамках которой протекала жизнь еврейского коллектива; хотя этот процесс и не может быть прослежен ранее начала христианской эры, он, конечно, восходит ко времени до разрушения Иерусалима.

Тем не менее, во многих городах, включая вновь основанные эллинистические, еврейская община пошла значительно дальше этого: когда евреи становились многочисленными, они получали разрешение или приказание образовать политевму (стр. 142), которая делала их полуавтономными «поселенцами», с бо́льшими правами, чем права метэков. Еврейская политевма, подобно другим, сама ведала своими внутренними и религиозными делами, но в одном отношении она была привилегированнее любой другой: евреи в конце концов (в Александрии только после III века)[37] получали право судиться у своих собственных магистратов по собственным законам, что, вероятно,



означает изъятие еврейской политевмы из юрисдикции греческих курий. Существование этих еврейских политевм определенно засвидетельствовано для Александрии[38] и Береники в Киренаике[39] и кажется несомненным для многих городов, например Гиераполя в Малой Азии[40]. Политевма в Александрии при Августе управлялась этнархом, который судил евреев по еврейским законам, но сообразовался и с указами Птолемеев; Август ввел еще совет старейшин. В Беренике в 13 г. до н. э. политевмой управляла коллегия девяти архонтов; архонты упоминаются и в других местах[41]; вероятно, после Августа такая коллегия стала обычной формой управления политевм.

Многие ученые, следуя Иосифу Флавию, думали, что еврейская корпорация, как таковая, обладала полными правами гражданства в Александрии, Антиохии и городах Ионии. Но этого не могло быть, так как полное гражданство, т. е. участие в управлении и судебной администрации, предполагает участие и в культе городских богов, что для еврея означало бы отступничество; и хотя отдельные лица могли преклонять колена в доме Риммона, подобно тому Никите Иерусалимскому, который в Иасосе участвовал в Дионисиях[42], или тем двум евреям, которые возносили благодарственные молитвы в храме Пана в Эдфу[43],—как правило, евреи, эллинизованные ли, или нет, упорно придерживались своей религии. Не случайно евреи в любом городе называли себя только народом, в смысле племени («ласс»)[44], и никогда (как я думаю) не называли себя полноправным народом (демос). Недавно найденное письмо императора Клавдия решает (по крайней мере для меня) вопрос в том смысле, что евреи в Александрии как корпорация никогда не были гражданами[45]. Вообще говоря, Иосиф Флавий не всегда заслуживает доверия в вопросах, связанных с эллинизмом, и даже иногда в целях пропаганды пользуется подложными документами[46], но в этом случае, несмотря на путаный характер его терминологии, я сомневаюсь, чтобы он сам имел в виду полное гражданство евреев; и я не вижу оснований сомневаться в правильности как его утверждений, что в Антиохии и в Александрии сами евреи называли себя антиохийцами и александрийцами[47], так и его рассказа об «Эфесском процессе», когда греки Эфеса просили М. Агриппу

не допускать евреев к гражданству[48]. Помимо Иосифа Флавия следует обратить внимание на вызвавшее много споров заявление Павла о том, что он гражданин Тарса. По существу, этот вопрос решается очень просто. Там, где власть была в руках царей, как, например, во вновь основанных полисах, вроде Александрии или Антиохии, или в таких полисах, где, подобно Эфесу, Селевкиды восстановили демократию и могли диктовать свои условия,—они давали еврейским поселенцам исополитию, т. е. потенциальное гражданство (стр. 83)[49]; это значит, что еврей мог стать, согласно своему заявлению, гражданином, но, конечно, при условии отказа от своей религии и поклонения богам города. Это могло бы объяснить не только эфесский процесс, но и «антиохийцев» и «александрийцев»: когда, например, Этолия дала Кеосу исополитию, кеосцы стали называть себя этолийцами[50]. Это могло бы объяснить также подчеркивание Иосифом Флавием и Иеронимом «равного с другими по почету» положения евреев. И серьезное объяснение заявления Павла возможно только при допущении такого потенциального гражданства, потому ли, что евреи Антиохии—Тарса имели исополитию, или потому, что он (или его отец) получил почетное гражданство[51], которое он, конечно, не использовал; в противном случае он должен был бы поклоняться богам города, но это предположение не стоит и рассматривать. Потенциальный гражданин в особых обстоятельствах мог ссылаться на свое гражданство, и можно указать параллель к случаю с Павлом: когда казначей Александра, Гарпал, бывший почетным гражданином Афин, взбунтовался и не был, как мятежник, допущен в Афины, он отослал свой военный отряд и, ссылаясь на свое (потенциальное) гражданство, получил доступ в город[52].

Великим памятником эллинизма иудеев диаспоры является «Семьдесят толковников», или «Книга семидесяти» (Септуагинта)—перевод Ветхого завета на греческий язык, Библия Павла и Филона; но это памятник эллинизма только по форме, а не по существу. Еврейское предание о том, что, когда Птолемей II созвал семьдесят еврейских старейшин и потребовал от них перевести свое писание на греческий язык, то переводы всех семидесяти в точности совпали, является легендой. Но это предание свидетельствует о том, что уже во втором поколении

александрийские иудеи усвоили греческий язык и отвыкли от своего собственного и что Птолемей II казался в достаточной степени их другом, чтобы ему можно было приписать инициативу этого перевода. На самом деле этот перевод осуществлялся в течение долгого времени: пятикнижие было закончено в III веке, книги Исайи и Иеремии — между 170 и 132 гг., перевод книг пророков и псалмов в основном был закончен к 132 г., а последняя книга, «Экклезиаст», еще не была переведена в 100 г. н. э. Перевод, помимо отклонений, которые объясняются использованием гораздо более древнего еврейского текста, чем дошедший до нас, при случае вводит намеки на современную ему действительность: в роли притеснителей филистимлян иногда заменяют греки[53], а Езекииль упоминает о шерстяной промышленности Милета[54].

В целом иудеи диаспоры продолжали поклоняться Яхве, смотрели на Иерусалим как на святой город и платили ежегодный взнос в полсикля на нужды храма; когда римский наместник в 61 г. конфисковал эту подать, оказалось, что в провинции Азии много евреев[55]. Но в этих общих рамках существовали многочисленные расхождения, так как диаспора в духовном отношении, если не в этническом, была наследницей традиций Северного царства (Израиля), испытывала некоторое тяготение к религиям соседних народностей и даже проявила известную тенденцию к универсализму. Некоторые евреи готовы были думать, что их религия может спасти не только евреев, но и язычников, и в «Книге Ионы» содержится призыв к евреям распространять эту религию по всему эллинистическому миру. Несомненно, среди евреев диаспоры были ортодоксальные элементы, как были и эллинофилы в Иудее; но в целом диаспора была открыта для эллинистических влияний. Тот факт, что многие евреи потеряли свой язык и говорили по-арамейски, делал для них более легким усвоение любого другого языка; и повсюду многие евреи начали говорить по-гречески и принимать греческие имена, предпочтительно составные с θεός — бог, например: Феодот, Феофил, Доротея; даже в III веке еврейское священное писание было бесполезно для многих александрийских евреев.

Служба во многих синагогах проводилась на греческом языке, и можно составить длинный список евреизированных греческих слов, от политических терминов до предметов домашнего употребления. С греческим языком пришли и греческие обычаи. Еврейские поселенцы подражали своим греческим соседям: они образовывали союзы по профессиям, вроде союза красильщиков пурпура и ковровых ткачей в Гиераполе[56], издавали постановления по греческой форме, помещали их на стелах перед своими синагогами, предоставляли своим членам обычные почести, например раздавали венки и вместо передних кресел на играх давали лучшие места в синагогах[57]; евреи, подобно грекам, награждали титулами и почестями женщин и копировали греческие формы отпущения на волю и греческие надгробные надписи. Некоторые евреи в Малой Азии терпимо относились к смешанным бракам и отказывались от обрезания. И в соответствии с этим, кроме правоверных прозелитов, существовали и прозелиты, которых не принуждали к обрезанию или к усвоению всего Закона, но которые принимали только субботу, ограничения в пище и почитали Яхве. Саббатисты[58] Киликии были, вероятно, языческой ассоциацией, которая соблюдала субботу и почитала Яхве. Существование этих прозелитов свидетельствует, что еврейская пропаганда оказывала некоторое воздействие на язычников; при случае и греки усваивали иудейские формы, подобно тем греческим ассоциациям в Египте и Хиосе, глава которых назывался «архисинагогом», «начальником синагоги»[59].

Но в Малой Азии и Сирии некоторые евреи пошли гораздо дальше подражания греческим формам: они приняли греко-восточные культы. Несомненно, эти евреи явились из Вавилонии (стр. 200), ибо восточные евреи давно были восприимчивы к чужим культам: женщины научились оплакивать Таммуза и приготовлять пирожки для Царицы Небес, евреи принимали вавилонские имена, которые «во всяком случае, предполагают отожествление Яхве с Бэлом-Мардуком и Небо»[60], а в «Книге Товии» фигурирует персидский демон. В Малой Азии сам Яхве принял греческое имя «Θεὸς ὕψιστος»[61] — «Бога высочайшего», которое позднее было использовано Филоном; надписи из синагоги на Делосе[62] убедительно свидетельствуют, что «Гипсист» часто означает Яхве. Но если синагога в Атрибисе была посвящена Гипсисту местными евреями и префектом полиции, при содействии Птолемея V и царицы[63], —

возможно, что евреи разумели одно божество, а префект другое: ведь Гипсист мог означать и других богов, кроме Яхве, а именно Зевса[64], и в Сирии этот титул приписывался Зевсу (Ваалу) Гелиопольскому и другим божествам. Однако еврейские синагоги в Мизии и на Делосе действительно поклонялись Зевсу Гипсисту[65]; и «синагоги сатаны» в Смирне и Филадельфии, «которые называют себя еврейскими, но не являются ими», указывают на какой-то культ того же рода, если иметь в виду, что алтарь Зевса в Пергаме фигурирует в «Откровении» в качестве «престола сатаны». Сабазий тоже стал еврейским богом, вследствие фантастического отожествления господа Сабазия с господом Саваофом[66]. Его мистерии, очищавшие людей от первородного греха, могли быть согласованы с религией, учившей о первородном грехе Адама.

Известно одно общество почитателей Сабазия, которые поклонялись также Гипсисту, и в 139 г. несколько евреев были изгнаны из Рима за введение культа Зевса Сабазия[67]. Наконец, имя Самбатой—«рожденный в субботу»,— обычное среди египетских евреев[68], могло фактически происходить не от субботы, а от Самбеты, халдейской Сивиллы, которая имела в Тиатейре свое святилище—Самбатейон[69]; вероятно, ее имя было отожествлено с субботой. Несомненно, еврейские участники этих иудейско-языческих культов верили, что они все еще поклоняются богу своих отцов; но они оказались под влиянием эллинистического синкретизма—веры в то, что различные народы на деле поклоняются одному и тому же богу под различными именами и что поэтому имена и культы могут быть объединены. Эти культы, конечно, могли казаться достаточно влиятельными, чтобы Антиох IV не ожидал непреодолимых трудностей при введении культа Зевса даже в Иудее.

Если же не считать этих культов, евреи могли заимствовать у эллинизма только внешние формы религии. Принимал ли еврей или отвергал греческие формы, он оставался евреем—человеком, идеалы которого не были греческими, даже если он выражал их в тех же словах. Оба—еврей и грек—стремились к политической свободе; но для грека свобода выражалась в свободной самоуправляющейся общине, устанавливающей свои собственные законы и поклоняющейся тем богам, которые были ей угодны; для еврея свобода была средством не допускать постороннего

вмешательства в его преданность богооткровенному закону, не подлежащему изменению человеком, и преданность богу, наряду с которым не могло быть никакого другого кумира. Оба прославляли мудрость; но для грека мудрость была чем-то растущим вместе с напряженной работой многих мудрецов, а для еврея она была страхом перед господом, навеки одним и тем же. Иудаизм в I веке отказывался воспринять греческую мысль, хотя открывал двери для восточных влияний низшего порядка—астрологии, демонологии, магии. Но в одном отношении и еврей и грек испытывали одно и то же. Как политический упадок самоуправляющегося города-государства после смерти Александра сделал для греков неизбежным развитие индивидуализма, так разрушение старого национального государства и храма сделало его неизбежным и для евреев. Идея блаженной будущей жизни Израиля в конце концов подменилась идеей блаженной будущей жизни израильтянина. И как у грека были его проблемы индивидуализма и универсализма, так, в ином виде, они были и у еврея: распространит ли Яхве это будущее блаженство на все человечество? Если люди не могут быть (как надеялись стоики) братьями в этом мире, то, тем не менее, станут ли они ими в конце времен? Во II веке в некоторых еврейских кругах прочно укоренилась идея личного бессмертия или, скорее, идея воскресения из мертвых. Странно, что некоторые ученые утверждали, будто евреи заимствовали свою веру в бессмертие у греков, ибо у эллинистических греков такой веры не было; правда, по их верованиям некоторые люди могли достичь бессмертия, но только некоторые; обычной наградой хорошему человеку остается только вечная память[70]. Здесь не место обсуждать трудный вопрос о том, заимствовали ли евреи что-нибудь из Персии. Более вероятно, что они самостоятельно выработали веру в бессмертие, хотя мнения об этом по разным причинам расходятся. Ее появление приписывалось и росту сознания, что царство Мессии не может быть осуществлено в этом мире[71], и развитию теории личного общения с богом, и преследованию Антиоха (так как если мертвые не должны были воскреснуть, мученик, исповедывающий Закон, оказывался в худшем положении, чем покорившийся отступник)[72]. Все это могло в равной мере содействовать новой вере.

Мы должны вернуться к Иудее, где в обстановке возмущения, вызванного гонением Антиоха, и роста движения Маккавеев появилось, кроме веры в бессмертие, и многое другое: новая вспышка литературной активности, формирование еврейских сект, рост и изменения мессианских чаяний. Секты слишком хорошо известны, чтобы говорить о них здесь подробно. Со времени Ездры существовал крепкий коллектив—хасиды, или «благочестивые», которые стояли за полное соблюдение Закона; естественно, они противились распространению эллинизма, и из их среды во времена Маккавеев вышли фарисеи, о которых впервые определенно упоминается в 120 г. и которые соблюдали устное предание в такой же мере, как и писаный Закон. Название «фарисеи» обычно объясняется как «толкователи» Писания, но некоторые понимают его в смысле «обособленных». Саддукеи, «последователи Задока», может быть, не жреца рода Давида, а какого-нибудь неизвестного основателя этой секты, превратились в зажиточный правящий класс, группирующийся вокруг первосвященников; они были строго правоверными евреями, отвергали устное предание и новую веру в бессмертие, не известную Ветхому завету, и не имели никаких связей с эллинизированными евреями. Саддукеи поддерживали государство Маккавеев, к которому, с того времени как Ионафан стал первосвященником, фарисеи находились в некоторой оппозиции. Были и более мелкие секты, вроде аскетических эссенов и уже упомянутых «верных завету» в Дамаске, которые выдавали себя за последних хранителей истины, открытой им богом. Возможно, что во времена Маккавеев они вернулись в Иудею. За всеми этими сектами стояли народные массы, которые поддерживали Маккавеев вплоть до царствования Иоанна; авторами апокалипсисов были народные пророки.

Испытывала ли еврейская литература в этот период какое-либо греческое влияние? Обратного влияния не существовало: повидимому, ни один грек этих веков даже и не подозревал[73], что у евреев есть литература, живая и развивающаяся, которая может соперничать с его собственной. Если не считать вавилонского возрождения (стр.132), другие восточные литературы были почти мертвы; египтяне, например, создали только «Оракул горшечника»[74], предсказывающий падение Александрии, и странную смесь пророчеств—«Демотическую хронику»[75], выражение смутного ожидания прихода из Эфиопии некоего египтянина, который должен освободить народ от власти Птолемеев. Но евреи с 200 г. создали огромную литературу на трех языках: еврейском, арамейском и греческом; к ней относятся некоторые части ветхозаветного канона—«Екклезиаст», «Книга Даниила» (живой памятник гонений Антиоха), часть «Притчей», может быть, некоторые «Псалмы»[76] и большая часть апокрифов. В состав этой литературы входили гимны и книги поучений—некоторые из них отличались очень высокими достоинствами. В течение этих веков были созданы апокалипсисы с новой религиозной ориентацией; исторические книги, как правдивые, так и искажающие истину; рассказы и притчи; книги пропагандистского и магического характера, подделки—литература множества сложных течений, свидетельствующая о жизненности породившего их народа. За исключением «Екклезиаста», «II книги Маккавеев» и некоторых пропагандистских сочинений, имена авторов этих книг неизвестны: в отличие от грека, еврей был лишен личной гордости авторства, вероятно потому, что он так часто чувствовал самого себя орудием чего-то, в сравнении с чем его личность не имела никакого значения.

Мнения ученых разошлись и по вопросу о влиянии эллинизма на эту литературу: некоторые признавали это влияние, другие его совершенно отрицали. И евреи и греки эллинистического периода любили приписывать новые произведения великим именам старины, но так как у тех и у других эта практика началась ранее, чем они столкнулись друг с другом, то в этих случаях сказывается только общая наивная тенденция человеческого духа; и если в одном несомненном случае у греков и у евреев может быть такое совпадение, а не влияние, то это явление возможно и в других случаях. Например, в «I книге Маккавеев», как и во второй книге, цитируются государственные документы, подлинные или подложные, как это делают и греческие историки; но образцом для их авторов была «Книга царств», и из этого вовсе не следует, что они заимствовали эту практику у греков, хотя такая возможность и не исключается. И даже простое сходство двух мест

у двух писателей ничего не доказывает. Едва ли кто-либо будет утверждать, что Бен Сира, когда он писал знаменитое восхваление своих предков в «Екклезиасте», думал о столь же знаменитом панегирике на ту же тему в «Осах» Аристофана или что, когда Феокрит намекает на лисиц в винограднике, он копирует «Песнь песней»: ведь многие могут прославлять своих отцов или наблюдать нравы лисиц. Но когда автор «Книги Даниила» говорит, что Навуходоносор ел траву, подобно быку, он, конечно, копирует жалобу Шубси-мешра-Нергаля, так называемого «Вавилонского Иова»[77]: ведь люди не едят травы, и эта аллегорическая фигура, повидимому, больше нигде не встречается. Если применить эти критерии, то сразу исчезает бóльшая часть предполагаемого греческого влияния. Может быть, во всей серьезной литературе этой эпохи, не считая «Екклезиаста», можно с определенностью указать только на то, что ученый александрийский еврей, который жил в конце I века и написал прекрасную первую часть «Мудрости Соломона», вероятно, читал Платона: бог для него трансцендентен, он не имеет никакого непосредственного контакта с миром, а бессмертие носит чисто духовный характер. Было высказано предположение, что Платон мог также быть источником вдохновения для места, начинающегося словами: «Души праведных в руке божией». Тем не менее, автор определенно писал как еврей и придерживался веры в посмертные награды и кары, хотя и духовные; прочитать какую-либо вещь—еще не значит обязательно подпасть под ее влияние.

«Екклезиаст»—произведение несколько иного характера. Аристократ, автор этой чудесной книги, жил в Палестине около 200 г. Включение его в ряд «безбожников» в «Мудрости» (гл. II) показывает, что его считали сторонником эллинизма, и было отмечено, что язык этого автора слегка затронут греческим влиянием; чувствуется, что в свое время он где-то надышался греческим воздухом. Об его отношении к греческой мысли высказывались самые различные взгляды[78]; но несмотря на интересные параллели с Феогнидом, приводимые Ренстоном, я не вижу никакого доказательства прямого заимствования, даже в знаменитом месте IX, 7 и сл., которое Иероним впервые счел заимствованным у Эпикура. Ведь такая же параллель может быть проведена и с одним местом

в вавилонском эпосе о Гильгамеше[79]. Греки полагали, что слова «будем есть и пить, так как завтра мы умрем», древнее Эпикура и впервые были высказаны одним ассирийским царем[80], а «Книга Даниила» свидетельствует, что некоторые евреи этого времени знали вавилонскую литературу. Но нет совершенно никакой необходимости предполагать, что «Екклезиаст» обязательно заимствует из того или иного источника: ведь эта мысль так же стара, как само человечество, и должно быть, тогда, как и теперь, приходила на ум многим, никогда не читавшим ни «Екклезиаста», ни Эпикура, ни вавилонской поэзии.

Я боюсь высказывать решительные мнения об еврейской литературе, но «Екклезиаст» иллюстрирует то, что кажется мне правильным[81]. Греки и евреи жили в одном и том же мире; тогда, совершенно так же как и сейчас, существовало много идей (называйте их веянием века или как вам угодно), которые бессознательно влияли на людей. «Екклезиаст» не мог бы быть написан во время Исайи, но не следует в нем искать каких-либо определенных заимствований: «проповедник» жил в реальном мире, и он его чувствовал. Но если у того или другого еврейского писателя могут быть отмечены некоторые эллинистические веяния, все же нет никакого доказательства действительного проникновения в еврейскую литературу греческих идей.

Наиболее важным явлением для евреев того времени была апокалиптическая литература: ведь для народных масс она заменяла пророков, роль которых уже была закончена, и ее два величайших произведения—сборник сочинений, названных «Книгой Еноха», и «Заветы двенадцати патриархов»—значительно повлияли на писателей Нового завета. Апокалиптическая литература имела дело с будущим, которое, как полагали, Яхве открыл какому-то древнему мудрецу, вроде Еноха или Моисея, и ее центральной мыслью был Мессия, «надежда тех, кто смятен в сердце своем»[82], грядущий Спаситель, который иногда называется «сыном человеческим» и «Христом». Учение о Мессии значительно видоизменялось: иногда Мессия был божественным и существовал до возникновения мира, иногда его изображали смертным человеком, но в общем, если сначала думали о царствии Мессии на земле, с воскресением во плоти, то потом все больше стали думать

о вечном царстве на небесах, с духовным бессмертием. Обычно бессмертие считалось уделом только праведных евреев, но иногда оно—величайшая мысль всей этой эпохи—распространялось на всех людей. Это учение и параллельное ему учение о загробных наградах и карах, впервые, кажется, выраженное в древнейшей части «Книги Еноха» (около 200—170 гг.), повлияло на последующее время. Оба учения были связаны с проблемой о преуспеянии неправедных, которую усердно изучали как греки, так и евреи. Трактовка ее иллюстрирует два умственных направления. Ею занимался философ Карнеад (стр. 305)[83], который утверждал, что если бы существовали боги, которых трогали бы дела мира, они никогда бы этого не допустили; следовательно, даже если существуют боги, они не заботятся о мире. Еврейские писатели, уверенные в том, что такие боги существуют, утверждали, что для нашего зрения недоступен весь процесс божественной деятельности, должна быть другая жизнь, в которой весы выравниваются, праведник вознаграждается, а грешник наказывается. Эти писатели были настоящими евреями, для которых праведность означала выполнение Закона. Они просто устанавливали вознаграждение праведности как факт; но их учение довольно скоро было искажено (в дальнейшем эта искаженная форма играла большую роль): «Будьте добродетельны, для того чтобы вы могли быть награждены». Человечество далеко отошло от мужественной стоической заповеди: «Будьте добродетельны, потому что в этом ваш долг».

Помимо великой еврейской литературы, существовала группа писателей-пропагандистов, пользовавшихся греческим языком; они довольно свободно заимствовали у эллинизма не философию или историю, а ту псевдоисторию, которая всегда так привлекает полуобразованных. Манефон (около 280 г.) уже давно высказывал свое недовольство евреями[84]; но он был египетским жрецом. До 100 г. некоторые греческие авторы, из которых наиболее видным был ритор Аполлоний[85], живший в Родосе, в своих произведениях нападали на евреев; и даже Посидоний[86] позволил себе распространять сказку (которая, может быть, и породила скандальную сплетню о том, что в святая святых находится голова осла, или была ее следствием), будто бы Антиох IV видел в Иерусалимском храме

статую человека (Моисея?), сидящего на осле. Естественно, евреи отвечали на это соответствующим образом; какая сторона начала полемику, сейчас нельзя уже сказать, но эта словесная война в I веке н. э. достигла кульминационного пункта в выступлении Апиона и ответе Иосифа. Обвинения против евреев сводились к тому, что их культура была только заимствована у других; что у них нет никаких чувств общечеловеческого братства, что они держатся обособленно и фактически являются атеистами, так как утверждают, что никаких богов, кроме Яхве, реально не существует. Последнее обвинение они в некоторой мере вызывали сами утверждением, что предметом культа у других народов являются изображения богов, а не сам бог, изображение которого является только символом.

Александр Полигистор[87] сохранил для нас попытки некоторых эллинизованных евреев показать, что еврейская культура была древнейшей в мире и что евреи на деле были учителями других народов. Первый из этих писателей, Деметрий, передает историю евреев довольно правильно, но он интересуется таким вздором, как доказательство того, что тринадцать детей Иакова могли родиться в течение семи лет; для Эвполема история вообще не имеет никакого значения: Авраам был из числа гигантов, которые пережили потоп и построили Вавилон; он вновь открыл астрологию, впервые открытую Енохом, который был одновременно Атлантом и учителем египтян, тогда как Моисей, первый философ, изобрел буквы и был учителем греков. У Эвполема Хирам и Соломон ведут переписку в придворном эллинистическом стиле и Соломон превосходит щедростью Александра, истратив 160 тыс. талантов только на оплату постройки храма. Артапан не стыдится цитировать «Адеспота», анонимный памятник эллинистической письменности: Иосиф становится (птолемеевским) диойкетом в Египте и осваивает пустующую землю; Моисей изобретает почти все—оружие, машины, корабли, философию, приобщает египтян к культу животных и обожествляется после смерти,— и все это изложено хорошим эллинистическим языком. Клеодем, менее претенциозный, заставил лишь сыновей Авраама превзойти Птолемеев путем завоевания не только троглодитов, но и всей страны пряностей в Аравии и Африке;

а сам Полигистор настолько запутался в собранной им бессмыслице, что превратил Моисея в женщину, Мосо. Вероятно, к этой литературе принадлежала и группа еврейских поэтов: Филон и Федот переложили еврейскую историю в греческие гекзаметры, а Езекииль написал трагедию об Исходе, в которой катастрофа у Красного моря рассказывается по лучшим греческим образцам.

Конечно, евреи были в состоянии вести и лучшую пропаганду[88]. Письмо, приписываемое Аристею,—серьезный панегирик еврейскому праву и еврейским священным книгам, вложенный в уста язычника, который утверждает, что все народы поклоняются Яхве, не зная его; а в третьей книге «Сивиллиных оракулов» (остальные книги относятся уже к христианской эпохе) языческая пророчица в греческих гекзаметрах говорит о превосходстве еврейской религии над всеми другими. Более важным, если только оно подлинное, надо считать сочинение, написанное с профессиональным мастерством евреем Аристобулом при Птолемее VI; автор, перипатетик, знает греческую философию и поставил себе задачей показать, что еврейский Закон уже содержал все лучшее этой философии и что Пифагор и Платон учились у Моисея. Но некоторые утверждают, что это произведение—позднейшая подделка. Дистанция между самым высоким и самым низменным мышлением была, таким образом, столь же велика у евреев, как и у греков. И когда в период позднего эллинизма начало ослабевать господство греческих завоевателей и с Востока на Запад хлынула обратная волна астрологии и магии, евреи начали играть заметную роль: еврейские маги никому не уступали, и еврейский заклинатель уже в течение веков был привычной фигурой. Евреи имели свои книги магических формул, подобные тем, из которых в Эдессе по наущению Павла был устроен костер. Самым знаменитым было их собрание, приписывавшееся Соломону, пользование которым согласно легенде, было некогда запрещено Иезекией, так как оно приводило народ к нарушению заповедей Яхве.

Теперь следует проследить судьбы эллинизма в самой Иудее, после того как страна в 142 г. добилась независимости (стр. 198). В 135 г. Симону наследовал его сын Иоанн Гиркан, но его правление началось несчастливо, так как в 134 г. последний сильный Селевкид, Антиох VII Сидет,

взял Иерусалим и срыл стены. Сидет не мог проводить политику Эпифана, потому что он не имел уже на своей стороне партии эллинизированных иудеев: Иоанафан и Симон почти уничтожили эти партии. Приближенные царя советовали ему истребить евреев и покончить со смутами, но Сидет принял более умеренные предложения: оставил за Гирканом сан первосвященника и не вмешивался в религиозные вопросы, обязав только Гиркана, как вассала, платить дань. Но его смерть в 129 г. была концом власти и авторитета Селевкидов, и у Гиркана освободились руки. Последние годы его царствования были золотым веком династии Маккавеев. Он принялся за восстановление царства Давида: вновь укрепил Иерусалим, завоевал Эдем и часть Трансиордании, добился союза с Римом, взял Сихем и, наконец, после упорного сопротивления, взял и разрушил Самарию. Усиление Маккавеев, которые были левитами, привело к тому, что авторы апокалипсисов стали теперь ожидать Мессию не из Иуды и дома Давида, а из Леви и дома Аарона; а для галилейского автора главного памятника царствования Гиркана—уже упомянутых «Заветов двенадцати патриархов»—с его возвышенным предварением нагорной проповеди[89], сам Гиркан—пророк, жрец и царь[90], царь в действительности, хотя и не по титулу,—казался осуществлением мессианских чаяний; к нему автор обращается с двумя мессианскими гимнами[91].

Но слава Маккавеев вскоре поблекла. Старший сын Гиркана, Аристобул (105—104 г. до н. э.), убил свою мать, а его второй сын, Александр Ианней (104—76), принявший царский титул, был настолько дурным человеком, насколько вообще возможно. Значительная часть народа, при сочувственном отношении фарисеев, восстала против этого грубого солдата; после шести лет гражданской войны и многих страданий народа царь подавил восстание, и источники изображают Ианнея сидящим за обедом среди своего гарема и любующимся распятием последних 600 мятежников. Больше не существовало вопроса о мессианском царстве Леви: Мессия снова должен был быть родом из Иуды, и осуществление мессианских надежд на земле было перенесено на некое неопределенное будущее, а иногда даже переносилось на духовное царство в небесах. Тем не менее, Маккавеи, начиная от Иона-

фана и кончая Ианнеем, выполнили одну задачу. Как их предки истребили хананеев и амалекитян, так они уничтожили эллинофилов и разрушили соседние сирийские города, в которых господствовала греческая культура; имеется большой список городов, разрушенных или разоренных ими, особенно Ианнеем[92]. Двадцать лет после смерти Ианнея были заполнены войнами между его сыновьями, первосвященником Гирканом II и Аристобулом II; и было благом, когда в 63 г. появился Помпей, взял Иерусалим, уничтожил монархию, устранил Аристобула, поставил над Гирканом римского правителя Сирии и начал восстановление городов, разрушенных Маккавеями.

Попытка эллинизовать Иудею была потоплена в крови; однако на короткое время это было достигнуто, по крайней мере внешне, когда в самой стране оставалось уже мало сочувствующих идеям эллинизма. Реальная власть в Иудее при слабом Гиркане II была в руках его министра, идумея Антипатра; после убийства Антипатра его сын Ирод[93] убедил триумвиров сделать его царем Иудеи и в 37 г. занял Иерусалим и установил свою власть, которую, пользуясь расположением Рима, он удерживал в течение 43 лет. Среди подвластных Риму царей переходного периода это выдающаяся личность: способный, жестокий и крайне беззастенчивый. Характер его сказался в правильном, но отвратительном совете, который он дал Антонию: «убей Клеопатру». Он имел успех там, где гораздо более великий Антиох Эпифан потерпел неудачу, и насильственно превратил Иудею в очень сносное подобие эллинистического царства. Ирод не был эллинистическим царем, но варваром идумеем, несколько приобщенным к культуре, но единственной системой политики, которую он мог применить к своему пестрому царству, простиравшемуся от Ливана до Египта, мог быть лишь эллинизм. Его наместники и чиновники напоминали обычных чиновников Селевкидов; но его многочисленные греческие полисы были только подвластными городами и просили Рим передать их провинции Сирии. Что касается евреев, то, кажется, он никогда не проводил определенной политики по отношению к ним. Он пытался примириться с фарисеями, но казнил саддукеев; он воздержался от постройки храмов Цезаря в самой Иудее, но построил в Иерусалиме ипподром, а вне стен — театр и амфитеатр; он попробовал польстить народу перестройкой храма, обставив ее великой пышностью, а сам страстно желал обожествления своей персоны и в конце концов проявил это желание, поставив над храмом орла, что было худшим оскорблением в глазах евреев. Он построил важные города: Себасту взамен Самарии, Кесарею на побережье, с гаванью обширнее Пирея, и помог украшению Антиохии и многих других городов; но евреям не нравилось его строительство в греческом духе, потому что на это шли их деньги. Ирод нуждался в огромном количестве денег; он конфисковал много земли, и его частные владения и доходы с них, должно быть, были значительны; его обложение было тяжелым и служило постоянным источником недовольства. Ирод дал мир и процветание, но на деле он правил, внушая страх, и для того чтобы удержать Иудею в руках, построил в ней ряд крепостей. Он по произволу назначал и смещал первосвященников, и евреи ненавидели его главным образом за опасность, которую они усматривали в нем для своей религии. Они восставали постоянно, пока он не стал слишком силен; его последние годы были царством террора, и евреи восстали вновь тотчас после его смерти. Его попытка эллинизировать Иудею не пережила его, так как он проводил эту политику средствами внешнего насилия против воли народа. С его смертью, в 6 г. н. э., Иудея стала римской провинцией, и началась новая глава ее истории. Здесь можно только сказать, что в дальнейшем, как и в прошлом, преданность евреев своей национальности и религии оказалась более сильной, чем любое давление греко-римской цивилизации.

Глава VII

ТОРГОВЛЯ[1] И ПУТЕШЕСТВИЯ

Александр открыл греческому влиянию доступ в мир, простиравшийся от Эгейского моря до Гиндукуша, от Яксарта до порогов Нила. Если бы Александр жил дольше, он распространил бы это влияние еще больше, так как незадолго до смерти он уже начал обследовать берега Каспийского моря и пытался довести до конца исследование морского пути из Индии в Египет (ранее он уже изучил часть этого пути—от Индии до Вавилонии), объехав вокруг Аравии: его корабли уже достигли Бахрейна и Рас Муссендама с одной стороны и Иемена—с другой[2]. Хотя эти планы и не были осуществлены вследствие его смерти, они были возобновлены диадохами; но, за исключением экспедиций греко-бактрийцев, единственным, что оказалось в этом отношении выполненным в эллинистическое время, была экспедиция в Аравию, снаряженная Птолемеем II (стр. 222), и обследование Африки поздними Птолемеями. В частности, чудесное путешествие вдоль британского побережья к Эльбе и Ютландии современника Александра, Пифия из Массалии, первого грека, услышавшего о Северном Ледовитом океане, не дало результатов; географы-эмпирики даже сомневались в достоверности этого путешествия, хотя математики Эратосфен и Гиппарх, обладавшие большими знаниями, поступили мудро, приняв эти новые данные[3].

Селевкиды были слишком заняты другими делами, чтобы много думать о путешествиях такого рода. Селевк, в соответствии с планом Александра использовать Персидский залив, держал в нем флот[4], устраивал колонии по нижнему течению Тигра и северному побережью залива и был в хороших отношениях с герреями[5], жившими на побережье Аравии и снабжавшими Селевкию пряностями; но он, конечно, не предпринял ни одной попытки совершить плавание вокруг Аравии и направить торговлю

с Индией, к выгоде Птолемеев, от Селевкии к Красному морю. На северо-востоке его военачальник Демодам снова перешел Яксарт[6], и он или Антиох I послал Патрокла, выдающегося военачальника и географа, обследовать Каспийское побережье[7]. Каспийское и Аральское моря соединялись одним или несколькими морскими протоками, и Александр сначала принял Аральское море за Азовское; однако позже он думал, что старый взгляд, отвергнутый Аристотелем[8], что Каспийское море соединяется с океаном, в конце концов, может быть верен. Патрокл выехал из Кизил Узена в Атропатене и обследовал южный берег и части восточного и западного побережий, но его вывод относительно того, что Каспийское море—это залив океана, несомненно, сделан на основании какого-нибудь местного сообщения, плохо истолкованного: ведь 150 лет спустя китаец Чжан Цянь слышал, что Аральское море и есть Северное[9]. Ничего более не было сделано на северо-востоке до тех пор, пока греко-бактрийские цари[10] не колонизировали Фергану и не установили сношения с Китайским Туркестаном; они начали прокладывать путь для позднейшего проникновения на Восток греко-персидских художественных влияний.

Держава Маурья лишила Селевка его индийских владений, и ни один вооруженный грек не показывался в этой стране до эпохи упадка империи Маурья, когда греко-бактрийские цари достигли моря через Синд, а Менандр перешел границу, установленную Александром, и, может быть, осаждал Ауд; Мегасфен[11], которого Селевк в качестве посла направил к Чандрагупте в его столицу Паталипутру (Патна) на Ганге, недавно раскопанную[12], значительно расширил научные сведения греков об Индии. Мегасфен передает отдельные недостоверные сообщения, но он дал Западу впервые сведения о Ганге и великой империи Магадха, а его рассказ об организации страны под управлением Чандрагупты имеет первостепенное значение[13]. Книга Мегасфена на ряд веков осталась основой всех знаний о Северной Индии.

Деятельность Селевкидов находилась в тесной связи с индийской или восточной торговлей, игравшей большую роль в этот период. Согласно дошедшей до нас традиции, эта торговля велась по трем главным путям—северному, центральному и южному, причем этот последний

был связан с Птолемеями. О северном пути[14] много говорить не приходится. Предполагается, что он шел через Кабул, Бактру (Балх), вниз по течению Оксуса, через Каспийское море и вдоль Куры и Фасиса к Черному морю; но эта традиция так мало достоверна и путешествие по течению Оксуса было связано с такими трудностями, что весь этот путь мог иметь очень небольшое значение[15]. Во времена Селевка еще верили, что океан омывает северное подножье Гималаев и его берег проходит неподалеку от Яксарта[16]; и, несомненно, одна из задач Патрокла состояла в исследовании вопроса, возможен ли северный морской путь; согласно более поздним легендам, он даже частично изучил этот морской путь[17] и провел этой дорогой индусов на германское побережье[18]. После смерти Селевка династия была отрезана от Черного моря, и Селевкиды более не интересовались северным путем.

В III веке наиболее важным торговым путем был центральный путь. Он шел морем от Индии к Персидскому заливу и вверх по Тигру к Селевкии и дополнялся сухопутным караванным путем, который способствовал торговле Селевкии; одна дорога сюда шла из Индии через Кандагар—Персеполь—Сузы[19], но ее значение сомнительно; другая, главная дорога шла через Кандагар—Герат—Гекатомпилос—Экбатану—Селевкию[20] и соединялась у Герата или к северу от него с дорогой Таксила—Кабул—Бактра. Из Селевкии все товары направлялись на запад, или новой Селевкидской дорогой[21] вверх по Евфрату до Антиохии, или же старой дорогой, к востоку от Тигра, которая пересекала реку у Джезире или Либбы и поворачивала на север у Нисибиса; там она перекрещивалась с торговыми путями, шедшими из Армении и далее до Эдессы, откуда часть товаров шла по традиционной дороге до Дамаска и Тира, а другая часть направлялась к Антиохии, пересекая Евфрат у Зевгмы, которая к тому времени по своему значению превзошла Тапсак[22]. От Антиохии великая сквозная дорога—древняя Царская дорога—шла через Тарс и Апамею во Фригии к морю у Эфеса (стр. 146)[23]. Хотя борьба между Селевкидами и Птолемеями, продолжавшаяся с 280 до 198 г., в первую очередь объясняется стремлением Птолемеев установить свое господство на Эгейском море, она связана и с этим торговым

путем; конец этого торгового пути у Эфеса не раз переходил из рук в руки и Птолемеи, владея территорией в Финикии и в долине Матсия между Дамском и Антиохией, вероятно, оказывали давление на Дамаск, принадлежавший Селевкидам. В 198—197 гг. борьба закончилась изгнанием египтян из Сирии и Малой Азии; и главные торговые пути сохраняли свое значение до тех пор, пока Селевкиды не потеряли Вавилонию и центральный путь не начал, при господстве парфян, уступать первенство южному. После этого произошли различные изменения: в I веке стали пользоваться дорогой Эдесса—Мазака (Кесарея)—Апамея[24], срезав участок пути, проходивший через Антиохию, а к 100 г. стал, вероятно, обычным путь из Вавилонии к Дамаску пустыней через Пальмиру[25]; наконец, римляне следовали по стопам Помпея и, двигаясь от Понта к Армении и Кавказу за не добывавшимися ранее минералами, придали некоторое значение пути от Каспийского к Черному морю по течению Куры[26].

Теперь перейдем к южному торговому пути и исследованию Африки при Птолемеях. Эта дорога шла от Индии морем к складам в Южной или Юго-Восточной Аравии, где индийские корабельщики выгружали свои товары. Эти склады использовались и арабами для торговых операций; дорога всецело находилась в индийских и арабских руках[27], и самое ее существование в III веке засвидетельствовано только сообщением Эратосфена о том, что корица (которая росла только в Индии) привозилась из Аравии[28], из области восточнее Гадрамаута. Арабы столь ревностно охраняли свою монополию, что ни один индийский корабль не мог войти в Баб-эль-Мандебский пролив, и первые Птолемеи мало что знали о Южной Аравии. Эратосфен не знал ничего о странах к востоку от Гадрамаута, о которых знала уже экспедиция Александра. История Южной Аравии[29] сводится к истории войн и союзов ее многочисленных народов с целью захвата контроля над торговлей индийскими товарами и ладаном. Офиром, о котором говорит Соломон, вероятно, называли любую местность, игравшую в то время роль склада индийских товаров. В III и II веках в Южной Аравии первенство принадлежало союзу хабашатов в Махре и сабеев в Южном Иемене; главным складочным местом товаров была собейская Адана (Аден), и накопившиеся товары

перевозились на север, к Петре, караванами сабеев и минеев по традиционной «дороге ладана»[30]—через Ятриб (Медина) и Дедан (Аль-ула). Около 280 г. Птолемей II послал Аристона обследовать Аравийское побережье, и, повидимому, за этим последовала экспедиция с целью обеспечить египетское влияние в Дедане и овладеть дорогой ладана к югу от враждебных набатеев[31]. Что касается товаров, достигавших Петры, часть их вывозилась к морю или у Газы[32], или у Арсинои (Суэц) и далее направлялась в Александрию; часть товаров, возможно, пересекала пустыню, достигая Селевкии[33], а остальные товары направлялись к северу. Обычно этот последний путь шел через Дамаск к Антиохии, как это и было после 200 г., когда Антиох Эпифан показал, какое большое значение имело приобретение Сирии Селевкидами, щедро сыпля золотом, слоновой костью и индийскими пряностями на своем большом празднестве[34]; но, когда Птолемеи удерживали еще в своих руках Сирию, товары шли также по дороге через Филадельфию (Раббат-Аммон) и Герасу (Джераш), пересекая Галилею, к Птолемаиде (Акре) и далее—к Финикии[35]; большое значение Птолемаиды доказывается тем, что город удержал это название и при Селевкидах[36]. Падение сабейского царства в 115 г. [37], может быть, содействовало торговому проникновению Птолемеев в Аравию, но причины, которые в конце концов привели к тому, что египетская торговля стала вестись и по южному пути в Индию, вначале не были связаны с торговлей: Птолемей I хотел получать из Индии слонов[38].

Птолемей I начал обследование Красного моря[39], и его адмирал Филон[40] открыл «Топазовый остров»[41], который одним из Птолемеев был очищен от змей. В начале царствования Птолемея II его военачальник Сатир основал Филотеру в Суэцком заливе[42]; ко времени его царствования должно относиться и основание Арсинои в верхней части залива и, вероятно, Береники в Элатском заливе[43]. Птолемей II упорно продвигался к югу: его военачальники, сменяя друг друга, основали Миос Гормос (гавань Муссел) у Коссейра, Беренику троглодитов у «засоренного» (т. е. полного рифов) залива [развалины этой Береники (на широте Ассуана) еще сохранились] и Птолемаиду—город охотников на слонов вблизи Суакина. Птолемей III основал Беренику Золотую (может быть, Адулис)

около Массаца и, возможно, Колоэ (Кохаито) в Эфиопии, развалины которой, как указывают, относятся ко времени Птолемеев; позже здесь были склады слоновой кости, которую привозили морем в Адулис. Большая часть этих поселений стала полисами[44], хотя, вероятно, вначале они были укрепленными торговыми пунктами, так как первой задачей этих путешествий был сбор слоновой кости и захват слонов для нужд войны; Птолемей III организовал охоту на слонов по военному образцу[45]. Экспедиции снаряжались в Северной Беренике, до которой слонов везли на кораблях[46]; хорошо налаженная дорога вела оттуда в Копт (Кофт) на Ниле[47], а главный парк слонов находился в Мемфисе[48]. Для защиты от пиратов на Красном море держали флот[49].

Потеря Сирии и Эгейского района при Птолемее V повлекла за собой изменение в индийской торговле Египта: он должен был теперь ориентироваться исключительно на южный путь. При Птолемее V прекращается также охота за слонами; созданная для их поимки военная организация стала использоваться для защиты торговли и отдана была под команду военачальника Фиваиды; в 130 г. в его обязанности входил надзор за погрузкой и собиранием топазов и охрана тех, кто вез ладан по Коптской дороге[50]. Больше внимания уделялось морским перевозкам по Красному морю в Александрию, соперничавшим по своему значению с сабейской караванной торговлей. На Красном море во II веке была заметна значительная деятельность: на севере, вблизи Суэца, была основана Клеопатрида, на юге, недалеко от Баб-эль-Мандеба,—Южная Арсиноя. Филометор отодвинул границу по Нилу к югу от Вади Хальфы и основал новые поселения[51]. Вероятно, в начале II века египетские военачальники уже достигли «Южного Рога»—мыса Гвардафуй в Сомали, позднее названного Мысом Пряностей; они не основывали здесь факторий, но знакомились с многими странными дикими племенами; единственными дикарями, известными тогда грекам, были питавшиеся рыбой жители Гедрозии, открытые Неархом; весь берег от Суэцкого залива до мыса Гвардафуй носил название Трогодитского[52] (обычно неправильно произносимое как Троглодитский), и жившие здесь народы различались как потребители рыбы, кореньев, черепах, страусов и саранчи.

В конце II века увеличение в Италии спроса на продукты Аравии и Индии сделало эту торговлю даже более важной для Александрии, чем когда-либо, а кроме того, при Птолемеях произошло два благоприятных события: во-первых, рухнула мощь сабеев, во-вторых, Гиппал открыл муссоны[53], вероятно давно знакомые индусам, благодаря чему стало сравнительно легким делом путешествовать за Баб-эль-Мандебом и даже плыть прямо в Индию. Все выгоды из этого открытия были извлечены в период, когда уже Рим правил Египтом, но более поздние Птолемеи тоже достигли многого: их корабли посещали порты Южной Аравии, открыли Сокотру[54], иногда плыли прямо в Индию[55] и достигли некоторых успехов в борьбе с монополией арабских посредников. Они обеспечили защиту Баб-эль-Мандеба, вторично основав расположенный у проливов город Деире, который назвали Южной Береникой, а близкий от нее Миос Гормос начал заменять в качестве порта Копта Северную Беренику. В 78 г. стратег Фиваиды стал также стратегом Красного моря и «Индийского моря». Это новое название, указывает на постоянную связь с Индией[56]. Индийские торговцы также начали приезжать прямо в порты Сомали, и индусы появились в Египте; один из них—Софон[57]—проехал караванным путем в Копт, а могильный камень с колесом и трезубцем свидетельствует о присутствии последователей Будды в Александрии[58]. Эти путешествия принесли первые сведения о Южной Индии. Наличие перца является ценным доказательством того, что в Египет поступали продукты из Южной Индии. Небольшие его количества уже давно привозились в Грецию, хотя для Теофраста он был медицинским снадобьем[59]; но если в 88 г. один афинянин имел в своем доме больше двух литров перца[60], это значит, что с доставкой пряностей положение существенно изменилось. Таким образом, торговля с Востоком и путешествия на Восток свидетельствуют о постоянном прогрессе в течение всего птолемеевского периода, независимо от заслуг или недостатков отдельных царей; и когда Клеопатра VII высказала мысль о том, чтобы уйти со Средиземного моря и править на морях Индии, она не говорила ничего нелепого; она могла бы опередить Альбукерка.

Ответ на вопрос о том, проникал ли кто-либо в это время южнее мыса Гвардафуй, зависит от того, как

мы отнесемся к истории, рассказанной Посидонием[61]. При Птолемее Эвергете II один индус, единственный уцелевший из всей судовой команды, был подобран в Суэцком заливе; Эвдокс из Кизика, служивший у Птолемея, поехал с этим человеком в Индию и возвратился обратно, а впоследствии плыл вдоль берега Африки «за Эфиопией» и привез с собой носовую часть потерпевшего крушение корабля, как оказалось, построенного в Гадесе в Испании. Тогда Эвдокс отправился в Гадес и попробовал обогнуть Африку по пути в Индию по следам гадесского корабля, но вернулся обратно с пункта южнее Марокко по причине неисправности корабля. Вся эта история вполне вероятна, но в нее введены абсурдные детали: например, Эвдокс, не знает о птолемеевских правилах, регулирующих торговлю ввозимыми пряностями; Посидоний вряд ли был человеком, способным отличить истину от лжи, и он не говорит, почему верит этой истории, хотя он не поверил рассказу Геродота о путешествии финикийцев вокруг Африки. Поэтому приговор должен гласить: «не доказано».

Главным соперником Птолемеев в этот поздний период был чудесный город набатеев Петра,—«построенный в скалах». После того как парфяне заняли Вавилонию и стали контролировать центральный торговый путь из Индии, Петра превратилась в один из крупнейших рынков в Азии; помимо сухопутной торговли с помощью караванов, ее жители занялись теперь также морской торговлей через Элану (Акабу) и отрезали для Египта возможность прямого ввоза из Дедана через арабский порт Египта—Ампелону; вероятно, набатеи захватили Ампелону и переименовали ее в Левку Кому[62]. Они расширили свои владения как к северу, так и к югу и даже некоторое время, начиная с 85 г., владели Дамаском[63]. Набатеи были хорошими торговцами, и греки отметили тот странный факт, что они никогда не судились друг с другом[64]; вероятно, подобно китайским купцам, они всегда верили друг другу на слово.

В обширной литературе эпохи эллинизма нет ни одного сочинения, специально и со знанием дела трактующего о торговле, несмотря на все ее значение. И современная наука не восполнила еще этого пробела; за исключением отдельных частей, вся тема ждет своего исследователя.

Персы не допускали греческих торговцев в глубь Азии, и открытие этого континента Александром и диадо-

хами, рост богатства и населения в Азии и Египте, возникновение массы новых городов и поселений, повышение уровня жизни высших классов—все это дало могучий толчок торговле. Размеры торговых кораблей росли, пока не достигли максимума—грузоподъемность неповоротливой Сиракосии, корабля Гиерона[65], была равна 4 200 т; новый обычай прямого плавания от одного пункта к другому, вместо прежнего каботажного, увеличивал быстроту и дальность торговых операций. Многие города III века улучшили свои порты, и книга Тимосфена Родосского «О гаванях» занимала место современной «Средиземноморской лоции». Многие греческие города подписали соглашения об урегулировании споров по договорам между их гражданами; это поощрялось Родосом, и практиковались некоторые сделки, занимавшие тогда место нашей банковой и кредитной системы; были известны кредитные письма, хотя и не векселя[66]. Каждый эллинистический царь (исключая Антигонидов) был крупным купцом, и некоторые греческие города следовали их примеру и налаживали муниципальную торговлю. Рудники, конечно, никогда не были частной собственностью, но теперь Родос, Книд и другие города изготовляли и штемпелевали свои собственные сосуды из своих собственных глиняных ям[67]; Приена и Урук имели собственные солеварни[68], Милет имел муниципальные овечьи стада и мастерские, обрабатывающие шерсть[69]. Спрос обычно превышал предложение, и если кто мог приобрести какую-либо вещь, то, конечно, мог и продать ее; судя по Делосу, прибыли розничных продавцов были значительны; нам известны даже прибыли до 100%, хотя более обычными были доходы от 20 до 30%[70].

Количество денег, находящихся в обращении, возросло в огромной степени после того, как Александр установил чеканку монеты, имевшую хождение во всей его державе, что было необходимо ввиду роста торговли. В III веке существовали две монетные системы[71]: драхма Александра была тождественна аттической, и этим стандартом пользовались в Афинах, Македонии и зависимых от нее областях, в державе Селевкидов и странах Востока, Пергаме, Вифинии, Каппадокии, Причерноморье (через монету Лисимаха) и Эпире; драхма имела хождение в Этолии и Беотии, а в 268 г. Рим, приравняв денарий

к аттической драхме, присоединился к этой системе. Птолемей I сначала принял родосскую систему, т. к. существовали тесные торговые сношения между Египтом и Родосом, но после приобретения Финикии перешел к финикийской системе, к которой впоследствии присоединился и Родос. Эта система господствовала в Египте и зависимых от него странах, в Карфагене и его державе, на Родосе, в Сиракузах и Массалии. Эти две международные системы, таким образом, отражали старую вражду Афин и Финикии. Эгинская денежная система еще применялась в Дельфах и некоторых других местах, но имела мало значения; Коринф тоже удерживал свой старый стандарт, но его монетное дело уступало аттическому. Карфаген экспериментировал с суррогатами денег.

В III веке торговое преобладание окончательно перешло от Греции к Египту, Родосу и азиатскому побережью; но этот факт слишком преувеличивался, и преуспеяние Мессены около 100 г. (стр. 117) доказывает, как трудно говорить о бедности Греции во времена до Суллы. Торговля Афин, конечно, упала, и этот упадок продолжался до нового подъема в конце II века; но Коринф[72] с его транзитной торговлей между Азией и Италией мог, пожалуй, во II веке соперничать с Эфесом; в 205 г. Гераклид считал, что в Халкиде наиболее хорошо оборудованный рынок Эллады[73], а Беотия имеет в изобилии деньги[74]; Этолия стала заметно богаче[75], Амбракия[76] процветала в качестве порта для ввоза из Италии, пока Рим не перевел эту торговлю в Диррахий, а высокоразвитое искусство Пагас (стр. 291) свидетельствует о его благосостоянии. Однако следует отметить, что значительная часть крупных прибылей уходила в новые страны: в 170 г. 2%-ная ввозная и вывозная пошлины приносили в Родосе 1 млн. драхм (стр. 164—165), в то время как в Афинах в 401 г. доход равнялся 200 тыс. драхм. Любопытно, что бо́льшая часть богатейших городов мира—Селевкия, Антиохия, Родос, Эфес, Кизик, Коринф, Делос—жила транзитной торговлей; Эфес, транзитный центр, неуклонно одолевал своего соперника, промышленный Милет. Этот факт заставляет предполагать, что доминирующую роль в международной торговле играли восточные товары и изделия. Кроме Милета, промышленными городами были Александрия и Пергам, с их крепостными и рабскими мастерскими, и Тир; но

Александрия и Тир вели также крупную транзитную торговлю. Интересно сравнить Александрию, величайший эллинистический порт, с Путеолами в Кампании, которые после 88 г. стали для Италии портом для ввоза восточных товаров[77]. Александрия ввозила все виды древесины, все металлы, шерсть, пурпур, мрамор, дорогие вина, пряности и лошадей; тем не менее, ее вывоз—пшеница, бумага, стекло, льняные и шерстяные изделия, мази, духи, слоновая кость и другие предметы роскоши—далеко превосходил ввоз[78]; отсюда и пополнялась часть казны Птолемеев. Но в Путеолах ввоз далеко превосходил вывоз[79]; а так как Рим не наводнял эгейского мира своими деньгами, то для восстановления баланса понадобились новые приемы—грабительская практика римского откупщика налогов.

Теперь обратимся к рассмотрению предметов торговли. Что касается металлов[80], то общее положение ясно: за исключением железа и меди, металлические руды Восточного Средиземноморья были исчерпаны. Золото Пактола и Тиола в Лидии и вообще в Малой Азии отошло в прошлое[81], как и наносные залежи Скаптесилы[82] и рудники горы Бермиона и Пиерии в Македонии[83]; некоторые рудники по течению Стримона еще существовали[84], но ни один царь из дома Антигонов не чеканил золотой монеты. Было некоторое количество золота и серебра в Бактрии и Кармании[85], но нельзя сказать, как далеко ушла эксплоатация этих провинций; бактрийские цари, вероятно, получали золото с Алтая, как Кизик ввозил электрон для своих монет с Урала[86]. Птолемеи, продвигаясь на юг, открыли ценные золотые рудники в Нубии и в горах над Золотой Береникой[87] и, вероятно, получали некоторое количество золота из Аравии[88]; с самого начала династии они чеканили золотые монеты. Но бо́льшая часть используемого золота должна была итти из Испании и Индии[89], причем Индия частично, в свою очередь, вывозила золото, полученное в Дальней Индии.

Вопрос о добыче серебра нам ясен. На горе Пангей в Македонии серебро добывалось в течение всего периода эллинизма[90]; рудники Лавриона приходили во все больший и больший упадок, и во времена Августа здесь лишь подвергались дополнительной обработке груды шлака[91]. Других серебряных рудников на Востоке не было, и мир снабжался серебром из Испании, «сокровищницы империи», где серебро совсем не ценилось; оно, должно быть, привозилось из Гадеса через Карфаген, и когда Иона около 300 г. собирался плыть в Тартесс (в то время—Гадес), он сразу нашел уходящий туда корабль. Мир требовал большого количества серебра для чеканки монет, но и предложение было большим; поэтому Птолемеи могли создать монетную систему Египта из серебра и собрать большие сокровища, а в 91 г. серебряные блюда были обычны даже в Мессене, маленьком захолустном городе (стр. 117).

Медь была почти монополизирована Птолемеями, благодаря обладанию Кипром, который, вероятно, был слишком богат медью[92], чтобы бояться соперничества даже Испании; но, повидимому, нет никакого доказательства, что Птолемеи владели синайскими рудниками или эксплоатировали их[93]. Эвбейская медь была исчерпана[94], но у Атталидов было несколько рудников местного значения[95].

Залежи железа встречались еще повсюду; и если отдельные рудники, вроде лаконских, уже не оправдывали себя, то на островах были даже еще нетронутые и богатые залежи. Железо лучшего качества, привозившееся морем в Кизик[96], производилось халибами[97], расселившимися по Понту и Армении; в I веке высоко ценилось китайское железо, ввозимое в Парфию через Мерв[98].

Олово шло из Корнуэльса и Бретани, сначала через Гадес и Карфаген, а после 300 г., в возрастающем количестве,—вверх по Луаре и Гаронне и сухим путем в Массилию[99]. Возможно, что некоторое его количество было и в Испании, но «Оловянные острова»—или миф, или недоразумение[100].

Ртуть, в виде киновари, использовалась главным образом для выделки красной краски и получалась из трех источников[101]: каппадокийских рудников, которые некогда давали Синопе ее «синопскую землю», новых рудников Зизимы, вблизи Лаодикеи «Сожженной», и залежей около Эфеса; вся добыча шла теперь в Эфес.

Вообще говоря, рудное дело было позорнейшим пятном на теле эллинизма. До нас дошли возмутительные рассказы о смертности в Лаврионе и каппадокийских ртутных рудниках[102], но достаточно сослаться на описание Агатархидом нубийских золотых рудников[103], разрабатывавшихся Птолемеями с помощью труда не только

рабов и преступников (что было обычно), но и военнопленных, которыми могли быть и свободные греки. Молодые люди ползком, с лампами, привязанными к их лбам, пробивали туннель в кварце, следуя за жилами золота. Отщепленный кварц отталкивался детьми, а пожилые дробили его молотами; после этого куски для подготовки к промывке растирались в пыль особыми мельницами, которые приводились в движение не быками, а женщинами. Рабочих стерегли вооруженные нубийцы; рабочих заковывали в кандалы и бичевали, и они работали без отдыха, так что они, говорит Агатархид, приветствовали наступление смерти.

Что касается съестных припасов, то зерновой хлеб[104] был, вероятно, важнейшим из всех товаров, не исключая серебряной руды; Афины, Коринф, Делос, многие острова[105], Иония[106] и, может быть, другие города обычно его ввозили, а главными экспортерами зерна были Египет (с Киренаикой[107]) и Крым. Греция снабжалась из Египта и Крыма; когда во II веке последний источник начал истощаться[108], Нумидия с готовностью заняла его место, и в 180 г. Масинисса прислал Делосу зерно по дешевой цене[109]. Неизвестно, соперничала ли Вавилония с Египтом в снабжении Ионии и как вообще поступали в Вавилонии с излишками зерна. Греция получала некоторое количество сицилийского зерна[110], но, во всяком случае, преобладание Египта на хлебном рынке было бесспорным. Склады зерна, предназначенные для международной торговли, были на Родосе[111] и Делосе (стр. 237).

Вино вырабатывалось повсюду, но лучшие вина были специальностью двух стран: Северной Сирии, вино которой вывозилось из Лаодикеи Приморской[112], и Ионии с прибрежными островами (за исключением Самоса); Лесбос, Хиос, Кос, Книд, Эфес, Смирна, Тмол и вулканическая Катакекавмена—все славились своим вином[113]. Александрия требовала сирийских и ионийских вин, какова бы ни была пошлина[114], а лаодикейское вино шло даже в Южную Аравию[115]; виноградники в Ионии вытесняли посевы хлеба, потому что вина давали круглым счетом в пять раз больше прибыли, чем хлеб с той же площади[116].

Из других съестных продуктов Афины вывозили лучшее масло, Афины и Киклады—мед[117], Византий—соленую рыбу[118] (это был, частично, уже вторичный экспорт из стран Черного моря), Вифиния—сыр[119], Понт—плоды и орехи[120], Вавилония и Иерихон—финики[121]; славились сушеные фиги Антиохии на Меандре[122], изюм Берита[123] и сливы Дамаска[124]. Был известен индийский сахар, но он применялся только как лекарство[125].

Что касается тканей, то Александрия снабжала мир полотном[126], и ее единственным соперником были мастерские в Борсиппе[127]; льняная промышленность Элиды и Иудеи появляется гораздо позже. Эолида[128] и Киренаика[129] производили шерстяные ткани, а Пергам[130] и Александрия[131] вывозили шерстяные изделия, но главным центром шерстяной промышленности был Милет[132]; его шерсть все еще была лучшей в мире, хотя во всей Лидии и Фригии ткали шерсть; большие стада паслись в округе у соленого озера Татта, где вода продавалась за деньги, и в Катакекавмене, шерсть которой ткалась в Лаодикее на Лике[133]. Несомненно, и в Сирии была значительно развита шерстяная промышленность, потому что она не могла внезапно оказаться в состоянии расцвета в римскую эпоху. Отдельные местности специализировались на производстве определенных предметов; например, занавеси и златотканная одежда вырабатывались в Пергаме[134], ковры в Эолиде[135], а грубые плащи в Киликии[136]; и Александрия тоже выбрасывала свою дешевую продукцию на продажу африканским туземцам[137]. Хлопок, некогда культивировавшийся в Ассирии[138], был известен только в качестве диковинной редкости[139], хотя индийский муслин, должно быть, ввозился, по крайней мере в I веке[140]. Китайский шелк не привозился на Запад до тех пор, пока Чжан Цянь не открыл в 115 г. среднеазиатского караванного пути, по которому шелк, конечно, мог доставляться даже в Парфию[141]; может быть, китайские шелковые изделия были известны в Египте в I веке до н. э.[142], но, говоря вообще, весь употреблявшийся тогда шелк связан с культурой шелковичного червя в Западной Азии[143]. Кос в этот период ввозил коконы; там шелковые нити вплетались в прозрачные материи для женской одежды[144]; благодаря вину, шелку и религиозному врачеванию Кос добился исключительного процветания, но «косские одежды» были только торговой маркой; развитое производство шелка, должно быть, уже существовало

в Финикии (она перерабатывала «арабские» импортные товары[145]), так как шелк стал настолько обычным, что в 91 г. женщинам в Мессене во время посвящений запрещалось надевать прозрачные платья[146]. Но шелка Клеопатры, может быть, были китайскими[147], привезенными или через Парфию, или морем из Индии.

Полный список известных нам специальных изделий различных местностей был бы слишком длинным. Александрия снабжала мир бумагой (папирусом)[148], Александрия[149] и Сидон[150]—стеклом. Пергамент со II века был монополией Пергама, но рассказ об изобретении его Эвменом II неверен; пергамент был давно известен, и Эвмен только использовал свои запасы скота и кожи и свои рабские мастерские для организации массового производства[151]; Македония и гора Ида в Троаде конкурировали в снабжении мирового рынка смолой[152]; у Антигонидов была определенная система вывозных пошлин, или лицензий, при помощи которой они понижали цены для своих друзей и повышали их для своих врагов[153]. Египет получал свою горную смолу для бальзамирования с рыбных промыслов у Мертвого моря[154]; ее было мало в Вавилонии[155]; смолистая земля, употреблявшаяся для защиты виноградников от вредителей вывозилась из Родоса и Селевкии в Пиерии[156]. Открытие Александром на Оксусе нефти[157] не имело никаких последствий. Паросский мрамор всюду продолжал цениться, а после 166 г. Афины вели обширную торговлю пентелейским мрамором[158]; использовались и многие другие сорта, иногда только на месте, но интерес к добыче цветного мрамора в Эвбее и Фасосе и к вывозу серпентина из Египта и Теноса и торговле ими, в основном, развиваются уже в римское время[159], так как именно римляне начали разработку зеленого мрамора Тайгета[160] и добывали красножилистый мрамор Докимея, слабо разрабатывавшийся в эллинистическую эпоху[161].

Македония снабжала Грецию деревом[162], а не имевший лесов Египет привозил кедры с Ливана (всегда бывшего царским владением), сосны с Кипра и дубы из Башана, а через Арсиною в Киликии Египет получал дерево из лесов Тавра[163]; когда же он потерял свои северные владения, он мог ввозить дерево с Трогодитского побережья. Редкие сорта дерева привозились с Понта[164] и из Сомали, а черное дерево[165], известное на Делосе и в Египте,—из Индии. Окна в те времена изготовлялись из каппадокийского талька[166]. Египет вывозил некоторое количество гранита, так как около 130 г. он использовался для новых доков на Делосе[167]. Пурпуровые раковины и губки вылавливались во многих местах Греции[168]; но производство пурпура оставалось еще основной отраслью промышленности Финикии, где Тир и Арад стали необычайно цветущими городами; красильный промысел был также развит в Ионии и западной части Малой Азии[169]. Слоновая кость из Индии была монополией Селевкидов, пока между 269 и 250 гг. Птолемей II не выбросил на рынок такое количество африканской слоновой кости, что снизил цены[170]; с упадком государства Маурья и ростом эксплоатации Эфиопии африканская слоновая кость, повидимому, отвоевывала все новые позиции у своей соперницы, и в I веке Птолемеи принесли храму Дидимы великолепные дары слоновой костью[171]. В течение III и начала II века в греческие города непрерывно поступали рабы из Фракии, Сирии и Малой Азии (стр. 112); возможно даже, что до 200 г. существовал рынок рабов на Делосе, хотя и малых маштабов[172]. Наконец, Понт, великие богатства которого фактически не эксплоатировались до I века, был главным источником медицинских снадобий[173].

Из предметов роскоши геммы[174] поступали в большом количестве из Индии и Аравии, а Египет поставлял аметисты[175], добывал топазы из Красного моря[176] и изумруды из Талмиса в Эфиопии[177]; Индия и Персидский залив поставляли жемчуг, не известный до Александра, а в период эллинизма уже ценившийся как женское украшение[178]. Но кажется сомнительным, употребляли ли женщины драгоценные камни[179]; бриллианты были неизвестны, рубины крайне редки, и (за исключением жемчуга) Теофраст говорит об использовании камней только для изготовления гемм; упоминаются сердолики Сард и Вавилонии[180]; производство гемм процветало в Александрии. Торговля янтарем прекратилась: галльские нашествия нарушили движение по старой «янтарной» дороге от Балтийского моря к Адриатическому, и янтарь был диковиной вплоть до восстановления этого пути в царствование Нерона[181]. Черепашьи щитки[182] шли из Индии и с Трогодитского побережья; Александрия была крупным центром ювелирных изделий; но основным предметом роскоши были пряности[183].

На них был обширный спрос. Индия присылала корицу и кассию, гималайский нард, обыкновенный нард, бделлий (нард и бделлий шли также из Гедрозии[184]); Аравия, кроме ладана, главным образом вывозила мирру[185]. Писидия производила стиракс и различные сорта камеди[186], которые, вероятно, создали благосостояние Сельге; Геннисаретское озеро снабжало пахучими тростниками[187]; у Иерихона была монополия бальзама, так как бальзамовое растение всюду было истреблено (как некогда голландцы поступили с гвоздичными деревьями), кроме знаменитых садов бальзама, которые позже Антоний подарил Клеопатре[188]. Высоко ценилась корица, но торговля ею столь прочно находилась в руках арабов, что греки думали, будто корица растет в Аравии и Сомали[189]. Александрия была центром торговли пряностями[190], а Родос был ее экспортным складом[191]; пряности были царской монополией под контролем особого чиновника[192]; которому должны были доставляться все пряности, привозимые в Египет; переработка их в мази и духи[193] и вывоз изготовленных продуктов представляли собой значительных размеров отрасль хозяйства. Какое значение в это время приобрели мази, можно иллюстрировать на примере мази, применявшейся при коронации парфянских царей[194], в состав которой входило 27 отдельных ингредиентов; первосвященников в Иерусалиме помазывали мазью из 4 составных частей. Остается неизвестным, что получала Индия в это время в обмен на ее экспорт. Но что касается Южной Аравии[195], то она, как предполагается, ввозила не много, если не считать стиракса[196], лаодикейского вина (стр. 230) и александрийских стекла и одежды; отсюда пошла легенда, будто Южная Аравия задыхалась от изобилия денег[197]; эта легенда сыграла свою роль в роковой экспедиции Галла при Августе.

Ладан занимал особое место, так как он имел такое же отношение к религии, как и к торговле. Ни один культ—греческий, иудейский или варварский—не мог обойтись без него, и он воскурялся на каждом алтаре «обитаемого мира». Ладан поэтому требовался в большом количестве: Александр захватил его в Газе на 500 талантов[198], а алтарь Бела в Вавилоне один потреблял ежегодно на 1000 талантов ладана[199]. Страной ладана были прибрежные округа Южной Аравии, от гор Иемена на восток

через Гадрамаут до страны за долиной Дхофара, а также противоположный Сомалийский берег[200]. Деревья были священны; их могли надрезать только члены определенных семей[201], и то только с соблюдением религиозных обрядов, так как они источали жизненную кровь божественного творения; самим деревьям воздавали почести; во время надрезывания им воскуривали, как богам, фимиам из стиракса[202]. В мастерских Александрии, где вырабатывался ладан, рабочих по окончании работы раздевали и обыскивали, подобно кафрам в бриллиантовых копях Кимберлея[203]. Этот наиболее ценимый из всех продуктов, после всех опасностей своего долгого караванного путешествия, достигнув Средиземного моря, стоил 5 шиллингов за фунт[204] в современных ценах. Неясно, удалось ли когда-либо Египту получить ладан прямо с Сомалийского побережья, без арабских посредников.

Великими торговыми народами, кроме греков, были южные арабы и набатеи, а также финикийцы; финикийские купцы даже шли за Александром в его страшном походе через Гедрозию, и их позднейшие поселения на Делосе доказывают, что их энергия была исключительной. Нет никаких указаний на то, чтобы евреи играли какую-либо особую роль в торговле. Иосиф Флавий верно говорил: «Мы не торговый народ»[205]. Два города, Родос и Кизик, не пускали к себе не греков[206], но это было совершенно необычной политикой. Иноземные купцы, селившиеся в городе, обычно образовывали свою национальную ассоциацию и, вероятно, приносили с собой своих богов; их тип можно иллюстрировать финикийскими посейдониастами на Делосе: в их колонии был храм, портики для выставки товаров и подсобные помещения[207]. Однако некоторые ассоциации были основаны не по национальному признаку, а по признаку торговли определенным товаром, как, например, ассоциации торговцев маслом из Италии на Делосе[208] или всех экспортеров в Афинах и Александрии[209]. В конце эпохи эллинизма на Леванте появляется римский купец; это происходит уже после создания в 166 г. свободного порта на Делосе и образования в 130 г. провинции Азии.

«Римские» купцы[210] могли происходить из всех подданных Рима; некоторые из них могли быть италийскими греками. Первый известный нам купец—некто Минат

из Кампании—прибыл на Делос в III веке[211], а в 230 г. в Эпире их уже было несколько. В 130 г. их было уже много в Греции, они составляли крупнейшую корпорацию на Делосе и проникали уже в Азию; их путь легко проследить по денариям (стр. 226—227). В 74 г. они уже встречаются в изобилии в Вифинии, но еще не проникли далее на восток Малой Азии; но после аннексии Сирии Помпеем в Антиохии осела значительная группа римских купцов, а при Августе они достигли Петры[212], но к тому времени, когда она была уже почти под римским протекторатом. В Александрии появляются римские торговцы с 127 г., но они были здесь немногочисленны[213]; до Августа главным вкладом Рима в хозяйственную жизнь Египта было создание туристского транспорта по Нилу[214]. Римский купец вовсе не был с самого начала непопулярным ни в Греции, ни в Азии: он часто становился гражданином, женился на гречанке, приобретал землю, принимал участие в городской жизни, может быть, выполнял обязанности магистрата и посылал своего сына в гимнасий и в эфебы; некоторые, как Зосим в Приене[215], подражали богатым грекам, добровольно расходуя деньги на муниципальные нужды. Римляне образовывали настоящие торговые дома с филиалами. Но многие из них не были свободными людьми: из 231 римлянина, положение которых на Делосе нам известно, 88 были свободными (из них 27 были италийскими греками), 95—вольноотпущенниками и 48—рабами[216], и это надо считать высокой пропорцией для свободных. От них требовали, а иногда это даже декретировалось римским сенатом, чтобы они подчинялись законам города, в котором селились. Но у римлян было огромное преимущество перед их греческими и восточными соперниками: они имели право, и часто им пользовались, апеллировать от законов города к римскому праву и пользовались выгодами, предоставляемыми указами и разрешениям снисходительных римских правителей; «кости» в политической игре выпадали в их пользу, вот почему они стремились селиться в зависимых от Рима странах. Это кончилось в Азии взрывом недовольства, которое не могло быть вызвано одним торговым соперничеством: ведь при честной игре на этой почве греки от них не отстали бы.

В 166 г. Рим сломил мощь Родоса, сделал Делос свободным портом, т. е. отменил ввозные, вывозные и портовые сборы; и хотя Родос сохранил торговое преуспеяние, Делос скоро занял его место в качестве центра международной транзитной торговли в Эгейском море. Разрушение Коринфа в 146 г. дало Делосу еще одно преимущество. Недавно был, наконец, подвергнут сомнению взгляд Моммзена, будто Рим разрушил Коринф по коммерческим соображениям[217]; ведь мало вероятно, чтобы Коринф не допускал римлян к участию в его торговле, и хотя его разрушение, в конечном счете, оказалось выгодным для римлян, живших на Делосе, сомнительно, чтобы Муммий заглядывал так далеко вперед; вероятно, этот акт был только предостережением для Греции. Кое-что можно почерпнуть о торговле самой Греции после 146 г. из рассмотрения списка мест, где селились римские купцы; наличие сильной корпорации римских купцов в Феспиях заставляет предполагать, что Феспии взяли в свои руки часть транзитной торговли Коринфа; и римские купцы наводнили Эпир, потому что разоренная страна была теперь вынуждена перейти к разведению рогатого скота и лошадей. Кажется, что новые порты—Салоника (Фессалоника) и Патрас (Патры)—вели теперь незначительную торговлю; Фессалоника пала вместе с Антигонидами, а коммерческим центром Македонии снова стал Амфиполь, в то время как перевозки из Италии все еще шли из Бриндизи в Амбракию, как в дни Пирра; Патрас приобрел значение, только когда Август сделал его колонией. Единственное, что наладили здесь римляне, это перевозка в Италию рыночных скульптурных произведений (стр. 287).

Делос[218] в III веке все еще был священным островом; но его торговля непрерывно росла вместе с ростом благосостояния его азиатской клиентелы, как это подтверждается постоянным падением земельной ренты с 250 г. и огромным ростом квартирной платы (стр. 124, 125); и он был уже крупным хлебным рынком, куда приезжали чиновники Антигонидов из Фессалоники[219]; вероятно, он отчасти обязан своим благосостоянием помощи Антигонидов[220]. Многие цари украсили его постройками: Птолемей I построил здание для посвященного им богам корабля[221], Антигон Гонат[222], Аттал I[223] и Филипп V[224]—портики, причем последний определенно предназначал портик для нужд торговли. Когда Рим в 166 г. вернул

Делос Афинам, он был неплохо оборудован, несмотря на свою незначительную гавань, для роли международного торгового центра; а при правлении Афин и афинских клерухов, которые изгнали делосцев и сами поселились на острове, сюда хлынул поток иноземцев: римляне съезжались массами на Делос для торговли с восточными купцами, а последние—для торговли с римлянами. Его благосостояние отразилось и на его хозяевах, и до 88 г. Афины переживали последний расцвет[225]; корабли снова стали посещать Пирей[226], богатство росло, деловые люди сменяли прежних землевладельцев и стали более частыми многочисленные семьи; Афины не только вывозили пентелейский мрамор и статуи, но изготовляли предметы домашнего обихода—сосуды, лампы, кровати. Но это возвращение к зажиточности произошло за счет большой несправедливости по отношению к делосцам и частично является результатом деятельности не афинян, а римлян и финикийцев.

В 130 г. восстали рабы на Делосе; афинские клерухи были беспомощны, и восстание было подавлено всей купеческой корпорацией. Тем самым правление клерухов закончилось, и Делос стал государством совершенно особого рода, состоящим из политевм, но получившим дальнейшее развитие; союзы иноземных купцов стали «поселенцами» и в своей совокупности, очевидно, образовывали «Делос», повидимому совсем без каких-либо форм полиса, но под властью афинского правителя[227], т. е. политические прецеденты уступили место требованиям торговли. Если золото может создать золотой век, то он теперь наступил в Делосе[228]: Делос участвовал в транзитной торговле Родоса, захватил бо́льшую часть торговли Коринфа и разбогател из-за растущего спроса Италии на предметы роскоши. В обширных масштабах было развернуто строительство, принадлежащее частным лицам и корпорациям; дома были разделены на квартиры, и новые склады товаров вытянулись вдоль морского берега, набережные которого были выложены египетским гранитом; в 125 г. была закончена искусственная гавань, строившаяся уже долгое время, и около нее выросла масса храмов, магазинов, помещений для различных национальностей и их культов; вершиной этого строительства в конце века стал рынок италиков; более же дешевые постройки украшали про-

стыми статуями и мозаикой, скопированными с более древних образцов. Здесь встречались все азиатские народности—египтяне, финикийцы, сирийцы, уроженцы Понта и Вифинии; минеи из Южной Аравии принесли сюда своего бога Вадда[229]; в 100 г. евреи здесь построили свою синагогу. Между III и I веками финикийские ассоциации становились все менее религиозными и все более торговыми[230]. Греки были представлены главным образом афинянами и космополитами, вроде Симала Кипрского[231], который приобрел гражданство в Таренте и записал своего сына в один из аттических демов; некоторые приехали из самой Греции, Македонии, островов или древних греческих полисов в Азии. Но, бесспорно, самым сильным элементом стали теперь римляне: афинские правители оказывали им покровительство, так как Афины были постоянным другом Рима; поэтому римляне стали подлинной властью на острове.

Делос был центром чисто транзитной торговли и в качестве такового получал всякого рода товары, а многочисленное пестрое население теснилось на небольшом острове, ставшим по необходимости и складом съестных припасов; однако значительная часть его богатства другого происхождения. Рост плантационной системы крупных имений в Италии и Сицилии требовал много рабов, а политически ослабевший Родос уже не мог более эффективно сдерживать пиратов; и вот Делос в союзе с пиратами взялся за снабжение Италии тем, что она требовала, т. е. рабами. Делос стал величайшим из известных когда-либо невольничьих рынков, и так как восточные государства начали ослабевать, то был организован массовый захват их подданных; говорят, что Вифиния наполовину обезлюдела[232]. Немногие греки были неповинны в рабовладении или работорговле, но падение Делоса под влиянием Рима стало общепризнанным: ведь если Аполлон в греческих Дельфах делал все, что мог, для освобождения рабов, то Аполлон в космополитическом Делосе закрывал глаза на такую несправедливость, какой еще не бывало нигде в Греции; некогда священный остров, в пределах которого никто не имел права ни с кем воевать, гордился тем, что без труда может продавать по 10 тыс. рабов ежедневно[233]. Золото «золотого века» было дейтсвительно запятнано. Позор Делоса отразился и на Афинах; но за исключением

афинян, греки, повидимому, не принимали большого участия в этой постыдной торговле, которая велась главным образом римскими и восточными купцами. В конце концов мощь и дерзость пиратов, организовавшихся в настоящее государство в Западной Киликии, заставили римское правительство вмешаться, и Делос перестал оказывать им гостеприимство. Следует считать проявлением исторической справедливости то, что город, разграбленный в 88 г. военачальником Митридата, был окончательно разрушен в 69 г. как торговый центр вождем пиратов.

Мало что можно сказать о торговле после великой катастрофы 88 г. и избиения римских купцов в Азии (стр. 57). Греция и Делос больше уже не могли оправиться; Путеолы, «меньший Делос», заняли его место, в качестве рынка для восточного импорта в Италию; восточные купцы пошли по этой дороге, и в Путеолах появились поселения набатеев, финикийцев и сирийцев из Гелиополя и Пальмиры. Римские купцы снова нахлынули в Азию после урегулирования азиатских дел Суллой, и их значительные корпорации известны во многих местах, набатеи же осели в Милете[234]. Александрия не была затронута катастрофой, но Финикия, несомненно, пострадала вследствие распада связанной с ней державы Селевкидов, а смуты в Азии, вызываемые соперничеством военачальников периода римских гражданских войн, должны были отразиться и на торговой депрессии; и повидимому, восстановление мира и порядка Августом было своевременно и для восстановления торговли.

Глава VIII

ЛИТЕРАТУРА[1]

Естественно, что после великого подъема цивилизации, вызванного деятельностью Александра, должно было в огромной степени увеличиться число тех, кто каким-либо образом пытался публично найти выражение своим чувствам и мыслям. Вместе с общим прогрессом этого времени все шире распространялось образование, но, как и теперь, оно создавало не одно, а два общества: одно общество—людей высоко образованных, а другое—более широкое, которое имело достаточно образования, чтобы читать жадно, но недостаточно, чтобы читать серьезно; и те и другие соответственно обслуживались: одни специальной, другие популярной литературой. Сосредоточение в руках греков производства папируса, а впоследствии и пергамента, и использование обученных рабов позволяло выпускать книги в неведомых до этого времени масштабах. А вместе с этим появились и два новых типа писателей: литератор, который писал не потому, что у него было что сказать, а потому, что ему было приятно писать книги о других книгах, и библиофил, вроде Апелликона Теосского (около 100 г.)[2], который открыл часть библиотеки Аристотеля, спрятанную в погребе. Наличие великих столиц эллинистического мира давало писателям центры, в которых и вокруг которых они могли скопляться, где у них была многочисленная аудитория. А улучшение путей сообщения, распространение общей цивилизации и «койнэ» на значительную часть «ойкумены» означали, что даже житель отдаленного города, вроде Борисфена или Артемиты, мог быть уверен, что найдет слушателей; оказалось возможным составить значительный список писателей из евфратских провинций[3]. Правители новых царств обычно шли навстречу ученым, а иногда даже оказывались энтузиастами науки; образо-

вание стало силой и некоторое время ценилось выше богатства. Поэты и историки могли быть друзьями царей, филологи и архитекторы—их послами; подходящая цитата однажды изменила судьбу договора[4]. Писатели начали выставлять напоказ, а не скрывать, как раньше, свою личность: никто не знает, на кого был похож Фукидид или автор повести об Ахаве и Илии, но все мы знаем Полибия и Екклезиаста.

Особенно важно, что цари основывали в своих столицах библиотеки[5]. Идея создания библиотек, вероятно, пришла из Ассирии и Вавилонии, но до Александра только тот или иной тиран тратил деньги на собирание книг; и если Аристотель основал первую более или менее значительную частную библиотеку, то Александр дал для этого средства. Государственные библиотеки появились теперь в Антиохии и Пергаме, а позже в Родосе[6], Смирне[7] и, вероятно, других городах; но всех их затмила знаменитая библиотека в Брухейоне в Александрии, основанная Птолемеем I и оборудованная при Птолемее II, который создал «дочернюю» библиотеку в Серапеуме, может быть из дубликатов. Кроме библиотеки, Птолемей I основал Мусейон; дал ли ему эту идею Деметрий Фалерский или нет, такой Мусейон был вполне в духе Аристотеля. С этого времени, хотя Афины и продолжали быть центром философии, их затмила Александрия как мировой центр науки и литературы, который привлекал к себе работников отовсюду. Мало известно о Мусейоне—ассоциации ученых, главой которой был жрец муз, живший и работавший в этом здании на иждивении Птолемеев, освободивших его от всех мирских забот; скептик Тимон называл этих ученых «откормленными курами в курятнике»[8]. Он был закрыт Эвергетом II, но, кажется, снова организован[9]. Библиотека имела во главе официального библиотекаря, который был также воспитателем наследника престола. Корабли всех стран выгружали на набережные книжные свитки, и только в царствование Птолемея II они были рассортированы и приведены в порядок; к I веку библиотека насчитывала, предположительно, до 700 тыс. свитков, хотя эта цифра недостоверна. Цезарь сжег не библиотеку, а или какой-нибудь груз книг на набережной, или книги, сложенные на ней для вывоза; в виде компенсации Антоний передал Клеопатре 200 тыс. свитков из Пергамской библиотеки.

Александрийская библиотека была закрыта и частью уничтожена в 272 г. н. э., когда Аврелиан сжег Брухейон.

Известные нам библиотекари этого великого периода—Зенодот Эфесский, Аполлоний Родосский, Эратосфен (стр. 273), Аристофан Византийский, другой Аполлоний и Аристарх Самофракийский; возможно, но далеко не достоверно, что Каллимах был библиотекарем после Зенодота и до Аполлония[10]. Из этих людей по крайней мере четверо были филологами; филология, начало которой положил уже ученик Теофраста, Праксифан Митиленский, нашла себе в Александрии широкое поприще и легла в основу дальнейших достижений александрийской науки. Зенодот первый осуществил критику текста путем сравнения рукописей, а александрийская школа установила и передала потомству тексты греческих классиков, а также ввела знаки ударения. Зенодот установил текст Гомера, устранив много интерполированных стихов; Аристофан и Аристарх работали далее по его тексту, и известный нам текст восходит в значительной мере к Аристарху; многие другие писатели тоже подверглись подобной обработке. Зенодот начал также приводить книги в порядок; он работал над эпическими и лирическими произведениями, а его помощники, поэты Ликофрон и Александр Этолийский, обрабатывали комедии и трагедии; Каллимах привел в порядок прозаические произведения, составил и опубликовал каталог, внушительный труд, названный πίνακες,—указатель авторов с их биографиями и другими сведениями; Аристофан написал дополнение, а позднее подобный же труд был составлен для Пергамской библиотеки, вероятно, Кратеем из Маллоса. Эти люди сделали филологию наукой, в области которой многие работали вплоть до римского времени; составляли комментарии, занимались критикой и создали целую литературу о редких словах (что стало основанием лексикографии), подобно списку македонских слов, составленному македонянином Америем. Была открыта часть комментария к Демосфену, составленная Дидимом Александрийским (около 40 г.); это действительно основательный труд о Демосфене, полный цитат из историков и дающий полезный исторический материал. Дидим писал почти обо всех авторах, и говорят, что он составил больше книг

(3500 свитков), чем кто-либо до или после него; он заслужил свое шутливое прозвище «Халкентерос» (меднобрюхий).

Включая науку и философию, известно свыше 1100 эллинистических писателей, но бóльшая часть их остается для нас только именами: основные произведения эллинистической литературы совершенно погибли. В наших руках только обломки, хотя раскопки в песках Египта постоянно увеличивают их число. Почему так мало эллинистических писателей дошло до Византийской империи? Общепринятое объяснение, что аттическая реакция II века н. э. вызвала пренебрежительное отношение к эллинистическим трудам, кажется недостаточным: ведь двумя веками позже еще жил худший из эллинистических стилей—азианический. Третьесортные компендиумы, несомненно, окончательно вытеснили оригиналы крупных историков: эллинизм был повинен в заблуждении, что к знанию можно притти коротким путем. Многие произведения писателей исчезли и потому, что они не читались в школах; одна школа в I веке до н. э. пользовалась устаревшей астрономией Эвдокса[11]. Но, вообще говоря, причины этого великого бедствия и роль в нем Рима все еще не ясны.

Мы можем начать с поэтов[12]. Поэзия ко времени Александра была подавлена авторитетом и влиянием великих мастеров: никто не мог приблизиться к их уровню, и едва ли нужно было этого требовать. Единственным популярным писателем после Эврипида был Антимах Колофонский; его «Лида»—собрание небольших любовных стихотворений, адресованных его возлюбленной, нашла подражателя в лице Асклепиада Самосского (около 300 г.; скорее лирическая, чем элегическая поэзия), который изобрел стих, названный «асклепиадовым». Подражателями Антимаха были и Гермесианакс Колофонский (около 290 г.), который перечислял различных знаменитостей, влюбленных в свое время (крайне убогое сочинение), и Филет Косский (около 300 г.). Элегии Филета Косского, адресованные его жене Биттис, высоко ценились во времена Августа. Но Филет, воспитатель Птолемея II, автор первого греческого лексикона, действительно пережил себя благодаря кружку ученых, который он создал; среди них были Зенодот, Герод, Каллимах и Феокрит. Этот жанр любовной поэзии оказал внешнее

влияние на Проперция; но в Греции эта поэзия в дальнейшем создавалась в эпиграмматической форме, мастером которой стал Асклепиад.

Попрежнему писались в огромном количестве трагедии, так как они требовались для праздников, новых и старых; семь писателей начала III века пользовались в свое время достаточной популярностью, чтобы получить название Плеяды, но единственный из них, заслуживающий упоминания, это молодой друг Менедема—Ликофрон, который вернулся к принципам Фриниха и писал на современные ему сюжеты; такова пьеса о страданиях Кассандрии во время господства в этом городе бедноты, а также сатирическая драма о его господине Менедеме, в которой, несомненно, как и в изображении силенов у Платона, гротескная форма должна была раскрывать внутренюю божественную сущность; из этой пьесы до нас дошел очаровательный рассказ о знаменитых ужинах Менедема, которые были скорее пирами шутки, чем вина. С другой стороны, комедия процветала в течение всего века, хотя смерть Филемона в 262 г. знаменовала конец ее лучшего периода. Ее форма—так называемая «новая комедия», или комедия нравов без хора, происходящая по прямой линии от Аристофана,—была наиболее живым стилем искусства в Афинах этого времени. Нам известны 64 писателя этого рода, но «новая комедия» была настолько типично афинской, что все попытки пересадить ее в Александрию или в другое место не увенчались успехом; смерть Филемона драматически совпала с концом политического значения Афин. Выдающимся мастером новой комедии был Менандр (умер в 292 или 291 г.); в Египте были открыты его фрагменты в таком количестве, что они позволяют нам изучать его непосредственно, а не только сквозь призму Теренция. Не подлежит сомнению его особое значение для своего времени; к тому же он чрезвычайно удобен для цитат, что обеспечило ему жизнь в потомстве: три его стиха стали английскими поговорками[13]. Остроумный, элегантный, он внес в историю литературы своеобразную струю, которая чувствуется в ней вплоть до Шекспира и Мольера; и не его вина, если то, что он брал прямо из жизни (правда, своеобразной среды), потом на целые века превратилось в стереотипную условность. Его можно хвалить без

оговорок. Конечно, он был полон лучших намерений, и иногда, действительно, сквозь его снисходительную терпимость просвечивает кое-что ценное: Давус в «Герое», Гликера в «Остриженной» («Перикойремена»). Но автору и он и его подражатели кажутся создателями наиболее пустого жанра во всей литературе. Жизнь не состоит только из обольщений и нежеланных детей, совладений и находок давно потерянных дочерей, раздражительных отцов и наглых рабов. Несомненно, он встречался в жизни со всем этим, и хотя его действующие лица типичны, жизнь в его отображении не типична. Между тем, принято считать наоборот, что жизнь у него типична, и традиционное представление об упадке Афин основывается главным образом на материале, извлеченном из новой комедии; может быть, теперь слишком поздно изменять взгляд на этот вопрос.

Если не считать комедии, то оживление поэзии в значительной мере сосредоточивалось в Александрии. Повсюду целью поэтов было скорее оживление поэтической деятельности, чем вызов великим классикам, и для этого они использовали разнообразные интересы более широкой, чем прежде, жизни своей эпохи и увязывали поэзию с тем, что люди тогда делали и мыслили. Это облекалось в различные формы.

Основными жанрами были дидактическая поэзия, идиллия и эпиграмма (обе включали и элегические стихотворения) и романтический эпос. Главным представителем этой поэзии был Арат из Соли, друг Антигона Гоната, который жил в Афинах и Пелле и написал гимны[14] в честь свадьбы Гоната (276 г.). Его φαινόμενα («Явления»), переложение в гекзаметры старого звездного каталога Эвдокса, были одной из наиболее читаемых и ценимых поэм; они вдохновили «Георгики» Вергилия, и их влияние продолжалось вплоть до средних веков. Может вызвать недоумение популярность этого сухого астрономического произведения. Один критик думает, что оно имело в виду публику, желавшую получить знания, облеченные в легкую форму[15]; другой—что читатели приветствовали простую прямолинейность Арата как противовес поэтическим ухищрениям[16]. Может быть, оба правы; но я думаю, что его успех объясняется главным образом тем, что «Явления» были как бы иллюстрацией к стоическому учению о Провидении, говорящему о пользе, приносимой

звездами морякам и владельцам судов; это чувствуется и в благородном введении, родственном великому гимну Клеанта. Арат создал новый жанр: его современник[17] Никандр Колофонский переложил в стихи научный трактат о ядах и противоядиях, который был переведен на латинский язык, а также труды о земледелии и пчеловодстве, которые читал Вергилий; Овидий использовал его собрание «Метаморфоз». Мы знаем о том, что были и различные поэмы других авторов по астрономии, географии и рыболовству; вероятно, они имели мало общего с поэзией. До нас дошла одна историческая поэма—«Александра», приписываемая Ликофрону, но, вероятно, более поздняя[18]; ее нельзя отнести ни к одному определенному жанру. Поэма сохранилась потому, что крайняя темнота ее слога интересовала филологов; но она трактовала большую тему борьбы между Европой и Азией от Трои до Рима.

Характерной александрийской формой поэзии была идиллия, которая означает совершенно законченную и замкнутую в себе картинку. Она может варьироваться и иногда рассчитана на произнесение вслух.

Мастером идиллии в глазах своих современников и наиболее типичным александрийским поэтом был Каллимах Киренский (около 310—245 гг.), придворный и филолог. Он был учеником Филета и надолго ввел элегический стих в моду. До нас дошли некоторые из его гимнов и части небольшого эпоса «Гекала», отрывки стихотворения на смерть царицы Арсинои и наиболее важного его произведения—«Айтиа» («Причины» различных обычаев и культов). И если бы не его эпиграммы, то можно было бы сказать, что это был не поэт, а ученый человек, писавший стихи. Он делал все, что мог, чтобы обработать и отполировать их; с благодарностью можно признать, что он избегал сентиментальности и риторики. В этом отношении он был действительно добросовестным; позднейшие критики называли его «безупречным», и этого, может быть, достаточно, чтобы осудить его. Ведь он не мог позволить себе быть самостоятельным, и во всех утомительных вариациях мировой мифологии—мертвой даже в его дни для образованных людей—вряд ли найдется строчка, где бы чувствовался живой человек, и, конечно, не найдется ни одной, которая могла бы заставить сильнее биться

чье-нибудь сердце. Каллимах установил поэтические нормы и повлиял на многих поэтов; его форма повлияла и на Катулла, но у него не было и искры того огня, который горит в «Odi et amo». Однако любопытно, что его более молодой современник—Эвфорион—позднее произвел большее впечатление, чем он, хотя то, что сохранилось от его сочинений кажется слабым подражением Каллимаху. Эвфорион жил при дворе Александра Коринфского (около 250 г.), а позднее стал библиотекарем в Антиохии; он сыграл свою роль в поэзии века Августа и одно время влиял на Вергилия.

Однако эпиграммы Каллимаха написаны по-другому—они могут нас иногда тронуть (см. прекрасные строки о смерти его друга Гераклита и др.).

Для этой эпохи вообще характерно широкое распространение изящной эпиграммы, и именно в них писатели не стыдились проявлять свои чувства. Жанр эпиграммы процветал от Леонида и Асклепиада, в ранний период, до сирийской группы поэтов—Антипатра Сидонского, Мелеагра и Филодема из Гадары, которые жили в обстановке политического упадка I века. И действительно, этот жанр пережил все другие формы поэзии и погиб только вместе с греческим языком. Любовные стихотворения Мелеагра своей грацией и нежностью напоминают цветы, которые он так любил; он составил для одного из своих друзей антологию или «цветную гирлянду» поэзии—первую, как полагали, пока в Египте не были найдены более ранние опыты[19] антологии. Филодем только иллюстрирует пышную чувственность сирийского города; странно, что он же оказывается трудолюбивым философским компилятором геркуланских папирусов.

Каллимах был властителем дум своего времени. Но Феокрит Сиракузский (родился около 315—312 гг.) поставил перед идиллией иную цель. Возможно, он испытал влияние сицилийских поэтов; кое-чем он обязан крестьянским песням Средиземноморья; но создание литературного жанра пастушеской идиллии есть его, и только его дело, так что именно к нему восходит современное понятие «идиллического». Он, кажется, прожил свои детские годы в Сицилии, а свою молодость вместе с Филетом на Косе (его друг, Арат Косский, известный теперь по надписям[20], не был поэтом Аратом); около 276—270 гг. он был в Александрии. Как долго он там оставался,

неизвестно. Обычно представляют его тоскующим по родине, по деревьям и цветам Сицилии и считают, что его Меналк, взывающий к «Этне, моей матери» и не придающий богатству и власти никакой цены, если только можно сидеть со своей возлюбленной в тени утеса и смотреть на синее родное море, есть не кто иной, как сам Феокрит. Разумеется, он экспериментировал с различными формами идиллии, и в его руках даже официальная ода, прославляющая Птолемея, или болтовня простых женщин во время зрелищ в Александрии становится поэзией. Но именно пастораль Феокрит довел до совершенства и ничего не оставил для других: его преемники много ниже его, и «Эклоги» Вергилия кажутся простыми копиями. Он единственный из александрийцев стал классиком, потому что сумел вернуться к природе. Он не был великим поэтом природы, потому что не мог ничего различать за ее покровом: для него «желтые пчелы на цветах плюща» были только приятно жужжащими пчелами. Он не обладал большей восприимчивостью к величию природы, чем другие греки; чтобы найти ее в эллинистическую эпоху, мы должны обратиться к неизвестному еврею, написавшему «Песню троих детей» и знавшему, что господь прославляется в ветре, в буре, в потопе и снеге. Но Феокрит чувствовал красоту природы, что было чуждо другим грекам, и он бессмертен, пока каждый ручей в поле поет, как об этом он пел[21].

В этот период продолжал создаваться и эпос; одно из эпических произведений, по крайней мере, вызывало живой интерес; это рассказ Риана (около 250 г.) о Мессенской войне и героизме Аристомена. Этот рассказ, благодаря использованию его Павсанием, занял свое место среди историй, изучаемых нами в молодости; мы были бы без него беднее, как бы он ни был легендарен. Разумеется, эпос имел некоторое будущее, как выражение местного патриотизма, так как, по мере того как полис все больше терял власть в пользу монархии, все больше росла его гордость своим прошлым и своими преданиями; и много поэтических произведений, часто называемых эпосом, было написано для прославления городов и народов; каждый поэт, который приходил в город и читал поэму на сюжет его истории, получал щедрое содержание и почести. Но существовал и эпос другого типа—«Аргонавтика» Аполлония Александрийского,

прозванного Родосским. Основания и подробности ссоры[22] между Каллимахом и Аполлонием остаются тайной; но, конечно, «Аргонавтика» выражает бунт против Каллимаха, который говорил, имея в виду это произведение, что большая книга—большое зло. Каллимах полемизировал с автором этого произведения, но можно сомневаться, покинул ли Аполлоний свою страну именно из-за этого. С другой стороны, Каллимах и преемник Аполлония, Эратосфен, были родом из Кирены, а Птолемей III был женат на киренской принцессе; не носил ли этот спор политический характер борьбы Кирены с Александрией? Во всяком случае, эпос Аполлония стоит особняком. В целом это неудача автора. Он может набросать картину, но не может дать рассказ; его язык путаный. Но одна часть поэмы—любовная история Медеи в 3-й книге—совершенно исключительна по красоте; в первый и последний раз грек осмелился изобразить действительно влюбленную девушку, и то она оказалась экзотической девушкой из Колхиды, а не греческим типом. Аполлоний не имел преемника до тех пор, пока Вергилий не использовал его в качестве образца; но Медея в 3-й книге обрисована гораздо лучше, чем Дидона. Как бы ни отнеслась к Аполлонию Александрия, он был отомщен тем, что Каллимаха читали только ученые, а Аполлоний оказался предшественником новой литературы, хотя непосредственных преемников он не имел.

Но идиллия и эпос писались не только для образованных людей; полуобразованные люди тоже нуждались в развлечении и обслуживались мимическими представлениями в исполнении как актеров, так и певцов; тип первого—в конечном счете, сицилийского происхождения, а второй связан своим происхождением с вольными «ионийскими песнями» Малой Азии; в III веке существовали уже хорошо организованные труппы бродячих исполнителей мимов. Драматический мим был пьеской о каком-либо эпизоде из повседневной жизни литературных кругов или каких-либо иных; примером могут быть знаменитые «Сиракузянки» Феокрита. Мы имеем теперь, благодаря находке в Египте, целую коллекцию мимов Герода (около 240 г.), очевидно тоже члена кружка Филета, написанных хромыми ямбами; многие из них составлены на неприятные темы; это как бы фотографии того, что не

стоило фотографировать, но они показывают, на каком языке говорил простой люд, и в этом их ценность. Родственной этой форме, очевидно, была кинедология—произведения, смысл которых заключался в их непристойности; стихи Сотада на тему о свадьбе Птолемея II, за которые его утопил адмирал Птолемея, Патрокл, непечатны. Вокальный мим делился на два жанра—гилародию и магодию, соответственно пародирующие трагедию и комедию; но если ныне знаменитую «жалобу девушки»[23]—страстный призыв девушки перед дверью неверного любовника—считать действительно мимом, то он оказывается в этом случае только номером для декламации со сцены. Был найден один образчик гилародии—пародии на «Ифигению в Тавриде», в которой варварский царь говорит на каком-то непонятном индусском наречии, а его брат и сестра спасаются, пользуясь его опьянением[24].

Пародия употреблялась, конечно, в более высокой литературе, чем мим; Тимон Скептик написал занимательную шутку, под заглавием Σίλλοι[25], о философах, живых и мертвых, которая, конечно, предназначалась только для немногих избранных; а Кратей Киник составил удачную пародию на Гомера в «Котомке нищего»[26], в которой он прославил этот символ кинической бедности как единственное прибежище честного человека, подымающегося, подобно острову, среди темного моря всеобщего шарлатанства. Но стихотворение Кратея, несмотря на форму пародии, было довольно серьезно и, возможно, указывало на то, что философия вновь оживила заглохшую манеру использовать для своей цели серьезную поэзию. Лучшим примером является прекрасный «Гимн Зевсу» стоика Клеанта[27]—образец высшего подъема греческой религиозной поэзии, весьма отличный от ортодоксальных гимнов и пеанов, написанных по какому-либо случаю (некоторое количество таких гимнов нам известно), но в своем роде почти столь же замечательно стихотворение, в котором Керкид из Мегалополя, политик с «киническим» уклоном,—всех недовольных существующим порядком называли киниками,—увещевает своих друзей встретить приближение социальной революции исцелением больных и милостыней бедным[28]; оно отличается от морализирующей поэзии своего времени—например Феникса Колофонского (около 286 г.),—которая лишена всякой глубины.

Наконец, мы имеем одну народную (политическую) песню, которую пели на улицах Афин в 290 г.; она очень привлекательна[29].

Велико было влияние александрийской поэзии на римскую. Некоторые хорошо известные пункты соприкосновения уже были отмечены, и постоянно выясняются некоторые новые. Недавнее открытие выявило в трактате, сохранившемся в труде Филодема «О стихотворениях», эллинистический оригинал всего учения «Ars poetica» Горация[30] и многих его деталей. Но эллинизм дал римлянам только форму и сюжеты для обработки; он не передал им живой материи самой поэзии, существенно отличающей поэта от трудолюбивого литератора; великим поэтам—Лукрецию, Катуллу, Вергилию—пришлось черпать в своей собственной душе.

Прежде чем обратиться к настоящей прозе, мы должны отметить судьбы красноречия. Судебные комиссии убили судебное красноречие (небольшая потеря!), но политическое ораторское искусство процветало в течение целого века после Александра. Динарх и племянник Демосфена, Демохар, разумеется, были только эпигонами века Демосфена, хотя Деметрий Фалерский (317—307 гг.), может быть, занимал особое положение; но Арат Сикионский (271—213 гг.) был, очевидно, крупным оратором, так как в течение своей долгой карьеры постоянно держал в руках собрание Ахейского союза в такой мере, как это не удавалось самому Демосфену в афинском собрании. Поскольку до нас не дошла ни одна из его речей, мы не можем знать, как это ему удавалось; но Плутарх говорит[31], что он пренебрегал формами ораторского искусства, т. е. риторикой, и возможно, что он говорил экспромтом и именно то, что думал; действие таких речей на людей, привыкших к риторическим ухищрениям, могло быть ошеломляющим. Наиболее важная речь, набросок которой дает Полибий—призыв Агелая[32] к греческому единению на конференции в Навпакте (217 г.), с ее двумя незабываемыми образами,—должно быть в самом деле была хороша; министра Пирра, Кинея, современники ставили наряду с Демосфеном[33].

Но политическое красноречие тоже в конце концов умерло; и начиная со II века проза развивается целиком под знаком роста значения риторики. Не стоит перечислять мастеров этого искусства, число которых все увеличивалось вплоть до римского времени. Гегесий из Магнессии на Сипиле (около 250 г.) содействовал популярности цветистого азианского стиля с его вымученными ритмами[34]. Неясно, он ли, или Тимей изобрел его. Гермагор из Темноса (около 150 г.), чье «Руководство» стало авторитетом в этой области, знаменует этап на пути назад к аттицизму. Риторика могла приносить и некоторую пользу, приучая людей ясно выражать свои мысли, но она стала одним из проклятий эллинизма: был сделан вывод, что стиль—это все, а содержание—ничто; не существенно, что̀ вы говорите, лишь бы это соответствовало правилам и лишь бы тщательно избегалось зияние гласных. Риторика опьяняла греков, люди стекались на риторические состязания, как в театр. Она опошляла все, чего только ни касалась. Петроний говорил, что она много поучала людей относительно пиратов и т. д., но мало относительно реальной жизни[35]; и Марциал суммировал все это в горькой жалобе на адвоката, который мог составлять прекрасные речи о Ганнибале, но был бесполезен в любом деле о мелком плутовстве[36].

В прозе первое место заняла история[37]. Вдохновленные раскрытием просторов Азии, два поколения людей после Александра были свидетелями ее значительного подъема; но все произведения этих историков не дошли до нас и известны только благодаря их использованию более поздними писателями. Порочная манера писать ради эффекта, введенная Исократом и его учениками, не умерла и не собиралась умирать; но в новом мире было чувство реальности, которое заставляло некоторых, в частности в военных кругах, знавших Александра, возражать против риторики. Когда Птолемей I (после 301 г.) написал свою историю Александра на основании официального «дневника» и других официальных документов, дополняя их собственными заметками и воспоминаниями, он создал этим нечто новое, так как он был человеком действия, писавшим о том, что он знал и видел; и это для нас представляет определенную ценность.

Подобным же образом Неарх в отчете о своем путешествии (до 312 г.) создал, может быть, наиболее достоверную хронику на греческом языке; оба они со времен детства были друзьями Александра и ощущали его прямоту.

На полпути между ними и общепринятой традицией стоит Аристобул из Кассандрии; он знал многих из окружения Александра и хорошо разбирался в географии, но его сообщения не всегда достоверны. Все трое дошли до нас в изложении Арриана. Племянник Аристотеля, Каллисфен из Олинфа, писал в иной манере; его история, оказавшая потом большое влияние, была написана (около 330 г.) в целях своего рода рекламы подвигов Александра и была полна несуразных сообщений, которые привлекали общее внимание, прежде чем, поколением позже, стали доступны более трезвые рассказы Но он, в конце концов, был способный писатель, тогда как книги об Александре, написанные людьми, стоящими вне его ближайшего окружения,—лоцманом Онессикритом, Харесом, заведывавшим царским дворцом, и сплетником Эфиппом,—были переполнены пошлостями и различными выдумками; человек видит вообще только то, что он способен видеть. Позднее Клитарх Александрийский, способный писатель, не лишенный воображения и преклоняющийся перед героями, свободно используя Каллисфена и более мелких писателей, иной раз и традицию более высокого качества, а также рыхлую массу рассказов, почерпнутых из многих потерянных источников, произведений пропагандистского характера, сообщений наемников и т. д.,—создал (не ранее 280—270 гг.)[38] риторическую историю Александра, которая установила общепринятую традицию преданий и считалась классической работой на эту тему в течение четырех с половиной веков; она читалась легко, как роман, и, может быть, немного на него походила. Она известна нам только благодаря ее использованию Диодором и Курцием.

Вскоре после 264 г. Тимей из Тавромения закончил в Афинах свою большую историю западных греков, доведенную до этого года. Произведение Тимея в течение двух столетий пользовалось большим влиянием. Он был ученым и трудолюбивым человеком, много путешествовал и старательно собирал эпиграфические документы, но его ум не был глубоким, и он не понимал надлежащим образом Дионисия и Агафокла. Он писал, как ритор, в азианском стиле и сообщал о чудесах и легендах; ввел также неуклюжий счет по олимпиадам, который приобрел некоторую популярность и был принят Клитархом,

Полибием и Кастором. Изложение истории Агафокла у Диодора восходит к Тимею. Новый прием был испробован Дурисом, одно время бывшим самосским тираном. Дурис написал историю периода от битвы при Левктрах (с 371 до 280 г.); он стремился сделать историю интересной путем драматизации характеров и мотивов и использования театральных аксессуаров; сохранившиеся фрагменты его работ дают не слишком ясное представление о действительности. Историк более крупного масштаба, Нимфис из Гераклеи Понтийской (около 280 г.), написал историю диадохов, которая бесследно исчезла; но его история Гераклеи, использованная Мемноном, кажется, была неплоха и живо написана. Диил Афинский написал историю Греции от священной войны до смерти Кассандра в 297 г. в освещении, благоприятном для Кассандра, и ее следы сохранились у Диодора; Деметрий Фалерский, помимо многих других работ, написал историю своего управления Афинами; Демохар создал риторическую историю своего времени с националистической точки зрения; Деметрий Византийский с мельчайшими деталями рассказал о галльском вторжении в Азию; Проксен писал об Эпире времен Пирра; а сам Пирр оставил книгу мемуаров, рассказывавших об его войнах, если эта работа не была только изданием его официального дневника.

Но великим историческим трудом о периоде времени спустя пятьдесят лет после Александра, вероятно одним из величайших написанных в Греции, был труд Иеронима из Кардии—друга, а может быть, и родственника Эвмена, который после смерти Эвмена служил в качестве военачальника и администратора Антигону I, Деметрию и Гонату; это произведение излагало события от смерти Александра, вероятно, до смерти Пирра. Оно лежит в основе изложения Диодора и «Диадохов» Арриана, частично было использовано Плутархом в его «Жизнеописаниях» Эвмена и Деметрия и оказывало стабилизирующее влияние на всю (почти не дошедшую до нас) традицию об этом периоде; чем больше мы изучаем эту эпоху, тем сильнее растет в нас убеждение, что за всей этой традицией стоит какой-то великий утраченный писатель. Иероним датировал события по годам военных кампаний, подобно Фукидиду, и его цифры, как кажется, досто-

верны—редкое явление в историографии той эпохи. Он пренебрегал стилем, и поэтому труд его не сохранился; но Иероним старался передать правду, как он ее видел, а ведь он сам играл активную роль в переданных им событиях. Уже то, что мы благодаря ему можем обрисовать некоторое развитие характера Деметрия, делает Иеронима в этом отношении выше любого прежнего историка. Ведь для греков вообще характер был чем-то статичным[39]. Он иллюстрировал то, что было подчеркнуто Полибием[40], а именно, что только люди действия могут писать хорошую историю. Династия Антигонидов имела счастье пользоваться его услугами, и он дает нам возможность немного понять Македонию хотя бы за один период ее истории. Ни Азия Селевкидов, ни Египет Птолемеев не породили ни одного историка достаточно высокого уровня; только первые Селевкиды имели несколько лучшую судьбу.

Пробел в истории Греции между трудами Иеронима и Полибия был восполнен Филархом, который писал в Афинах и продолжал историю Дуриса до смерти Клеомена (219 г.); его труд использован Плутархом в жизнеописаниях Агиса и Клеомена и служил источником для многих других трудов. Обычно его считают лишь вторым Дурисом, отчасти за его драматическое изображение женских характеров; но хотя он был убежденным сторонником Клеомена, его значение вырастает все более по мере нашего знакомства с этим периодом; и когда он противоречит Полибию, далеко не всегда прав Полибий[41]. Арат Сикионский осветил значительную часть второй половины века в своих «Мемуарах», в сущности своей автобиографии. Последовательный приверженец своей партии и несправедливый по отношению к противникам, он дает нам возможность ознакомиться с Ахейским союзом и сам откровенно говорит о своих ошибках. «Мемуары» Арата использованы в жизнеописании Плутарха и являются основным источником Полибия для этого периода. Потерянная история Ганнибала, написанная Сосилом, могла бы представлять для нас большую ценность, как это показывает один фрагмент[42], ибо автор был в Италии вместе с Ганнибалом.

Второй век—это век Полибия из Мегалополя (около 198—117 гг. до н. э.), который сыграл свою роль в политике и войнах Ахейского союза, а после Пидны был увезен

в Рим, стал другом Панеция и Сципиона Эмилиана и вернулся в Грецию в 146 г. Его великая история излагает судьбы «ойкумены» от 221 до 146 г. Сохранилась только первая книга из пяти и значительные отрывки из остальных; но Ливий пользовался хотя он и смешивает его данные со свидетельствами худшего качества. Полибий смотрел на Эфора и Тимея как на своих предшественников и написал вступительный очерк к истории Греции и Рима, для того чтобы восполнить пробел между временем, описанным Тимеем, и 221 г. Его привлекал широкий кругозор Эфора и Тимея, хотя он не переносил риторики и, с тех пор как стал другом Панеция, не признавал никаких чудес. К несчастью, он не знал Иеронима, потому что не любил Македонии, а картина развития характера Арата, вероятно, взята из произведений самого Арата. Стиль Полибия—это стиль указов и депеш, и он безнадежно медлителен; подобно Тимею, он прерывает свой рассказ политическими дискуссиями, которые в наши дни были бы лишь приложениями к основному тексту. В военных вопросах он не выдерживает сравнения с Иеронимом, и даже Ливий больше знал о кораблях, чем то, о чем ему мог поведать уроженец Аркадии. Полибий использовал официальные архивы и многие документальные источники, но он был недостаточно подготовлен в научном отношении; у него был ум политика, и он писал для политиков; он верит, что из прошлого можно извлечь уроки для настоящего, и в политических вопросах он основателен, хотя и скучен; но у него встречаются странные пробелы: например, он забыл описать конституцию Ахейского союза. Полибий не беспартиен, его отношение к Этолии и Македонии требует постоянных логических поправок со стороны читателя; однако будучи сторонником Рима, он прилагает известные усилия к тому, чтобы быть справедливым к Ганнибалу, хотя и не к Карфагену. Но если я подчеркиваю недостатки Полибия, то я делаю это потому, что он настолько значителен, что почти заставляет их забыть. Он взялся за большой сюжет и разработал его в полном объеме; его герой—Рим, и его тема—экспансия Рима в Средиземноморском мире, и все ручейки у него впадают в эту реку. Его история—эпос героического века Рима. Он понял свое время и людей, которых оно породило; он знал и Грецию и Рим в их внутренней сущности. Полибий

пытался, хотя и недостаточно глубоко, понять причины событий, и он вовсе не боялся этических суждений. В первую очередь он подчеркивал, что единственная цель истории—истина[43]. Взгляд Моммзена на него как на второго из великих греческих историков остается правильным: темнота до него и после него представляет резкий контраст с периодом, когда его солнце прорезает тучи.

История Полибия была продолжена Посидонием[44]. Он был писателем, любившим живописные детали, но очень поверхностным историком. Он рассказывал о многих диковинных вещах и событиях, и его прославленное описание кельтов[45] обнаруживает недостаточное проникновение в кельтский характер. Если Цезарь в самом деле искал у него разгадки их психологии, то неудивительно, что он был сбит с толку. Посидоний—сторонник римских оптиматов, и он оставляет поэтому сравнительно неосвещенной историю Рима в период от Гракхов до Суллы. У нас нет поводов думать, что ныне существующая традиция идет от какого-то крупного автора. Научное качество его труда видно из сохранившегося рассказа о присоединении Афин к Митридату[46]: вместо объяснения природы и причин ненависти, вызывавшейся Римом, Посидоний рассказывает о том, как небольшой мирный народ, живший в безопасности, в течение целого века не решавшийся воевать, неожиданно восстал и стал бороться насмерть с Римом, как некогда с Ксерксом, только потому, что это ему велел сделать софист, успевший внушить к себе доверие. Лучшим историком, возможно, был Николай из Дамаска, философ и историк при дворе Ирода I, обладавший некоторым практическим знанием политики. Он написал всемирную историю; раздел об Ироде в существенной своей части сохранился у Иосифа Флавия, и поэтому мы так много знаем об Ироде, хотя более крупные люди забыты. Ничего не известно о всемирной истории Агатархида Книдского (около 120 г.). Совершенно неясно, была ли книга Тимагена Александрийского под названием «О царях» действительно историей македонских монархий[47]. Аполлодор из Артемиты написал историю парфян, от которой сохранилось несколько фрагментов о греко-бактрийцах. Наконец, дань благодарности следует воздать Диодору Сицилийскому, который написал свою «Историческую библиотеку» около 27 г. до н. э. Это не

историк, а компилятор, собравший отрывки из работ своих предшественников; его труд, всегда приятный для чтения, хорош или плох, смотря по писателю, которого он в данном месте кратко изложил. Но именно благодаря этой манере он сохранил многое из того, что иначе погибло бы, например Ямбула; и в первую очередь ему мы обязаны нашим знанием Иеронима.

Существовали и другие формы исторических сочинений, кроме формальной истории. В начале III века два жреца—Берос Вавилонский[48] и Манефон Египетский—попытались сделать историю своих стран доступной для греков; но не многие брали на себя труд серьезно изучать историю варваров, хотя Феопомп знал об Авесте[49], а астрология Бероса встретила хороший прием. Следует, однако, отметить Саисский календарь[50], т. е. календарь египетского года и праздников, написанный на греческом языке около 300 г.; кроме того, Каллимах, кажется, знал одну вавилонскую басню и написал подражание ей[51]. При Птолемее I Гекатей из Абдеры писал о Египте с греческой точки зрения; позднее некий Менандр обработал несколько финикийских хроник. Александр Полигистор из Милета (около 50 г.), собравший литературу о многих странах, греческих и варварских, сохранил несколько еврейских сочинений пропагандистского характера (стр. 213). Местный патриотизм, повлиявший на поэзию, оказал влияние и на историю, и нам известен длинный список местных, или городских, хроник[52]; такие хроники могли также представлять собой результат труда антиквара и эпиграфиста, вроде «Аттиды» или афинской хроники ученого Филохора[53] (умер в 261 г.), который сообщает много сведений о конституции, праздниках и церемониях Афин; несомненно, существовали труды, которые оказывали такие же услуги в изучении других городов. Кратер, которого традиция отожествляет со сводным братом Гоната[54], составил свод афинских декретов с трезвым историческим комментарием; но выдающееся имя в области древностей—Полемон из Илиона (II век). Он провел половину своей жизни в изучении надписей во многих странах; накопив знания, он затем начал обстоятельно писать об основании, древностях и обычаях многих городов и о самой эпиграфике, со всякого рода критическими замечаниями. Полемона считали очень достоверным автором;

но от его произведений ничего не осталось, и, вероятно, это самая тяжелая наша потеря после Иеронима. Многие подражали его путешествиям «Περιήγησις» и сочинениям, но не его великой учености; вероятно, труды Полемона Павсаний использовал шире, чем он сам в этом признается. Эратосфен, который, помимо деятельности в других областях, был и настоящим историческим критиком[55], положил начало изучению хронологии; Аполлодор Афинский в 144 г. превратил его хронологию в стихотворную хронику, фрагменты которой по этой причине имеют ценность; а Кастор Родосский (умер в 42 г.) использовал Аполлодора, составив ряд синхронистических таблиц, которые поочередно использовались Варроном и предшественником Евсевия—Юлием Африканом; таким образом, здесь налицо цепь, связывающая Эратосфена с претенциозной хронологической схемой Евсевия.

Школа перипатетиков с ее любовью к собиранию фактов, естественно, с самого начала занялась исторической работой: Теофраст написал историю научных исследований, другие—историю медицины и математики; два ученика Теофраста, историк Дурис и Хамелеон из Гераклеи Понтийской, впервые написали: первый—историю искусства, а второй—историю поэзии, и у них было много последователей. Дикеарх (около 300 г.) написал важный труд под названием «Жизнь Эллады», вероятно историю культуры. Все эти труды утеряны, как и важная «Конституция Спарты» Дикеарха; сохранились только небольшие наброски человеческих типов Теофраста, так называемые «Характеры», имеющие некоторый интерес для социальной истории. Но влияние перипатетиков на собственно историю было совершенно отрицательным[56]: они создали или закрепили то учение о τύχη, которое приобрело такую популярность (стр. 308—309), и их усердие в собирании всех фактов привело к неразборчивому смешению истины с легендой и скоро превратилось в страсть к скандалам. Нет более неприятной черты эпохи, чем та пропаганда, которая велась ими против Александра и его дома; они даже не умели избегать взаимно исключающих друг друга утверждений[57]. Перипатетики специализировались на биографии, которую неизбежно выдвигал на первый план индивидуализм III века; но их привычка смешивать истину и ложь, которая проявляется полностью

уже в очень ранней работе—«Жизнеописаниях» Клеарха из Соли,—лишила их ценности. Влиятельными биографами в Александрии были Сатир (около 220 г.; его вновь найденная биография Эврипида[58], написанная в форме диалога, лучше, чем можно было бы ожидать) и ученик Каллимаха—Гермипп из Смирны; по примеру этих писателей в Александрии собирались биографические материалы, но так некритически, что когда позднее Плутарх воспользовался ими и создал из них великие произведения искусства, истина и ложь уже были безнадежно перемешаны. Тем не менее, эллинизм создал одного серьезного и толкового биографа, которому мы многим обязаны,—скульптора Антигона из Кариста (умер после 225 г.). Антигон написал биографии философов III века; отчасти его труд сохранился, вместе с другими историческими сведениями, значительно худшего качества, у Диогена Лаэртского.

Эллинистическая география начинает наукой (гл. IX) и кончает литературой. Великая «География» Эратосфена дала описание известного ему мира, правильное для Средиземноморья и для тех областей, с которыми познакомили греков (гл. III) Александр, Патрокл, Мегасфен и Пифий (сообщения о путешествии последнего Эратосфен мудро признал правдивыми); окраины этого мира у Эратосфена намечены предположительно, так как он, естественно, ничего не знает о южноафриканском и индийском полуостровах, территории к востоку от Ганга или северных областях Европы и Азии; но его рассказ об Азии за Евфратом долго сохранял значение основного авторитета. Однако внимание людей было обращено на описательную географию главным образом благодаря утилитаризму Полибия. Его более молодой современник, Агатархид Книдский, оставил превосходный отчет о побережье Красного моря и его странных народах (гл. VII). Аполлодор из Артемиты писал о Бактрии и Китайском Туркестане; много странствовавший Артемидор Эфесский (около 100 г.) создал важный общий труд по географии, в котором использовал своих предшественников. Произведение Артемидора, изобилующее деталями, нам известно потому, что им пользовался Страбон. Труды Посидония были полны географическими описаниями, блестящими и занимательными; теперь думают, что именно из него почерпнуты сообщения Страбона о народах Западной Европы и о есте-

ственных богатствах Испании, о вулканических округах Малой Азии и других областей (которые Страбон мог сам хорошо знать). Считают, что описание чудес Аравии также заимствовано Диодором у Посидония.

Хотя Страбон из Амасы писал свою «Географию» при Тиберии, его следует упомянуть здесь, потому что мало найдется писателей, которым мы были бы больше обязаны, чем ему. Произведения Страбона—лебединая песня эллинизма; его глазами мы смотрим на этот мир в целом, когда он отошел уже в прошлое. Он не самостоятельный географ, он перерабатывает своих предшественников, но он пишет хорошо и оказывается нейтральным и трезвым критиком; мы были бы правы, но неблагодарны, если бы предположили, что, имея в руках Артемидора и Посидония, мы бы его ценили меньше. Можно было бы пожелать, чтобы тот мир, который он так близко знал, был миром эллинистических царств в эпоху их расцвета, чтобы мы больше знали о бактрийцах и меньше о царях, подвластных Риму. Но все же велика масса сохраненных им сведений по серьезным вопросам—о географической теории, греческих полисах, экономике; он больше узнал о внутренних областях Восточной Азии (не побережья), чем кто-либо, вплоть до Марко Поло. Его книга переполнена красочными картинами. В ней мы находим прославление Александра и Родоса и описание социального строя Бенгалии; перед нами проходят каппадокийские жрецы-цари, индийские факиры, германские жрецы, галльские друиды; он рассказывает о странных праздниках Фракии и Персии, о куваде иберов, об охотниках за головами в Кармании; вместе с ним мы в обществе Пифия можем открыть Британию или с Патроклом обследовать Каспийское море, понаблюдать, как мангуст убивает крокодила, или можем собирать шафран в гроте Ковики; мы можем ловить рыбу в свежей воде Финикийского моря, пронзать багром рыбу-меч у берегов Сицилии, ловить сеткой страусов в Нубии или охотиться на кроликов в Испании. Со времен Геродота не осталось другой такой красочной книги.

Оборотной стороной географии были «рассказы путешественников», тип которых был установлен Антифаном из Берги, автором рассказа о стране, где так холодно, что осенью слова замерзают в воздухе и вы не услышите, что вам говорят, пока слова не растают весной. У греков

сложилась поговорка: «это—бергская история» для обозначения «утки». Рассказы Гекатея о гиперборейцах и Амомета об Уттара Курусах (Аттакоры) на Гималаях были книгами этого типа, и до нас дошла забавная «Истинная история» Лукиана, прямая предшественница «Синдбада-морехода». Помимо этого, в эллинистических кругах были разработаны легенда об Энее и рассказ об основании Рима. Но главным достижением эллинизма был роман об Александре—смешение идей, взятых из Египта, Вавилона и последней, лишенной уже своей базы, традиции Клеарха, зародившейся в Египте и впоследствии приписанной Каллисфену. Хотя греческий текст Псевдо-Каллисфена принял свою окончательную форму не ранее 300 г. н. э., корни его могут быть прослежены до II века до н. э. [59]. Эта повесть, с бесконечными вариациями, распространилась в Азии вплоть до Малайи и Сиама, а на западе проникла во Францию и Британию. Сама история имела тенденцию все больше и больше превращаться в краткое изложение в учебниках и компендиумах материалов, взятых из сочинений более крупных историков, причем часто это изложение переписывалось друг у друга и постепенно ухудшалось; этот тип произведений могут иллюстрировать Юстин и Орозий, хотя и относящиеся к более позднему времени.

Разумеется, формы и содержание прозаической литературы бесконечно варьировались: ведь не было ни одной отрасли человеческой мысли или деятельности, которые не были бы сюжетом для литературы. Выше уже были упомянуты утопии (стр. 127). Письмо стало важным литературным жанром, используемым философами. Но письма, подложные или обработанные, играли также роль в судьбах истории литературы, и особенно в войне памфлетов и агитаций, которая сопровождала все военные столкновения после смерти Александра. Из опубликованной тогда переписки Александра, Олимпиады, Антигона Гоната, в лучшем случае, только часть была подлинной[60]. Писались вымышленные беседы между историческими деятелями (две из них недавно были найдены)[61]. Сатиры Мениппа из Гадары (около 280 г.), часто использовавшиеся Лукианом, написанные стихами вперемежку с прозой, часто составлялись в форме диалога, как и жизнеописания Сатира. Многие требовали краткого и легкого чтения,

поэтому возникла целая литература отрывков по любому вопросу[62]: тут была история, и военное дело, и пиры, и театры, и моральная философия, и всевозможные новости; тут были и настоящие исторические отрывки и самые недостоверные анекдоты. Образцами этого типа произведений являются труды Полиена и Элиана, а обширное собрание всякой всячины у Афинея, неоценимое вследствие сохранения в нем отрывков не дошедших до нас писателей, является только наиболее известным примером. Приписанные Александру «мемуары» были компиляцией II века в этом же роде, смешивающей истину и ложь[63]; кажется, Птолемей II Эвергет опубликовал свою собственную книгу, составленную из банальных заметок. У греков не было чувства отвращения к плагиату, и копировать предшественника считалось комплиментом по его адресу. Конечный результат можно видеть в протеже Августа, Юбе II Мавританском, который покупал любую подделку и составлял крупные некритические труды на различные темы с помощью только клея и ножниц; «Естественная история» Плиния—только лучший пример произведений того же типа. Конечно, такие писатели сохранили в своих трудах много не только ложного, но и верного, однако ложь и истина оказывались настолько смешанными, что часто было невозможно разобраться в этом хаосе.

Другие составляли списки: «Десять аттических ораторов», «Семь чудес мира», многие списки «изобретателей»[64]— все это дело эллинизма, Флегон знал список столетних стариков[65], а кто-то составил список трезвенников[66]. Была целая литература о чудесах и диковинках, часто приписываемая великим именам прошлого, как и многие другие типы произведений. Во многих местах появляется романтическая любовная повесть (речь идет не о серьезной попытке изобразить любовь, подобно попытке Аполлония). Парфений Никейский в 73 г. привез в Рим книгу таких любовных историй. Существовала большая литература на специальные темы, иногда хорошего качества, вроде книги Тимосфена Родосского «О гаванях»; ученик Посидония, Асклепиодот, оставил педантичную книгу о тактике; нам известно о существовании трудов по земледелию, пчеловодству, плодоводству, садоводству, коневодству, рыболовству, о драгоценных камнях, о толковании снов; существовали описания специальных праздников или огромных кораблей Птолемея IV и Гиерона; существовала большая литература о гастрономии и жизни так называемого полусвета. Имелся труд по косметике, разумеется, приписанный Клеопатре[67].

Одно сочинение должно быть названо ввиду причиненного им вреда: книга конца III века «О беспутстве былых времен»[68]. Задачей писателя, который назвал себя учеником Сократа, Аристиппом, было приписать каждому уважаемому деятелю столько скандального, сколько можно было выдумать; многое из этого (теперь эти рассказы всеми признаны ложными) мы находим в «Жизнеописаниях» философов у Диогена Лаэртского. Вряд ли это была единственная книга подобного жанра; и всякий, кто желает понять эллинизм, должен быть готов должным образом отнестись к тем сплетням, которые он может встретить в некоторых сохранившихся литературных источниках. Сам Филипп II, человек отнюдь не отличающийся моральными качествами, мог бы пристыдить многих писателей, когда он, после Херонеи, созерцая, как мертвыми рядами лежат члены священной фиванской дружины, произнес проклятие по адресу тех, кто хулил подобных людей[69].

Глава IX

НАУКА И ИСКУССТВО

Только после Александра греческая наука достигла полного расцвета. Хорошее начало было сделано задолго до него в области математики и медицины. Пифагорейцы, Платон и его школа довели геометрию до высокой ступени развития, и поэтому знаменита надпись над Академией Платона: «Да не входит никто, не знающий геометрии»; а Гиппократ, присяга которого обязательна и для современного врача, заложил прочные основы медицинской науки. Аристотель, работы которого Александр щедро обеспечивал нужными средствами, не только привел в систему все отрасли науки, но и установил метод исследования—предварительный отбор большого количества данных, из которых можно делать выводы. Все было готово для развертывания активной научной работы, которая и пошла полным ходом, как только Александр расширил рамки известного ранее мира в четыре раза. Он сам доставлял своими походами материал для увеличения знаний в самых различных областях науки: ботанике, зоологии, географии, этнографии, гидрографии; но может быть, было еще важнее, что Александр вовлек в круг греческой мысли Вавилон и его культурное наследство. После его смерти в течение нескольких поколений можно было наблюдать такой рост подлинной науки, какого мир более не видал в течение многих веков; в этом смысле первенство эллинистического периода вплоть до новейших времен не может оспариваться.

Рассмотрим сначала астрономию[1]. Вавилоняне давно собирали эмпирические наблюдения небесных явлений; картину неба и расположение планет и созвездий греки, как и мы, взяли у вавилонян; созвездия, известные в Вавилоне еще до 523 г., стали известны даже в Китае[2]. Но в период персидского господства[3] была основана в Вавилонии научная астрономия, в смысле использования записей астрономических наблюдений; существовало три астрономические школы—в Уруке, Сиппаре и в Вавилоне-Борсиппе[4]. Великим астрономом эпохи после Александра был Кидинну из Сиппара (Киденна)[5], хотя неизвестно, жил ли он в IV или в III веке. По заявлению профессора Шнабеля, сделанному в 1923 г., ему принадлежит изумительное открытие явления прецессии равноденствий, хотя это и оспаривалось[6]. Кидинну вычислил продолжительность года в 365 дней 5 часов 41 минута 4,16 секунды, т. е. только на 7 минут 16 секунд меньше его подлинной длительности к 300 г. до н. э., вычисляемой современными учеными.

Среди греческих ученых со времени Эвдокса (IV век) был общепринятым взгляд на вселенную, согласно которому Солнце, Луна и планеты вращаются по концентрическим кругам вокруг неподвижной Земли. Но младший современник Аристотеля—Гераклид из Гераклеи Понтийской—открыл, что Земля вращается вокруг своей оси, а Меркурий и Венера вращаются вокруг Солнца[7]. Этот новый взгляд был принят Аристархом Самосским (около 310—230 гг.), учеником Стратона Перипатетика, который сделал дальнейшее открытие, что Солнце гораздо больше Земли—как он думал, примерно в 300 раз. Вероятно, это и сделало для него невозможной геоцентрическую теорию, и он предложил новую точку зрения, что Земля и все планеты вращаются вокруг Солнца по окружностям и что само Солнце и звезды неподвижны, причем последние находятся на огромном расстоянии друг от друга. Эта гипотеза должна была бы ознаменовать новую эпоху в царстве мысли, хотя Аристарх не мог доказать ее. Но жившие после него великие геометры—Архимед, Аполлоний, Гиппарх—естественно, не могли согласовать наблюдаемые ими явления с представлением о Солнце как центре круга и поэтому отбросили его систему; Гиппарх был в основном прав, утверждая, что, с геометрической точки зрения, нужно «охранять явления», т. е. придерживаться непосредственных наблюдений. К несчастью, это повело не к открытию эллиптических орбит, а к дальнейшей эволюции изобретенных Гераклидом эпициклов*;

* Эпициклы—круги, с помощью которых древние объясняли видимые петлеобразные движения планет. Предполагалось, что планета обращается по некоторому кругу (эпициклу), центр которо-

и какой-то ученый III века, очень вероятно—Аполлоний[8], предварил систему взглядов Тихо да Браге, утверждая, что планеты вращаются вокруг Солнца и Солнце вращается вокруг Земли; но и этой системе взглядов не суждено было удержаться на долгое время. Среди других астрономов III века следует упомянуть друга Архимеда—Конона Александрийского, в связи с тем, что он назвал одно из созвездий «Волосами Береники», после того как, во имя благополучия Птолемея III, был посвящен богам локон его прекрасной супруги Береники; это одно из немногих созвездий нашего неба, название которых не восходит к древнему Вавилону[9]. Тем временем на греческий язык были переведены труды целой группы вавилонян—из них следует отметить Судина,—а во II веке стал доступным грекам значительный вавилонский материал, включая и труды Киденны[10].

Великим астрономом II века был Гиппарх Никейский (около 146—126 гг. до н. э.)[11]. Его современник Селевк Халдейский[12], загадочная для нас фигура, защищал гелиоцентрическую теорию Аристарха и пытался найти пути к доказательству ее правильности. Гиппарх принял эпициклы и эксцентрические круги и совершал над ними более удачные математические операции, чем Аполлоний, построив ту геоцентрическую систему, которая в более поздней копии Клавдия Птолемея господствовала вплоть до Коперника. Селевк потерпел поражение, система Аполлония погибла, и весь мир согласился с тем, что Солнце, Луна и планеты вращаются вокруг Земли. Гиппарх считал реальным видимое движение Солнца, но никак не мог вполне уяснить движение Луны. Приходится жалеть об этом, потому что победа гелиоцентризма убила бы астрологию и спасла бы мир от бесконечных мучений. Гиппарху обычно приписывается открытие прецессии равноденствий*; согласно его вычислениям, точка равноденствия

го сам перемещается по другому (большому) кругу—деференту. Эпициклы имелись в системах Птолемея и Коперника. Согласно Птолемею, в центре вселенной находится неподвижная Земля, а семь светил—Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн—равномерно движутся по эпициклам, центры которых, в свою очередь, движутся по деференту. (*Прим. ред.*)

* Прецессия («предварение») равноденствий—более раннее наступление равноденствий. Точки весеннего и осеннего равноденствия (т, е, точки пересечения небесного экватора с эклиптикой) медленно

уходит вперед ежегодно на 36″ (на самом деле на 50·3757″). Ответ на вопрос о том, сделал ли он сам это открытие или нет, зависит от предполагаемого приоритета Киденны (стр. 267). Гиппарх, конечно, использовал вавилонские таблицы затмений и множество других данных, полученных вавилонянами[13]; неизвестно, насколько велик его долг перед вавилонянами[14]; он знал и труд Киденны, так как удалось определенно установить, что он заимствовал у него уравнение,—251 лунный месяц = 269 аномалистическим[15]*. Его вычисление года, однако, не совпало с приписываемым Киденне, так как дало в результате на 6 минут 14·3″ больше среднего тропического года. Во всяком случае, установленный им факт, что год не равняется $365^1/_4$ дням, не был практически принят вплоть до введения Грегорианского календаря. Вычисление Гиппархом продолжительности среднего лунного месяца отличалось от правильного менее чем на 1″, и его представления о расстоянии Луны от Земли и о ее диаметре были очень близки к действительности. Он принимал массу Солнца в 1880 раз большей, чем масса Земли, и начал осознавать его огромную отдаленность, принимая ее в 1245 земных диаметров, а не в 180, как думал Аристарх; к несчастью, Птолемей сократил ее до 605. В своих наблюдениях Гиппарх использовал параллакс**, уже известный Архи-

перемещаются по эклиптике навстречу годичному движению Солнца, примерно на 50, 3757″. Благодаря явлению прецессии Солнце в своем видимом движении возвращается в точку весеннего равноденствия раньше, чем успевает сделать полный оборот. (*Прим. ред.*)

* Лунный (синодический) месяц—время обращения Луны по отношению к Солнцу, т. е. промежуток времени между двумя последовательными новолуниями (новолуние—момент, когда Луна имеет одинаковую долготу с Солнцем). Продолжительность лунного месяца—29,53029 суток.

Аномалистический месяц—промежуток времени между двумя последовательными прохождениями Луны через перигей (точка лунной орбиты, в которой Луна находится ближе всего к Солнцу). Продолжительность аномалистического месяца—27,55460 суток. (*Прим. ред.*)

** Параллакс (греч. «уклонение»)—угол между направлениями на один и тот же предмет, наблюдаемый из двух разных точек. В астрономии годичный параллакс—угол, под которым со светила видна большая полуось земной орбиты; суточный параллакс—угол между направлением на светило из какой-нибудь точки земной поверхности и направлением из центра Земли (угол, на который сместится светило, если наблюдатель будет перенесен из точки на земной поверхности в центр Земли). (*Прим. ред.*)

меду. Его величайшим трудом был каталог более 805 неподвижных звезд, с определениями их широты и долготы и разделением их на три класса по яркости; этот каталог был несколько расширен Птолемеем. Гиппарх был последним из ученых астрономов, если не включать в их число Птолемея; Гиппарх стоит уже у порога нового века—века астрологии (стр. 315).

Однако здесь следует указать имя одного из ученых I века, так как у него мы находим две блестящие догадки. Посидоний[16] (стр. 316) определил диаметр Солнца в $39\,^1/_4$ земных диаметра, а не в $12\,^1/_3$, как Гиппарх, или $6\,^2/_4$, как Аристарх; он же определил расстояние Солнца от Земли в 6545 земных диаметров, а не в 1245, как у Гиппарха. Это составляет в первом случае $^3/_8$, а во втором $^5/_8$ действительной величины. Но он получил эту величину, приняв утверждение Архимеда, что диаметр видимой орбиты Солнца равен 10 тыс. земных, тогда как в другом случае Архимед показывал, что он должен быть меньше 10 тыс. Это хорошо иллюстрирует методы Посидония[17]. К сожалению, Птолемей принял для диаметра и массы Солнца даже меньшие величины, чем Аристарх, а между тем именно Птолемей стал авторитетом для очень многих веков.

Математика[18] была тесно связана с астрономией, и одни и те же люди часто работали в обеих областях. Вероятно, достижения III века в математике были гораздо значительнее, чем в какой-либо другой науке. В основе всей математики лежала геометрия, потому что не было еще знаков чисел; изобрести их помешало грекам, вероятно, то, что геометрия была ими доведена до совершенства. Эвклид (около 300 г.) не был оригинальным математиком, хотя писал на различные математические темы, и его знаменитая геометрия, в которой он крайне сжато изложил некоторые доказательства, была, по сути дела, учебником для усвоения науки своего времени. Но он был мудрецом; который, подобно Платону и Архимеду, ценил знание ради него самого, и именно он однажды заявил Птолемею I, что в геометрии не существует никакого особого «царского пути». Его книга стала учебником геометрии для всего мира в течение греческой, римской, арабской, средневековой и новой эпох, вплоть до ныне живущего поколения. Греческая геометрия включала многое из того, что мы сейчас относим к алгебре,

и ученые предполагают, что уже во времена Эвклида для нахождения числовых значений применялись квадратные уравнения. Однако первый шаг к алгебраическому вычислению был сделан только Диафантом в III веке н. э. Эратосфен среди других своих занятий уделял внимание и математике; Архимед посвятил ему свой труд «О методе»; и когда боги потребовали в качестве непременного условия прекращения чумы на Делосе, чтобы местный алтарь, кубический по форме, был удвоен по объему, именно Эратосфен открыл способ удвоения куба[19]. Аполлоний из Перги, принадлежавший к школе Эвклида, несколько более молодой, чем Архимед,—вероятно, второе крупное имя в области чистой математики; его великий труд о конических сечениях, последняя часть которого была посвящена Атталу I, знаменовал собой такой прогресс знания, что, повидимому, почти исчерпал тему, и возможно, что именно он положил начало тригонометрии, хотя впервые стал систематически пользоваться ею только Гиппарх, который, между прочим, применил триангуляцию* в критике карты Эратосфена.

Но величайшим из всех математиков древности был Архимед Сиракузский (умер в 212 г). Он написал ряд монографий на самые различные темы, и только один список его технических открытий производит уже внушительное впечатление; между прочим, он нашел пределы, между которыми заключено число π (отношение длины окружности к диаметру), хотя позже Аполлоний определил их еще точнее; придумал терминологию для обозначения чисел любой величины; заложил основы исчисления бесконечно больших и малых величин; наконец, основал целую новую науку—гидростатику. На его могиле, которая была забыта и вновь открыта Цицероном, по его желанию был изображен шар в цилиндре; это указывает, что, по собственному мнению Архимеда, его лучшим достижением был вывод отношения объема шара к объему описывающего его прямоугольного цилиндра. Он был также величайшим теоретиком механики в древнем мире; и хотя

* Триангуляция (построение треугольников)—способ определения длины дуги земного меридиана, при котором непосредственно измеряется только сравнительно небольшая линия—базис—и ряд углов; вся длина дуги меридиана вычисляется по правилам тригонометрии. (*Прим. ред.*)

он вместе с Платоном считал, что философ не должен стремиться к практическому применению своего знания, но на деле воображение всех поражали именно эти практические результаты. Архимед построил планетарий, приводившийся в движение водой и изображавший движения небесных тел (планеты, должно быть, передвигались руками); он изобрел сложный блок—«барулк», или ворот для передвижения больших тяжестей[20], и бесконечный винт, употреблявшийся для откачивания воды с кораблей и дренажа полей после нильского наводнения, который и сейчас существует под названием Архимедова винта.

Если не считать трудов Архимеда, то практическая механика (в отличие от инженерного дела) не привела к крупным результатам. Механика в основном сводилась к осадным машинам и катапультам[21] (до нас дошли различные трактаты о них) и механическим игрушкам. Труд был слишком дешев, чтобы стоило думать о механизации, хотя Ктесибий изобрел катапульту, приводимую в движение сжатым воздухом[22], и водяные часы; кто-то изобрел водяную мельницу, а младший Ктесибий[23]—водяной орган[24], употреблявшийся в первоначальный период христианской церковью. Аристарх усовершенствовал солнечные часы. Герон Александрийский имел какое-то представление о двигательной силе пара[25]; но некоторые ученые считают, что он жил уже после 200 г. н. э.[26]. Наиболее полезным изобретением была «диоптра», или переносный водяной уровень, который заменял теодолит при топографической съемке; Гиппарх сконструировал более сложную его форму для нужд астрономии, как думают, по вавилонским образцам[27]. Математики продолжали энергично работать, но отношение к ним в I веке иллюстрируется нападками эпикурейца Зенона Сидонского на самые основы геометрии. Посидоний отклонил эти нападки, и весь период как бы увенчивается написанной учеником Посидония, Гемином, историей математики — итогом достигнутых результатов.

В начальной географии[28] заметна большая работа, вновь оживившаяся потом при Антонинах. Началом ее была целая серия измерительных работ, выполненных особой секцией землемеров при штабе Александра (бематистов), которые на долгое время заложили основы для географии Азии. А около 300 г. перипатетик Дикеарх[29],

при денежной поддержке Кассандра или Лисимаха[30], составил карту мира, вычислил высоту многих гор Греции и (вероятно) окружность земного шара; пользуясь как базисом для вычисления линией Сиена—Лисимахия, он определил окружность земли в 300 тыс. стадиев, т. е. сильно преувеличил ее размеры, но как первая попытка это вычисление заслуживает внимания. Однако великим географом III века и вообще одним из величайших его представителей был Эратосфен Киренский[31] (275—200 гг. до н. э.), ученик стоика Аристона Афинского, работавший в Александрии. Он почти сравнялся с Аристотелем разносторонностью своих научных занятий: кроме работ по исторической критике и хронологии, он публиковал труды по математике и философии, а также по истории комедии (в этой области он превзошел Ликофрона) и писал стихи. У него было прозвище «Бета» («второй»); это означало, что в каждой области знания при обсуждении достоинств ученых он имел бы право на «бюллетень Фемистокла», т. е. на второе место. Он измерил окружность земли, вычислив ту часть дуги меридиана, которая равнялась известному уже расстоянию от Александрии до Сиены, и определил ее в 252 тыс. стадий; длина его стадия — предмет спора, но наиболее вероятно, что найденная им длина окружности земли равняется 39 681 *км*, тогда как подлинная составляет 400 тыс. *км*[32]. Его действительная ошибка, каких бы размеров она ни была, объясняется тем, что у него не было средств определить, лежат ли Александрия и Сиена на одной долготе (чего на самом деле нет); и все же это было изумительным достижением, которое было превзойдено лишь в новейшее время. Размеры «ойкумены» он определял в 14 336 *км* длины и 6983 *км* ширины; он ее делил по широте параллелью Родоса (36°), которую считал равнозначной линии Тавр—Гиндукуш[33]; это деление он взял из обозрения[34] империи Александра, составленного вскоре после смерти последнего. Он определил также некоторые параллели широты и долготы

Вопрос о том, соединяются ли Индия и Африка, который так мучил Аристотеля, был решен Александром; сильный критический ум Эратосфена позволил ему никогда не сомневаться, что все океаны составляют один океан и что обитаемый мир, Европа—Азия—Африка, является островом[35]; он указал на сходство приливов

и отливов в Индийском и Атлантическом океанах и сделал правильный вывод, что можно плыть из Испании кругом Африки в Индию[36]; хотя такое путешествие фактически не было проделано до Васко да Гамы, филолог Кратес из Маллоса (около 168 г.) в споре с другим филологом—Аристархом—по поводу географии Гомера утверждал, что такое путешествие было совершено Менелаем[37]; а Посидоний использовал эту идею в рассказе об Эвдоксе (стр. 225). Эратосфен также первый заметил, что можно плыть из Испании в Индию в западном направлении[38]. В некоторых отношениях у него были более верные взгляды, чем у кого-либо из его преемников; но его слабой стороной были затруднения в определении долгот, и поэтому Гиппарх, обладавший лучшими знаниями, оказался в состоянии подвергнуть его карту в этом отношении серьезной критике. Гиппарх напал на счастливую мысль определить широту и долготу большого числа пунктов путем астрономической их фиксации при содействии различных наблюдателей по всему миру[39]. Политическое положение делало эту идею невыполнимой, но что она в конце концов принесла свои плоды, доказывается большим числом пунктов, определенных по широте и долготе в более поздней географии Клавдия Птолемея, господствовавшей в науке вплоть до Колумба.

Полибий во многом способствовал превращению после него греческой географии в описательную, так как только в этой форме она была полезна для истории. Единственными успехами в период между Гиппархом и римской империей научная география обязана Посидонию[40] (стр. 316), любознательность которого по отношению ко всем земным явлениям была безграничной. Он написал, кроме своего знаменитого труда «Об океане» (заглавие заимствовано у Пифия), работы о метеорологических и вулканических явлениях. Не будучи ученым и критиком, он, тем не менее, оказал услуги науке. Его громадное собрание описаний вулканических и водных явлений, иллюстрирующих изменения на поверхности земли, ярко обнаруживает его отношение к документации: ему все равно, имеет ли он дело с мифом или историей, разрушением Атлантиды или разрушением Гелики; но, с другой стороны, мы находим у него рассуждение об европейско-анатолийском поясе землетрясений как о единой географической области. Посидоний пользовался какими-то странными предпосылками при вычислении окружности земли[41], которую он определил в 180 тыс. стадий[42]; неизвестно, каким стадием он пользовался, но, во всяком случае, он представлял себе землю в слишком преуменьшенных размерах. Он—родоначальник принятого в наше время учения о пяти климатических поясах[43]. Полибий насчитывал их шесть, а Эратосфен установил даже семь поясов, разделив тропический пояс на две невыносимо жаркие зоны и обитаемую экваториальную зону между ними (удивительно удачная догадка о действительно существующих поясах пустынь). Посидоний выбрал в качестве критерия полуденную тень, которая, в зависимости от местности, в течение года передвигается в одном или двух направлениях или же, наконец, двигается по кругу. Он принял утверждение Эратосфена о том, что все океаны в сущности являются единым океаном[44]; к сожалению, эта мысль была снова забыта человечеством, после того как она была отброшена астрономами Гиппархом и Селевком. Посидоний совершил знаменитое путешествие в Гадес (Кадикс), где изучал приливы и отливы Атлантического океана. Аристотель и Дикеарх предполагали, что приливы объясняются влиянием ветра, в свою очередь обусловленного солнцем, и только подлинно великий путешественник Пифий впервые показал, что причиной приливов является луна. Селевк, наблюдая Персидский залив, открыл неравномерность приливов (большие и малые приливы) и приписал ее положению луны в зодиаке; Посидоний продолжил изучение этой неравномерности и приписал ее фазам луны. Но в поисках действующей силы он вернулся к ветру, о котором говорил Аристотель, в то время как Селевк думал, что взаимодействие луны и земли создает своего рода давление или течение[45]; он, возможно, шел ощупью в том направлении, идя по которому в дальнейшем можно было бы притти к открытию тяготения.

Однако путешествие Посидония содействовало изучению не только приливов: оно, в конечном счете, повело к открытию Америки. Кто-то, вероятно Эратосфен, предположил, что Атлантический океан, может быть, разделен землей (т. е. Америкой)[46], и это внушило Сенеке знаменитое пророчество по поводу открытия Нового Света[47]. Тем не менее, Посидоний не только отбросил эту

идею, но, приняв размеры земли в слишком преуменьшенном виде, решил, что на параллели Родоса (36°) поперечная длина ойкумены, которая, по его мнению, составляла 70 тыс. стадий, достигала половины окружности земли. Поэтому он, обратив внимание на Атлантический океан, вполне естественно пришел к выводу, что человек, плывущий на запад, через 70 тыс. стадий приедет в Индию[48]. Это замечание, использованное (наряду со многими другими) Роджером Беконом[49], было конечным обоснованием уверенности Колумба в успехе; и если он отплыл в Индию из Кадикса, в котором некогда вел свои наблюдения Посидоний, это было только исторической справедливостью.

В медицине[50] двумя великим деятелями начала III века были Герофил Халкедонский и Эрасистрат из Иулиса на Кеосе, которые стали основателями двух соперничающих школ. Герофил и его школа действовали в Александрии (александрийская школа), хотя эта школа проникла и в Азию. О жизни Эрасистрата и о месте его работы ничего не известно; рассказы о нем, в частности рассказ о том, что он был врачом Селевка, не имеют никакой ценности. Оба достигли важных успехов в анатомии и физиологии. Герофил открыл ранее неизвестные нервы, которые, как он считал, идут от мозга и спинного хребта и провел различие между мозгом и мозжечком; он также открыл, что по артериям движется кровь, а не воздух (как думали до него), и что артерии пульсируют не сами по себе, а в связи с биением сердца. Таким образом, он фактически открыл кровообращение, о котором потом забыли до Гарвея. До сих пор еще употребляются некоторые его названия частей тела, например duodenum (двенадцатиперстная кишка) и torcular Herophili. Эрасистрат добился успехов в анатомии сердца, но его главным открытием было установление различия между двигательными и чувствительными нервами; к сожалению, он вернулся к утверждению, что в артериях движется воздух. Оба они совершали серьезные операции и рассекали трупы. Вивисекция животных уже была известна Аристотелю; но у Цельса, трезвого и компетентного писателя, есть ужасный рассказ[51], будто Герофил подвергал вивисекции преступников, подаренных ему Птолемеем I; и то же самое приписывается Эрасистрату.

Их школы не добились больших успехов после своих основателей и в конце концов были оттеснены третьей, эмпирической школой, основанной учеником Герофила, Филином Косским, который, может быть под влиянием скептицизма Академии, стал, как это утверждают, пренебрегать анатомией и заявлял, что можно лечить болезнь без знания физиологии. Однако наиболее известный представитель этой школы—Гераклид Тарентский—практиковал рассечение трупов, и концентрация внимания этой школы на лечебном деле сильно подвинула изучение лекарств. В I веке появилась интересная личность—Асклепиад из Прусы; он не был врачом, получившим специальное образование, но принялся излечивать болезни без лекарств—путем диеты, прогулок, массажа и холодных ванн—и добился такого успеха, что появилась легенда, будто он (подобно Эмпедоклу) воскресил умершего человека. Происхождение этой легенды можно, по крайней мере в одном случае, проследить, так как Цельс утверждает, что он однажды заметил, что человек, которого несли хоронить, был еще жив[52]. При Августе Цельс написал медицинскую энциклопедию, суммировавшую успехи науки со времен Гиппократа,—своего рода параллель к истории математики Гемина. Понятно, что в течение всего периода эллинизма научной медицине сопутствовала ее как бы незаконная сестра—врачевание в храмах Асклепия и Сераписа, в ограде которых спали пациенты и исцелялись во сне богом. Некоторые рассказы о таком врачевании забавны[53], но, несомненно, были случаи исцеления больных внушением. В I веке странствующий маг был серьезным соперником и доктора и жреца.

Зоология и ботаника едва только начали развиваться. Теофраст и его преемник Стратон писали по зоологии, но в основном эта наука осталась в том же положении, в каком ее оставил Аристотель, и все, что было потом сделано, сводилось к ознакомлению греческого мира с различными новыми видами животных. Селевк прислал в Афины индийского тигра[54], а у Птолемея II был зоологический сад[55], в котором находились леопарды, рыси и другие животные из рода кошек, индийские и африканские буйволы, дикие ослы из Моава, питон длиной 13,5 *м*, жираф, носорог и полярный медведь вместе с попугаями и павлинами, цесарками, фазанами и различными

африканскими птицами[58]. У ботаники была несколько лучшая судьба. Великая «История растений» Теофраста, в которой были учтены результаты экспедиции Александра, на долгое время стала высшим достижением этой науки; все, что было к ней прибавлено, заключалось в более точном изучении некоторых растений, например арабского ладанового дерева, а также лекарств. Медицинская школа эмпириков сделала много для изучения лекарств, и существовала особая литература о ядах и противоядиях, которой специально интересовались Аттал III и Митридат Эвпатор; у Аттала был сад редких растений для его работ на эти темы. Но ботаника в этом периоде не дошла до научной классификации и номенклатуры, хотя врач Митридата, Кратевас, старался устранить неточность словесного описания введением метода изображения растений в рисунке[57].

Не следует слишком преувеличивать достижения эллинистической науки, как бы она ни была интересна, поскольку из двух наук, имеющих сейчас такое большое значение,—физики и химии—химия (за исключением алхимии[58]) совсем и не возникла, а физика сошла на-нет после смерти Стратона, который в ограниченной мере использовал атомическую (на деле—молекулярную) теорию Демокрита. Ведь принятие этой теории Эпикуром не имеет ничего общего с наукой (стр. 296—297), хотя в изложении эволюции у Лукреция, построенном на мысли Эмпедокла о том, что многие плохо приспособленные животные организмы погибли, было зерно, из которого могла вырасти истинная гипотеза эволюции, если бы оно было подхвачено наукой. Грек не мог пойти дальше, потому что у него не было научных инструментов и, за исключением хирургии, он редко экспериментировал. Может быть, к его счастью, у него не было дара к изобретению инструментов и машин, и, вероятно, он добился наибольших успехов, возможных без телескопа, микроскопа и пробирки. Корнфорт заявил, что если бы какой-нибудь Архимед преодолел греческий предрассудок против механических ремесел и изобрел оптическое стекло, изменился бы весь ход истории[59]. Но отдельные случаи—очки Нерона[60], два намека на зажигательные стекла[61] и, прежде всего, «зеркало Александра» на Фаросе[62], которое позволяло обнаруживать корабли за пределами

поля зрения человеческого глаза,—показывают, что свойства вогнутой линзы, по крайней мере, подозревались. Однако все это не получило дальнейшего развития, так как греческий ум был склонен испытывать и обдумывать любую вещь ради нее самой; философия, а не наука была для него богом, требующим служения, и по этой причине из всех наук математика далеко превзошла все другие.

Архитектура[63] и планирование городов[64] представляли собой переход от науки к искусству. В некоторых отношениях эллинистическая архитектура была объединением прежней греческой архитектуры с инженерным делом. Это объединение, может быть, впервые вполне определенно имело место при постройке арсенала Филона и доковых сооружений в Афинах в царствование Александра. Если придавать какое-нибудь значение количеству и разнообразию построек, то столетие после Александра было одной из великих эпох процветания архитектуры, со множеством новых городов, из которых каждый, поскольку он был греческим, должен был иметь театр, рыночную площадь, дом городского совета, гимнасий и, по меньшей мере, один храм; театр в Эфесе вмещал 24 500 зрителей[65], а зала совета в Милете была величественна. Выше уже было дано краткое описание Александрии и Пергама, а Антиохия и Селевкия на Тигре были в конечном счете почти столь же населены, как и Александрия. Антиохия состояла из четырех особых городов, или «кварталов», имеющих свои стены и заключенных в одну общую круговую стену. Деметриада была двойным городом, и одна стена кольцом обходила вокруг Деметриады и Пагас. Крупные успехи в осадной технике, достигнутые инженером Александра Диадеем[66] и еще более—Деметрием, повели к соответствующим улучшениям в конструкции городской стены. Можно и сейчас еще видеть следы[67] великолепных укреплений Гераклеи-Латмоса, в сущности второстепенного города; они простирались прямо по горе и оврагу, с башнями через определенные промежутки; маленькая Мелитея в Эте имела стены, к которым нельзя было приставить лестницы[68]. Обычно стена следовала контуру города на плоскости и захватывала часть холма за ним; она не оставляла места для расширения города, что и объясняет, почему Антио-

хия, например, по мере роста превратилась в группу городов, имеющих свои особые стены. Ни в одном эллинистическом городе стена никогда не достигала размеров 29-километровой стены Сиракуз. Огромная стена Александрии имела, возможно, 16 *км* в окружности, Эфеса—12 *км*, Милета—11,2 *км*[69]. Но особые стены, опоясывавшие некоторые города Акарнании, были предназначены служить укрытием для сельского населения и могли соперничать со стенами Эфеса[70]. Конечно, в Александрии и Селевкии вне стен жило многочисленное туземное население.

Характерными для эллинистического города были улицы, пересекавшиеся под прямыми углами и разбивавшие его на кварталы, как шахматную доску. Гипподам Милетский внес эту систему в постройку Пирея еще при Перикле, но теперь она стала обычной[71]. Полибий[72] сравнивает эллинистический город с лагерем римского легиона, в котором две главные улицы пересекаются под прямыми углами и делят город на четыре квартала, с четырьмя воротами на каждом конце главных улиц. Поэтому, повидимому, города этого типа существовали—может быть, такими были Александрия и Селевкия[73],—но из них ни один не раскопан, и единственный город, описание которого соответствует этому образцу, это Антигония-Никея в Вифинии[74]. Расположение города, конечно, было обусловлено профилем местности. Приену можно представить как типичный образец такого города, стоящего на склоне холма, и хотя здесь план шахматной доски выдержан, две главные улицы идут параллельно длинной оси; в Милете, на ровной почве, план, повидимому, сводился к тому, чтобы наиболее удобно разместить общественные здания. Смирна была построена в виде подковы вокруг холма[75], состояла из трех отдельных кварталов, каждый с прямоугольно пересекающимися, но различно ориентированными улицами, что может объяснить, почему постройка города приписывалась нескольким царям. Селевкия в Пиерии выросла террасами на утесе[76]. Делос строился совсем беспорядочно. В действительности не существовало никакого стандартного планирования; архитекторы достигали красоты приспособлением расположения построек к своим целям; например, главная улица обычно образовывала одну из сторон рыночной площади, но план составлялся

так, чтобы улица вела к рынку, а не рынок заканчивал улицу[77]. Однако имеются некоторые указания на то, что постройки размещались с таким расчетом, чтобы обеспечить домам наибольшее количество солнечного света в зимнее время[78].

За исключением Александрии, где, как говорят, главная улица была шириной в 301 *м*, улицы еще не были так широки, как в Риме. В Пергаме закон предписывал ширину улиц в 10 *м*; самая широкая улица в Приене имеет около $7^1/_2$ *м*, а в Магнесии—8 *м* ширины. Перекрестные улицы имели ширину около $4^1/_2$ *м*, но встречается и ширина в 3 *м*[79]; дешевизна труда характеризуется тем, что в маленьком городе Ассосе улицы были пробиты в сплошной скале. Смирна гордилась тем, что она первая вымостила свои улицы[80]. Однако эллинистическая мостовая, хотя и встречается, но очень редко, и такие города, как Милет, Антиохия и Александрия совсем не были вымощены. Первая известная нам крытая колоннада вдоль главной улицы, обычная в римское время, была построена Иродом I в Антиохии[81]. Большое внимание уделялось водоснабжению; там, где это было возможно, вода просто под влиянием силы тяжести стекала с холма вниз, в резервуар, и уже отсюда распределялась; но если судить по Приене, только в очень редких случаях вода отводилась в отдельные дома. Подземные цистерны Александрии—это исключение, и утверждение, что каждый дом в Антиохии имел проведенную в него воду, относится к гораздо более позднему периоду. С другой стороны, крайне суровые наказания, налагаемые пергамскими законами за порчу городской воды, иллюстрируют новые для того времени заботы о здравоохранении[82]. Там, где нельзя было получить воду простым использованием силы тяжести, умело применялась сила давления: водоснабжение на пергамском холме было сконструировано таким образом, что вода шла последние две мили по металлическим трубам под давлением 18 атмосфер[83]. Бани стали обычным явлением и существовали в каждом хорошо оборудованном гимнасии[84]. В Пергаме, повидимому, были публичные бани[85] и водосточные канавы, выходящие из домов, согласно закону, должны были быть крытыми[86], как в Афинах[87]; но, вероятно, открытые сточные канавы, как в Приене,

были правилом, пока римляне не построили водосточных труб.

Архитектурная техника мало изменилась. Арка и свод, давно известные в Вавилонии, и купол в этот период явились как бы подкреплением более древних форм конструкции, связанных с деревянным материалом, но они встречаются только случайно. Арки строились и в Пергаме и в Дидиме, но строительство подпор, необходимое ввиду давления на арку извне, кажется, было чуждо грекам; покрытие александрийских цистерн сводами приписывается арабам. Коринфская капитель неуклонно завоевывала популярность за счет более древних образцов; в Азии можно найти смешение ионического и коринфского стилей. Другие архитектурные новшества относятся к формам строений. Частные дома все еще придерживались типа постройки вокруг центрального двора, но они стали гораздо лучше и даже роскошнее; во II веке на Делосе[88] уже встречается перистиль—колоннада вокруг двора. Строительство варьировалось в связи с употребляемым на постройке материалом. Недаром утверждали, что Александрия никогда не могла быть сожжена, так как в ней не было деревянных строений[89]; и отсутствие мрамора в Египте повело к изобретению «инкрустации»—панельной обшивки внутренних стен тонкими мраморными плитами; стены также расписывались под мрамор. С другой стороны, были также города, как, например, Миласа, где имевшийся в изобилии местный мрамор использовался для постройки частных домов[90]. Иногда стенные панели комнаты также расписывались изображениями садов или колоннад, так что она производила впечатление залы, открытой со всех сторон[91]. В Тире и Араде, островное положение которых ограничивало строительство, дома вырастали во много этажей[92]; так, может быть, было и в Александрии в границах ее стен около 100 г., так как при основании города расстояние между домами было вдвое меньше, чем это требовалось в Афинах, и, кажется, была возможна застройка промежуточного пространства при условии уплаты особого налога[93].

Хотелось бы иллюстрировать эллинистическую архитектуру описанием царского квартала в Александрии, но о нем ничего не известно, за исключением того, что

дворцы стояли в садах. Жилище Птолемеев следует представлять себе в виде дворца не восточного, а строго греческого, т. е. как группу находящихся рядом зал и жилых комнат. Этот тип может иллюстрировать дом-корабль Филопатора—великолепная вилла с залами и святилищами, окруженная колоннадой и поставленная на баржу[94]. Конечно, мог широко использоваться привозный мрамор. Дворец в Пергаме был только большим частным домом, но из этого нельзя строить вывод о характере дворцов у других династий, так как такие постройки были одним из проявлений демагогической политики Атталидов. Это был век колоннад, которые особенно часто строились для нужд купцов; колоннады часто строились на средства царей, как, например, портики Антигона Гоната, Аттала I и Филиппа V на Делосе (стр. 237) и Антиоха I в Милете[95]. Нормальным типом рыночной площади была трехсторонняя колоннада, с четвертой стороны был выход на улицу; и в крупных полисах начали различать места на площади, предназначенные для торговли и администрации[96], так же как стали различать в гавани помещения для торговых и военных нужд. Поэтому там, где это позволял рельеф местности, копировалась двойная гавань Александрии[97]; город большого значения должен был иметь возможность запереть цепями хотя бы одну из своих гаваней, но, может быть, ни у одного города, кроме Кизика[98], не было такого выгодного положения, как у Афин, которые могли запереть все свои гавани[99]. Совершенно уникальным был маяк Сострата на Фаросе в Александрии[100], построенный в виде башни с тремя постепенно уменьшающимися этажами, высотой приблизительно в 400 футов; третий этаж заключал в себе «фонарь»; восемь колонн поддерживали купол, под которым горел костер, сложенный из смолистых деревьев, причем, возможно, свет отбрасывался вдаль вогнутыми зеркалами; на этот этаж подымались на лифте. Может быть, этот маяк подал арабам идею минарета. Амфитеатр, хотя и не часто встречающийся, несомненно, восходит к эллинизму, который питал некоторое пристрастие к постройкам в виде круга, вроде Филиппейона в Олимпии и Арсиноэйона в Самофракии; дорический храм в Самофракии имеет закругленную апсиду, подобно христианской базилике[101].

Число построенных в это время храмов было очень велико, так как, помимо новых городов, в храмах нуждались многие поселения и ассоциации. Но Серапеум на Делосе[102] свидетельствует, что последние часто довольствовались дешевыми постройками: клубы, состоявшие из 50 членов, не могли много расходовать на свою часовню. Неизвестно назначение здания, прилегающего к храму Артемиды Нанаи в Дура, с рядами сидений, напоминающими театр; была высказана догадка, что здесь выполнялся какой-то священный танец[103]. Среди великих храмов этого времени наиболее замечательными были Серапеум Парменискa в Александрии, где римский столб все еще отмечает место колонны Сераписа, храм Зевса Олимпийского в Афинах, достроенный при Адриане, и храм Аполлона в Дидиме, вблизи Милета, никогда вполне не оконченный. Говорят, что самым красивым[104] был храм Артемиды Левкофриены в Магнесии на Меандре, планированный Гермогеном[105] и законченный в 129 г. Артемисион в Эфесе, одно из чудес мира, вряд ли должен здесь упоминаться, так как в основном он принадлежит IV веку; но можно дать краткое описание Дидимы[106]. Страбон называет Дидиму величайшим из греческих храмов[107], но по существу на эту честь претендует Сицилия, так как размеры крупнейших пяти храмов таковы: храм Зевса в Акраганте—109×55 *м*; так называемый храм G в Селинунте—108×49 *м*; в Дидиме—106×48 *м*; храм Артемиды в Эфесе—103×49 *м*; храм Зевса в Афинах—106×40 *м*.

Древний храм в Дидиме был сожжен во время ионийского восстания[108], и Милет начал строить новый около 300 г. К Дидиме имелся доступ только со стороны моря, и священная дорога от места причала до храма была еще окаймлена оригинальными архаическими статуями почитателей богини[109]. Эта идея, навеянная храмовыми дорогами в Египте, окаймленными изображениями сфинксов, вернулась из Дидимы в Египет, ибо подступы к Серапеуму в Мемфисе были украшены по сторонам статуями выдающихся греков[110]. Примыкающая к храму местность имела вид стадиона, и некоторые полагают, что здесь происходили конные состязания, так как греческие спортивные игры всегда составляли часть праздника, в первую очередь имевшего религиозное значение. Храм был окружен двумя рядами колонн и имел в ширину вдоль

фронтона десять колонн, тогда как ни у какого другого храма их не было более восьми. Вместо обычных двух колонн in antis, т. е. в промежутке между стенами целлы, их было двенадцать в три ряда, по четыре в каждом. Это производило на приближающегося посетителя впечатление леса стройных ионических колонн, что напоминало какую-либо египетскую или персидскую залу и имело целью отвлечь его внимание от того факта, что он не видит никакого «наоса»—покрытого крышей помещения, в котором хранится храмовая статуя. Дело в том, что когда посетитель входил в «продром» (вестибюль), перед ним вырастала каменная преграда, не позволяющая видеть что-либо за ней, и в центре ее он замечал большую дверь «комнаты оракула», которую Птолемей XI покрыл слоновой костью[111]; из этой комнаты, вероятно, сообщали о прорицаниях. С обеих сторон были лестницы, покрытые крышами в виде арок. Спустившись по одной из них, он входил в то, что заменяло наос,—двор, лежавший под открытым небом, на $4^1/_2$ *м* ниже уровня пола. На дальнем конце его находилось священное изображение Аполлона работы Канаха, вывезенное Дарием I и отосланное обратно Селевком в 295 г. Но посетитель, повернувшись спиной к Аполлону, видел перед собой большую лестницу в 22 ступени, которая уводила его обратно по уже проделанной им дороге вверх, в камеру между двором и продромом—«комнатой оракула». В начале лестницы было три двери, из которых две вели в верхние помещения, может быть—сокровищницы. Дидима, таким образом, совершенно отличалась от хорошо известной формы любого другого греческого храма. Но скульптурные основания ее колонн и еще более—двенадцать колонн in antis восходят к Артемисиону VI века в Эфесе, так же как и священная дорога принадлежит более древнему миру. Следует иметь в виду, что один из архитекторов Дидимы—Пеоний—работал на постройке нового Артемисиона и, вероятно, хотел избежать повторения своих собственных мотивов. Таким образом, Дидима стала уникальной комбинацией смелых новшеств и сознательной архаизации.

С началом эллинизма искусство меняет свой характер. Его покидает прежняя классическая сдержанность: теперь уже нет ограничений, так как наступило такое время, когда люди искали новых путей. Все тенденции эпохи

сказываются в скульптуре[112]: недостаток спокойствия, потому что его мало и в жизни; повышенное самосознание, находящее себе выражение в театральности, которая наложила свою печать на скульптуру в Пергаме; романтизм и реализм, доводимый даже до безобразия. Индивидуализм проявляется в расцвете портретной скульптуры; чувство общечеловеческого братства—в изображении трудящихся стариков, например чудесных старых пастухов и рыбаков во дворце Консерватории в Риме. «Тюхе» Антиохии свидетельствует о том, что Тюхе была типичным божеством III века, так же как Исида Делоса вводит в новый мир I столетия. Борьба олицетворена на пергамском фризе, а Нике прославлена—как никогда ни ранее, ни позже—в Нике Самофракии. Конечно, в конце концов обнаружился упадок; такие произведения, как александрийские гротески, деградация Эроса в Купидона, переход от Феокрита к искусственной «природе» пасторальных рельефов, статуи вроде некоего прославленного Лаокоона—все это хорошо иллюстрирует усиливающиеся тенденции времени. Идеализм постепенно ослабевал, и вдохновение уже черпается не из души художника, а из прошлого. Но даже и при таком положении вещей техническое умение не исчезало, пока скульптура в конце эпохи не стала ремеслом. Все же неумирающую любовь к красоте можно иллюстрировать тем фактом, что Афродита Мелосская (Венера Милосская) и Афродита Анадиомена Киренская—обе приписываются концу II века[113].

Много труда было положено на изучение тенденций этих трех веков: прослеживались местные школы или же вся эпоха подразделялась на периоды безотносительно к отдельным местностям; иногда к ним применялись термины чуждого эллинизму искусства—барокко или рококо. Может быть, не-историку искусства простят некоторое недоверие к критическому чутью науки, которая за несколько последних лет колебалась в датировке Самофракийской Ники от 322 г. до 31 г., не останавливаясь даже перед датами, которые в глазах историков являются явно абсурдными[114]. Что скульптура была жизненной, видно из огромного распространения ее и иногда исключительно высоких цен: обычной ценой за хорошую статую была сумма в 120 фунтов стерлингов[115] (в современных ценах), но Аттал II за одну статую заплатил 25 тыс. фунтов[116]; Филипп V

нашел в Термуме 2 тыс. статуй[117], а римляне захватили много статуй в Амбракии[118], хотя оба эти места, конечно, не были художественными центрами. Значительная масса дошедших до нас эллинистических произведений—оригиналов, фрагментов и копий—не дает почти никакого представления обо всем том, что некогда существовало. Ведь это был век почетной и вотивной статуи, и каждый греческий город ставил их в значительном количестве; отдельные из них были, несомненно, хороши. Но переход скульптурного мастерства в некоторых известных нам семьях по наследству иллюстрирует и постепенный переход от искусства к ремеслу. Конечная ступень на этом пути была достигнута уже после римского завоевания, когда грабежи людей, подобных Муммию или Верресу, привили Риму вкус к приобретению греческих статуй оптом, совершенно так же, как разбогатевший выскочка заводит у себя библиотеку. Торговое возрождение Афин после 146 г. частично объясняется тем, что они удовлетворяли эти потребности Рима и оригинальными работами, выполненными в подражание более древним статуям, и хорошими копиями, а другие города, в свою очередь, подражали Афинам. Лучшие вещи в этом роде можно видеть в чрезмерно мускулистом Фарнезском Геркулесе и в чрезмерно грациозном Аполлоне Бельведерском. В конце концов римская фирма Коссутиев завела свои филиалы повсюду в Греции, где только был мрамор, и стала нанимать греков для вывоза статуй на оптовую продажу на римский рынок[119]; и скульптура, начавшаяся с выполнения религиозных задач, закончила свое существование как вид ремесла.

Кажется, существовала школа скульптуры и в Александрии[120], хотя в первую очередь она была центром коллекционирования скульптурных произведений. Однако скульптурные работы, пока найденные в Египте, обычно не первоклассного качества[121], а александрийские надгробные рельефы не достигали даже среднего уровня, пока афинские художники не покинули Афин, вследствие того, что запрещение надгробных рельефов Деметрием Фалерским лишило их средств существования, и не поселились в Александрии на время одного поколения. Именно в Египте появилась практика наложения на статую волос из гипса. Влияние Праксителя было попрежнему велико,

и не только в Александрии; но мягкость кожных тканей, присущая его скульптурам, начала преувеличиваться; этот стиль может иллюстрировать прекрасная Афродита Киренская, однако иногда этот стиль означает попросту слабую работу. Подлинно сильной стороной Александрии были малые искусства; вероятно здесь изобрели мозаику и резьбу камей. Любопытно, что хотя александрийское искусство плохо терпело идеализм, в городе находилось одно ярко идеалистическое произведение—культовая статуя Сераписа[122]. Она могла в самом деле быть работой ученика Скопаса, Бриаксида, откуда бы Птолемей I ее ни вывез; она была выкрашена в темносиний цвет, а глаза ее были сделаны из драгоценных камней и светились в затемненном храме из богато украшенной и освещенной целлы; лицо статуи описывается как кроткое, величественное и таинственное, как это и подобало богу подземного мира, а на голове ее находился модий—мера зерна, характерная для Египта, этой великой житницы.

Влияние Лисиппа было сильно на Родосе, где его ученик Харес из Линда, в увековечение сопротивления Родоса Деметрию, в 304 г. изваял ту колоссальную статую бога солнца, которая была одним из чудес мира; она была разрушена землетрясением в 225 г., и не сохранилось ничего, что могло бы дать представление, на что она была похожа[123]. Родосская школа любила мужественный стиль; она создавала статуи атлетических мужчин и заботливо задрапированных женщин; ее лучший период могут иллюстрировать хорошо известная статуя молящегося мальчика, хранящаяся в Берлине, и так называемый «Эллинистический правитель» в Неаполе; и даже в I веке, когда она выродилась в вымученные формы групп Лаокоона и Фарнезского быка, ее техническое мастерство осталось изумительным. Но наиболее влиятельным произведением школы Лисиппа была знаменитая «Тюхе» Антиохии[124], созданная для Антиохии учеником Лисиппа, Эвтихидом: грациозная и очаровательная женщина с задумчивым лицом, сидящая на горе. Возле ее ног изображен речной бог Оронт; она была полностью задрапирована и увенчана короной в виде башенки, ставшей с этого времени постоянным символом богини города, а в руке держала пальмовый лист. Утверждать вместе с Брунном, что у нее нет достоинства или суровости древнейших богинь, не имеет

смысла, потому что она и не была богиней (хотя позже и стала ею); она была персонификацией, воплощением той группы мужчин и женщин, которая и составляла Антиохию (стр. 308). Ее тип, со многими вариациями, вызываемыми местными обстоятельствами, копировался бесчисленными азиатскими городами.

Первоначальная история Пергамской школы имеет только технический интерес, и великое пергамское искусство, в котором вновь ожило влияние Скопаса, начинается с периода побед Аттала I над галлами (до 230 г.). Сохранилось несколько мраморных копий, вероятно современных, с изображений галлов на памятнике в честь побед, из которых лучше других известны капитолийский умирающий галл, увековеченный Байроном как умирающий гладиатор, и группа галла, убившего свою жену и закалывающего самого себя. Эти копии заслуживают высокой оценки: создатели памятников нашли новые реалистические приемы при передаче чуждого типа и грубых черт варваров, не знающих страха смерти и не выносящих поражения; они сумели лучше проникнуть в кельтскую душу, чем когда-либо это удавалось литераторам. Вторая фаза этого искусства отражена в гигантском фризе алтаря Зевса в Пергаме, более 120 *м* длиной, изображавшем битву богов и титанов. В нем видна большая эрудиция. Странные формы рожденных землей титанов, некоторые со змеями вместо ног, разнообразные позы и случайные положения в увлечении борьбой, то патетические, то театральные, дикое волнение и движение во всей композиции—все это не имеет себе равного вообще в греческом искусстве. Каким бы ни был этот фриз, он должен был производить огромное впечатление; и христианская литература не была слишком неправа, называя алтарь «троном Сатаны», так как он выражал сущность эллинизма лучше, чем что бы то ни было другое: сумятица эпохи, встреча цивилизации и варварства, конфликт добра и зла, постоянная борьба, необычные средства выражения—все здесь налицо. Он неизбежно воспроизводит в памяти другой алтарь, с прекрасной, спокойной фигурой Земли, с ее плодами на Ara pacis («алтарь мира») Августа, созданный в то время, когда характерная для эллинизма борьба отошла в прошлое и все требовали от римского победителя только одного блага—мира.

Оспаривается не только дата, но и художественная родословная шедевра эллинистической эпохи—Самофракийской Ники. Однако некоторая связь ее с Ника на монете Деметрия заставляет вспомнить о его морской победе над Птолемеем I при Саламине в 306 г.; и поскольку эта связь кажется несомненной,—наиболее удовлетворяющей историка точкой зрения и единственной, могущей объяснить появление статуи[125], является точка зрения профессора Студничка[126] и Ашмоля[127], которые видят в ней памятник, воздвигнутый рвением сына Деметрия, Антигона Гоната, в увековечение его морской победы над Птолемеем II у Коса (около 258 г.). Если рассматривать ее сбоку, как она стоит в Лувре, ее мощные крылья кажутся слишком большими, и это делает праздным вопрос, почему она несколько наклонена вперед: надо было уравновесить эти крылья. Она не стояла, а спускалась на нос галеры, и если ею действительно была увековечена Косская победа, то в своей поднятой правой руке она должна была держать корону Истмийского победителя. При такой позе ее драпировка вполне правильна: она передает порыв морского ветра, колеблющего ткань в то время, как богиня задерживает свой полет.

В материковой Греции, в которой ведущую роль играли такие неартистические народы, как ахейцы и этолийцы, было создано мало высокохудожественных скульптурных работ. И все же интересна попытка Дамофона (II век) вновь выразить в своей колоссальной группе Деспойны и Коры в аркадской Ликосуре невозмутимую ясность древних богов. Тем не менее, портреты Александра работы Лисиппа дали мощный толчок развитию портретного мастерства, которое из материковой Греции распространилось и по другим странам. Очень неплох хорошо известный Демосфен Полиевкта (около 280 г.), и современные исследователи эллинистического портрета находят обширный материал для догадок в большом числе дошедших до нас портретных бюстов, иногда довольно любопытных. Но чтобы представить себе, что могло дать это портретное мастерство, следует обратиться к монетам, на которых среди множества условных изображений можно найти некоторые наилучшие его образцы, например, прекрасные идеализированные головы Александра на монетах Лисимаха или головы греко-бактрийских царей—эту вершину греческого портретного мастерства, представляющую собой своего рода художественную тайну. Помимо монет, существует еще много рельефных произведений, но изданная Шрейбером длинная серия эллинистических рельефов[128] только отчасти принадлежит эллинизму; прекрасная серия ранних цветных горельефов находится на Сидонском саркофаге, изображающем битву и львиную охоту Александра. В рельефе скульптура и живопись оказывают влияние друг на друга; наряду с расписными надгробными рельефами встречаются надгробные камни, украшенные только росписью.

Эти надгробные камни (из них лучшие, хотя и не первоклассные,—камни из Пагас[129]) являются единственными образчиками эллинистической живописи, дошедшими до нас в оригинале, так как вазопись отошла уже в прошлое. Высокая репутация крупных мастеров доказывает, что греки считали свою живопись[130] не менее ценной, чем скульптуру. Чем она была в своих лучших образцах, об этом можно только гадать, так как станковые картины погибли и ничего не осталось от исторической живописи Апеллеса и его времени, кроме литературных заметок и одной копии в виде мозаики, изображающей битву Александра. Все, что мы имеем, это стенная роспись—искусство в основе эллинистическое; за исключением росписи одной или двух могил, эта роспись, первый период которой имеет александрийское происхождение, сводится к Помпеям. Но в Помпеях мы редко встречаем даже копии; значительная часть их росписи—ремесленная работа, сама заимствовавшая материал с дешевых ремесленных копий: мифологические сюжеты, гротески, шаблонные купидоны; встречаются милые небольшие картинки цветов и пейзажи, но и они в такой же малой мере отражают большое искусство, как «Греческая антология» большую поэзию. Повидимому, можно приблизительно установить, как живописный образ постепенно освобождается от своего обычного в IV веке родства со скульптурой—может быть, это и было реальным достижением эллинистической живописи—и как зародилось знание перспективы и пейзажа[131]. Но хотя грек любил солнце и воздух, его поэзия обнаруживает слабое чувство пейзажа. Помпейские пейзажи условны и лишены атмосферы, и, вероятно, в живописи этой эпохи пейзаж всегда был только фоном для фигур.

Тем не менее, и в Помпеях из общей массы выделяются две группы фигур, на которые можно смотреть ради них самих, а не как на антикварные курьезы. Одна из них—это прекрасная группа женщин в крайней правой части длинной сцены ритуала Диониса в Villa Item, которая, по утверждению Пфуля[132], восходит к какой-то крупной фреске; другая, даже еще более важная,—фреска на вилле Боскореале—дает нам представление о портретах, известных, помимо этих, только на фаюмских крышках для мумий[133]. Предполагается[134], что это подлинные копии (I век) прекрасных произведений начала III века, изображающих семейную группу Деметрия I; их родословная восходит к школе Лисиппа. Грубая фигура философа с большой головой и длинной волнистой белой бородой, чисто живописная, а не скульптурная, могла бы быть каким-нибудь состарившимся средневековым Иоанном Крестителем. Не легко забыть печальную задумчивость глаз женщины, носящей имя Эвридики. Даже копия внушает убеждение, что это были поистине величественные мужчины и женщины.

За исключением, может быть, некоторых восточных влияний в храме Дидимы, рассмотренное здесь искусство было чисто греческим. В этот период имело место некоторое взаимодействие между греческим и восточным искусством, но этот трудный вопрос подлежит, по существу, компетенции художников-экспертов, и большая часть памятников, как-то: архитектура Сирии, живопись в Дура-Эвропос, важная Гандхарская школа скульптуры в Индии, некрополь Ком-эль Хугафа в Египте, принадлежит уже времени Римской империи, хотя возможно, что в отдельных случаях их корни восходят к эллинизму. Скульптуры на памятнике Антиоху I в Коммагене показывают, как местные резчики по камню подражали позднегреческим произведениям[135]. Массивные остатки укрепления Товиадов в Арак-иль-Эмир около Гешбона (II век)—может быть, это был храм—оказываются греческой постройкой, с некоторыми заимствованиями у персов и финикийцев[136]. Набатейская могила Хамрата в Суведе, в Хауране (около 85—60 гг.), тоже греческая[137]; но большой набатейский храм Бальсамена (Ба' ал Шамина) в Си, в Хауране (около 33 г.), обнаруживает мало греческого[138], кроме нескольких надписей и коринфской колонны. Греческое влияние может быть отмечено также в расположении пальмовых листьев на капителях египетских (птолемеевских) храмов в Эдфу и Эснэ[139]. Некоторые александрийские надгробные стелы обнаруживают египетское влияние; а в I веке воскресшая туземная египетская скульптура стала создавать портреты, проникнутые греческим влиянием[140]. Но наиболее поразительна, если она в самом деле относится к этому периоду, могила египетского чиновника Петосириса, открытая вблизи Амарны в 1920 г.[141]. Она напоминает какой-нибудь греческий Героон, хотя ее архитектура египетская; мотивы рельефов чисто египетские, но в их выполнении сильно греческое влияние, особенно в изображении жертвоприношения в честь героя и рыдающих женщин; женщины и крестьяне изображены в греческих одеждах, и художник, кое-что понимающий в перспективе, попытался внести в позы черты греческого реализма.

Слияние эллинистических и азиатских элементов в сохранившихся памятниках парфянского искусства и влияние греческого искусства на Индию и даже Центральную Азию лежат вне рамок этой книги.

Эта глава должна остаться незаконченной: ведь в ней ничего нельзя сказать об эллинистической музыке[142], за исключением того, что она имела тогда большое значение и что она создавалась не только для людей образованных. В Дельфах были найдены два гимна[143], написанных в пять тактов; один из них очень красив; но музыка эллинизма—потерянный мир, не только потому, что она не сохранилась, но потому, что если бы даже она до нас дошла, только немногие могли бы ее понять, так как греческая музыка была основана на употреблении более тонких интервалов, чем полутон.

Глава X

ФИЛОСОФИЯ[1] И РЕЛИГИЯ

Философией эллинистического мира был стоицизм; прочие школы имели второстепенное значение. При самом общем обзоре этих трех столетий мы замечаем, что школа Аристотеля теряет все свое значение, а школа Платона в течение полутора столетий, в качестве скептической, занимается исключительно борьбой со стоической доктриной. В школе Эпикура не произошло каких-либо изменений, но она пользуется сочувствием только незначительного меньшинства. Но Stoa, которая тем временем взяла под свою защиту и народную астральную религию и многие виды суеверия, в конце концов победила скептицизм на практике, если не в теории, и вобрала в себя достаточно элементов обновленного платонизма, чтобы создать тот видоизмененный стоицизм, или эклектизм, который характеризовал раннюю Римскую империю.

В течение всего периода эллинизма центром философии были Афины, хотя позже два великих стоика жили в Родосе. Вскоре после 317 г. Деметрий Фалерский пожаловал преемнику Аристотеля, чужеземцу Теофрасту, право владеть землей и преобразовать школу Аристотеля (перипатетиков) в юридически оформленную ассоциацию, наподобие Академии Платона. В 306 г. приехал из Лампсака афинянин Эпикур и основал школу в своем саду. Зенон появился в Афинах после 317 г. и начал свои чтения в «Стоа Пойкиле» (т. е. «Узорном Портике») в 302 г. Таким образом, в начале III века бок о бок работали четыре школы, похожие на высшие учебные заведения. После 317 г. школа Аристотеля недолгое время была наиболее сильной: ей покровительствовал Кассандр. Теофраст был вдохновителем законов Деметрия Фалерского, и сам Деметрий после своего падения помог Птолемею основать музей. Теофраст был человеком разносторонним и очень ученым; но после

смерти его преемника, Стратона, школа прекратила характерные для ее основателя чисто теоретические изыскания, и в середине III века ее заслуги были уже в прошлом. Она принесла много пользы науке и много вреда истории и в дальнейшем не дала более миру ничего, кроме некоторого вклада в школу эклектизма. Подобно самому Аристотелю, она была как бы чужой в Афинах и обычно антипатичной Антигонидам. Может быть, для нее было бы лучше, если бы она вместе с Деметрием переехала в Александрию. Школа Платона не могла умереть, потому что она была всецело афинской; но и она прекратила научные изыскания, и когда Аркесилай вновь оживил ее, она была построена на принципах, которые, может быть, восходили к Сократу, но имели мало общего с Платоном.

Мелкие местные школы вымерли или растворились в «Средней Академии» Аркесилая, хотя Менедем Эретрийский[2], учитель и друг Антигона Гоната, был значительной и привлекательной фигурой, человеком сильного ума и характера и центром блестящего круга литераторов. Его друзья сравнивали его с Сократом, но он не оставил ни сочинений, ни преемника, и его влияние, основанное исключительно на его личности, умерло вместе с ним. Однако киники продолжали свою деятельность. У них не было постоянного центра, так как этому препятствовал их обет бедности; они обращались к широким массам бедноты, и их грубость и нарочитое пренебрежение к обычным приличиям и правилам общежития несколько ослаблялись впечатлением от их мужественного отношения к жизни, хотя и повлияли на раннюю «Стою». Но учитель Зенона, киник Кратес, «врач душ», кажется, был выдающимся человеком: у него было много ума, и он серьезно относился к жизни; он отказался от большого состояния, чтобы вести жизнь нищего и проповедника, и несмотря на то, что был безобразен, вызвал такое преклонение своей ученицы Гиппархии, что она даже пожертвовала всем, чтобы выйти за него замуж и разделить его образ жизни. Человек, который в это время так резко нападал на половую безнравственность, производит впечатление предтечи будущего. Но слабость киников заключалась именно в этой «нищенской суме», которую так прославлял Кратес: они спасали свои души, живя за счет простых людей, не

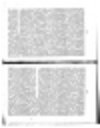
Introduction 1

имевших времени спасать свои собственные. Чудаковатый Бион Борисфенский[3], тоже друг Антигона Гоната, был на три четверти киник. Он вышел из низов, хвастался своим умом и не был лишен некоторого налета вульгарного шарлатанства; но под этой внешней шелухой чувствовалась человечность и своеобразная простая мужественность, и велико было его влияние как первого в длинном ряду странствующих учителей, популяризаторов философии, которых позднее Ориген сравнивал со странствующими христианскими проповедниками; они образуют как бы духовный фон своего века. Не будучи оригинальным мыслителем, Бион Борисфенский заставлял себя слушать, и даже в доках Родоса он увлекал толпы моряков своими обычными увещаниями—выполнять свой долг, быть довольным своей жизнью и мужественно смотреть в лицо своей судьбе.

Две новые философские школы—Эпикура и Зенона[4]—были продуктом нового мира, созданного Александром, и прежде всего основывались на том, что человек теперь уже не только частица своего полиса: он—личность и поэтому нуждается в ином руководстве. Обе школы стремились не к открытию истины, а к удовлетворению практических нужд, и поэтому у них имеются некоторые общие черты. Целью философии было счастье отдельного человека, и основное значение для нее имела проблема поведения. Обе школы поэтому вернулись от Платона и Аристотеля назад к Сократу. Обе довольствовались признанием истинности чувственных впечатлений, но Эпикур утверждал, что они все истинны, а Зенон принял в качестве критерия истины впечатление, настолько захватывающее человека, что он не в состоянии ему не верить. Оба считали мир, включая и человеческую душу, состоящим из чего-то материального (хотя для стоиков, которые на деле были в значительной мере спиритуалистами, это был только вопрос терминологии) и принимали существовавшие к этому времени физические теории: Эпикур—Демокрита, а Зенон—Гераклита. Обе стремились избегать страстей и волнений, влекущих за собой страдание от неудовлетворенности, придавали исключительное значение этике, морали, которую они совершенно отделяли от политики, и ни одна из них не заботилась о науке и знаниях. Но на этом и кончается их сходство; по существу они были резко

противоположны друг другу. Новые времена влияли на людей различным образом. Большинство чувствовало, что они тесно связаны со своим веком, но как бы плывут по неизведанному морю. Но меньшинство чувствовало себя угнетенным, полным страха и жаждало избавления, и ему указал путь Эпикур.

Эпикур утверждал, что мир, которого люди боятся,—только машина. К нему не имеют отношения ни добрые, ни злые боги; он не был сотворен и никем не руководится сознательно; он возник на основе некоторых механических принципов. Эпикур оживил атомическую теорию Демокрита: атомы (он имел в виду молекулы) непрерывным дождем падают в пустоте, и их столкновения образуют мир. Но на этом пути он встретил две трудности. По его мнению атомы, падающие в пустоте по прямой линии, не могут сталкиваться. В то же время если его мало волновали эти атомы, то очень сильно—этика; между тем, не может быть морали без свободы воли. Он разрешил обе проблемы одновременно: атомы могут сознательно несколько уклоняться в сторону, чтобы встретиться друг с другом,— т. е. он приписал им свободную волю. Таким образом, его механический мир с самого начала заключает в себе что-то большее, чем просто механика. Эпикуру помогла идея Эмпедокла о том, что природа подвергла испытанию множество менее приспособленных животных форм и что они вымерли. Результат развития этой идеи можно видеть в чудесном описании эволюции жизни на земле, в наилучшем памятнике этой школы—поэме Лукреция «О природе вещей». Целью Эпикура было построить мир на научных принципах и этим освободить людей от страха перед богами и всеми бедствиями, причиняемыми суевериями: душа человека со смертью снова распадается на атомы, составляющие ее. Его школа оказала людям хорошую услугу, отказавшись касаться гадания и астрологии. Однако он сделал большую уступку народному суеверию, признав существование богов; но, по Эпикуру, они ничего не делают и только являют собой зрелище идеального счастья. Они представляются ему как бы небольшим обществом эпикурейских философов, крайне утонченных, живущих в пространствах между мирами и ведущих постоянные беседы, вероятно на греческом языке; невольно, вспоминаешь пародию Цицерона[5],



что их единственное занятие состоит в том, что они говорят друг другу: «Как я счастлив».

Но его этика была вполне серьезна. Целью его этики было счастье, а счастье означало удовольствие, которое и было единственным истинным благом. Но Эпикур имеет в виду не физические или чувственные удовольствия своих предшественников Киренской школы; согласно его учению, на первый план надо ставить интеллектуальные удовольствия, так как разум имеет наибольшее значение. И скорее пассивное удовольствие, чем активное: покой, свобода от страстей, желаний, потребностей и прежде всего—отсутствие всяких страданий; целью человеческих усилий должна быть «атараксия», т. е. невозмутимость. Добродетель жизненно важна, но не ради себя самой, как учили стоики, потому что это лишено смысла, а потому, что без нее не может быть счастья. Таким образом, это было учение об отречении от активного усилия и позитивного счастья, и его последователи составляли небольшие группы, как бы островки спокойствия, связанные между собой дружбой, ценность которой так подчеркивал Эпикур. Хотя его последователи жили среди своих товарищей и пользовались радостями семейной жизни, их можно было бы назвать в духовном смысле первыми монахами. Они никогда не имели влияний на широкие круги, но они этого и не желали. Они никогда ничего не изменяли в учении основателя школы и ничего к нему не прибавили. Но эпикурейцы отвечали какой-то постоянной потребности человека и поэтому продолжали существовать. Во II веке н. э. некий Диоген из Эноанды в Ликии изложил их учение в надписи на камне[6], так как оно принесло ему счастье и мир, и он хотел поделиться ими со своими сотоварищами—людьми. Сам Эпикур, умерший в 270 г., был кротким воздержанным человеком, который со спокойным мужеством переносил свое последнее мучительное страдание—болезнь. Его личный успех в Афинах был значительным, а жизнь членов его кружка, в числе которых были и женщины, не только была примерной, но и была ярким оазисом на фоне своего бурного века. И если его учением об удовольствии иногда злоупотребляли, то не те, кто в самом деле следовал его учению. Но его философию действительно можно упрекнуть в том, что она не учила людей ценить жизнь; она уводила их от нее.

Совсем другим был худощавый аскетический финикиянин[7], основавший Стою,—Зенон из Кития на Кипре, благороднейший человек своего времени. Застенчивый и молчаливый чужеземец, который говорил и писал на обыденном греческом языке, он не сразу занял руководящее положение. У него не было такого центра для его последователей, каким был для Эпикура его сад, и он беседовал с приходящими к нему в общественном портике; и это уже предвещало, что и в дальнейшем учителя Стои не будут связывать себя с афинским центром, а будут распространять свое учение по всему миру. Но уже в начале своей деятельности Зенон привлек внимание Антигона Гоната, который стал его учеником и другом на всю жизнь, несомненно, поддерживая его и в материальном отношении. Он завоевал симпатии жителей Афин, особенно молодежи, на которую, по словам современников, его влияние было велико. Хотя Зенон был другом Антигона, он держался в стороне от политики; и когда Зенон умер, после войны между Антигоном и Афинами, которая должна была причинять ему острые мучения, Афины устроили ему общественные похороны и выразили свое восхищение самыми прекрасными словами, какие только когда-либо выпадали на чью-нибудь долю; любопытный декрет, которым сопровождались вотированные ему посмертные почести, заканчивался словами: «Он сделал свою жизнь примером для всех, потому что следовал своему собственному учению». Он оставил значительный круг учеников и среди них: Аристона, учителя Эратосфена; Персея, перешедшего к Антигону в качестве духовного советника, и Сфера, вдохновившего революцию Клеомена в Спарте. Преемник Зенона, Клеант из Ассоса, автор величайшего религиозного гимна на греческом языке, разработал религиозную сторону его учения; Клеанта сменил в качестве главы школы Хрисипп из Соли, много писавший. Он с редким трудолюбием изложил положения школы в многочисленных книгах; о Панеции и Посидонии мы скажем позже. К несчастью, сочинения Зенона и Хрисиппа утеряны, за исключением фрагментов, и мы не имеем ни одного сочинения стоиков в полном виде, за исключением сочинений эклектиков времени Римской империи—Сенеки, Марка Аврелия, Эпиктета (правда, «De officiis» [«Об обязанностях»] Цицерона отражает

трактат Панеция «О долге»). Зенон с самого начала был кое-чем обязан Гераклиту, может быть, кое-чем—Вавилону (стр. 315) и многим—киникам; но великая система этики, развернутая им и его преемниками, сильно отличалась от всего, что когда-либо имели в виду киники.

Выше уже говорилось о стоической идее братства и мирового государства. По представлению стоиков, вселенная была великим полисом, управляемым единой высшей силой, у которой, по мнению стоиков, было много образов и имен: судьба, Зевс, провидение, всеобщий закон, природа. Из этой силы, понимаемой в их материальной терминологии как пятый элемент, или божественный огонь, происходит все существующее: небо, и земля, и все, что на ней, включая и душу человека; все оказывается исходящим от бога и в этом смысле как бы само является богом; искра в душе человека родственна божеству. Вселенная в конце каждого мирового периода—повторяющихся циклов огромной длительности—снова поглощалась божественным огнем, а затем вновь начинала в точности повторять прежнее течение вещей и событий: через века другой Сократ будет учить в других Афинах; нет ничего нового под солнцем, все уже случалось прежде, и история только повторяет себя. Поэтому сила, управляющая миром, есть судьба, но она отличается от страшного вавилонского рока, потому что она премудра, и то, что она предписала для людей, является для них наилучшим. Разумеется, эта сила—бог, так как вселенная есть сознательное творение; и бог установил законы, управляющие ею, суммировал их в том универсальном законе, который, в сущности, является им самим: он сам тоже повинуется созданному им закону. Это не бог, лишенный моральных атрибутов, потому что его решения премудры и благи; звезды не слепо движутся по своим путям, а отражают его заботу о моряках и земледельцах. У религиозного Клеанта он даже милосерден: он устраняет всякое неравенство и любит то, что ни для кого другого не представляет ценности. Но так как все было предопределено, то на путях детерминизма стоики встречали обычные трудности, потому что, прежде всего, их система была моральной, а без свободной воли не может быть морали; логическим выводом из детерминизма является антиномианизм (т. е. отрицание моральных требований): я могу

делать любое зло, какое мне угодно, потому что и этот поступок предопределен.

Другое встречавшееся затруднение заключалось в практическом значении их идеи мирового государства. Так как все люди—граждане одного полиса, то они должны быть равны. Но на деле люди различаются характером, способностями, условиями жизни; пользуясь метафорой Хрисиппа,—ничто не может помешать тому, чтобы одни места в театре были лучше других; поэтому и люди не равны и не могут быть равны, и равенство имеет только теоретический смысл. Мировое государство стоиков было на практике неосуществимо, так как мир состоит из обыкновенных людей, управляемых вовсе не философами, не признающими всеобщего закона. К счастью, стоики довольствовались одним—они делали, что могли: они стояли у царского трона и давали советы; они писали трактаты о том, как следует управлять государствами; они были готовы бороться с плохим управлением, особенно с тиранией, или, подобно Сферу в Спарте и Блоссию в Пергаме, содействовать любой реформе, обещающей народу бо́льшее равенство, любому шагу вперед к их общественному идеалу—согласию и прекращению классовой борьбы.

Казалось бы, что стоики в соответствии со своими принципами не должны были признавать ни свободной воли, ни неравенства, а на деле они признали и то и другое. Их решение этой дилеммы заключалось в возвращении к коренному принципу мудрости, или духа: души людей—это искры божественного огня, но человеческое тело—глина; поэтому тело не имеет никакого значения. Зенон говорил, что все, что может происходить с телом,—сила и слабость, болезнь и здоровье, богатство и бедность—все это безразлично; и это навсегда осталось их убеждением. Стоический мудрец пренебрегает такими вещами и интересуется только тем, что имеет отношение к душе. А это было или могло быть одним и тем же для всех людей; раб в серебряных рудниках, телесно превращавшийся в зверя, мог в своей душе следовать мудрости и быть равным философу или святому. В конце концов все люди равны, так как все, если хотят, могут быть равны духовно: в этом царстве и нищий может быть царем.

С помощью мудрости они разрешали и проблему детерминизма. Конечно, их мудрец был монстр: бесстрастный,

безжалостный, совершенный, он может быть добрым, но у него нет теплого чувства к другим людям, потому что его спокойствие должно остаться ненарушенным; говоря словами Павла, он мог бы отдать тело на сожжение, но у него нет любви; и странно, что Зенон, построивший на любви свое идеальное государство, не уделил места любви к другим людям. Но человек выискивает в своем идеале все, что ему угодно, и бесспорно этот мудрец был идеальным образом: он был чем-то, к чему можно было стремиться, но чего никогда (к счастью) нельзя достигнуть. Но мудрость, по их мнению, есть божественная сила; поэтому истинная мудрость на земле должна совпадать с божественной, и мудрый человек должен желать того, что бог или судьба в своей мудрости определили для него. Тем самым для стоиков противоречие между детерминизмом и свободной волей было снято новым философским понятием долга: у человека есть свободная воля, но его настоятельный долг—пользоваться ею как приближением к воле божественной. Подчинялся ли он судьбе или пытался бороться с нею, не составляло никакой разницы в материальной сфере: он все равно шел предназначенным ему путем. Но по мере того как он достигал мудрости, он познавал, что его путь правилен, и обретал спокойствие духа, а подлинный мудрец никогда не нуждается ни в подталкивании, ни в руководстве: он видит и радостно предупреждает намерения судьбы; свободное пользование своей волей означает попросту приведение ее в согласие с божьей волей. Если бы появился идеальный человек, он бы сказал: «Да будет воля твоя».

Тем самым стоики разрешали для себя и древнюю проблему счастья. Несчастье обыкновенно порождается потребностью в чем-то, чего вы не имеете или не можете получить. Путь к счастью в том, чтобы вы нуждались именно в том, что вы получаете, т. е. были в согласии с божественной волей. Это они и называли «жить в согласии с природой», без того более материального смысла, какой киники вкладывали в эту фразу: ведь природа—это бог. Конечно, они пользовались этим понятием, чтобы не рассматривать вопрос о роскоши и наслаждении, богатстве и успехе, обо всей сложности цивилизации, не предусмотренной божественным планом. Но согласие с божественной волей означает не только пренебрежение этими

материальными вещами: стоик не хочет скорбеть о смерти сына, потому что она решена премудрым и ничего лучшего не могло бы случиться. Ведь высшая сила не только премудра, но и сверхдобродетельна: все, что она делает, является наилучшим. Поэтому для достижения гармонии с этой силой наиболее необходима добродетель; она, а не что-либо иное, есть счастье; добродетель в самой себе находит достаточную награду. В течение веков многие верили в нее, а некоторые придерживались ее в жизни.

Добродетель была центральным пунктом стоической этики. В этом отношении Зенон не шел на компромиссы: по его словам, намереваться сделать зло—все равно, что совершить его[8]. Сначала он утверждал, что все не являющееся абсолютной добродетелью, есть порок; но это правило было так непрактично, что он должен был перед смертью видоизменить его допущением вещей, безразличных в моральном отношении; впоследствии они были разделены на вещи, которые следует предпочесть, и вещи, которые следует отвергнуть, причем стоик был обязан выбирать первое: на этой основе стоическая доктрина долга была значительно усилена. То, что вы обязаны следовать морали, не было для них просто предположением, так как первый постулат стоицизма заключался в том, что он сам есть моральная система; и отсюда вывод, что всякое противоположное поведение ошибочно, так как вносит несогласие в космический порядок, который есть нечто большее, чем человечество. И средство человека войти в гармоническое единение с богом заключается в мудрости и добродетели, а в обеих этих областях возможен прогресс. Таким образом стоик подходил к исследованию вопроса, какой прогресс проявляется в его собственной жизни, и отсюда выросла идея о сознательном моральном росте. Высшая сила все предусмотрела на пользу людям, и у них есть помощник в трудном деле: впервые в философии появляется понятие совести. Совесть и долг—краеугольные камни стоической этики.

Влияние этой этики на мир и христианство было велико. Критика могла овладеть внешними укреплениями системы, остроумие могло поражать мудреца своими стрелами, но центральная крепость—философия поведения—держалась прочно. Стоицизм на деле был в такой же мере религией, как и философией, и притом мужественной,

как это оказалось на деле. Для пренебрежения ко всему телесному требовалась сила, и на сильные натуры это действовало как укрепляющее средство. Настоящий стоик, кем бы он ни был, был господином своей души, или на их языке αὐτάρκης, т. е. человеком самодовлеющим. И он был господином своей судьбы: судьба не могла нанести ему ущерба, потому что она приносила ему то, что он сам выбрал бы. Но для всех—сильных и слабых—это учение имело смысл своего рода откровения, поскольку оно подчеркивало значение душевной жизни. Какое бы зло мир ни причинял людям, над одной областью он не имеет власти: ты можешь уйти в свою собственную душу и в ней обрести мир; там принести себе вред может только сам человек.

Скептическая школа начала свое существование с Ниррона Элидского, который в молодости сопровождал Александра в Индию; но он ничего не писал и известен нам только благодаря своему ученику, Тимону «силлографу» (стр. 251). Учение Тимона было просто: источником всякого беспокойства является противоречивое знание, но и знать ничего нельзя; поэтому следует воздерживаться от суждения и ни в коем случае не впадать в авторитарный догматизм. Следует помнить, что ничто не имеет значения,—не важно даже, живете ли вы или умираете; только таким путем можно достигнуть цели, невозмутимости (ἀταραξία). Он заработал много денег, проповедуя эту идею, но он не достиг невозмутимости, так как значительную часть своей жизни он посвятил нападкам на Аркесилая за браконьерство в заповеднике; и он не оставил преемника, потому что с Аркесилаем (около 254—242 гг.) скептицизм перешел в Академию. Аркесилай был афинским патриотом, обладал прекрасным характером, но как философ он был отрицательной силой: он также верил, что знание невозможно, и думал, что доказал это опровержением стоической теории знания о «непреодолимом впечатлении», чем невольно отдал дань положению, достигнутому Стоей. Его более значительный преемник—Карнеад (213—129)—был так занят борьбой со Стоей, что он сам о себе говорил, что никогда не был бы никем, если бы не Хрисипп. Он оказал большую услугу людям своего времени, напав на теневую сторону Стои—гадания и астрологию—и принудив Панеция изменить свою позицию в этом отношении; разрушить же «непреодолимое впечатление» было вовсе не так трудно. Но Карнеад не добился реального результата: он не мог затронуть существо стоицизма, и мир просто прошел мимо него. Ведь людям надо было как-нибудь жить и действовать, а в этом смысле Карнеад не мог ничего предложить. Поскольку знание невозможно, Аркесилай заявил, что руководителем действия должна быть рассудительность, что само по себе ничего не говорит. Карнеад заменил ее вероятностью, но мог истолковать ее только следующим образом: «поступайте, как ваши соседи». И он сам дал повод ко многим ложным толкованиям своей привычкой аргументировать и за и против любого тезиса, смотря на это как на умственное упражнение. Он попробовал выступать в таком духе и в Риме в 156 г., и простодушные римляне были шокированы таким антиморальным легкомыслием. Даже его ученик, карфагенянин Гасдрубал-Клитомах, который заполнил 400 свитков, пытаясь письменно изложить устную проповедь Карнеада, признавался, что иногда он сам не знает, какова настоящая точка зрения Карнеада. Но Карнеад, хотя у него была своего рода страсть к разрушению, был человеком с хорошей личной репутацией и одним из самых острых умов Греции всех времен, и некоторые из указанных им трудностей так никогда и не были преодолены. Скептицизм умер вместе с ним, но воскрес снова вместе с современником Цицерона, Энесидемом, и еще раз при Антонинах: он удовлетворял определенной потребности, так как было полезно, чтобы кто-нибудь критиковал и подвергал резкому разбору догматическую философию.

Было сделано верное наблюдение, что в религиозной области единственно жизнеспособными в эллинизме были философия и восточные религии. Над олимпийцами уже сгущались сумерки, несмотря на внешнюю видимость—новые эпифании[9], новые праздники, попытки религиозного оживления в Греции после 146 г. (стр. 55); и большие храмы, которые были построены и закончены, обычно посвящались какому-либо чужеземному божеству, вроде Сераписа Александрийского или прекраснобровой богини Магнесии. В каком направлении шло развитие событий, можно видеть по одному крупному храму в греческом городе, посвященному греческому богу: храм Аполлона

в Дидиме был еще не окончен и четырьмя веками позже, не из-за недостатка денег в Милете, а из-за недостатка той живой веры, которая прежде позволяла городам заканчивать постройку храмов в течение одного поколения. Некогда в Додоне Зевс сам вещал в шуме дубовой листвы, в журчании источника; в Дидиме выдача прорицаний стала делом канцелярии. Много причин содействовало решению судьбы олимпийцев. Они принадлежали городу-государству и падали вместе с ним: философия убила их в глазах образованных, а индивидуализм—в глазах простых людей. Эти люди не были больше частью полиса, довольствуясь культом своих корпораций, но нуждались они в чем-то, что непосредственно говорило бы им самим. Но может быть, решающим было завоевание Азии и Египта: ведь это было только военное, а не духовное завоевание. Греция была готова принять иноземных богов, но иноземец редко отвечал тем же: греческая Дура-Эвропос свободно допустила к себе богов Вавилона, но ни один греческий бог не был допущен в вавилонский Урук[10]. Иноземные боги могли принимать греческие имена, но не более этого. Они были сильнее, и завоевание Азии должно было потерпеть неудачу, как только Восток в сфере религии почувствовал свою собственную силу и слабость Греции. Наука и философия, которую Греция могла дать Азии, были предназначены только для немногих избранных: эти знания никогда не предназначались для масс. Если бы Птолемей I сделал Зевса верховным богом в Александрии и начал преследовать Осириса, Египет боролся бы, но мог бы это понять. Но если Птолемеи вместо этого строили храмы египетским божествам, это в глазах египтян было не терпимостью, а слабостью: это значило, что у завоевателя не было веры в своих собственных богов. Начиная со II века, эллинизм находился между молотом и наковальней—мечом Рима и духом Египта и Вавилона. Один человек увидел это—Антиох Эпифан, и с тех пор он прослыл сумасшедшим. Но его попытка объединить свое царство на базисе греческой религии и культуры не удалась, и греческой религии судьба больше не подарила подобного шанса.

Индивидуализм проявился в огромном росте частных ассоциаций после 300 г. (стр. 101). Они были тем постоянным каналом, по которому иноземные культы проникали

в греческий полис[11]. Несколько иноземцев, оседавших в нем, могли организовать клуб для отправления культа своего бога, и к ним могли присоединяться греки. Эти ассоциации, вероятно, возникали ввиду разнообразия культовой практики; например, многие клубы Диониса в Египте имели свои собственные богослужебные книги[12]. Иноземцы, объединенные в клубы, могли поклоняться богу того города, в котором они осели, как гелиасты в Родосе поклонялись Гелиосу,—но греки, состоявшие в клубе, хотя и часто поклонялись какому-либо олимпийцу, никогда не практиковали культа бога своего собственного города. Музы выступили на передний план в качестве официальных божеств крупных научных корпораций—четырех философских школ в Афинах и Александрийского Мусейона. Культ целого ряда демонов-помощников или покровителей—Амина[13] и Гиподекта[14] в Афинах, Пасия[15] на Косе, Антистера[16] на Фере—содействовал расчистке пути для восточной демонологии; семейные клубы почитали своего предка в качестве героя[17]. Но одного в III веке клубы никогда не делали: они никогда не воздавали религиозных почестей обожествленному царю, а это может служить веским доказательством того, что царский культ вначале был чисто политическим явлением. Первым случаем такого царского культа было принятие азиатской ветвью артистов Диониса, под руководством Кратона Теосского, культа Эвмена II; Кратон основал клуб атталистов[18]; египетские басилисты всегда поклонялись какому-нибудь богу[19].

Наиболее важным греческим богом этого времени за пределами Греции был Дионис, культ которого артисты Диониса разнесли по всему миру; искусство и литература обеспечили ему триумфальное шествие по Азии по примеру Александра[20]. Его имя—Сабазий—было приравнено к Саваофу, и поэтому он оказал влияние на евреев диаспоры (стр. 206); орфики отождествляли его с очень многими божествами, а в Египте он был отождествлен с Сераписом благодаря наличию элементов культа Осириса в культе последнего. Он стал предком как Атталидов, так и Птолемеев, и возможно, что фанатически преданный ему Птолемей IV мечтал о том, чтобы сделать его главным богом своей пестрой державы (стр. 194). Конечно, если бы вообще греческому богу предстояло завоевать мир, то на

это был способен только Дионис. Но как ни велико впоследствии стало влияние орфиков, дальнейшее развитие событий пошло не по этому пути.

Доминирующим фактором эпохи было стремление к единому богу. Александр разрушил границы национальных государств, что означало нарушение границ национальных культов; и хотя более не было единой империи, продолжали существовать единый «обитаемый мир» и единая культура, которая (как казалось) требовала единого бога, и к этой идее философия уже приучила образованных людей. Эта идея могла принимать форму национального бога, претендующего на положение бога всей земли, как Яхве в Иудее. Но другим движением, типично эллинистическим, было широкое распространение синкретизма—приравнения или слияния одного бога с другим в качестве сходных форм единого божества, скрытого под их именами[21]. Люди могли поэтому поклоняться различным богам, не обнаруживая пристрастия к одному из них. Если Стратоника, жена Антиоха I, одарила Аполлона Делосского (стр. 105), перестроила храм сирийской Атаргатис в Гиераполе[22] и вступила в клуб в Смирне, который почитал египетского Анубиса[23], она, несомненно, видела в них только формы единого божества. Этому процессу содействовал стоицизм. Стоики не отбрасывали народных богов; они сделали их демонами и включили в свою пантеистическую систему путем аллегорического толкования всех мифов, даже варварских; они хотели объяснять, а не разрушать, так как боги тоже были частью благодетельного миропорядка, покрывалом, милосердно дарованным простому человеку, чтобы уберечь его глаза от слишком ослепительной наготы истины.

Тем не менее, одно божество стояло особняком: даже стоики не могли ассимилировать Тюхе. Она была всецело эллинистической концепцией. Первые перипатетики—Деметрий Фалерский[24] и Теофраст[25]—придали ее образу определенную форму: Менандр подозревал в ней провидение[26]; неизвестный поэт сравнивал ее с Иридой, посланницей богов[27]. Она занимала господствующее положение в течение всего III века, и даже Полибий[28] и Посидоний позднее делали уступки народной вере и пользовались ее именем. Тюхе не была слепым случаем, но такой закономерностью событий, которую люди не могли понять.

Но все могли видеть ее. Тюхе возвела такого-то военачальника Александра на трон, а другого уложила в могилу. Тюхе определила, что Македония должна была сокрушить Персию и позже (как пророчествовал Деметрий)[29] должна была, в свою очередь, пасть сама. После Киноскефал греки симпатизировали Филиппу I, потому что Тюхе повернула свое колесо[30]. Она вовсе не была злой богиней, так как она не лишала людей надежды: сегодня Тюхе улыбнулась тебе, завтра, может быть, моя очередь. Каждый человек имеет свою Тюхе, своего «даймона»[31]; римляне называли его своим «гением»: он был почти индивидуальностью человека. Города и граждане одинаково клялись даймоном царя[32],—у людей была безотчетная вера в «Тюхе» Александра или Антигона Досона[33]; так, вследствие большого влияния Антиохийской Тюхе (статуя работы Эвтихида) она в конце концов превратилась в городскую богиню.

Для образованных людей место религии было занято философией и наукой. Но они почти не оказывали никакого воздействия на простого человека: он должен был поклоняться чему-нибудь, и так как Олимпийцы поблекли, то стало развиваться более реальное религиозное чувство, и тогда притягательная сила более близких человеку и уверенных в себе восточных культов стала непреоборимой. В этой области Восток взял в плен своего завоевателя; и хотя это движение, может быть, не достигло своей вершины до христианской эпохи, оно нарастало в течение всего эллинистического периода. Однако надо проводить различие между отдельными странами. О Персии, представлявшей такую огромную силу, здесь ничего нельзя сказать[34]. Сюжет слишком сложен и темен, но, конечно, дни Непобедимого Митры еще не наступили, хотя киликийские пираты поклонялись ему в I веке[35]: упоминаемый в Египте Митрайон был только местной часовней нескольких персидских наемников[36]. Из Египта и Вавилона шли два влияния мирового значения; культы Сирии и Анатолии пользовались значительным местным влиянием, но вряд ли могли с ними равняться своей исторической ролью, хотя сирийские культы проникли в Грецию (стр. 310) и Египет[37], а анатолийские нашли широкое распространение (стр. 312).

В Сирии усилилась мощь древних религий, хотя носила следы греческого влияния: монеты, особенно

римского периода, обнаруживают настоящее смешение культов и синкретизм[38]. Но хотя известны отдельные древние жреческие государства анатолийского типа, здесь нет действительно доминирующего божества, несомненно потому, что Сирия в политическом отношении всегда делилась на отдельные царства или сферы влияния. Наиболее могущественным богом был дамасский Адад[39] (Риммон Ветхого завета), который поглотил в себе многих местных ваалов; он стал дамасским Зевсом и Зевсом Гелиополя (Баалбек), но его главный храм находился в Гиераполе-Бамбике (Маббог), где он был Зевсом еще до 150 г. Его супруга в Дамаске и Гиераполе—Атаргатис[40], «сирийская богиня» Лукиана,—была первоначально остроконечным камнем (бетиль), но уже довольно давно стала женщиной под влиянием появившейся в стране персидской богини Анахиты (Анаит); еще позже она часто была богиней греческого города[41]. Самыми знаменитыми ее храмами были храм в Гиераполе, куда на двухгодичный праздник стекались люди со всей Азии, чтобы очиститься в ее священном пруду, и где жили в священной ограде ручные львы и медведи, и храм в Аскалоне, где Атаргатис была морской девой с местным именем Деркето. Где бы она ни появлялась, она всюду имела при себе свой священный пруд и священных рыб—рыб Евфрата, которые помогали ей при ее рождении и за это были награждены тем, что их превратили в созвездие Зодиака. Ее аттрибуты—рыбный садок, евнухи и львы—роднят ее с Артемидой Эфесской и Анатолийской богиней, «владычицей диких». Ее храм был жилищем стай голубей, как некоторые современные мечети. Культ бога Адада распространился до Делоса еще ранее 100 г., но культ Атаргатис распространился дальше: она была одним из элементов образа «сирийской Афродиты»; другой ее составной частью была финикийская Астарта, культ которой распространился по всей Греции и даже достиг Македонии[42]. Ее клуб в Афинах имел свою долю на священной территории ее родственницы—Анатолийской Матери[43].

Атаргатис была не единственным бетилем в Сирии: черный камень в Эмесе, Элагабал, позднее сыграл большую роль в Риме, а другой камень связан с городом Селевкидов—Селевкией в Пиерии. Дело в том, что в культ Селевкии входили два бога—бог грома, Зевс Керавний[44]

(вероятно, Балсамем—«небесный владыка»), и Зевс Касий[45]—конический камень, почитаемый на соседней горе Касий. Тем самым Селевкия официально приняла местные туземные культы, как Дура официально приняла из Вавилона Адада и Нанайю. Зевс Касий совершил путь в Египет, а оттуда на Делос; но в Селевкии он остался камнем и принял человеческий облик только во времена Адриана. Подобным же образом аммонитский Мильком (Молох) продолжал все время существовать как бог эллинизированного Раббат-Аммона (Филадельфия)[46]. Но самым интересным богом из всех было местное божество города Долихе в Коммагене[47], которое жило там, «где росло железо»[48]: оно, на самом деле, было Теисбасом (хеттским Тешубом)—богом того странного погибшего народа халдов или халибов, величайших кузнецов железа к западу от Китая, которые некогда управляли Ванским царством в Армении, но теперь жили разрозненными группами всюду, где было железо и где они могли ставить свои кузницы и заниматься своим наследственным ремеслом. Позднее в качестве Юпитера Долихена этот маленький бог железа со своим молотом распространился по всей Римской империи по следам римского меча.

Выше уже были описаны храмовые государства Малой Азии (гл. IV). Мы не можем сказать, насколько древним был культ анатолийской богини природы и ее сына и супруга. Но у греков была упорно державшаяся традиция, что «фригийцы»—древнейшая раса на земле[49] и что их религия древнее египетской. Подлинный анатолийский культ был, вероятно, древнее фригийского, но нельзя сказать, к какому забытому народу он восходит или каковы были первоначальные имена богини и ее сына, которые всегда могли на местах варьировать; может быть, культ Ма действительно чрезвычайно древен. Первоначальный культ был прикрыт все новыми и новыми наслоениями завоевателей и синкретировался с ними; хетты, очевидно, дали образ крестьянского божества, которое придало этому богу новую силу; индоевропейцы—фригийцы—принесли с собой своего бога неба, который в завоеванных им святилищах возвысил бога за счет богини и принял почитаемое всем имя Зевса[50]; персы принесли с собой Анаит, которая усилила образ богини. Храмовые проститутки встречаются и в Вавилонии, но нельзя сказать,

какая страна заимствовала этот обычай у другой, и не восходит ли он у обеих к еще более древнему миру. Хотя греки, конечно, принесли в города своих собственных богов, многие из греческих имен в Анатолии являются новыми обозначениями туземных богов. Связь анатолийской богини с Грецией может быть чрезвычайно древней; но поскольку дело касается эллинизма, то хотя как Μήτηρ—анатолийская Матерь—она имела свои культовые ассоциации в Афинах[51], начиная с IV века, а как Ма или Кибела она, наконец, достигла Македонии[52], Суз[53] и Рима, и хотя Аттис и Адонис проникли в эллинистические клубы[54],—анатолийская религия в целом осталась вросшей в почву Анатолии. Но в своей собственной стране она была исключительно сильна: даже в Эфесе Артемида держалась как государство в государстве вплоть до времени Лисимаха. Была собрана ценная статистика для наиболее эллинизированной провинции—Лидии[55]—вне территорий греческих полисов: 117 надписей относятся к греческим культам и 237 к азиатским, из которых 112 имеют отношение к анатолийской богине и ее сыну; эти цифры показывают, до какой степени греческий дух не смог справиться с Анатолией. Но цифры эти включают и весь римский период—для одного эллинизма статистика оказалась бы еще более неблагоприятной.

В этом отношении показательна история Мена Аскайнского[56], который был анатолийским богом, вероятно синкретизированным с вавилонским богом луны. Когда Селевкиды построили Антиохию в Писидии, было признано необходимым в интересах туземных поселенцев соорудить вблизи города, на горе Каракую, новое святилище Мена. В настоящее время уже раскопаны священная дорога и зала посвящений, и по найденным надписям видно, что и греческая Антиохия в I веке поклонялась Мену. Август заменил жреца своим прокуратором и таким образом стал богом для этих посвященных богу крестьян. Но Мен, хотя он жил рядом с крупным эллинистическим городом, сопротивлялся всем попыткам удалить его, и еще в IV веке н. э. его культ был настолько жизненным, что в качестве бога ассоциации так называемых Текморейских гостеприимцев он был центром последней борьбы язычества с христианством в Малой Азии, и храм на Каракую был разрушен победителями, подобно Серапеуму

в Александрии. Символ посвящения в его культ—полумесяц лунного бога—в своей форме подковы тождествен с древнейшей формой подковы, найденной в Шотландии.

Великим вкладом Вавилонии был культ звезд, который мы называем астрологией[57]. Ее корни восходят к очень далекому прошлому, и хотя во времена Селевкидов многие вавилонские астрономы отказывались иметь с ней дело, она развилась в Вавилонии в законченную систему. Звезды, и прежде всего планеты, очевидно, двигались по небесному своду согласно определенным законам; и вот появилась теория «соответствия», обнаружившая исключительную живучесть, согласно которой небеса наверху и земля внизу дублируют друг друга и то, что совершается на небесах, воспроизводится и на земле. Но движения небесной сферы носили постоянный характер; поэтому если здесь имеется соответствие, то такими же предопределенными должны быть и события на земле. Также оказались предопределенными и поступки людей, потому что человек является микрокосмом—малой вселенной, соответственно отражающей мир великой вселенной, а его душа—искрой того небесного огня, который горит в звездах. Из этого ряда мыслей родилось одно из самых страшных учений, когда-либо угнетавших человечество: вавилонская «Геймармена» или Судьба, управляющая в равной мере звездами, землей и людьми. Все их движения определены недвижной Силой, аморальной, которая не знает ни любви, ни ненависти, но придерживается хода вещей так же неуклонно, как планеты—своего пути.

Греки услышали об астрологии около 400 г. Платон в поздний период своей деятельности обнаруживает некоторое знакомство с нею, а Эвдокс и Теофраст знали, что халдеи составляют гороскопы[58]. Действительно, знание вавилонского культа звезд принес в Грецию Берос около 280 г., но время его успеха приходится на II век, когда наука начала переживать упадок и непреодолимое продвижение Рима вполне могло производить впечатление земного отражения мировой Судьбы. В конце концов культ звезд проник во многие религии и сообщил им своеобразную окраску. Астрономия могла бы убить его; вместо этого к концу II века он убил астрономию (гл. IX) и с тех пор сохранял за собой поле битвы вплоть до Коперника. Он достиг Египта тоже во II веке, когда появились те

сочинения (до 150 г.), в которых открытие астрологии было приписано мифическому египетскому царю Нехепсо и его жрецу Петосирису, и он распространился по всему средиземноморскому миру из Александрии, ставшей как бы вторым его центром. Детали этого культа звезд, вероятно, разрабатывались в течение всего римского периода. Существовало несколько его систем. Согласно одной, главную роль играли планеты, а согласно другой — двенадцать знаков зодиака, превратившихся в Египте в 36 деканов, соответствующих 36 декадам египетского года и управляющих 36 демонами с необычайными именами[59] — Хнумен и Хнахнумен, Смат, Срат и Сикат, которые управляют также 36 частями тела. Но планетная астрология обладала еще большей властью над душами: семь планет — Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн — были истолкователями Судьбы, престолами ужасных космократоров, или «владык мира сего», которые впоследствии стали определенно злыми и враждебными душе человека. Семи планетам были присвоены особые цвета, соответствующие семи этажам вавилонского храма, свои минералы, растения и животные, а их символами стали семь гласных букв греческого алфавита. Отсюда пошло то постоянное злоупотребление числом «семь»[60], которое еще живет в нашей (эллинистической) неделе[61] и проявлялось в семи спящих, семи чудесах мира, семи возрастах человека, которые Шекспир заимствовал из астрологии[62], семи покрывалах Исиды, семиступенчатой лестнице Митры, семи радостях праведников в апокалипсисе Салатиела, семи ангелах и семи кубках Откровения, семи вратах ада и седьмом небе.

Знаки зодиака управляли судьбами различных народов[63] и городов[64]: монеты свидетельствуют, что Антиохия и Нисибия находились под знаком Овна, Эдесса — Водолея, а Сингара и Ресена — Стрельца. Но для людей было важно то, что их судьбы от рождения были определены их звездами, и компетентный астролог мог составить гороскоп и предсказать их. В I веке Судьба была уже на пути к тому, чтобы вытеснить более снисходительную Тюхе из роли арбитра человеческой жизни. Позже, под влиянием стоицизма, некоторые были готовы приветствовать Судьбу как избавление от капризов Тюхе и обманутых надежд. Но в глазах большинства Судьба была отрица-

нием свободы, немыслимой тиранией[65], и ее гнет над человеческими душами стал бы невыносимым, если бы не некоторые пути избавления от него, на которые сейчас следует указать.

Было печально, но, может быть, неизбежно, что Стоя, многие из представителей которой явились из Азии, приняла астрологию[66]. Слабой стороной стоицизма был его отход от научной почвы, и астрология стала его самым темным пятном. Говорят, что Зенон с самого начала испытал на себе влияние астрологии[67]. Несомненно, Хрисипп рассматривал халдеев как своих союзников[68], и сходство обеих систем было явным. Для обеих вселенная была органическим целым, управляемым единой всемогущей силой и скрепляемым чем-то, что стоики называли симпатией[69], а вавилоняне — соответствием. Для обеих человек был микрокосмом, а его душа — искрой эфирного огня. Разрушение и буквально повторяющееся обновление мира в конце каждого мирового периода тоже было в какой-то форме общим для обеих. Но существовало и очень важное различие: вавилонский рок был аморальной силой, а стоическая судьба — моральным провидением, которое изначала позаботилось о людях. Стоицизм вел упорную борьбу за превращение рока в подобие провидения. Это было нелогично, но в этом очень нуждались люди: возможно, что постоянная популярность «феноменов» Арата (стр. 246) частично объясняется его утверждением, что провидение создало звезды. Школа Эпикура, к ее чести, отбросила астрологию. Карнеад нападал на нее, как и на Стою, и предложил такую загадку: «Почему люди, осужденные судьбой умереть в разное время, умирают во время одного кораблекрушения?»[70] Но астрология выпутывалась не только из таких затруднений и пряталась под защиту теории общих влияний, которые одолевают влияния более специальные. Тем не менее, Карнеад заставил великого стоика Панеция Родосского, друга Полибия и Сципиона, исключить из своей системы астрологию и народных богов. Имело важное значение и то обстоятельство, что именно стоицизм Панеция, рационалистический и строго моральный, через кружок Сципиона проложил себе путь в Рим. Вначале Рим заимствовал у Стои только ее философию поведения. Астроном Гиппарх мог бы оказать людям еще большие услуги, чем Карнеад (стр. 268):

если бы он использовал свои огромные математические способности для усовершенствования, а не разрушения гелиоцентрической системы Аристарха, он на многие века спас бы мир от астрологии, так как гелиоцентризм—это смерть астрологии. Но он только действовал в духе, прямо противоположном традиционным ролям Европы и Азии: в то время как халдей Селевк защищал гелиоцентризм, греческий астроном был горячим сторонником учения о связи души человека со звездами[71]. Но какова бы ни была ответственность Гиппарха, человеком, который больше других потрудился над прочным внедрением в Европе астрологии и родственных ей учений, был преемник Панеция, Посидоний.

Посидоний[72] из Апамеи в Сирии (135—51 гг. до н. э.), работавший в Родосе и занимавший там высокую гражданскую должность, был последней крупной интеллектуальной личностью, порожденной еще не тронутым римским влиянием эллинизмом. Его учение охватывало многие области знания, его учеником был Цицерон, и Посидоний возглавлял науку в первой половине I века, как Эратосфен в конце III века. Выше уже говорилось о его работе в качестве историка, географа и мастера описаний. Его труды обнаруживают его сильные и слабые стороны—обширный ум и безграничную жажду знания, но в то же время некритический и ненаучный дух. Как философ он смешал со Стоей некоторые элементы платонизма, и это смешение зашло еще дальше. Невероятно трудно определить его подлинный облик по его религиозно-философской деятельности. Из его сочинений ничего не сохранилось, и только незначительное количество материала у более поздних писателей может быть приписано ему с полной определенностью. Стало обычным приписывать Посидонию все, что обнаруживает некоторые соответствующие тенденции, и изображать его в виде двойственного ума, стоящего между Востоком и Западом и заимствующего у обоих, автора великой системы, которая объединила все преходящие тенденции своего времени—науку и суеверие, культ звезд и народную веру, небеса и землю, людей, богов и демонов,—и человека, в котором все скрещивается и от которого исходит все.

Но Посидоний ли это, или это только имя, условное для духа I века? Его личность, может быть, неясна, чтобы выска-

зывать на его счет слишком догматические утверждения: вряд ли можно распутать тот клубок влияний, который часто носит имя Посидония. Достоверно известно, что он ставил Зевса выше Судьбы и не отождествлял их[73]; это значит, что его мир был миром религии, управляемым разумом и волей. Возможно, что он работал над какой-то схемой; он хотел доказать тесную взаимосвязь между землей и небом. До него наука и философия шли своими особыми путями; он хотел слить их, но наука должна была служить его философии. Поэтому неверно было бы сказать, что в науке он хотел найти вообще смысл вещей: он хотел найти свой смысл в вещах, связь земли и неба; Посидоний взял на себя труд показать, что луна вызывает приливы, что климат определяет расу, что солнце раскрашивает индюка и что благодаря ему приобретает свою окраску аквамарин в руднике Аравии, потому что все это шло в пользу его тезиса, его учения о жизненной силе, с помощью которой небо действует на землю и которая пульсирует во всей вселенной. Его обширное собрание данных, иллюстрирующих изменения на земной поверхности, имело для него значение доказательства параллелизма земли и человека: огонь и вода бегут по венам земли, как кровь и воздух по венам человека; закупорьте вену, и оба будут страдать—начнется извержение вулкана, и вена человека разорвется.

Но что еще входило в его космическую систему, кроме неба и земли, Зевса и человека? Как мы уже знаем—боги; вполне возможно, и астрология[74]. Он отклонил бы обвинение в суеверии; его пантеистическим божеством, имманентным каждой части вселенной, была природа: все, что существует, находится в природе. Беда в том, что он слишком много разных вещей признавал реально существующими. Он верил в гадание и писал о нем[75]: оно тоже входило в его природу. Он писал о демонах[76]; и имеется достаточно данных, чтобы доказать, что он верил в то, что душа превращается в демона и живет в высшей воздушной сфере[77] и во время сна с людьми говорят сверхъестественные существа[78]. Таким образом, его собственная система, хотя она и была в некоторых отношениях так же возвышенна, как его идеи о вселенной под управлением божественного провидения, была не очень далека от того, что мы назвали духом времени. В его вселенную вклю-

чалось слишком многое, так как он не проводил различия между тем, что существует, и тем, в существование чего люди верят. Он открыл двери демонологии и еще многому другому. Неважно, что он сам не вошел вместе с толпой в эту открытую дверь,—толпа видела, что его присутствие делало ее действия достойными уважения: если демон может появиться во сне, почему не может в кристалле, а если в кристале... на этой наклонной плоскости нельзя удержаться. Каждый брошенный любовник или любопытный ремесленник, за яйцо ибиса или пучок чеснока нанимавший какого-нибудь бродячего египтянина вызвать демона, мог заявлять, что он только доводит до логического конца учение великого Посидония.

Переходим к путям возможного избавления человека от Рока. Один из них указывался самими небесами: некоторые явления, как, например, кометы, не могли быть подчинены какому-либо определенному порядку, так что, очевидно, в мире действовали какие-то силы, помимо неизменных вращений сферы. Соответственно этому сама астрология допускала многие совершенно нелогические элементы: она сумела включить в свою систему Тюхе[79] и стала развивать учение о «благоприятных случаях», счастливых сочетаниях планет, которые могут быть использованы достаточно смелым человеком. Но говоря вообще, существовало три главных способа, с помощью которых человек мог скрыться от влияния своих звезд, и все они зависели от веры в то, что некий бог действительно более могуч, чем рок, управляющий богами. Это значило, что человеческий дух, как это всегда бывало, восставал против мертвого груза детерминизма и объявлял, что ничего подобного не должно быть. Оружием его была неискоренимая вера людей в какое-то помогающее им божество; им только оставалось найти его. Эти пути—гносис, магия и восточные мистические религии. Гносис означает знание, но не знание философа: какой-то бог некогда непосредственно раскрыл основной секрет вселенной какой-либо избранной душе, и если человек найдет это знание, скрытое от других людей, то он уже не подвержен року,—он обезвредил вращение звезд. Они могут терзать его тело, но его душа вне их досягаемости, так как разум выше рока[80]. Гносис породил некоторые возвышенные доктрины, но хотя его корни восходят

к эллинизму, его дни в это время еще не наступили. Все его крупные системы значительно позже христианской эры.

Ни одна эпоха или страна не была свободна от магии[81]. Но во II веке следом за астрологией обрушилась на греческий мир новая азиатская волна. Все ее реки—ассирийская, вавилонская, анатолийская, персидская, еврейская—сливались в Египте, как в резервуаре, а из Египта текли дальше и орошали всю землю. Ее основная идея заключалась в том, что употреблением надлежащих средств можно принудить к чему-либо богов. Формула принуждения луны говорит: «Ты должна сделать это, нравится ли тебе это или нет»[82]. Для некоторых это было почти воскрешение старой греческой воли к свободе, но приложенной к другой сфере; бога или демона можно принудить изменить судьбу человека. Но для народной массы, в глазах которой культ звезд означал не великую гнетущую систему, а какого-нибудь бродячего халдея и его гороскопы, магия была только средством быстро получить что-либо желаемое. Мы знаем много магических папирусов с формулами и церемониями для получения всякого рода личной выгоды; они обещают успех в любви или зарабатывании денег, излечение от болезни, изгнание чертей, уничтожение врага; в них есть универсальные магические формулы, пригодные на все случаи жизни. В магических целях употреблялись все материалы—от скромной луковицы до изумруда, судя по редко, вероятно, применявшейся формуле, начинающейся словами: «Возьми драгоценный изумруд и вырежь на нем жука»[83]. Естественно, играли крупную роль священный ибис и павиан, нашедший труп Осириса. Вызвать демона можно было различными способами: маг мог заставить вас увидеть его в воде, чернилах или кристалле, причем значительную роль играло внушение, но он мог быть вызван и лично. Если вы были достаточно вооружены всем необходимым, то могли на время быть его господином, но он позже мог причинить вам вред, и поэтому, кроме защитных чар, имелись формулы, быстро отсылавшие демона обратно на его место. Обычно вызывался один из демонов или духов не слишком высокой сферы; но иногда мог быть вызван и великий бог, как это мы видим в знаменитом заклинании к Тифону[84]. Лучше всего можно было держать

демона в руках, если ты был в состоянии назвать его настоящее имя; но он, вероятно, тщательно скрывал его, и для того, чтобы быть уверенным в успехе, ты должен был назвать много его имен, в которых встречались испорченные формы всех языков Азии с рядами бессмысленных слов: Тифон оказывался владеющим «именем в сотню букв»[85], еврейские маги без зазрения совести использовали имя Яхве, и самым могучим из всех, поскольку это могло стать известным человеку, было то «Неизреченное Имя», которым некогда Соломон запечатал в бронзовых сосудах 19 999 демонов воинства Лукавого[86]. В некоторых формулах и нет ничего, кроме имен; и иудейские эссены клялись не раскрывать имен ангелов[87], а это означает, что они пользовались ими в целях магии. Магия почти стала религиозной системой; многие в нее верили, и в папирусах встречаются молитвы об избавлении от влияния звезд кого-либо[88]. Она имела отношение к низшим формам гносиса: ты мог принудить бога раскрыть тебе его тайное знание. Но гносис в его высших формах отбрасывал магию. Рок, как говорится в одном гностическом сочинении, нельзя ни к чему принудить[89].

Но гораздо важнее магии были эллинистические религии мистерий[90]. Магия могла изменить твою судьбу, но посвящение освобождало тебя вообще от власти рока. Бог мог действовать и действовал по своему усмотрению, и хотя звезды могли воздействовать на твое тело, твоя душа, даже в этой жизни, была за пределами их досягаемости, а после смерти могла подняться над их сферами в сферу божественного и жить вместе с богами: ты в самом деле достигал «спасения». Всеобщая основа мистерий заключалась в том, что вы искали этой «сотерии»,—спасения в личном единении с богом-спасителем, который сам умирал и снова воскресал. Пользуясь хорошо известной орфической фразой, можно сказать, что вы переставали быть верующим, жезлоносцем и становились Вакхом—вы сами как бы превращались в бога. Мистерии давно существовали в Греции; новой была только их мощная притягательная сила в этот момент крушения греческой религии. Со II века религиозное чувство людей углубилось. Было много религий-мистерий, и каждая из них заявляла, что именно она обладает исконным и подлинным посвящением и всеобщей силой. Каждая из этих религий заявляла, что

другие почитают только ее собственного бога под другими именами. Более древние формы продолжали существовать, и орфизм, с его религиозным экстазом, идеями чистоты и вражды плоти и духа, получил широкое распространение. Вероятно, орфические гимны получили свое окончательное оформление в Пергаме. Но мы должны особо сказать о тех новых формах, которые появились в греческом мире в результате занятия Анатолии и Египта.

Нормальная форма анатолийских мистерий была открыта В. Рамсеем[91]. Их общее сходство с мистериями Элевсина и Исиды не нуждается в комментариях. При посвящении верующий вступал в новую жизнь, материально олицетворяемую на горе Каракую переходом из одной части залы посвящений в другую; он приближался к трону бога, получал обетование: «Счастливый и блаженный, ты бог, а не смертный», очищался в священном пруду и затем присутствовал на мистическом представлении божественной свадьбы бога и богини. В некоторых мистериях он должен перед этой свадьбой присутствовать при смерти и воскресении бога, и он слышал, как жрец возвещает весть утешения: «Будьте веселы, бог спасен; так и мы после наших испытаний найдем спасение»[92]. Несомненно, вслед за окончанием посвящения следовало признание посвященного богом. Рамсей придавал особое значение обряду священной свадьбы в этих мистериях, как символизировавшему рост нравственности, цивилизации, высшего права и выступление против храмовых проституток. Этот взгляд оспаривался[93] на том основании, что общее пользование женщинами не есть историческое явление. Но для того чтобы оказывать огромное влияние, вовсе не надо реально существовать—дело состоит в том, верили ли действительно люди в то, что такой обычай в самом деле существовал. Повидимому, они в него верили: греки с полным беспристрастием приписывали его как первым афинянам[94], так и современным им дикарям[95], а египтяне—всему человечеству на заре развития[96].

Но из всех мистерий, наводнивших эгейский мир, наиболее важной была египетская. Серапеум на Делосе показал, что триада, так повлиявшая на эллинизм, состояла не из Исиды, Сераписа и их сына Гора, или Гарпократа, а из Исиды, Сераписа и Анубиса[97]—бога, который уводил души в царство бессмертной жизни. В этом культе

с самого начала подчеркивался факт, что его великий дар людям—бессмертие[98], хотя и Исида также заявляла, что она выше Рока[99] и что над прибегающими к ее защите Рок уже не властен. В I веке должно было казаться, что если возможна универсальная религия, то ею может быть только эта. Отовсюду люди обращали свои взоры к Серапису и Исиде, как к своим спасителям. Их культ широко распространялся, и его всюду проникающая власть была такова, что Исида, единственная из всех иноземных божеств, получила доступ в вавилонский Урук[100], а Серапис достиг Индии[101]. Сераписа[102] сознательно создал Птолемей I, все еще под влиянием идей Александра. Это был Осирис в форме Аписа и в сочетании с греческим влиянием должен был объединить в общем культе греков и египтян. Но египтяне не хотели принять его, и хотя он удержал характерные черты Осириса и Исиду в качестве его супруги, он стал греческим богом Александрии, а на земле он и Исида были представлены божественной четой Птолемеев. Зевс, Гадес, Асклепий и другие внесли свои черты в образ Сераписа. Он стал правителем вселенной, богом, которого его почитатели создали для себя почти в таком виде, как это им было угодно. Его имя остается неразъясненным, потому что некоторые ученые теперь отбрасывают традиционное объяснение Осирис—Апис, а выведение его из культового имени вавилонского Эа—šar apsi[103]—не встретило широкого признания.

В III веке в городах египетской сферы влияния шла оживленная пропаганда в пользу Сераписа[104]. Его культ быстро распространился по эгейскому миру[105], и иногда, как в Эретрии, он входил в более древнее святилище Исиды, культ которой часто пролагал путь его культу, как это было в Афинах[106]. Вначале культ Сераписа, подобно культу Исиды, был связан с частными ассоциациями; но позже он часто становился официальным, как в Афинах[107], Деметриаде, Танагре, Линде, Дионисополе, Херонее, Фессалонике[108] и Делосе. Например, на Делосе[109] египетский жрец Аполлоний ввел этот культ до 300 г., и после того как в течение двух поколений бог жил в частных квартирах, внук Аполлония построил для него дом. В 166 г. он имел три храма, и в этом году (или ранее) один из них перешел в собственность города; позже этот официальный Серапеум был значительно расширен. В Египте известны

42 храма, посвященные ему[110], но главными из них были храмы в Александрии и Мемфисе. Рассказывают, что Птолемей I вызвал из Афин Эвмолпида Тимофея для организации его мистерий в духе Элевсинских. Папирусы часто намекают на каких-то таинственных «κάτοχοι»[111], которые жили в ограде мемфисского Серапеума. Объяснение профессора Вилькена, что это были религиозные фанатики, принадлежащие богу, вряд ли позволяет понять, почему они не могли уходить, если желали. Кажется более вероятным, что они находили защиту в храмовом убежище и, будучи не в состоянии его покинуть (из страха ли перед кровавыми междоусобиями или по какой-либо другой причине), а иногда, чтобы избежать удаления, сами посвящали себя богу (что встречается и в других местах)[112] и даже искали посвящения. Разрушение александрийского Серапеума и статуи бога в 391 г. н. э. епископом Феофилом было воспринято миром как внешнее свидетельство окончательного триумфа христианства.

Но как ни важен был Серапис, он вряд ли мог равняться со своей супругой; если он никогда не призывался без нее, она часто призывалась одна, без него[113]. Из всех божеств эллинизма величайшей была, вероятно, Исида[114], Мириадоименная. Она была отождествлена фактически со всеми богинями и обожествленными женщинами, известными тогда миру; она была единственной реальностью, которую все другие отражали несовершенным образом. Она была Владычицей Всего, Всевидящей и Всемогущей, Царицей обитаемого мира, она была Звездой Моря, Диадемой Жизни, Законодательницей и Спасительницей; она была Милостью и Красотой, Счастьем и Изобилием, Истиной, Мудростью и Любовью[115]. Вся цивилизация была ее даром и находилась на ее попечении. Ее статуи изображали молодую матрону в скромном платье с изящными и благопристойными чертами, увенчанную синим лотосом или полумесяцем и иногда держащую на руках ребенка, Гора. Ежедневно ей приносились жертвы, как Атаргатис в Бабике[116] и Анаит в Экбатане[117], но только по большим праздникам показывалось почитателям ее подлинное изображение, пышно убранное и горящее драгоценными камнями; ее жрецы (они были одеты в черное) хорошо знали всякие церемонии, которые могли привлечь людей. На ноябрьском празднике, Исиях, пред-

ставлялись страсти Осириса—его смерть от руки Тифона, поиски его тела верной Исидой, его божественное воскрешение. Более великолепным был весенний праздник спуска корабля, когда для празднования открытия навигации пышная процессия, так живо описанная Апулеем, совершала свой путь от храма к морскому берегу, чтобы спустить на воду символический корабль богини[118]. Служба ей приравнивалась как бы к военной, посвященные были воинами в ее армии. Это посвящение отнюдь не было легким делом. Послушник мог служить ей много лет, прежде чем богиня «призовет» его, а войти в ее святилище без призыва означало смерть[119]. Правда, смертью было и вхождение в него после призыва и инструкции мистагога, но это была смерть прежней жизни обращенного и рождение к новой жизни, жизни спасения. В самой церемонии обращаемый сначала очищался водой, а потом странствовал по темным переходам подземного мира, как некогда Осирис между своей смертью и воскресением, подвергаясь некоторым испытаниям. Возможно, что он в самом деле «умирал» и был «погребаем», причем, вероятно, значительную роль играло внушение. В конце концов он выходил на яркий свет в священных одеждах, с факелом в руке, приветствуемый собранием верных как бог, и его душа с этого времени была свободна от власти судьбы и смерти[120].

Но культ Исиды был не только церемониалом или даже мистериями, как бы они ни были важны. Исида была явлением, не известным ранее средиземноморскому миру в исторические времена, но однажды в нем показавшись, она его уже не покидала. Она была богиней женщин. Половина человеческого рода была лишена друга на небесах. Афина была богиней только мужчин; и если женщины призывали в муках родов Артемиду, то лишь за неимением какой-либо другой богини. Обыкновенная женщина имела мало общего с воинственной девственницей, которая покровительствовала искусству, или девственницей-охотницей, холодной, как посвященная ей луна; не больше она имела общего с богиней плодородия древнего матриархального века и даже с Афродитой, хотя люди могут, конечно, одухотворить что угодно. Но теперь у женщины был друг, и величайший из всех, который может ее понять, который, как и она сама, был женой и матерью и страдал,

как она сама может страдать. Сама Исида не оставляет никакого сомнения в этом отношении: она—«слава женщин», которая дает им «силу наравне с мужчинами»[121]. Ее исповедание, гимн Исиды, найденный в Иосе[122], говорит: «Я—Исида. Я та, кого женщины называют богиней. Я установила, что женщины должны быть любимы мужчинами. Я соединила жену и мужа, и я изобрела брачный контракт. Я установила, что женщины должны рожать детей и что дети должны любить своих родителей». Именно этим Исида подчинила себе средиземноморский мир. Когда христианство, наконец, восторжествовало и Зевс, Аполлон, Серапис и звездные боги были свергнуты со своих тронов, только Исида в некотором смысле пережила общее падение богов: культ девы был введен еще до разрушения Серапеума, и поклонницы Исиды спокойно перешли к культу другой Матери—в какой мере спокойно, можно видеть из того факта, что известно много примеров, как ее статуи позже служили изображениями Мадонны[123].

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

[1] Все даты и века в этой книге относятся ко времени до нашей эры, если не оговорено время после н. э.

[2] Термин «эллинизм», хотя формально и неправильный, давно стал существительным, соответствующим прилагательному «эллинистический». Термин «эллинистицизм» невозможен ни на одном языке. Теперь уже слишком поздно изобретать какой-либо новый термин.

[3] *R. Laqueur*, Hellenismus, 1925; см. *Berve*, Phil. Woch. 1926, 329; *Jüthner*, G. G. A. 1926, 76; *Schubart*, H. J. Kl. Alt. 1926, 633.

[4] Одна из научных школ выражает мнение, что в понятие эллинизма следует включить современную ему цивилизацию Римской республики. В этой книге так не делается, но этим я еще не выражаю своего мнения по этому вопросу.

[5] *W. S. Ferguson*, C. P. 1929, 1, относительно P. Oxy. 2082.

[6] *W. Otto*, Beiträge zur Seleukidengeschichte 1928, гл. I.

[7] Гими Делосу, 166 и сл.

[8] 255 г., а не 253, как у *Otto*, цит. соч., гл. II; основания в C. A. H. VII, 714—715.

[9] Я сохраняю число IV за Эпифаном, потому что я сомневаюсь, знаем ли мы имя убитого сына Селевка IV. См., однако, *Otto*, Heliodoros в P. W.; *E. R. Bevan* в C. A. H. VIII, стр. 479 сл., 713.

[10] Для удобства я заимствовал нумерацию Птолемеев, применяемую *Bevan*, Ptolomaic Dynasty, и C. A. H. В этом вопросе нет еще полной ясности.

[11] О дате см. мою главу «Parthia» в C. A. H. IX.

[12] Об этой эре и 146 г. (стр. 55) см. *M. N. Tod*, B. S. A. XXIII, 206, XXIV, 54.

[13] I. G. IV, 757.

[14] Ibid. 894.

[15] Ditt.[3] 344, l.55.

[16] Ibid. 684.

[17] *A. Wilhelm*, Jahresh. XVII, 83.

[18] Ditt.[3] 736.

[19] Ibid. 1157.

[20] *F. Durrbach*, Choix des inscriptions de Délos, I, ii, p. 191.

[21] Ditt.[3] 696—699, 711, 728; *G. Colin*, B. C. H. 1906, 161; *A. Boethius*, Die Pythais, 1918.

[22] Точно так же Досон женился на приемной матери Филиппа V, вдове Деметрия, Хрисеиде, чтобы обеспечить наследство за Филиппом (см. *Tarn*, C. Q. XVIII, 17). Глупая история (*Plut.*, Mor. 489 E, 184 C) о том, что оба царя поэтому убили своих детей (в то время как Стратонике было уже около 50 лет!), показывает, что некоторые обстоятельства здесь не лишены основания.

[23] О Клеопатре см. *Tarn*, C. A. H. X, 1934, гл. 2—3; см. также J. R. S. XXII, 1932, 135 (о пророчестве), XXI, 1931, 173 (об Акциуме).

ГЛАВА II

[1] *H. M. Chadwick*, The Heroic Age.

[2] *Arr.* Anab. VII, II, 6.

[3] *Ferguson*, Amer. Hist. Rev. 1912, 34.

[4] О полномочиях армии я сужу по фактическим событиям. Ср. *Curt.* VI, 8, 25.

[5] Ditt.[3] 575; бронзовые монеты Филиппа V со словом Μακεδόνων. Более поздние свидетельства: *Diod.* XVIII, 4, 3; *Polyaen*, IV, 6, 14; *Arr.* VII, 9, 5; *Tarn*, J. H. S. 1921, 16.

[6] I. G. XI, 4, 1097; *Tarn*, J. H. S. 1909, 269 сл.

[7] *P. Collomp*, Recherches sur la chancellerie et la diplomatique des Lagides, гл. III.

[8] О культе царя см. *E. Kornemann*, Klio, I, 51; *Beloch* IV, I, 366; *Kaerst* II[2]; *App.* V; *A. D. Nock*, J. H. S. 1928, 21.

[9] Библиография дана в C. A. H. VI, 598; дополнит. лит. см. *L. B. Taylor*, J. H. S. 1927, 53, C. P. 1927, 162; *Nock*, цит. соч.; *Tarn*, J. H. S, 1928, 206.

[10] *Weinreich*, N. J. Kl. Alt. 1926, 633.

[11] OGIS 6 и сл.

[12] *Plut.* Dem., 10*; 12*; *Athen.* 536 A; *Diod.* XX, 102, 2; I. G. XI, 4, 1036*; XII, 9, 207; SEG I, 362*. Ср. *K. Scott*, A. J. Phil. 1928, 137, 217.

[13] OGIS 11; Ditt.[3] 372, 380.

[14] OGIS 212; Ditt.[3] 412—3; *Athen.* 255 A.

[15] OGIS 16; Ditt.[3] 390; *Paus.* I, 8, 6.

[16] Ditt.[3] 332.

[17] Archiv V, 156, N I.

[18] *Plaumann*, Archiv VI, 77.

[19] *Diod.* XVIII, 61.

[20] Ditt.[3] 390.

[21] OGIS 245, App. Syr. 63.

[22] OGIS 724; см. *Beloch* IV, 2, 586, прим. 1; *Ferguson*, C. A. H, VII, 17.

Table of Contents

Introduction 1

Chapter 1: Getting Started 5
- Installing the Software 5
- System Requirements 6
- First Launch 8
- Creating Your Account 9

Chapter 2: Basic Operations 12
- Navigating the Interface 12
- Opening and Saving Files 14
- Working with Projects 16
- Keyboard Shortcuts 18

Chapter 3: Advanced Features 21
- Automation 21
- Integrations 23
- Custom Templates 25

Chapter 4: Troubleshooting 28
- Common Errors 28
- Performance Issues 30
- Contacting Support 32

Appendix A: Glossary 34

Appendix B: Index 36

[23] P. Cairo Zen. 59282 (250 г. до н. э.).

[24] OGIS 226.

[25] Ibid. 233, 245, 224, l.24. См., однако, *Bouché-Leclerqs*, Histoire des Séleucides, 469.

[26] OGIS 219, 227, 237.

[27] Ibid. 54; *Satyrus*, F. H. G. III, p. 165.

[28] Об OGIS 302 см. *Ferguson* C. P., 1906, 231.

[29] *Plut.* Arat. 45; Ditt.[3] 493; I. G. V, I, 1122.

[30] B. C. H. 1894, 416, N I.

[31] Для всего этого—*Tarn*, Antigonos Gonatas, 250, 435. Теперь известно, о каком эпигоне говорится в книдской эпиграмме (*Tarn*, J. H. S. 1910, 214); см. Milet I, 3, NN 138, l. 73.

[32] *Suidas*, s. v.

[33] *Tarn*, Ant. Gon., p. 108.

[34] *Athen.* 253 D.

[35] OGIS 219; *App.* Syr. 65.

[36] *Suidas*, βασιλεία 3; *Aristeas* (ed. Wendland), 36, 265, 290.

[37] Ath. Mitt. 1907, 247, N 4, l. 39; *Hepding*, Klio **XX**, 490.

[38] J. G. II[2], 1011, l.14; *A. Wilhelm*, Beiträge 76, N 64.

[39] Ath. Mitt. 1907, 243, N 4.

[40] *Heberdey* в Festschrift в честь Benndorf, 114.

[41] *Plut.* Arat. 53; Ditt.[3] 624; I. G. V. II, 432.

[42] *P ister*, Epiphanie в P. W.

[43] *Nock*, J. H. S. 1928, 38.

[44] Теория Пфистера о происхождении титула Птолемея V от Селевкидов не подтверждается хронологией.

[45] I Macc. I, 41—42.

[46] *Tac.* Ann. IV, 56; *Liv.* XLIII, 6.

[47] Milet I, 7, N 203; Ditt[3]. 694.

[48] J. G. XII, 9, 931; *Plut.* Flam. 16.

[49] Ath. Mitt. 1907, 247, l.40.

[50] Ad Quint, I, 1, 26.

[51] Ditt.[3] 760.

[52] *Polyb.* V, 41, 6; OGIS 315, VI.

[53] *E. R. Goodenough*, Yale Class. Studies, 1928, 55.

[54] *Collomp*, цит. соч.; OGIS 259; Polyb. IV, 87, 8.

[55] *Wilcken*, Phil. LIII, 80; ср. *Aristaeas* 296 сл.

[56] *Polyb.* V, 43, I.

[57] *Tarn*, J. H. S. 1911, 251.

[58] *Rostowzew*, Studien z. Gesch. des röm. Kolonates 252.

[59] *Strack*, Rh. Mus., LV, 161; *Willrich*, Klio IX, 416.

[60] Ibid.; также *Liv.* XXX, 42, 6; XXXI, 35, I и т. д.

[61] *Tarn*, B. C. H., 1922, 473.

[62] OGIS 39.

[63] *Athen.* 203 E.

[64] *Tarn*, J. H. S., 1910, 209.

[65] *Tarn*, J. H. S., 1905, 137, 204.

[66] *Polyb.* XVI, 2—7.

[67] Последняя общая работа *Kromayer und Veith*, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, 1928.

[68] *Theophr.* H. Plant. III, 12, 2, повидимому, подразумевал короткие локти.

[69] *Polyb.* XVIII, 29—30.

[70] Дата: *Tarn*, C. Q., 1926, 99.

[71] *Plin.* VI, 58.

[72] Ссылки для этого раздела и следующего см. в книге *Tarn*, Ant. Gon., гл. VII.

[73] См. также *Costanzi*, Annali Univ. Toscane XXXIII.

[74] См. также Ἐφ. Ἀρχ., 1914, 183, N 242; I. G. XII, 9, 199.

[75] Он прослежен в C. A. H. VI, 362, 418, 438, 485.

[76] *Tarn*, Ant. Gon., 76, прим. 15; 113, прим. 4.

[77] *Beloch* IV, 1, 234; ср. *Phylarchus*, F. H. G. I, 350.

[78] OGIS 221, ll. 46, 59, 72; 221, II и III означают приказ.

[79] Ibid. 223.

[80] Ibid. 226, ср. 227; *Jos.* Ant. XII, 125 сл.

[81] OGIS 267, II.

[82] *Ferri*, Alcune iscriz. di Cirene, N 1.

[83] *Bevan*, Ptolomaic dynasty 106.

[84] *Athen.* 167 F; B. C. H., 1924, 264.

[85] Ditt.[3] 459.

[86] I. G. XI, 4, 1053.

[87] Фрагмент Филодема (*Jacoby*, Apollodor's Chronik, 375).

[88] О жертвах для него I. G. II[2], 683, 775, 780 (о порче надписи—*Tarn*, C. Q., 1924, 18); ср. 793.

[89] *Memnon* 21.

[90] *Swoboda*, Klio XII, 38; Staatsaltertümer 414 сл.; *W. Schönfelder*, Die städtischen und Bundesbeamten des gr. Festlandes, 50, 53, 107; *Plassart et Blum*, B. C. H., 1914, 472.

[91] Приена OGIS 215; Иасос, Michel 462; см. Магнесия, ibid. 914; Милет, списки в Milet I, 3.

[92] Priene 108, 109, 113.

[93] Ditt.[3] 1002, 1003, 1006, 1009—1015; I. Priene 174, 201; Milet I, 7, 203.

[94] Milet, ibid.

[95] *Tarn*, Ant. Gon., 107; дополн. Ditt.[3] 700. В Македонии после 168 г., так как в Фаланне в Фессалии местные ταγοί (I. G. IX 2, 1228, 3-й век и Ἐφ. Ἀρχ. 1916, 21, N 274,

Chapter 1 Introduction to Data Science
Chapter 2 Data Collection and Preparation
Chapter 3 Exploratory Data Analysis
Chapter 4 Statistical Foundations
Chapter 5 Machine Learning Basics
Chapter 6 Supervised Learning
Chapter 7 Unsupervised Learning
Chapter 8 Model Evaluation and Selection
Chapter 9 Feature Engineering
Chapter 10 Deep Learning Overview
Chapter 11 Natural Language Processing
Chapter 12 Time Series Analysis
Chapter 13 Recommender Systems
Chapter 14 Big Data Technologies
Chapter 15 Data Visualization
Chapter 16 Communicating Results
Chapter 17 Ethics and Privacy
Chapter 18 Deployment and Monitoring
Chapter 19 Case Studies
Chapter 20 Future Trends

начало 2-го) были именно тогда заменены τολλίαρχοι, I. G. IX, 2, 1223.

[96] Milet I, 7, 203, вместе с 208.

[97] Детали процесса у Ditt.[3] 344.

[98] I. G. IX, 2, 1109; Str. 436.

[99] *Arvanitopoullos*, Ἐφ. Ἀρχ., 1914, 264.

[100] Конечно, по географическим соображениям.

[101] *Wilhelm*, Attische Urkunden I; *U. Wilcken*, Bayer S. B. 1917, Ab. 10.

[102] SEG I, 75, с новым фрагментом *Wilcken'a* в Berl. S. B. 1927, 277; литература в C. A. H. IV, 607.

[103] *Tod*, J. H. S. 1922, 173.

[104] Для дальнейшего см. мою библиографию о союзах в C. A. H. VII, 883 сл.; более специально—*Swoboda*, Staatsaltertümer.

[105] О ее действии см.: Ditt.[3] 622; *A. J. Reinach*, Rev. Arch. 1908; II, p. 208. Самое ясное определение у *Swoboda*, Wien S. B. 1924, 2, p. 6; ср. *L. Robert*, Rev. E. G. 1927, 214.

[106] Ditt.[3] 480, прим. 4, дает определенный ответ.

[107] SEG I, 74.

[108] *Tarn*, C. R. 1925, 107.

[109] Для западной Локриды A. J. A. XXVI, 445.

[110] I. G. IX, 2, 508; XI, 4, 1038—1040, 1042, 1046. См., однако, *Swoboda*, Wien S. B., цит. соч., стр. 25.

[111] Лучше всего объяснено у *Kornemann*, κοινόν в P. W.

[112] B. C. H. 1909, 175, N 2; нет у Корнемана.

[113] OGIS 99, 198; Str. 664 сл.

ГЛАВА III

[1] *Arr.* Anab. VII, II, 9.

[2] *Arnim*, Stoic. vet. fragm. 259—271.

[3] *Diog. Laert.* VI, 2, 63.

[4] *Arnim.* fr. 697.

[5] *Kaerst*, Die antike Idee der Oekumene, 1903.

[6] *Polyb.* V, 104.

[7] *Tod*, International arbitration among the Greeks, 1913.

[8] Повсюду. См. список у *Arvanitopoullos*, Rev. Phil. 1911, 292.

[9] Ἐφ. Ἀρχ. 1917, 16, N 308 (Кассандр); OGIS 13, Priene 37, l. 131 (Лисимах); Ἐφ. Ἀρχ. 1913, 43, NN 172, 173 (Филипп V); SGDI 5153—4; *Wilhelm*, Jahresh. 1911, 186.

[10] *C. Philippson*, International law and Custom of ancient Greece and Rome, II, 251.

[11] *Polyb.* II, 58, 10.

[12] Ibid. XVIII, 3, 4—9; XXIII, 15.

[13] OGIS 765; Ditt.[3] 495, l. 108.

[14] *Polyb.* II, 56—61.

[15] Ср. ibid. X, 15, 4—6.

[16] Ditt.[3] 588.

[17] *Plut.* Mor. 842 A.

[18] Milet, I, 3, N 140.

[19] Например, I. G. II[2], 399; IV, 497; XI, 4, 1054a; XII, 7, 36; 8, 159; 9, 6; Ditt.[3] 374, 520, 535; Ἀθηνᾶ 1908, 195, N 6.

[20] Ditt.[3] 521.

[21] *Tarn*, J. H. S. 1924, 141.

[22] OGIS 228, 229.

[23] Ditt.[3] 557 сл.

[24] OGIS 234.

[25] SGDI 5165—87, Michel 51—68.

[26] Ditt.[3] 590 (см. *Wilhelm*, Wien. Anz. XVIII, 19, N 11).

[27] Ditt.[3] 1158, 635B.

[28] *Tarn*, Ant. Gon., 209, прим. 133; *Pomtow*, Klio XIV, 278; XVII, 189.

[29] *Dareste*, Rev. E. G. 1889, ii, 305; *Vollgraf*, B. C. H. 1913, 286; *Philippson*, цит. соч., 353.

[30] Список см. у *Stengel*, Asylon в P. W.

[31] Примеры: SGDI 2532; Ditt.[3] 456, 550, 629, 630, 635 A.

[32] I.G. IX, I, 97; XII, 5, 867, 868 A, B; см. *Graindor*, Musée Belge 1911, 254.

[33] Как Анафа, I. G., XII, 3, 254.

[34] Ditt.[3] 609, 612 B.

[35] *U. Kahrstedt*, Syrische Territorien in hellenistischer Zeit, 76—79.

[36] OGIS 746.

[37] I. G. II[2] 1132; XI, 4, 1061; XII, 9, 207; Ditt.[3] 399, 507, 563, 692.

[38] Делос, I. G. XI, 4, 1050; ср. XI, 2, 287 A, l. 80; Тенос, Musée Belge 1910, 43, N 22; Митилена, Ἐφ. Ἀρχ. 1914, 84; Хиос, Кеос, Магнезия, Теос, Ditt.[3] 443, 522, 554, 563; Афины, Klio XV, 7, NN 35, 36.

[39] In Rev. E. G. 1911, 378, N 1; человеку приходится отказаться от своего старого гражданства; это одинаково может быть и правилом и исключением из него.

[40] *Brandis*, Bithynia в P. W.

[41] I. G. II[2] 693; ср. 566.

[42] *Polyb.* XVI, 26, 9; *Liv.* XXXI, 15, 6.

[43] I. G. V, 2, 419.

[44] SGDI 490.

[45] Milet I, 3, NN 136, 137, 141—143, 146, 150.

[46] I. G. XII, 5, 814.

[47] *Ferri*, Iscriz, di Cirene N 2.

Ethernet Interface Configuration 3-1
Ethernet Interface Configuration Overview 3-1
Ethernet Interface Configuration Commands 3-2
Ethernet Interface Configuration Example 3-3
Ethernet Interface Configuration Verification 3-3
Ethernet Interface Configuration Troubleshooting 3-3
Ethernet Interface Configuration Maintenance 3-3
Ethernet Interface Configuration Restrictions 3-3
Ethernet Interface Configuration Related Documentation 3-3
Ethernet Interface Configuration Glossary 3-3
Ethernet Interface Configuration Index 3-3

Ethernet Interface Configuration 3-1
Ethernet Interface Configuration Overview 3-1
Ethernet Interface Configuration Commands 3-2
Ethernet Interface Configuration Example 3-3
Ethernet Interface Configuration Verification 3-3
Ethernet Interface Configuration Troubleshooting 3-3
Ethernet Interface Configuration Maintenance 3-3
Ethernet Interface Configuration Restrictions 3-3
Ethernet Interface Configuration Related Documentation 3-3
Ethernet Interface Configuration Glossary 3-3
Ethernet Interface Configuration Index 3-3

[48] SGDI 5165—87, Michel, 51—68.
[49] Ἐφ. Ἀρχ. 1914, 167, N 232.
[50] Ditt.[3] 555, 548, 942.
[51] I. G. IV[2], 96.
[52] I. G. XII, 3, 251.
[53] Ditt.[3] 585.
[54] Ibid. 492.
[55] *Brandis*, Achaea в P. W.; ср. I. G. VII, 20.
[56] Ditt.[3] 555, 604, 404, 470, 548.
[57] Ibid. 558.
[58] Fr. 28, *Kock* (III, 345).
[59] Ditt.[3] 739; см. *Wilhelm*, Neue Beiträge IV,55.
[60] *Str.* 609.
[61] См. список у *Fr. Heichelheim*, Die auswärtige Bevölkerung im Ptolomäerreich, Klio, Beiheft XVIII, 6.
[62] I Priene 47, 50, 53—54, 71; Milet I, 3, N 146.
[63] Например, I Priene 111—114, 117.
[64] Ibid. 109, II. 161—167.
[65] *A. Steinwenter*, Die Streitbeendigung, § 11, насчитывает 35 декретов дикастов; на деле их, по крайней мере, вдвое больше. Типичными декретами, упоминающими ὁμόνοια, являются I. G. IX, 2, 507, 1230; XII, 5, 870; SEG I, 363; I Priene 53, 54, 61.
[66] Например, I. G. VII, 4130; XII, 2, 530; I Priene 59.
[67] Таблица Помтова, Klio 1923, 268, дает 10 известных нам комиссий в Дельфах за 26 лет; о большом составе комиссии из Гони пишет *Arvanitopoullos* в Ἐφ. Ἀρχ. 1911 и 1914.
[68] Michel 417.
[69] I. G. VII, 21; I Priene 59.
[70] OGIS 7.
[71] Ibid. 329.
[72] Ditt.[3] 426; Michel 417; SEG I, 363; OGIS 7, 43.
[73] Как, например: I. G. IX, 2, 1230; SEG I, 363; OGIS 43.
[74] *Arist.* Pol. 1280 a, l. 36; см. *H. G. Robertson*, The administration of justice in the Athenian Empire, 1924.
[75] I. G. II[2], 466; V, 2, 419; XII, 5, 829; Ditt.[3] 955, l.13; *Polyb.* XXIII, 1, 2; XXXII, 7.
[76] I. G. XII, 7, 15.
[77] Глава III, прим. 62.
[78] I. G. XII, 5, 1065; SEG I, 363; Klio XVII, 199, NN 198—199.
[79] I. G. IX, 2, 1100.
[80] OGIS 237.
[81] Michel 1203; I Priene 111, l. 198.
[82] I. G. VII, 2510, 3426; OGIS 479.
[83] *Dürrbach*, B. C. H., 1916, 298 и в I. G. XI, 2.

[84] Milet I, 3, NN 122—125, с комментарием Рема (Rehm).
[85] Библиография в C. A. H. VII, ср. 886.
[86] *Plut.* Arat. 6; *Diog. Laert.* II, 136; SEG II, 292; Ditt.[3] 405, прим. 4; *Polyb.* IV, 29, 4; XIII, 8, 2.
[87] FHG II, p. 257.
[88] *H. Ormerod*, Piracy in the ancient world, гл. IV; *Tarn*, Ant. Gon., 85—88.
[89] I. G. XII, 3, 171.
[90] *Diod.* XX, 81, 3; *Str.* 652.
[91] Ср. Ditt.[3] 581.
[92] *Ormerod*, гл. VI.
[93] Полнее всего *Fr. Poland*, Gesch. d. griech. Vereinswesens, 1909.
[94] *Poland* 519.
[95] Ibid., 492.
[96] Ditt.[3] 1097.
[97] Michel 1001.
[98] Ἐφ. Ἀρχ. 1905, 246, N 11.
[99] Tod, BSA XIII, 328.
[100] Michel 1045; I. G. II, 1332.
[101] SGDI 3636, 3632; *Paton* and *Hicks*, N 129.
[102] *M. San Nicolo*, Aegyptisches Vereinswesen, 66.
[103] I. G. IV, 757.
[104] *Str.* 794.
[105] *Poland* 129.
[106] OGIS 102, 735; I. G. XII, 3, 327, 466; ср. Archiv VI, 9.
[107] Ditt.[3] 699.
[108] SGDI 3636, l. 54; OGIS 104; I. G. II[2], 772.
[109] *Poland* 103.
[110] I. G. IV, 757.
[111] *Poland* 305, 318.
[112] SGDI 3510.
[113] *C. C. Edgar*, Raccolta Lumbroso, 369.
[114] *E. Ziebarth*, Aus dem griechischen Schulwesen[2], 1914.
[115] Его функции: I Priene 112—4; OGIS 764; I. G. XII, 9, 916.
[116] Ditt.[3] 577.
[117] *Polyb.* XXXI, 31 (25).
[118] Ditt.[3] 578; Athen. 566 E.
[119] *A. Brenot*, Recherches sur l'éphébie attique, 1920; *Lofberg*, C. P. 1925, 330.
[120] Ditt.[3] 1028.
[121] Ath. Mitt. 1907, 373; I Priene 313.
[122] *Poland* 88.

Introduction
Chapter 1
Chapter 2
Chapter 3
Chapter 4
Chapter 5
Chapter 6
Chapter 7
Chapter 8
Chapter 9
Chapter 10
Chapter 11
Chapter 12
Chapter 13
Chapter 14
Chapter 15
Chapter 16
Chapter 17
Chapter 18
Chapter 19
Chapter 20
Chapter 21
Chapter 22
Chapter 23
Chapter 24
Chapter 25
Chapter 26
Chapter 27
Chapter 28
Chapter 29
Chapter 30
Chapter 31
Chapter 32
Chapter 33
Chapter 34
Chapter 35
Chapter 36
Chapter 37
Chapter 38
Chapter 39
Chapter 40
Chapter 41
Chapter 42
Chapter 43
Chapter 44
Chapter 45
Chapter 46
Chapter 47
Chapter 48
Chapter 49
Chapter 50
Chapter 51
Chapter 52
Chapter 53
Chapter 54
Chapter 55
Chapter 56
Chapter 57
Chapter 58
Chapter 59
Chapter 60
Chapter 61
Chapter 62
Chapter 63
Chapter 64
Chapter 65
Chapter 66
Chapter 67
Chapter 68
Chapter 69
Chapter 70
Chapter 71
Chapter 72
Chapter 73
Chapter 74
Chapter 75
Chapter 76
Chapter 77
Chapter 78
Chapter 79
Chapter 80
Chapter 81
Chapter 82
Chapter 83
Chapter 84
Chapter 85
Chapter 86
Chapter 87
Chapter 88
Chapter 89
Chapter 90
Chapter 91
Chapter 92
Chapter 93
Chapter 94
Chapter 95
Chapter 96
Chapter 97
Chapter 98
Chapter 99
Chapter 100
Chapter 101
Chapter 102
Chapter 103
Chapter 104
Chapter 105
Chapter 106
Chapter 107
Chapter 108
Chapter 109
Chapter 110
Chapter 111
Chapter 112
Chapter 113
Chapter 114
Chapter 115
Chapter 116
Chapter 117
Chapter 118
Chapter 119
Chapter 120
Chapter 121
Chapter 122
Chapter 123
Chapter 124
Chapter 125
Chapter 126
Chapter 127
Chapter 128
Chapter 129
Chapter 130
Chapter 131
Chapter 132
Chapter 133
Chapter 134
Chapter 135
Chapter 136
Chapter 137
Chapter 138
Chapter 139
Chapter 140
Chapter 141
Chapter 142
Chapter 143
Chapter 144
Chapter 145
Chapter 146
Chapter 147
Chapter 148
Chapter 149
Chapter 150
Chapter 151
Chapter 152
Chapter 153
Chapter 154
Chapter 155
Chapter 156
Chapter 157
Chapter 158
Chapter 159
Chapter 160
Chapter 161
Chapter 162
Chapter 163
Chapter 164
Chapter 165
Chapter 166
Chapter 167
Chapter 168
Chapter 169
Chapter 170
Chapter 171
Chapter 172
Chapter 173
Chapter 174
Chapter 175
Chapter 176
Chapter 177
Chapter 178
Chapter 179
Chapter 180
Chapter 181
Chapter 182
Chapter 183
Chapter 184
Chapter 185
Chapter 186
Chapter 187
Chapter 188
Chapter 189
Chapter 190
Chapter 191
Chapter 192
Chapter 193
Chapter 194
Chapter 195
Chapter 196
Chapter 197
Chapter 198
Chapter 199
Chapter 200
Chapter 201
Chapter 202
Chapter 203
Chapter 204
Chapter 205
Chapter 206
Chapter 207
Chapter 208
Chapter 209
Chapter 210
Chapter 211
Chapter 212
Chapter 213
Chapter 214
Chapter 215
Chapter 216
Chapter 217
Chapter 218
Chapter 219
Chapter 220
Chapter 221
Chapter 222
Chapter 223
Chapter 224
Chapter 225
Chapter 226
Chapter 227
Chapter 228
Chapter 229
Chapter 230
Chapter 231
Chapter 232
Chapter 233
Chapter 234
Chapter 235
Chapter 236
Chapter 237
Chapter 238
Chapter 239
Chapter 240
Chapter 241
Chapter 242
Chapter 243
Chapter 244
Chapter 245
Chapter 246
Chapter 247
Chapter 248
Chapter 249
Chapter 250
Chapter 251
Chapter 252
Chapter 253
Chapter 254
Chapter 255
Chapter 256
Chapter 257
Chapter 258
Chapter 259
Chapter 260
Chapter 261
Chapter 262
Chapter 263
Chapter 264
Chapter 265
Chapter 266
Chapter 267
Chapter 268
Chapter 269
Chapter 270
Chapter 271
Chapter 272
Chapter 273
Chapter 274
Chapter 275
Chapter 276
Chapter 277
Chapter 278
Chapter 279
Chapter 280
Chapter 281
Chapter 282
Chapter 283
Chapter 284
Chapter 285
Chapter 286
Chapter 287
Chapter 288
Chapter 289
Chapter 290
Chapter 291
Chapter 292
Chapter 293
Chapter 294
Chapter 295
Chapter 296
Chapter 297
Chapter 298
Chapter 299
Chapter 300
Chapter 301
Chapter 302
Chapter 303
Chapter 304
Chapter 305
Chapter 306
Chapter 307
Chapter 308
Chapter 309
Chapter 310
Chapter 311
Chapter 312
Chapter 313
Chapter 314
Chapter 315
Chapter 316
Chapter 317
Chapter 318
Chapter 319
Chapter 320
Chapter 321
Chapter 322
Chapter 323
Chapter 324
Chapter 325
Chapter 326
Chapter 327
Chapter 328
Chapter 329
Chapter 330
Chapter 331
Chapter 332
Chapter 333
Chapter 334
Chapter 335
Chapter 336
Chapter 337
Chapter 338
Chapter 339
Chapter 340
Chapter 341
Chapter 342
Chapter 343
Chapter 344
Chapter 345
Chapter 346
Chapter 347
Chapter 348
Chapter 349
Chapter 350
Chapter 351
Chapter 352
Chapter 353
Chapter 354
Chapter 355
Chapter 356
Chapter 357
Chapter 358
Chapter 359
Chapter 360
Chapter 361
Chapter 362
Chapter 363
Chapter 364
Chapter 365
Chapter 366
Chapter 367
Chapter 368
Chapter 369
Chapter 370
Chapter 371
Chapter 372
Chapter 373
Chapter 374
Chapter 375
Chapter 376
Chapter 377
Chapter 378
Chapter 379
Chapter 380
Chapter 381
Chapter 382
Chapter 383
Chapter 384
Chapter 385
Chapter 386
Chapter 387
Chapter 388
Chapter 389
Chapter 390
Chapter 391
Chapter 392
Chapter 393
Chapter 394
Chapter 395
Chapter 396
Chapter 397
Chapter 398
Chapter 399
Chapter 400
Chapter 401
Chapter 402
Chapter 403
Chapter 404
Chapter 405
Chapter 406
Chapter 407
Chapter 408
Chapter 409
Chapter 410
Chapter 411
Chapter 412
Chapter 413
Chapter 414
Chapter 415
Chapter 416
Chapter 417
Chapter 418
Chapter 419
Chapter 420
Chapter 421
Chapter 422
Chapter 423
Chapter 424
Chapter 425
Chapter 426
Chapter 427
Chapter 428
Chapter 429
Chapter 430
Chapter 431
Chapter 432
Chapter 433
Chapter 434
Chapter 435
Chapter 436
Chapter 437
Chapter 438
Chapter 439
Chapter 440
Chapter 441
Chapter 442
Chapter 443
Chapter 444
Chapter 445
Chapter 446
Chapter 447
Chapter 448
Chapter 449
Chapter 450
Chapter 451
Chapter 452
Chapter 453
Chapter 454
Chapter 455
Chapter 456
Chapter 457
Chapter 458
Chapter 459
Chapter 460
Chapter 461
Chapter 462
Chapter 463
Chapter 464
Chapter 465
Chapter 466
Chapter 467
Chapter 468
Chapter 469
Chapter 470
Chapter 471
Chapter 472
Chapter 473
Chapter 474
Chapter 475
Chapter 476
Chapter 477
Chapter 478
Chapter 479
Chapter 480
Chapter 481
Chapter 482
Chapter 483
Chapter 484
Chapter 485
Chapter 486
Chapter 487
Chapter 488
Chapter 489
Chapter 490
Chapter 491
Chapter 492
Chapter 493
Chapter 494
Chapter 495
Chapter 496
Chapter 497
Chapter 498
Chapter 499
Chapter 500
Chapter 501
Chapter 502
Chapter 503
Chapter 504
Chapter 505
Chapter 506
Chapter 507
Chapter 508
Chapter 509
Chapter 510
Chapter 511
Chapter 512
Chapter 513
Chapter 514
Chapter 515
Chapter 516
Chapter 517
Chapter 518
Chapter 519
Chapter 520
Chapter 521
Chapter 522
Chapter 523
Chapter 524
Chapter 525
Chapter 526
Chapter 527
Chapter 528
Chapter 529
Chapter 530
Chapter 531
Chapter 532
Chapter 533
Chapter 534
Chapter 535
Chapter 536
Chapter 537
Chapter 538
Chapter 539
Chapter 540
Chapter 541
Chapter 542
Chapter 543
Chapter 544
Chapter 545
Chapter 546
Chapter 547
Chapter 548
Chapter 549
Chapter 550
Chapter 551
Chapter 552
Chapter 553
Chapter 554
Chapter 555
Chapter 556
Chapter 557
Chapter 558
Chapter 559
Chapter 560
Chapter 561
Chapter 562
Chapter 563
Chapter 564
Chapter 565
Chapter 566
Chapter 567
Chapter 568
Chapter 569
Chapter 570
Chapter 571
Chapter 572
Chapter 573
Chapter 574
Chapter 575
Chapter 576
Chapter 577
Chapter 578
Chapter 579
Chapter 580
Chapter 581
Chapter 582
Chapter 583
Chapter 584
Chapter 585
Chapter 586
Chapter 587
Chapter 588
Chapter 589
Chapter 590
Chapter 591
Chapter 592
Chapter 593
Chapter 594
Chapter 595
Chapter 596
Chapter 597
Chapter 598
Chapter 599
Chapter 600
Chapter 601
Chapter 602
Chapter 603
Chapter 604
Chapter 605
Chapter 606
Chapter 607
Chapter 608
Chapter 609
Chapter 610
Chapter 611
Chapter 612
Chapter 613
Chapter 614
Chapter 615
Chapter 616
Chapter 617
Chapter 618
Chapter 619
Chapter 620
Chapter 621
Chapter 622
Chapter 623
Chapter 624
Chapter 625
Chapter 626
Chapter 627
Chapter 628
Chapter 629
Chapter 630
Chapter 631
Chapter 632
Chapter 633
Chapter 634
Chapter 635
Chapter 636
Chapter 637
Chapter 638
Chapter 639
Chapter 640
Chapter 641
Chapter 642
Chapter 643
Chapter 644
Chapter 645
Chapter 646
Chapter 647
Chapter 648
Chapter 649
Chapter 650
Chapter 651
Chapter 652
Chapter 653
Chapter 654
Chapter 655
Chapter 656
Chapter 657
Chapter 658
Chapter 659
Chapter 660
Chapter 661
Chapter 662
Chapter 663
Chapter 664
Chapter 665
Chapter 666
Chapter 667
Chapter 668
Chapter 669
Chapter 670
Chapter 671
Chapter 672
Chapter 673
Chapter 674
Chapter 675
Chapter 676
Chapter 677
Chapter 678
Chapter 679
Chapter 680
Chapter 681
Chapter 682
Chapter 683
Chapter 684
Chapter 685
Chapter 686
Chapter 687
Chapter 688
Chapter 689
Chapter 690
Chapter 691
Chapter 692
Chapter 693
Chapter 694
Chapter 695
Chapter 696
Chapter 697
Chapter 698
Chapter 699
Chapter 700
Chapter 701
Chapter 702
Chapter 703
Chapter 704
Chapter 705
Chapter 706
Chapter 707
Chapter 708
Chapter 709
Chapter 710
Chapter 711
Chapter 712
Chapter 713
Chapter 714
Chapter 715
Chapter 716
Chapter 717
Chapter 718
Chapter 719
Chapter 720
Chapter 721
Chapter 722
Chapter 723
Chapter 724
Chapter 725
Chapter 726
Chapter 727
Chapter 728
Chapter 729
Chapter 730
Chapter 731
Chapter 732
Chapter 733
Chapter 734
Chapter 735
Chapter 736
Chapter 737
Chapter 738
Chapter 739
Chapter 740
Chapter 741
Chapter 742
Chapter 743
Chapter 744
Chapter 745
Chapter 746
Chapter 747
Chapter 748
Chapter 749
Chapter 750
Chapter 751
Chapter 752
Chapter 753
Chapter 754
Chapter 755
Chapter 756
Chapter 757
Chapter 758
Chapter 759
Chapter 760
Chapter 761
Chapter 762
Chapter 763
Chapter 764
Chapter 765
Chapter 766
Chapter 767
Chapter 768
Chapter 769
Chapter 770
Chapter 771
Chapter 772
Chapter 773
Chapter 774
Chapter 775
Chapter 776
Chapter 777
Chapter 778
Chapter 779
Chapter 780
Chapter 781
Chapter 782
Chapter 783
Chapter 784
Chapter 785
Chapter 786
Chapter 787
Chapter 788
Chapter 789
Chapter 790
Chapter 791
Chapter 792
Chapter 793
Chapter 794
Chapter 795
Chapter 796
Chapter 797
Chapter 798
Chapter 799
Chapter 800
Chapter 801
Chapter 802
Chapter 803
Chapter 804
Chapter 805
Chapter 806
Chapter 807
Chapter 808
Chapter 809
Chapter 810
Chapter 811
Chapter 812
Chapter 813
Chapter 814
Chapter 815
Chapter 816
Chapter 817
Chapter 818
Chapter 819
Chapter 820
Chapter 821
Chapter 822
Chapter 823
Chapter 824
Chapter 825
Chapter 826
Chapter 827
Chapter 828
Chapter 829
Chapter 830
Chapter 831
Chapter 832
Chapter 833
Chapter 834
Chapter 835
Chapter 836
Chapter 837
Chapter 838
Chapter 839
Chapter 840
Chapter 841
Chapter 842
Chapter 843
Chapter 844
Chapter 845
Chapter 846
Chapter 847
Chapter 848
Chapter 849
Chapter 850
Chapter 851
Chapter 852
Chapter 853
Chapter 854
Chapter 855
Chapter 856
Chapter 857
Chapter 858
Chapter 859
Chapter 860
Chapter 861
Chapter 862
Chapter 863
Chapter 864
Chapter 865
Chapter 866
Chapter 867
Chapter 868
Chapter 869
Chapter 870
Chapter 871
Chapter 872
Chapter 873
Chapter 874
Chapter 875
Chapter 876
Chapter 877
Chapter 878
Chapter 879
Chapter 880
Chapter 881
Chapter 882
Chapter 883
Chapter 884
Chapter 885
Chapter 886
Chapter 887
Chapter 888
Chapter 889
Chapter 890
Chapter 891
Chapter 892
Chapter 893
Chapter 894
Chapter 895
Chapter 896
Chapter 897
Chapter 898
Chapter 899
Chapter 900
Chapter 901
Chapter 902
Chapter 903
Chapter 904
Chapter 905
Chapter 906
Chapter 907
Chapter 908
Chapter 909
Chapter 910
Chapter 911
Chapter 912
Chapter 913
Chapter 914
Chapter 915
Chapter 916
Chapter 917
Chapter 918
Chapter 919
Chapter 920
Chapter 921
Chapter 922
Chapter 923
Chapter 924
Chapter 925
Chapter 926
Chapter 927
Chapter 928
Chapter 929
Chapter 930
Chapter 931
Chapter 932
Chapter 933
Chapter 934
Chapter 935
Chapter 936
Chapter 937
Chapter 938
Chapter 939
Chapter 940
Chapter 941
Chapter 942
Chapter 943
Chapter 944
Chapter 945
Chapter 946
Chapter 947
Chapter 948
Chapter 949
Chapter 950
Chapter 951
Chapter 952
Chapter 953
Chapter 954
Chapter 955
Chapter 956
Chapter 957
Chapter 958
Chapter 959
Chapter 960
Chapter 961
Chapter 962
Chapter 963
Chapter 964
Chapter 965
Chapter 966
Chapter 967
Chapter 968
Chapter 969
Chapter 970
Chapter 971
Chapter 972
Chapter 973
Chapter 974
Chapter 975
Chapter 976
Chapter 977
Chapter 978
Chapter 979
Chapter 980
Chapter 981
Chapter 982
Chapter 983
Chapter 984
Chapter 985
Chapter 986
Chapter 987
Chapter 988
Chapter 989
Chapter 990
Chapter 991
Chapter 992
Chapter 993
Chapter 994
Chapter 995
Chapter 996
Chapter 997
Chapter 998
Chapter 999
Chapter 1000

[123] Ibid. 102; *Levy*, Rev. E. G. VIII, 203; *Judeich* в Altertümer von Hierapolis (209 г.).

[124] C. I. G. 3185; I. Pergamon II, 463.

[125] *Suidas*, Aratos.

[126] *Schott*, NN 2, 3 (посмертные).

[127] *Catullus* 66.

[128] *Diog. Laert.* V, 60.

[129] Список ее главных пожертвований—см. *Tarn*, Ant. Gon., 350.

[130] *Polyb.* XXII, 20; *Plut.* Mor. 480 C; OGIS 307—8.

[131] *Plat.* Agis. 17 sq.

[132] *Str.* 499, 555—9, 649; OGIS 376—7.

[133] *Ferguson*, Hell. Athens, 46.

[134] *Ziebarth*, цит. соч., 39.

[135] *Seneca* fr. 45; *Diog. Laert.* VI, 23,—обычная клевета.

[136] Список у *Powell and Barber*, New chapters in Greek literature, II, 43.

[137] Ditt.[3] 532; SEG II, 263.

[138] *Susemihl*, Gr. Lit.-Gesch. II, 148.

[139] *Wilamowitz*, Hellenistische Dichtung I, 84; ср. *Plin.* XXXV, 147.

[140] I Priene 208.

[141] Michel 1001; ср. I. G. XII, 3, 329.

[142] I. G. II[2], 1346.

[143] *Edgar*, J. E. A. IV, 253.

[144] I. G. IX, I, 318, 1066; B. C. H. 1898, 89, N 85; 126, N 110.

[145] *Polyb.* XXXVI, 17, 7.

[146] *G. Glotz*, Infanticidium и Expositio в Dar. Sagl.

[147] Собрано из Milet I, 3, NN 34—93.

[148] Ср. отношение 87 сыновей к 44 дочерям в 61 семье в Афинах IV века (*Jardé*, Les céréales dans l'antiquité grecque, 1925,137); диспропорция растет.

[149] Michel 1001.

[150] I. G. XII, 9, 249.

[151] Из 600 семей, отпускающих рабов на волю по *SGDI II*, только в 57 более одного сына; но некоторые могли отсутствовать.

[152] См. прим. 150.

[153] Я только 2 раза встретил трех дочерей и 12 раз—двух.

[154] I. G. XII, 5, 186.

[155] I. G. XII, I, 49.

[156] I. G. XII, 3, 36.

[157] Например, B. C. H. VI, 265; IX, 331; J. H. S. 1890, 120; *Wiegand*, Siebenter Milet. Bericht 67 W, 2.

[158] I. G. XII, 3, 40.

[159] *Ferguson*, Hell. Athens, 374.

[160] *Stob.* Flor., p. 664, Wachsmuth.

[161] Diss. I. гл. 23.

[162] *Liv.* XXXIX, 24; XLII, II.

[163] *Ael.* V. H. II, 7.

[164] I. G. IX, 2, 517.

[165] *Krischen*, Milet III, 2, p. 2.

[166] *Noack*, Arch. Anz., 1916, 215.

[167] *Pol.* III, 1278, a l. 30.

[168] Ditt.[3] 529.

[169] *J. Hatzfeld*, Les trafiquants Italiens, 303.

[170] OGIS 338; Ditt.[3] 742.

[171] I. G. IX, 2, 517.

[172] *Beloch*, Klio VI, 52.

[173] I. G. V, 2, 22; VII, 190; I Priene 108, l. 259; 109, ll. 179, 194; 113, l.39.

[174] Например, I. G. XII, 5, 721.

[175] I. G. V, 1, 209.

[176] *Glotz*, C. R. Ac. Inscr., 1908, 571; OGIS, 483, ll. 178—183.

[177] *Diog. Laert.* X, 118; Ditt.[3] 1268, l.24, где v. ll. показывают, что здесь было два принципа: ἱκέτας αἰδοῦ и οἰκέτας ἐλέει, иногда смешиваемые.

[178] Постоянный рост от Платона, 1 из 5, до Ликона, 11 из 12: *Diog. Laert*, III, 42; V, I, 13 сл.; 3, 62 сл.; 4, 72 сл.; Ср. освобождения κατὰ διανόησιν, например I. G. IX, 2, 102, 109, в l. 19, 1301.

[179] Один случай IV века, B. C. H. 1921, 150, N 3.

[180] I. G. IX, 2, 568.

[181] Ibid., 109.

[182] B. C. H. 1898, I, N 32.

[183] Ibid., N 32; SGDI 2216.

[184] B. C. H. 1898, I, прим. 77; там же N 47, 53, 62, 74; SGDI 1798, 2136, 2171, 2225; B. C. H. 1922, 465, N 10; SGDI 1719; Ath. M. H. 1907, N 20; I. G. IX, 1, 1066; B. C. H. 1898, 1, NN 40, 88, 93, 95—97, 99, 102, 104.

[185] Ibid. NN 93, 99.

[186] Эта часть материала взята из следующих источников: SGDI II, 1684—2342; B. C. H. 1898, I сл.; 1922, 435 сл.; Ath. Mitt. 1907, I сл.; *Hatzfeld*, Mélanges Holleaux 93 (Италики).

[187] V, 2, 5; ср. XVI, 22, 5.

[188] Ath. Mitt. 1907, 37, N 29.

[189] *Dem.* XXXIV, 39.

[190] Кривая цен на пшеницу (см. *Tarn*, The hellenistic Age); I. G. XI, 2, 158 A, 11. 37—50; 224 A, l. 29; 287 A, ll. 45, 60—71; Ditt.[3] 976.

[191] I. G. IV, 2; XII, 5, 1011; Ditt.[3] 596, 708, 946.

Chapter 10 — Cross-Validation and Model Selection 287
10.1 Why Validate? 287
10.2 Train, Validation, and Test Splits 289
10.3 k-Fold Cross-Validation 292
10.4 Stratified and Grouped Splits 295
10.5 Nested Cross-Validation 298
10.6 Hyperparameter Search 301
10.7 Learning Curves 304
10.8 Validation Curves 307
10.9 Model Selection Criteria 310
10.10 Reporting Results 313
10.11 Common Pitfalls 316
10.12 Exercises 319

Chapter 11 — Ensemble Methods 321
11.1 Bagging 321
11.2 Random Forests 324
11.3 Boosting 327
11.4 Gradient Boosting 330
11.5 Stacking 333
11.6 Voting Classifiers 336
11.7 Diversity and Error 339
11.8 Exercises 342

Chapter 12 — Unsupervised Learning 345
12.1 Clustering Overview 345
12.2 k-Means 348
12.3 Hierarchical Clustering 351
12.4 Density-Based Clustering 354
12.5 Gaussian Mixtures 357
12.6 Dimensionality Reduction 360
12.7 Principal Component Analysis 363
12.8 Manifold Learning 366
12.9 Exercises 369

[192] *Dem.* XXXIV, 37—9; XLII, 20, 31; *Köhler*, Ath. Mitt. 1883, 211; *Ferri*, Iscriz. di Cirene, N 3.

[193] *Van Groningen*, Mnemos. LIII, 101.

[194] В целом см.: *H. Francotte*, Mélanges Nicole, 135.

[195] SEG I, 366; *Ziebarth*, Z. f. Num. 1924, 356.

[196] Ditt.[3] 976.

[197] I Priene 82; ср. 108, ll. 42, 68; Ditt.[3] 685, l. 100.

[198] *Wiegand*, Siebenter Milet-Bericht, p. 27.

[199] B. C. H. 1922, 312, N 2.

[200] I. G. IX, 2,. 1104.

[201] B. C. H. 1882, I (Демарес) A, ll. 91—94, 107—112 etc.

[202] SGDI 3417.

[203] I. G. V, I, 1379.

[204] *Str.* 653.

[205] Цари: Мемнон 25; I. G. XI, 4, 1115, N 1; Ditt.[3] 374, 671 B; *Wiegand*, цит. соч., 26. Отдельные лица: I. G. XII, 5, 863—866; 7, 389; I Priene, 108, 109.

[206] I. G. XII, 7, 22, 24, 33, 35, 241.

[207] Богатство и роскошь в греческой истории весьма относительные понятия.

[208] Ditt.[3] 374, 475, 497; I Priene 109; SEG I, 366.

[209] I. G. V, I, 962; XI, 4, 1055; XII, 9, 900 c; OGIS 46; Ditt.[3] 330, 569.

[210] SEG I, 366; I Priene 121, III, l. 112.

[211] Ditt.[3] 1048.

[212] Michel 456; *Wilhelm*, Jahresh. 1908, 56.

[213] I. G. XII, 3, 248; 7, 388, ср. 433; SGDI 3569.

[214] Ditt.[3] 569; I Priene 17.

[215] Ditt.[3] 631; I. G. IX, I, 694; XII, 5, 595; 7, 515.

[216] Ditt.[3] 577—578.

[217] Menas (post); ср. I Priene 174.

[218] I. G. VII, 190; XII, 9, 236; Priene 112, ll. 57—66.

[219] I. G. VII, 2712, l. 68; I Priene 108, l. 257; 109, III, l. 238.

[220] I. G. VII, 190; I Priene 109; Syria V, 332, N 7.

[221] Ditt.[3] 495; OGIS 339; I Priene 108; Ἀθηνᾶ 1908, 195, N 6. Эти примеры иллюстрируют большую часть указанного выше.

[222] I. G. IV[2], 65.

[223] Ath. Mitt. 1907, 261, l. 12.

[224] *Wilhelm*, Neue Beiträge, IV, 54.

[225] I. G. XII, I, 1032; IX, I, 516; Ditt.[3] 335.

[226] I. G. V, I, 1145.

[227] Ditt.[3] 943.

[228] I. G. XII, 5, 824; Ditt.[3] 620.

[229] SEG I, 368.

[230] *Arist.* Ἀθ. Πολ 49.

[231] XX, 6.

[232] F. H. G. II, p. 257 (о благотворительности Булагора см. также SEG I, 366).

[233] Например, I. G. II[2], 1165.

[234] Ditt.[3] 1024.

[235] Ibid. 1025, ll. 23, 55.

[236] *Wilhelm*, Jahresh. 1914, I, по поводу I. G., V, I, 1432 ср. *Lepsius*, Rh. Mus. 1916, 161.

[237] Ditt.[3] 736, ll. 18—23.

[238] Ibid., ll. 38, 63.

[239] *Wilhelm*, Neue Beiträge VI, 14.

[240] I. G. XII, 5, 128 (p. 308).

[241] Milet I, 3, N 149; Ditt.[3] 633, l. 124.

[242] Klio XVI, 170, N 131.

[243] *Plut.* Mor. 843 D (сомнительно).

[244] *Polyb.* XXI, 26, 9, 14.

[245] Ibid. IV, 46, 4.

[246] Ibid. XXX, 31, 7.

[247] Inscr. Jur. Gr. I, 48, N 6, в сравнении с 108, N 8.

[248] Michel 642.

[249] Ibid. 1001; 150—500 драхм против 50, *Poland*, 449.

[250] Ditt.[3] 1107; Michel 1002; ср. OGIS 44, 730.

[251] *Str.* 578.

[252] Ibid. 649.

[253] *Cic.*, Pro Flacco 36 (90).

[254] *App.* Mith. 47.

[255] *Diod.* XL, 1.

[256] *Plut.* Brut. 32.

[257] Ibid. Sulla 25.

[258] *App.* b. c. IV, 75.

[259] *Plut.* Ant. 24 в соединении с *App.* b. c. V, 6.

[260] Ditt.[3] 457; I. G. VII, 1735.

[261] Не опубликовано; см. Arch. Anz. 1903, 197; 1905, II.

[262] Ditt.[3] 402, 408, 424, 489; *Roussel*, Rev. E. A. 1924, 97.

[263] OGIS, 228, 229.

[264] Ditt.[3] 590.

[265] Ibid. 390; G. G. A. 1913, 170, N 2.

[266] Например, Феспии, Магнесия и два в Пергаме, Ditt.[3] 629 (частью исолимпийские); OGIS 305.

[267] Дельфы, Ditt.[3] 611, N 3; Алабанда, *Liv.* XLIII, 6; Эвбея I. G. XII, 9, 899; Феспии, I. G. II[2], 1054; Афины, Michel, 1539;

Miletus, Milet I, 7, N 203; Кос, Ditt.[3] 1066; Магнесия, ibid. 1079; Родос, ibid. 7243; Пергам, ibid. 1065; Халкида, Орон, Коркира, ibid. 1064.

[268] B. C. H. 1890, 48 сл.; ср. *Holleaux*, ibid., p. 201.

[269] Michel 890.

[270] *Poland*, 129—140.

[271] I Pergamon 163, I Magnesia 54, 89, I Michel 1009, 1012, 1014.

[272] B. C. H. 1911, 168; 1922, 312, N 2; Ditt.[3] 460; SEG II, 580.

[273] I. G. II[2], 1132; XI, 4, 1061; XII, 9, 207; Ditt.[3] 399, 507, 563, 692.

[274] *G. Billeter*, Gesch. des Zinsfusses, 1898.

[275] Они вычислены для Делоса в сумме 50 тыс. драхм, тогда как весь капитал оценивается в $5^1/_2$ млн. Homolle, B. C. H. 1891, 164—168.

[276] Ditt.[3] 544, 546 B, ll. 22, 955, 1200; Michel 587; C. I. G 3599.

[277] Ditt.[3] 364, l. 74; может быть, I. G. XII, 7, 67 (часть надписи недостоверна).

[278] Milet I, 3, N 138.

[279] Michel 1001, I, l. 24; II, l. 7.

[280] Ditt.[3] 672, l. 23.

[281] *Plut.* Luc. 20.

[282] Ditt.[3] 748, l. 36; *Cic.* ad Att. V, 21.

[283] B. C. H. 1897, 565.

[284] *Th. Reinach*, B. C. H. XX, 531; *Ziebarth*, Z. f. Num. 1923, 26; *Laum*, Banken в P. W.; *Glotz*, Ancient Greece at work, 365.

[285] *Francotte*, Les finances des cités grecques, 133. «Городская отчетность», упоминаемая в Милете (Milet, I, 3, N 147, l. 14) и Галикарнассе (Michel 456, l. 17), вряд ли была бюджетом.

[286] Делос иногда имел фонд, ἀδιάταχτα, для непредвиденных расходов: B. C. H. 1882, I, A, ll. 95—6, и т. д.

[287] Даже Делос хотел получить заем под стоимость венца: ibid., ll. 25, 43, 61, 66; B. C. H. 1910, 147, N 34, ll. 14, 18, 22.

[288] Напр., Inscr. Jur. Gr. I, 158, N 10.

[289] XX, 6.

[290] F. H. G. II, 258.

[291] I. G. VII, 3172 (Литература—*Tod*, J. H. S. 1927, 195).

[292] I. G. VII, 3171.

[293] I. G. XI, 2, 147 B, l. 7; 158 B; 161 A, l. 25; 203 A, l. 73; 287 A, l. 122, и т. д. Это ясно и для Картеи, I. G. XII, 5, 544.

[294] Исключая, возможно, Родос, Mnemos 1916, 219.

[295] I. G. VII, 1737—8, 2405—6; XII, 9, 7; S. E. G. 3, 342. Milet I, 3, N 138, разъясняет эту практику.

[296] I Priene 494; *Roussel*, Rev. Phil. 1913, 334; *Holleaux*, Rev. E. G. 1916, 29.

[297] B. C. H. 1921, 153, N 6.

[298] *Wilhelm*, Neue Beiträge I, 38.

[299] Ditt.[3] 544.

[300] Milet I, 3, N 147; пожизненная рента также в I. G. VII, 3054.

[301] Ditt.[3] 337.

[302] *Polyb.* V, 88.

[303] I. G. XII, 9, 191.

[304] *P. Guiraud*, Etudes économiques sur l'antiquité, 83—112; *Francotte*, цит. соч., 53.

[305] *Polyaen*, II, 34.

[306] I. G. XI, 2, 161 A, ll. 26, 27 и т. д.

[307] Michel 720.

[308] Ibid.

[309] SEG II, 579.

[310] Ср. I. G. XII, 5, 570; C. I. G. 2673.

[311] *Liv.* XLII, 5.

[312] Этот и следующий разделы являются сокращением моей статьи «Social question» в The Hellenistic Age.

[313] См. таблицы Глотца в J. des Savants 1913, 16 сл.

[314] Масло (45 драхм) против прежней цены 12 драхм, Michel 673; вино (10—11½ драхм) против 4 драхм, *Dem.* XLII, 20.

[315] *S. Molonier*, Les «maisons sacrées» de Délos, 75.

[316] *Homolle*, B. C. H. 1890, 441.

[317] Ср. *Glotz*, цит. соч., 206.

[318] OGIS 218, l. 36.

[319] Меньше I. G. XI, 2, 146 A, l. 75 (рабочие Тлесига); 158 A, ll. 38—47 (Артемисия).

[320] I. G. XII, 5, 129.

[321] *W. H. Buckler* в Anatolian studies 27.

[322] О дальнейшем см. *R. von Pöhlmann*, Gesch. d. sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt, 3-te Aufl., von F. Oertel, 1925.

[323] *Dem.* XXIV, 149; *Isocr.* Archidamos 50, 64 сл. *Aeneas Tacticus* 14, I и passim.

[324] [*Dem.*] XVII, 15.

[325] SEG I, 75, col. I, l. 29.

[326] Таблицы Шульгофа, B. C. H. 1908, 459—472, показывают, что храм за время с 279 до 179 г. потерял, может быть, 1 талант, т. е. $^1/_8$ своего находящегося в обращении капитала.

[327] F. Gr. Hist. I, 300; *Jacoby*, Euemeros 3 in P. W.

[328] *Diod.* II, 55—60.

[329] *Str.* 486.

[330] *Athen*, 265; о дате—Susemihl. I, 475, прим. 70.
[331] *Diod.* XXII, 5; *Polyaen.* VI, 7; *Plut.* Mor. 555 B.
[332] I. G. XI, 4, 1052; XII, 5, 1065; 7, 221; OGIS 43.
[333] C. A. H. VII, гл. 23.
[334] *Polyb.* IX, 17, 4; 20 сл.
[335] *Polyb.* XIII, 6 сл.; *Liv.* XXXIV, 30.
[336] *Polyb.* XXIV, 7, 3, скорее всего подразумевает Набиса.
[337] *Polyb.* XIII, I сл. XXX, II; *Liv.* XLII, 4 сл.
[338] Ibid. XLII, 5.
[339] *Polyb.* XXXVIII, II, 10; 15, 3.
[340] Ditt.[3] 684.
[341] *App.* Mith. 48.
[342] Ditt.[3] 742.
[343] Кроме Пельмана, см.: *Ferguson*, Hell. Athens 379, 428; *K. Bücher*, Die Aufstände des unfreien Arbeiter, 1874, и сл. прим.
[344] *G. Cardinali* in Belock's Saggi, 269.

ГЛАВА IV

[1] Ко всей главе (кроме общих работ): *Ed. Meyer*, Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien, 1925; *U. Kahrstedt*, Syrische Territorien in hellenistischer Zeit, 1926; *W. Otto*, Beiträge zur Seleukidengeschichte, 1928; *M. Rostovzeff* в C. A. H. VII, гл. V; работы *Куглера* и *Кольбе* указаны в гл. VI, прим. 1.

[2] Этот вопрос освещен Сиднеем Смитом. Ср. *R. Campbell Thomson*, C. A. H. III, 246.

[3] *P. Schnabel*, Z. Assyr. 1925, 66.

[4] *Schnabel*, Berossos, 6.

[5] *Thureau-Dangin*, Rituels accadiens, 86.

[6] *J. Jordan*, Uruk-Warka, 1928, 41.

[7] *Weidner*, Studia Orientalia I, 347.

[8] OGIS 229, l. 12.

[9] *Ed. Meyer*, B. Ph. W. 1897, 1584.

[10] Династы: *Holleaux*, Rev. E. A. 1915, 237; *Wilhelm*, Neue Beiträge I, 48.

[11] См. также *Lehmann-Haupt*, Satrap в P. W.

[12] *Kahrstedt*, цит. соч., 49; *F. Cumont*, Fouilles de Doura-Europos, 1926, XXV.

[13] *G. F. Hill*, *B. M. Coins*, Arabia etc., CXCVI; *E. T. Newell*, Num. Notes and Monographs, N 26; *T. G. Pinches*, Babylonian and oriental record IV, 131.

[14] *Str.* 750; в значительной мере предположительно.

[15] *B. Haussoulier*, Milet et le Didymeion; *W. H. Buckler and D. M. Robinson*, A. J. A. 1912, II.

[16] OGIS 225.

[17] OGIS 238.

[18] SEG I, 366.

[19] *Wilcken*, Chrestomathie, N I, col. II, l. 6; *Polyaen*; 7, 40; *Hyspasines*.

[20] OGIS 247; *Polyb.* V, 41, I.

[21] *Rostovze'f*, Klio VI, 249.

[22] OGIS 225, l. 24; *Wiegand*, Sechster Milet-Bericht, S. 36; *Westermann*, C. P. 1921, 12, 391.

[23] Ditt.[3] 302.

[24] *Driver*, J. H. S. 1923, 55; *Cumont*, Doura 281, 296, 487; Mém. Délégation en Perse XX, 1928, 84, N 4; *Jordan*, Uruk-Warka, 32.

[25] Вообще *Rostovzeff*, G. d. röm. Kolonates, особенно 240—268, 305—309; *Kornemann*, Domänen в P. W.

[26] *W. M. Ramsay*, J. R. S. 1917, 267.

[27] *Xen.* Anab. VII, 8, 13; *Plut.* Eum. 8; *Jos.* Ant. XIII, 36.

[28] Дополнить—*Kornemann*, Bauernstand в P. W.

[29] OGIS 225.

[30] Ibid., I.

[31] Ditt[3]. 279; SGDI 5533e.

[32] I Priene I.

[33] J. H. S. 1904, 21.

[34] *Athen.* 697 D (несомненно, Селевкид).

[35] OGIS 221, 225, 335, l. 133.

[36] *Plut.* Eum. 8; A. J. A. 1912, II (дата—H. C. Butler, Sardis I, I, 52, прим. 2).

[37] Вообще *Ramsay*, Cities and Bishoprics of Phrygia, и в C. R. 1905, 417; J. R. S. VIII, 107; XII, 147; J. H. S. 1918, 130—168; см. также гл. X.

[38] *Kornemann*, Klio XIX, 355.

[39] *Hill*, B. M. Coins, Arabia etc., II, 12, но см. XVII; *Head*, Hist. Num.[2], 811.

[40] *Ramsay C.* and B. I, 95, 116; *W. M. Calder*, C. R. XXIV, 79.

[41] J. H. S. 1911, 210, N LXIV (двуязычный текст); *Ramsay C.* and *B.* I, 77, N 11; II, 658, N 610.

[42] *Ramsay C.* and *B.* I, 115, N 18.

[43] *Str.* 559, 567.

[44] Большая часть этого из *Str.* XII.

[45] *Ramsay*, J. R. S. VII, 270.

[46] OGIS 752, 754.

[47] Ibid., 315.

[48] *Ramsay C.* and *B.* I, 130.

[49] Ibid. 167.

[50] *A. B. Cook*, Zeus II, 964.

Ⅲ. 기술 및 기술혁신
1. 기술의 개념
2. 기술혁신의 개념
3. 기술혁신의 유형
4. 기술혁신의 과정
5. 기술혁신의 원천
6. 기술혁신의 확산
7. 기술혁신의 조직
8. 기술혁신의 전략
9. 기술혁신의 성과
10. 기술혁신의 사례
11. 기술혁신의 미래
12. 기술혁신의 윤리
13. 기술혁신의 정책
14. 기술혁신의 국제화
15. 기술혁신의 지역화
16. 기술혁신의 네트워크
17. 기술혁신의 학습
18. 기술혁신의 지식
19. 기술혁신의 데이터
20. 기술혁신의 플랫폼
21. 기술혁신의 생태계
22. 기술혁신의 융합
23. 기술혁신의 개방
24. 기술혁신의 협력
25. 기술혁신의 경쟁
26. 기술혁신의 표준
27. 기술혁신의 지적재산권
28. 기술혁신의 보호
29. 기술혁신의 촉진
30. 기술혁신의 장애
31. 기술혁신의 평가
32. 기술혁신의 측정
33. 기술혁신의 지표
34. 기술혁신의 통계
35. 기술혁신의 조사
36. 기술혁신의 연구
37. 기술혁신의 교육
38. 기술혁신의 인력
39. 기술혁신의 리더십
40. 기술혁신의 문화
41. 기술혁신의 조직문화
42. 기술혁신의 학습조직
43. 기술혁신의 지식경영
44. 기술혁신의 변화관리
45. 기술혁신의 위험관리
46. 기술혁신의 프로젝트관리
47. 기술혁신의 포트폴리오관리
48. 기술혁신의 성과관리
49. 기술혁신의 보상
50. 기술혁신의 인센티브
51. 기술혁신의 동기부여
52. 기술혁신의 팀워크
53. 기술혁신의 커뮤니케이션
54. 기술혁신의 갈등관리
55. 기술혁신의 의사결정
56. 기술혁신의 문제해결
57. 기술혁신의 창의성
58. 기술혁신의 혁신성
59. 기술혁신의 유연성
60. 기술혁신의 적응성
61. 기술혁신의 민첩성
62. 기술혁신의 회복탄력성
63. 기술혁신의 지속가능성
64. 기술혁신의 사회적 책임
65. 기술혁신의 윤리경영
66. 기술혁신의 투명성
67. 기술혁신의 신뢰
68. 기술혁신의 평판
69. 기술혁신의 브랜드
70. 기술혁신의 고객만족
71. 기술혁신의 고객경험
72. 기술혁신의 고객충성도
73. 기술혁신의 시장점유율
74. 기술혁신의 매출
75. 기술혁신의 이익
76. 기술혁신의 주가
77. 기술혁신의 기업가치
78. 기술혁신의 투자
79. 기술혁신의 재무
80. 기술혁신의 회계
81. 기술혁신의 세무
82. 기술혁신의 법률
83. 기술혁신의 계약
84. 기술혁신의 분쟁
85. 기술혁신의 소송
86. 기술혁신의 중재
87. 기술혁신의 조정
88. 기술혁신의 협상
89. 기술혁신의 합의
90. 기술혁신의 이행
91. 기술혁신의 감독
92. 기술혁신의 감사
93. 기술혁신의 보고
94. 기술혁신의 공시
95. 기술혁신의 정보공개
96. 기술혁신의 정보보호
97. 기술혁신의 보안
98. 기술혁신의 위기관리
99. 기술혁신의 재난관리
100. 기술혁신의 비상계획

[51] *Ramsay*, J. H. S. 1918, 148. См. гл. X.

[52] *Robinson*, A. J. A. 1927, 27.

[53] *J. G. C. Anderson*, J. R. S. III, 272.

[54] Ditt.[3] 1042.

[55] *Ramsay*, B. S. A. XVIII, 56.

[56] *Str.* 672; *Hill*, B. M. Coins, Lycaonia etc., LII.

[57] *Str.* 640—641; B. M. Inscr. III, p. 76 сл.; ср. *Picard*, Ephèse et Claros, 92.

[58] OGIS 262, II.

[59] *Str.* 503.

[60] Антиох III в Экбатане и Элиманде разграбил вражескую территорию.

[61] *Lucian*, De dea Syria 17, 19.

[62] *Heberdey* and *Wilhelm*, Denkschriften Akad. Wien. 1896, VI, S. 85, N 166.

[63] OGIS 502; *Str.* 559. *Rostovzeff*, Kolonat 270.

[64] *Kahrstedt* 73.

[65] *Str.* 672.

[66] *Str.* 557, 560; *Brandis*, Bithynia в P. W. 530.

[67] J. H. S. 1918, 146; C. R. 1919, I.

[68] [*Arist.*], Oecon. II, 1345 b; *Rostovzeff*, Kolonat 240.

[69] OGIS 55.

[70] Так, *Jos.* Ant., XIII, 51; XIV, 210.

[71] *App.* b. c. V, 4, 18.

[72] *E. Cavaignac*, Population et capital, 36.

[73] Свидетельство I Macc. X, 30, противоречит всем другим сведениям и, вероятно, ложно.

[74] OGIS 225.

[75] Ditt.[3] 344.

[76] *Str.* 752; *Plin.* VI, 119; ср. *Isidore*, § 6.

[77] Для этого параграфа см. *Cavaignac*, цит. соч., гл. XI.

[78] *Ruppel*, Phil. 1927, 268; *Gr. Halensis*, Dikaiomata.

[79] OGIS 238; Inscr. Hierapolis, N 212; *Str.* 625; *Oertel*, Katoikoi и Swoboda, κώμη в P. W.

[80] *Jos.* C. Ap. I, 197, 209 (цитаты).

[81] *Tarn*, C. A. H. VI, 430, из Dikaiomata и законов Дура (см. ниже).

[82] *Arr.* Anab. IV, 22, 4; ср. VII, 6, 1.

[83] *Diod.* XVIII, 7, I.

[84] *Isid.* Mans. Parth. I.

[85] *Tarn*, C. A. H. VI, 430; *V. Tscherikower* (независимо), Phil., Suppl., Bd. XIX, 88.

[86] *Cumont*, Syria V, 24.

[87] *Haussoullier*, Rev. hist. de droit français et étranger 1923, 575 (законы о наследовании).

[88] OGIS 233, l. 114 (?); *Isidore*, Candahar.

[89] *V. Tscherikower*, Die hellenistischen Städtegründungen, 1927; нуждается сейчас в дополнениях; я прибавляю несколько замечаний. См. мою карту эллинистической Азии в C. A. H. VII.

[90] F. Gr. Hist. fr. 10.

[91] Использованы оба названия: *Picard*, Ann. Univ. Grenoble 1925, 136—139.

[92] Для этих трех—*Haussoullier* в Anatolian Studies 187; *Cumont*, Doura 452 (список надписей), и в Mém. Délég. en Perse XX, 77 (Сузы).

[93] *S. Smith*, Babylonian historical texts, NN 5, 6 и Rev. D'Assyr. 1925, 196; ср. *Oppert*, C. R. Ac. Inscr. 1901, 830.

[94] *Cumont*, Doura 281, 487 (печать); *Jordan*, Uruk-Warka.

[95] О дорогах вообще см. *Ramsay*, Historical Geography of Asia Minor.

[96] Fouilles de Delphes III, 2, N 208; см. *Roussel* on I. G. XI, 4, 822. Поэтому Стефан ошибается.

[97] *Ramsay*, Cities of St. Paul, 232.

[98] *Oertel*, Katoikoi и Lenschau, κλῆρος в P. W.; *Swoboda*, Staatsaltertümer, 199.

[99] В OGIS 268 см. карьеру Меногена, ibid. 290, 315.

[100] Ibid. 229.

[101] *Swoboda*, κώμη в P. W.; *Oertel*, цит. соч.

[102] Например, Мемфис, OGIS 737, и Тир, B. C. H. 1925, 306, N 3.

[103] *Brandis*, Bithynia в P. W.

[104] *Str.* 660; *Swoboda*, κώμη.

[105] *L. Robert*, B. C. H. 1925, 228, об этой контроверзе.

[106] Надписи: *Holleaux*, B. C. H. 1904, 353.

[107] OGIS 233.

[108] Например, Филокл (*Tarn*, Ant. Gon., 104).

[109] *Wilhelm*, Neue Beiträge IV, 61.

[110] OGIS 229, l. 105.

[111] Ср. Ditt.[3] 273, IV век, ibid. 548 и OGIS 305, II век.

[112] *Polyb.* V, 74 сл.

[113] *Koldewey*, Das wiedererstehende Babylon[3], 293; *Haussoullier*, Klio IX, 352 сл.

[114] Ibid. N 3; *Cumont*, Doura 452.

[115] *M. Streck*, Seeleukeia und Ktesiphon; Seleukeia am Tigris в P. W.

[116] *Hill*, B. M. Coins, Arabia etc., XCV.

[117] Стена и развалины, до сего времени приписывавшиеся Селевкии, как и в первом издании этой книги, теперь приписываются Ктесифону.

Mitigation Measures 4.1-5
Significance After Mitigation 4.1-5
4.2 Air Quality 4.2-1
Environmental Setting 4.2-1
Regulatory Framework 4.2-1
Impacts and Mitigation Measures 4.2-2
Significance Criteria 4.2-2
Methodology 4.2-3
Impacts 4.2-3
Mitigation Measures 4.2-4
Significance After Mitigation 4.2-4
4.3 Biological Resources 4.3-1
Environmental Setting 4.3-1
Regulatory Framework 4.3-2
Impacts and Mitigation Measures 4.3-3
Significance Criteria 4.3-3
Methodology 4.3-3
Impacts 4.3-4
Mitigation Measures 4.3-5
Significance After Mitigation 4.3-5
4.4 Cultural Resources 4.4-1
Environmental Setting 4.4-1
Regulatory Framework 4.4-2
Impacts and Mitigation Measures 4.4-3
Significance Criteria 4.4-3
Methodology 4.4-3
Impacts 4.4-3
Mitigation Measures 4.4-4
Significance After Mitigation 4.4-4
4.5 Geology, Soils, and Seismicity 4.5-1
Environmental Setting 4.5-1
Regulatory Framework 4.5-2
Impacts and Mitigation Measures 4.5-3
Significance Criteria 4.5-3
Methodology 4.5-3
Impacts 4.5-3
Mitigation Measures 4.5-4
Significance After Mitigation 4.5-4
4.6 Hydrology and Water Quality 4.6-1
Environmental Setting 4.6-1
Regulatory Framework 4.6-2
Impacts and Mitigation Measures 4.6-3
Significance Criteria 4.6-3
Methodology 4.6-3
Impacts 4.6-3
Mitigation Measures 4.6-4
Significance After Mitigation 4.6-4
4.7 Land Use and Planning 4.7-1
Environmental Setting 4.7-1
Regulatory Framework 4.7-1
Impacts and Mitigation Measures 4.7-2
Significance Criteria 4.7-2
Methodology 4.7-2
Impacts 4.7-2
Mitigation Measures 4.7-3
Significance After Mitigation 4.7-3
4.8 Noise 4.8-1
Environmental Setting 4.8-1
Regulatory Framework 4.8-2
Impacts and Mitigation Measures 4.8-3
Significance Criteria 4.8-3
Methodology 4.8-3
Impacts 4.8-3
Mitigation Measures 4.8-4
Significance After Mitigation 4.8-4
4.9 Public Services and Utilities 4.9-1
Environmental Setting 4.9-1
Regulatory Framework 4.9-2
Impacts and Mitigation Measures 4.9-3
Significance Criteria 4.9-3
Methodology 4.9-3
Impacts 4.9-3
Mitigation Measures 4.9-4
Significance After Mitigation 4.9-4
4.10 Transportation and Circulation 4.10-1
Environmental Setting 4.10-1
Regulatory Framework 4.10-2
Impacts and Mitigation Measures 4.10-3
Significance Criteria 4.10-3
Methodology 4.10-3
Impacts 4.10-3
Mitigation Measures 4.10-4
Significance After Mitigation 4.10-4

[118] Другие предположения относительно значения второй богини Ктесифон (Hill., цит. соч.) семитическое «двойное счастье» (*Cumont*, Etudes syriennes 263, но он едва ли прав); астральные богини (Smith, Babyl. hist. texts 66). На одной монете (*A. de la Fuye*, Délég. en Perse XX, 39, N 24) имя одной богини может быть прочитано как Селевкия; другое имя не поддается прочтению.

[119] *Ramsay*, J. R. S. XII, 184—86.

[120] *Malalas*, XVII, 418.

[121] *Polyb.* X, 31, 6; ср. P. Cairo Zen. 59034.

[122] Dikaiomata 38; но см. *Schubart*, Einführung, 280.

[123] *Mitteis*, Reichsrecht und Volksrecht.

[124] См. прим. 122.

[125] См. прим. 87.

[126] *E. H. Minns*, J. H. S. 1915, 22.

[127] *Str.* 631.

[128] *Schlieco*, Archiv f. Orientforschung 1928, 11.

[129] *Br. Keil*, Hermes XLIII, 567.

[130] *Otto*, Kulturgesch. 99.

[131] *Calder*, J. R. S. II, 249; последние датированные лидийские надписи относятся к IV веку. *Buckler*, Sardis VI, ii, NN 3, 50; Str. 631 (?).

[132] *Dussaud*, Syria VI, 269.

[133] Ibid. 270; ср. B. C. H. 1925, 470.

[134] *Cumont*, Doura, гл. VI; SEG II, 753.

[135] SEG II, 822.

[136] *Fr. Hommel*, Ethnologie und Geographie des alten Orients 603, прим. 5 (минейская надпись).

[137] I. G. IV, 730; *Preisigke*, Namenbuch, s. v.

[138] *Ferguson*, Hell. Athens 360.

[139] SEG II, 820, 822.

[140] Прибавить *Corradi*, Riv. fil. 1920, 161; 1922, 20.

[141] OGIS 223.

[142] SEG I, 366.

[143] *Polyb.* XVIII, 51 (34), 9; *Liv.* XXXIII, 38, I.

[144] *Str.* 754.

[145] *Kahrstedt*, Syr. Terr. 53, прим. 1.

[146] *Polyb.* V, 48, 12.

[147] *Jordan*, Uruk-Warka, 41.

[148] OGIS 233.

[149] *Kahrstedt*, цит. соч., 73.

[150] *Head*[2] 778.

[151] *Hill*, B. M. Coins, Phoenicia.

[152] *Ginzel*, Handbuch der Chronologie I, 137.

[153] OGIS 310, 311, 749 сл.; Addenda, I, 655.

[154] *Str.* 647.

[155] *Rostovzeff*, Kolonat 280.

[156] Список у *Rostovzeff* в Anatolian studies 370.

[157] *Tscherikower*, цит. соч.; *A. J. Reinach*, Rev. arch. 1908, 190.

[158] *Str.* 579, 628; *Steph.* s. v.

[159] OGIS 338; *Polyb.* V, 77, 7.

[160] SEG II, 663.

[161] OGIS 291—296.

[162] *Polyb.* XXI, 18—23; *Liv.* XXXVII, 52.

[163] Их положение: *Brandis*, Asia в P. W.; Milet I, 7; *Rehm* on na 203.

[164] *Ramsay*, J. R. S. XII, 182.

[165] SEG II, 663; см. для этого параграфа *Holleaux*, B. C. H. 1924, 1; *De Sanctis*, Riv. fil. 1925, 68.

[166] B. C. H. 1922, 312, N 2.

[167] *App.* b. c. V, 15, 17; OGIS 751.

[168] *Str.* 642.

[169] Ibid. 588—589, 595, 611, 616.

[170] OGIS 268, 329, 483, l. 56.

[171] Ibid. 483, l. 165.

[172] Ibid. 267, II.

[173] Для этого параграфа: *Rostovzeff* в Anatolian studies 359.

[174] SEG II, 663, *l.* 17.

[175] I Pergamon 158.

[176] *Str.* 603.

[177] *Susemihl* I, 845.

[178] *Rostovzeff*, цит. соч., 386 (надпись); *Cumont*, Syria V, 349.

[179] SGDI 2001; OGIS 338.

[180] Altertümer von Pergamon, 1885; *M. Collignon* et *E. Pontremoli*, Pergame, 1900; *D. M. Robinson*, Art and archaeology 1920, 157.

[181] OGIS 483; *W. Kolbe*, Ath. Mitt. 1902, 48; *Hitzig*, Z. f. Savigny-Stiftung, Rö. Abt. 1905, 432.

[182] OGIS 331.

[183] OCIS 337—8; *P. Foucart*, Mém. Ac. Inscr. XXXVII, 1904, 297; *Cardinali* in Beloch's Saggi 269.

[184] *Str.* 533—4.

[185] Обсуждение этого вопроса у *J. H. Moulton*, Early Zoroastrianism, 431.

[186] OGIS 383.

[187] Ibid. 388—402; *Tarn*, C. Q. 1929, 141.

[188] *Tscherikower*, цит. соч.; *Sölch*, Klio XIX, 140.

[189] Библиография: C. A. H. VII, 883.

[190] *Str.* 567.

[191] Не локализовано. *Ruge*, Drynemeton в P. W.; *Loth*, Rev. E. A. 1915, 193.

[192] OGIS 315.

[193] *Anderson*, J. H. S. 1910, 163.

[194] Ср. *J. S. Reid*, The Municipalities of the Roman Empire, 1913.

[195] *Wiegand*, Siebenter Milet-Bericht 26. Beloch IV, I, 275, оценивает его гораздо меньшей цифрой.

[196] *Str.* 646.

[197] OGIS 229.

[198] *Str.* 640.

[199] *Head*[2] 575.

[200] Ditt. 558.

[201] Ibid. 560.

[202] Эвтидем. Спорно, о какой Магнесии идет речь (Camb. Hist. India, I, 440), но Полибий (XI, 34, 1) вряд ли назвал бы лидийский город *просто* Магнесией.

[203] *Str.* 577.

[204] OGIS 233.

[205] *Memnon* 11.

[206] *Newell*, A. J. Num. 1918, 117.

[207] *F. W. Hasluck*, Cyzicus, 171.

[208] *Str.* 575 сл.

[209] OGIS 748.

[210] *Hasluck* 177; *Wilhelm*, Klio V, 293.

[211] OGIS 748, l. 17 (даты ошибочны на один год).

[212] *Dio Cass.* LIV, 7 и 23.

[213] *Str.* 652—655; *Beloch* IV, I, 290; *H. van Gelder*, Gesch. d. alten Rhodier, 1900, и специальная работа *Rostovzeff* в C. A. H. VIII.

[214] *Cic.* De Rep. I, 31; III, 35.

[215] *Dio Chrys.* XXXI, 70.

[216] Ditt.[3] 570, 931; Ditt.[2] 491.

[217] *Polyb.* XXX, 31, 12 (двухпроцентная) норма была для греков обычной: I. G. II[2], 1128; V, I, 1421; Ditt.[3] 229; Michel 595; Delos, счета passim.

[218] *Polyb.* V, 88—90; *Diod.* XXVI, fr. 8.

[219] *Demoulin*, B. C. H. 1903, 233; *Roussel*, ibid. 1907, 359; *W. König*, Der Bund der Nesioten, 1911.

[220] *Polyb.* IV, 38—49.

[221] Ibid. XVI, 14, 4.

[222] *Diogenianos* παροιμίαι V, 19.

[223] *Dareste*, Rev. Phil. 1905, I; *W. Ashburner*, The Rhodian sea law, 1909.

ГЛАВА V

[1] Ко всей главе, кроме общих работ, см. *A. Mitteis und U. Wilcken*, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, 1912; *W. Schubart*, Einführung in die Papyruskunde, 1918; *M. Rostovzeff*, C. A. H. VII, с библиографией папирусов. Новый материал периодически отмечается в Archiv f. Papyrusforschung и в J. E. A.

[2] *Wilcken*, Ostraka I, 487 (обсуждение вопроса).

[3] *Fr. Heichelheim*, Die auswärtige Bevölkerung im Ptolemäerreich; *Wilcken*, Archiv VI, 385 (фракийцы).

[4] *H. I. Bell*, J. E. A. 1922, 141; ср. Rev. E. G. 1911, 400, N 3.

[5] *Kornemann*, Raccolta Lumbroso 235.

[6] *G. Plaumann*, Ptolemais, 1910.

[7] OGIS 51, 728.

[8] *Ernst Meyer*, Die Grenzen der hell. Staaten in Kleinasien; *Kahrstedt*, Syrische Territorien; *Otto*, Beiträge zur Seleukidengeschichte; *Tarn*, C. A. H. VII, гл. 22.

[9] I. G. XII, 3; Index IV.

[10] OGIS 102, 115.

[11] Ditt.[3] 685; Ἐφ. Ἀρχ. 1918, 152, N 5.

[12] *Str.* 666, Ditt.[3] 562; см. *Tscherikower*, цит. соч. index s. v. Arsinoe.

[13] *Tscherikover*, 39 датирует основание Филадельфии значительно позже. Я в этом сомневаюсь.

[14] OGIS 44, 113, 134.

[15] *P. Cairo Zen.* 59036—7, 59341. Полный обзор у *Rostovzeff*, C. A. H. VII.

[16] *Wilcken*, Chrestomathie, N 2.

[17] *Wilcken*, Raccolta Lumbroso 92.

[18] *P. Cairo Zen.* 59021; *Schubart*, Z. f. Num. 1921, 68.

[19] Топография: P. Tebt. II, прилож. II.

[20] OGIS 132.

[21] *Rostovzeff*, Klio VI, 241; *Preisigke*, ibid. VII, 241.

[22] *Athen*, 200 F; P. *Cairo Zen.* 59143, 59207; P. S. J. VI, 562.

[23] *Str.* 791—5; 801; *Diod.* XVII, 52; *Ausfeld*, Rh. Mus. 1900, 348; *E. Breccia*, Alexandrea ad Aegyptum, англ. изд., 1922; *Schubart*, Aegypten von Alexander d. Gr. bis auf Mohamed, 1922; *Bell*, J. E. A. 1927, 171.

[24] *Bell*, Archiv VII, 17.

[25] *Wilcken*, Archiv VII, 78.

[26] *Hirtius*, Bell. Alex. 5.

[27] *Beloch* IV, I, 287, слишком его преуменьшает.

[28] P. Berl. 13045, l. 28, в Berl. Kl. Texte VII, 13.

[29] По этому разделу: Dikaiomata; *Schubart*, Klio X, 41, и Einführung 245, 280, 284; *Plaumann*, Archiv VI, 77; Klio XIII, 485.

Chapter 1 1
Chapter 2 3
Chapter 3 5
Chapter 4 7
Chapter 5 9
Chapter 6 11
Chapter 7 13
Chapter 8 15
Chapter 9 17
Chapter 10 19
Chapter 11 21
Chapter 12 23
Chapter 13 25
Chapter 14 27
Chapter 15 29
Chapter 16 31
Chapter 17 33
Chapter 18 35
Chapter 19 37
Chapter 20 39
Chapter 21 41
Chapter 22 43
Chapter 23 45
Chapter 24 47
Chapter 25 49
Chapter 26 51
Chapter 27 53
Chapter 28 55
Chapter 29 57
Chapter 30 59
Chapter 31 61
Chapter 32 63
Chapter 33 65
Chapter 34 67
Chapter 35 69
Chapter 36 71
Chapter 37 73
Chapter 38 75
Chapter 39 77
Chapter 40 79
Chapter 41 81
Chapter 42 83
Chapter 43 85
Chapter 44 87
Chapter 45 89
Chapter 46 91
Chapter 47 93
Chapter 48 95
Chapter 49 97
Chapter 50 99

[30] *Bell*, Jews and Christians in Egypt (письмо Клавдия); см. J. E. A. XI, 95; XIII, 98, 106; XIV, 146.

[31] Archiv VII, 308.

[32] *Perdrizet*, Rev. E. A. 1910, 217.

[33] На основании *Mitteis*, Chrestomathie, N 21.

[34] *Polyb.* V, 39; OGIS 743; *Schubart*, Klio X, 68.

[35] Ср. *Wilcken*, Grundzüge 365, N 5; *Bell*, J. E. A. XIII, 174.

[36] *Kunkel*, Archiv VIII, 212, N 15; *Wilcken*, Hermes LXIII, 48.

[37] *Beloch* IV, I, 323.

[38] *Rostovzeff*, Kolonat 305—308; *Wilcken*, Grundzüge 26.

[39] *Ehrenberg*, Alexander und Aegypten, 50.

[40] *Diod.* XVIII, 39, 5.

[41] Земля: к общим работам, указанным выше, прибавить *Rostovzeff*, Kolonat, гл. 1, и в J. E. A. VI, 165; *Kornemann*, Bauernstand в P. W.

[42] *P. Cairo Zen.* и P. S. I.; *Rostovzeff*, A large estate in Egypt, 1922; *F. Zucker*, Hist. Zeits 1924, 69.

[43] Кроме работ, цит. в примеч. к стр. 167, см. вообще: *Rostovzeff*, J. E. A. VI, 161; *Wilcken*, Schmoller's Jahrbuch XLV, 49.

[44] *Wilcken*, Grundzüge 171.

[45] *Rostovzeff*, Archiv III, 201; *Wilcken*, Hermes LXIII, 48.

[46] *P. Cairo Zen.* 59012.

[47] Ibid. 59195.

[48] Следуя *Rostovzeff*, J. E. A. VI, 176; иначе—Schmoller's Jahrbuch XLV, 94.

[49] *A. W. Persson*, Staat und Manufaktur im römischen Reich, 142.

[50] *B. P. Grenfell* and *J. P. Mahaffy*, The revenue laws of Ptolemy Philadelphus (папирусы).

[51] *P. Cairo Zen.* 59159, 59184; *Str.* 809; ср. *Dubois*, Rev. phil. 1925, 60.

[52] Revenue P., p. 139.

[53] Эти цифры из *P. Cairo Zen.* 59012, 59015, и «Папирусов о доходах» даны мной с несколько большими деталями и со ссылками на Делос в J. E. A. XIV, 257.

[54] Выведено из Rev. P. p. 151.

[55] Самый полный список у *Wilcken*, Grundzüge, 239—257.

[56] Вообще: *Wilcken*, Schmoller's Jahrb. XLV, 49; *Rostovzeff*, J. E. A. 1920, 161.

[57] Ссылки: *Glotz*, J. d. Savants 1913, 28; *Beloch* IV, I, 318.

[58] *P. Cairo Zen.* 59012; *Wilcken*, Chrest., N 167.

[59] *Oros.* VI, 19, 19.

[60] Так *Wilcken*, Jahrb. Шмоллера XLV, 85.

[61] Полно у *Bevan* 183.

[62] *P. Cairo Zen.* 59170, 59012; с комментарием Эдгара, Ann. Serv. XIX, 23, 85; XXIII, 73; *Rostovzeff*, Large Estate, 99; *Westermann*, J. E. A. XII, 38.

[63] *P. Cairo Zen.* 59012.

[64] *A. Hunt*, J. E. A. XII, 113.

[65] *Str.* 797; OGIS 188.

[66] BGU V, I, Der Gnomon des Idios Logos, §§ 41, 107.

[67] *P. Cairo Zen.* 59269.

[68] Ibid. 59015 (259 г. до н. э.; в Милете тогда было восстание).

[69] Данные Иеронима—14 800 талантов при Птоломее II—малоценны.

[70] Grundzüge 173.

[71] Rev. P. A col. I сл.

[72] *P. Cairo Zen.* 59155.

[73] *R. Johannsen*, C. P. 1923, 156; *P. Cairo Zen.* 59033, 59156—7, 59159; *Plin.* XII, 56, 76.

[74] *Athen.* 369, 7.

[75] *P. Cairo Zen.* 59430.

[76] Ibid. 59195.

[77] Ibid. 59157.

[78] *Str.* 809.

[79] *E. R. Goodenough*, Yale Class. Studies, 1928, 55.

[80] *Rostovzeff* C. A. H. VII, 894 (библиография).

[81] Dikaiomata.

[82] *P. Cairo Zen.* 59202—3.

[83] P. Amherst II, 33.

[84] *Schubart*, Einführung 307.

[85] Oertel, N. J. Kl. Alt. XLV, 364; *Westermann* и *Laird*, J. E. A. IX, 81; Beloch IV, I, 321.

[86] *Bouché-Leclerc*, Rev. E. G. 1908, 140; *Rostovzeff*, J. E. A. 1920, 178.

[87] P. S. I. IV, 421.

[88] *Fr. von Woess*, Das Asylwesen Aegyptens, 1923, и в Z. d. Savigny-Stiftung, Röm. Abt. 1926, 32.

[89] *Woess*, Asylwesen, 3.

[90] Согласно *Tait*, Archiv VII, 175; см. *Bell*, J. E. A. XI, 98.

[91] *Spiegelberg* и *Otto*, Bay. S. B. 1926, Abh. 4.

[92] Вообще: *Bell*, J. E. A. 1923, 142; *Schubart*, Die Griechen in Aegypten, 1927.

[93] Rev. E. G. 1924, 359.

[94] *Wilcken*, Archiv V, 410.

[95] *Edgar*, Ann. Serv. XIX, p. 32; XXIV, p. 29.

[96] *San Nicolo*, Aeg. Vereinswesen.

[97] OGIS 143, 145—8 и т. д.

[98] *P. Tebt.* 1 N 32.

[99] OGIS 737.

[100] *J. Lesquier*, Les institutions militaires ches les Lagides, 143.

[101] *Breccia*, Bull. Soc. Arch. d'Alexandrie XIX, 119.

[102] OGIS 709; *Plaumann*, Archiv VI, 176; *Schubart*, Einfürung 247.

[103] *Witkowski*, Epist. priv. graecae, N 6.

[104] *Bouché-Leclerc*, Rev. E. G. 1908, 121.

[105] *Schubart* 467.

[106] *P. Tebt.* I, 5, с комментарием; *Preisigke*, Archiv V, 301. Сводка у *Bevan*, 315.

[107] *Gauthier* и *Sottas*. Un décret trilingue en l'honneur de Ptolémée IV, 1925; *Spiegelberg*, Bay. S. B. 1925, Abh. 4; перевод у *Bevan*, 388.

[108] OGIS 90.

[109] *Heichelheim*, цит. соч., 14 (но он идет слишком далеко).

[110] OGIS 132.

[111] Вообще: *Oertel*, N. J. Kl. Alt. XLV, 361; Bell, J. E. A. 1922, 139; *Schubart*, 307.

[112] *Lefebvre*, Ann. Serv. XIX, 37.

[113] *P. Tebt.* I *App.* II; *J. G. Milne*, Liverpool Annals of arch. and anthropology I, 30. Несколько другой взгляд у *Wilcken*, Grundzüge LXIII.

[114] OGIS 731; Oertel, Katoikoi в P. W.

[115] *P. Frankf.* 2.

[116] Самый ранний случай—*Wilcken*, Chrest., N 51 (Птол. III).

[117] *Bell*, цит. соч., 146; *Otto*, Phil. Woch. 1926, 39.

[118] *Wilcken*, Chrest., N 136.

[119] Напр. OGIS III, 130, 175.

[120] *Bell*, цит. соч., 146.

[121] OGIS 176, 178.

[122] Оракул горшечника, col. II, l. 2.

[123] Например, P. Louvre 63.

[124] *Suidas*, βασιλεία 3.

[125] *Westermann*, C. P. 1921, 169.

ГЛАВА VI

[1] Для всей главы: *E. Schürer*, Gesch. d. jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, III[4], 1909; *E. R. Bevan*, Jerusalem under the High Priests[5], 1924, и в C. A. H. VIII, гл. XIV; *Ed. Meyer*, Ursprung und Anfänge des Christentums, II, 1921; *Beer*, Israel und Juda в P. W.; *F. X. Kugler*, Von Moses bis Paulus, 1922; *W. Kolbe*, Beiträge zur syrischen und jüdischen Geschichte, 1926; *N. H. Baynes*, Israel among the nations, 1927; *J. W. Hunkin* в Palestine in general

history, 1929; (Schweich lectures 1926). Литература: *R. H. Charles*, The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old. Testament, 1913, и Religious development between the Old and New Testament, 1914; *W. O. E. Oesterley*, The books of the Apocrypha, 1915. См. особенно библиографические примечания у *Baynes*.

[2] Об этой легенде см. *Fr. Pfister*, Eine jüdische Gründungsgeschichte, App., 1914.

[3] *Th. Reinach*, Textes relatifs à Judaisme, стр. 7.

[4] F. H. G. II, p. 392, 4, 8; ср. *Jos.* C. Ap. I, 199; II, 202.

[5] XVI, 760—1; может быть, Посидоний (—fr. 70 Fr. Gr. Hist.).

[6] *Büchler*, Tobiaden und Oniaden, 1899; *Gressmann*, Berl. S. B. 1921, 663; *Willrich*. Archiv VII, 61; *P. Cairo Zen.* 59003, 59075—6.

[7] *Perdrizet*, Rev. E. A. 1910, 234.

[8] *G. A. Barton*, Ecclesiastes.

[9] II Macc. 4, 12.

[10] *Charles*, Apocrypha II, 785; *Ed. Meyer*, Berl. Abh. 1919; *Oesterley*, 138.

[11] III, 389.

[12] II Macc. 4, 9.

[13] House of Seleucus II, 171. Совсем по иному *Jos.* Ant. XII, 296.

[14] II Macc. 13, 23.

[15] См. также работы об Египте в гл. V; *L. Fuchs*, Die Juden Aegyptens, 1924, и *H. I. Bell*, Juden und Griechen im röm. Alexandreia, 1926, с библиографией.

[16] *Ed. Meyer*, Der Papyrusfund von Elephantine, 1912; *Schubart*, Einführung, 329.

[17] *Jer.* 42—44.

[18] *Jos.* Ant. XII, 8; см. *Bell*, цит. соч., 12.

[19] OGIS 129, 726, и Add. II, p. 544.

[20] *Fuchs* 52; также *P. Cairo Zen.* 59377.

[21] О занятиях см. *Fuchs*, § V.

[22] B. G. U. 1132+1151.

[23] *Schubart*, Einführung 330; цитирует P. Berl. 11641.

[24] *Jos.* Ant. XIII, 62—73; B. J. VII, 422; *Kahrstedt*, Syr. Terr. App. II.

[25] *Lefebvre*, Ann. Serv. XIII, 217, N 28.

[26] *Philo*, In Flacc. 6, 8.

[27] Из *Ramsay*, Cities and Bishoprics II, 74.

[28] *Jos.* Ant. XII, 119, 134, 148; XIV, 186.

[29] *Jos.* Ant. XII, 148.

[30] Ibid. XIV, 213—264; B. M. Inscr. 676—7; Inscr. Hierapolis 69, 212, 242; Акты passim; другие ссылки у Шюрера.

[31] III, 271.

Chapter 1 1
Chapter 2 15
Chapter 3 32
Chapter 4 47
Chapter 5 63
Chapter 6 78
Chapter 7 94
Chapter 8 110
Chapter 9 125
Chapter 10 141
Chapter 11 156
Chapter 12 172
Chapter 13 188
Chapter 14 203
Chapter 15 219
Chapter 16 234
Chapter 17 250
Chapter 18 265
Chapter 19 281
Chapter 20 296
Chapter 21 312
Chapter 22 327
Chapter 23 343
Chapter 24 358
Chapter 25 374
Chapter 26 389
Chapter 27 405
Chapter 28 420
Chapter 29 436
Chapter 30 451
Chapter 31 467
Chapter 32 482
Chapter 33 498
Chapter 34 513
Chapter 35 529
Chapter 36 544
Chapter 37 560
Chapter 38 575
Chapter 39 591
Chapter 40 606
Chapter 41 622
Chapter 42 637
Chapter 43 653
Chapter 44 668
Chapter 45 684
Chapter 46 699
Chapter 47 715
Chapter 48 730
Chapter 49 746
Chapter 50 761
Chapter 51 777
Chapter 52 792
Chapter 53 808
Chapter 54 823
Chapter 55 839
Chapter 56 854
Chapter 57 870
Chapter 58 885
Chapter 59 901
Chapter 60 916
Chapter 61 932
Chapter 62 947
Chapter 63 963
Chapter 64 978
Chapter 65 994
Chapter 66 1009
Chapter 67 1025
Chapter 68 1040
Chapter 69 1056
Chapter 70 1071
Chapter 71 1087
Chapter 72 1102
Chapter 73 1118
Chapter 74 1133
Chapter 75 1149
Chapter 76 1164
Chapter 77 1180
Chapter 78 1195
Chapter 79 1211
Chapter 80 1226
Chapter 81 1242
Chapter 82 1257
Chapter 83 1273
Chapter 84 1288
Chapter 85 1304
Chapter 86 1319
Chapter 87 1335
Chapter 88 1350
Chapter 89 1366
Chapter 90 1381
Chapter 91 1397
Chapter 92 1412
Chapter 93 1428
Chapter 94 1443
Chapter 95 1459
Chapter 96 1474
Chapter 97 1490
Chapter 98 1505
Chapter 99 1521
Chapter 100 1536

[32] *Jos.* Ant. XIV, 260—1.

[33] *A. Plassart*, Mélanges Holleaux, 201.

[34] Ditt.[3] 1181.

[35] *Schürer* II[3], 430.

[36] *Vincent*, Rev. biblique 1921, 247; литература: *Tod*, J. H. S. 1923, 37; 1925, 198.

[37] *Polyb.* V, 39: OGIS 743; *Schubart*, Klio X, 68.

[38] *Jos.* Ant. XII, 108; XIV, 117; *Aristeas*, ed. Wendland, 310 см. *Engers*, Klio XVIII, 79; *Bell*, цит. соч.

[39] C. I. G. 5361; *Str.* у *Jos.* Ant. XIV, 115—8.

[40] Inscr. Hierapolis 212, там они названы κατοικίαι, часто κατοικεῖν, *Jos.* C. Ap. II, 33, 39, 44; Ant. XIV, 113, 117; XIX, 281 etc.

[41] Как, например, Тлос; Hula, Eranos Vindobonensis, 77.

[42] *Le Bas et Waddington*, III, 294.

[43] OGIS 73—74.

[44] I Hierapolis 69; III Macc. 2, 28; *Jos.* Ant. XII, 158, 161, 224, 228, 240, 285, 363 и повсюду.

[45] *Bell*, Jews and Christians in Egypt. Другое основание указано в Wilcken, Hermes LXIII, 48.

[46] Например, декрет Сард, Ant. XIV, 10, 24, где οἱ κατοικοῦντες ἐν τῇ πόλει Ἰουδαῖοι Πολῖται является противоречием в терминах; интерполяция Πολῖται очевидна сама собой.

[47] C. Ap. II, 33, 39.

[48] Ant. XII, 125—126; XVI, 27 (вероятно, из Николая Дамасского).

[49] Исополития определенно упоминается в Антиохии, *Jos.* B. J. VII, 44; в Александрии, 3 Macc, II, 30; *Jos.* Ant. XII, 8; и эдикт Клавдия, ibid. XIX, 281, который тоже правильно называет евреев συγκατοικισθέντας Ἀλεξανδρεῦσιν, т. е. politeuma наряду с греческой. *De Sanctis*, Riv. fil. 1924, 473, указал, что основой была исополития. Несколько другую точку зрения см. у *H. Stuart Jones*, J. R. S. XVI, 17.

[50] Ditt.[3] 522, I.

[51] Иногда трактуется как пожалование исополитии отдельному лицу: Ditt.[3] 501; Memnon 9.

[52] C. A. H. VI, 450.

[53] Например, Исайя IX, 12; Jer. XXVI, 16, LXX (XLVI, 16).

[54] XXVII, 18.

[55] *Cic.* Pro Flacco 66—69.

[56] I Hierapolis 342; *Ziebarth*, Gr. Vereinswesen 127.

[57] C. I. G. 5361; B. C. H. X, 328.

[58] OGIS 573.

[59] *Poland* 356.

[60] *Charles*, Religious development 213.

[61] *Cumont*, C. R. Ac. Inscr. 1906, 63, и Hypsistos в P. W.

[62] *Plassart*, Mélanges Holleaux 201.

[63] OGIS 96; ср. 101.

[64] *Cook*, Zeus, passim.

[65] *Cumont*, C. R. Ac. Inscr. 1906, 76; *Plassart*, цит. соч., 206, N 5.

[66] *Cumont*, цит. соч.

[67] *Val. Max.* I, 3, 2.

[68] *Fuchs*, цит. соч.; Index, p. 140 и сл.; *San Nicolo*, Äg. Vereinswesen, 22.

[69] CIG 3569; *Beer*, Sambethé; *Gressman*, Sabbatistai в P. W.

[70] Ath. Mitt. 1907, 261, l. 16.

[71] *Olsterley* 109; *S. R. Driver*, Daniel, 90.

[72] *Bevan*, High Priests[5], 84; *Ed. Meyer*, Ursprung II, 183.

[73] Ср. *Jos.* C. Ap. I, 217.

[74] *Wilcken*, Hermes LX, 544; *W. Struve*, Raccolta Lumbroso, 273; последний текст—*R. Reitzenstein und H. H. Schaeder*, Studien zum antiken Synkretismus, 1926, 39.

[75] Ed. Spiegelberg, 1914.

[76] По вопросу о псалмах маккавеевского времени см. ссылки у *Baynes*, 303 сл.

[77] Перевод в *C. J. Ball*, The book of Job, 12.

[78] Список в *H. Ranston*, Ecclesiastes and the early Greek Wisdom literature, 1925, II.

[79] *Barton*, Ecclesiastes, 39.

[80] *Diod.* II, 23, 3; *Arr.* II, 5, 4; *Str.* 672; *Aten.* 530 A; *Maass*, Orpheus, 211.

[81] Ср. теперь *Baynes*, цит. соч., 142.

[82] I Enoch XXXVIII, 4.

[83] *Cic.* De nat. deorum III, 32; *Arnim*, Karneades в P. W. 1972.

[84] *Jos.* C. Ap. I, 228—287.

[85] Ibid., II, passim.

[86] F. Gr. Hist. II, fr. 69. Кажется, впервые рассказано Мнасеем, около 200 г. до н. э.; C. Ap. II, 80, 114.

[87] F. H. G. III, 206 сл.

[88] См., далее, *Baynes*, цит. соч., 166.

[89] А именно: *Gad* VI, 3—7; *Dan* V, 3. *Charles*, Testaments of the twelwe patriarchs, LXXVIII.

[90] *Levi* VIII, 14—15; *Jos.* Ant. XIII, 299.

[91] *Levi* XVIII, 2 сл.; *Juda* XXIV, 1—2 (по Charles).

[92] *Meyer*, Ursprung, II, 280, Список *Jos.* Ant. XIII, 395—397; они не обязательно все были разорены.

Ruiz, Jorge (1994).
"Structure of the Quechua Language".
Lincom Europa.

Sánchez, Liliana (2010).
"The Morphology and Syntax of Topic and Focus: Minimalist Inquiries in the Quechua Periphery".
John Benjamins.

Weber, David John (1989).
"A Grammar of Huallaga (Huánuco) Quechua".
University of California Publications in Linguistics.

Adelaar, Willem F. H. (2004).
"The Languages of the Andes".
Cambridge University Press.

Cerrón-Palomino, Rodolfo (1994).
"Quechua Sureño: Diccionario Unificado".
Biblioteca Nacional del Perú.

Cusihuamán, Antonio (1976).
"Gramática Quechua Cuzco-Collao".
Instituto de Estudios Peruanos.

Durston, Alan (2007).
"Pastoral Quechua: The History of Christianization in Colonial Peru, 1550–1650".
University of Notre Dame Press.

Gutiérrez, Natividad (2001).
"Quechua Pedagogy and Language Planning".
Universidad Nacional Mayor de San Marcos.

Hornberger, Nancy H. (1988).
"Bilingual Education and Language Maintenance: A Southern Peruvian Quechua Community".
Foris Publications.

Itier, César (1992).
"Estudios Quechuas".
Institut Français d'Études Andines.

Mannheim, Bruce (1991).
"The Language of the Inka since the European Invasion".
University of Texas Press.

Parker, Gary J. (1969).
"Ensayos Sobre el Quechua".
Centro de Estudios Antropológicos.

Ruiz, Jorge (1994).
"Structure of the Quechua Language".
Lincom Europa.

Sánchez, Liliana (2010).
"The Morphology and Syntax of Topic and Focus: Minimalist Inquiries in the Quechua Periphery".
John Benjamins.

Weber, David John (1989).
"A Grammar of Huallaga (Huánuco) Quechua".
University of California Publications in Linguistics.

[91] Все факты у *Otto*, Herodes в P. W. Но я не разделяю его взгляда на Ирода.

ГЛАВА VII

[1] Ни одной общей работы, кроме работ о Египте (гл. V). Глава у *G. Glotz*, Le travaille dans la Grèce ancienne, *M. P. Charlesworth*, Traderoutes and commerce of the Roman empire, 1924, и *E. H. Warmington*, The commerce between the Roman empire and India, 1928, иногда полезны.

[2] *Tarn*, J. E. A. 1929, 13.

[3] *Str.* 104, 75.

[4] Следует из *Polyb.* XIII, 9, 5; *Plin.* VI, 152.

[5] *Tkač*, Gerrha в P. W.

[6] *Plin.* VI, 49.

[7] *Str.* 507.

[8] Meteor. II, 354 a, l. 3—5.

[9] *Ssu-ma-ch'ien*. Shi-ki, гл. 123, § 28, перев. Hirth, J. Am. Oriental soc. 1917, 89.

[10] Общий обзор: Camb. Hist. India I, гл. 17, 22.

[11] F. H. G. II, 397.

[12] *D. B. Spooner*, Arch. Survey Ind. 1912—3, 53; J. R. A. S., 1915, 63.

[13] C. H. India; библиография к гл. 18, 19.

[14] *Str.* 71, 73, 498, 509; *Plin.* VI, 52.

[15] О трудностях, никогда не преодоленных, см. *Tarn*, J. H. S. 1901, 25. Обширная литература по вопросу об Оксусе. См. *Warmington*, 26 и примечания.

[16] *Arist.* Meteor. I, 350 a, ll. 18—22; *Str.* 519 (вероятно, Patrocles; ср. 491, 518).

[17] *Str.* 74, 518.

[18] *Plin.* II, 170.

[19] Кратер и Антиох III. Но Страбон три раза говорит, что она шла от Персеполя к Кармании и не далее: 79, 727, 744.

[20] Александр. Об отдельных частях у Исидора и у Страбона, 514, 723.

[21] Указана детально, Исидор, § 1.

[22] Ксенофонт и Александр. Джезире, *Xen.* Anab. III, 5,7—12; Либба, *Polyb.* V, 51, 1—2.

[23] Ксенофонт и Александр. *Calder*, C. R. 1925, 7.

[24] *Str.* 539.

[25] Родословная на могиле Ямвлиха. *S. B. Murray*, A. J. A. 1915, 268; *Cumont*, Doura, XXXII.

[26] *Plin.* VI, 52; *Solinus*, 19, 4.

[27] Str. 780—1; ср. *Diod.* III, 47, 9. О плавании минейцев см. *Tarn*, J. E. A. 1929, 17, прим. 1; о геррейцах—*Str.* 766; об арабах вообще, σχεδίαι (купцы), *Agatharchides*, passim; *Str.* 780, μετὰ τὰ κατὰ θάλασσαν неправильно.

[28] *Str.* 769, где τὴν σμυρνοφόρον (см. 768)=Гадрамаут.

[29] *Tkač*, Saba в P. W.; *D. Nielsen*, Handbuch der altarabischen Altertumskunde, 1927.

[30] *Tkač*, цит. соч.

[31] *Tarn*, J. E. A. 1929, 9.

[32] *Benzinger*, Gaza в P. W.; ср. *Str.* 781.

[33] Дорога Петра — Вавилон: *Str.* 767 (Эратосфен); ср. *Arr.* Ind. 43, 4—5.

[34] *Polyb.*, XXX, 25—6; *Diod.*, XXXI, 16; *Athen.* X, 439 B.

[35] *Polyb.* V, 68—71; ср. *R. Dussaud*, Topographie historique de la Syrie, 1927, 44.

[36] *Hill*, B. M. Coins, Phoenicia, 128.

[37] *Tkač*, Saba, 1378.

[38] *Diod.* III, 36, 3; *Str.* 769, 789; *Agatharch.*, G. G. M. I, p. III; *App.* Prooim. 10; OGIS 54, l. 12.

[39] Общие работы: *Agatharch.* в G. G. M. I и в *Str.* 769—776 (через Артемидора); *Rostovzeff*, Archiv IV, 298; *Tscherikower*, цит. соч. (основание городов).

[40] *Str.* 77; Milet I, 7, N 244.

[41] *Diod.* III, 39, 4; *Plin.* XXXVII, 108; *Agatharch.*, G. G. M. I, 170.

[42] Дата: *Tarn*, C. Q. 1926, 99.

[43] *Tarn*, J. E. A. 1929, 22.

[44] *Str.* 771, 773, 815; стела Питома в Птолемаиде (*Tscherikower*, 14).

[45] OGIS 82, 86.

[46] Стела Питома (*Budge*, Hist. of Egypt. VII, 201 сл.) G. G. M. I, 172; *Wilcken*, Chrest., NN 435, 451—2.

[47] OGIS 132; *Str.* 815; *Plin.* VI, 101.

[48] P. Petrie II, 20.

[49] *Diod.* III, 43,4=*Str.* 777 (*Agatharch.*); *P. Grenfell* I, 9.

[50] OGIS 132.

[51] Ibid., 111.

[52] *Wilcken*, Archiv VIII, 71.

[53] Следуя *Otto*, Hippalos 3 в P. W.; так, *Kornemann*, Janus I, 55. Разные даты: при Клавдии—*Warmington*, Pt. I, ch. II; около 10 г. до н. э.—*Charlesworth*, C. Q. 1928, 92.

[54] Греки здесь появились в период между Агатархидом (G. E. M. I, 191, неизвестно) и Periplus 30.

[55] Что оспаривается, но *Str.*, 118, 101, определенно говорит в этом смысле, и 798 не противоречит этому. См. *Wielken*, Z. f. Ägypt. Sprache, 1925, 88.

Chapter 1 Introduction to Computer Networks and the Internet 1

1.1 What Is the Internet? 2
1.1.1 A Nuts-and-Bolts Description 2
1.1.2 A Service Description 5
1.1.3 What Is a Protocol? 7
1.2 The Network Edge 9
1.2.1 Access Networks 12
1.2.2 Physical Media 17
1.3 The Network Core 20
1.3.1 Packet Switching 22
1.3.2 Circuit Switching 27
1.3.3 A Network of Networks 31
1.4 Delay, Loss, and Throughput in Packet-Switched Networks 35
1.4.1 Overview of Delay in Packet-Switched Networks 35
1.4.2 Queuing Delay and Packet Loss 39
1.4.3 End-to-End Delay 41
1.4.4 Throughput in Computer Networks 43
1.5 Protocol Layers and Their Service Models 47
1.5.1 Layered Architecture 47
1.5.2 Encapsulation 52
1.6 Networks Under Attack 54
1.7 History of Computer Networking and the Internet 59
1.7.1 Development of Packet-Switching: 1961–1972 59
1.7.2 Proprietary Networks and Internetworking: 1972–1980 60
1.7.3 A Proliferation of Networks: 1980–1990 61
1.7.4 The Internet Explosion: The 1990s 62
1.7.5 The New Millennium 63
1.8 Summary 64
Homework Problems and Questions 65
Wireshark Labs 72
Interview: Leonard Kleinrock 73

Chapter 2 Application Layer 75

2.1 Principles of Network Applications 76
2.1.1 Network Application Architectures 78
2.1.2 Processes Communicating 80
2.1.3 Transport Services Available to Applications 82
2.1.4 Transport Services Provided by the Internet 85
2.1.5 Application-Layer Protocols 89
2.1.6 Network Applications Covered in This Book 90
2.2 The Web and HTTP 91
2.2.1 Overview of HTTP 91
2.2.2 Non-Persistent and Persistent Connections 93
2.2.3 HTTP Message Format 96
2.2.4 User-Server Interaction: Cookies 101
2.2.5 Web Caching 103
2.2.6 The Conditional GET 108
2.3 File Transfer: FTP 110
2.3.1 FTP Commands and Replies 112
2.4 Electronic Mail in the Internet 113
2.4.1 SMTP 116
2.4.2 Comparison with HTTP 119
2.4.3 Mail Message Formats 120
2.4.4 Mail Access Protocols 121
2.5 DNS—The Internet's Directory Service 125
2.5.1 Services Provided by DNS 126
2.5.2 Overview of How DNS Works 128
2.5.3 DNS Records and Messages 134
2.6 Peer-to-Peer Applications 139
2.6.1 P2P File Distribution 140
2.6.2 Distributed Hash Tables 145
2.6.3 Case Study: Skype 150
2.7 Socket Programming: Creating Network Applications 153
2.7.1 Socket Programming with UDP 156
2.7.2 Socket Programming with TCP 161
2.8 Summary 167
Homework Problems and Questions 168
Wireshark Labs 178
Interview: Marc Andreessen 179

Chapter 3 Transport Layer 181

3.1 Introduction and Transport-Layer Services 182
3.1.1 Relationship Between Transport and Network Layers 182
3.1.2 Overview of the Transport Layer in the Internet 185
3.2 Multiplexing and Demultiplexing 187
3.3 Connectionless Transport: UDP 193
3.3.1 UDP Segment Structure 197
3.3.2 UDP Checksum 197
3.4 Principles of Reliable Data Transfer 199
3.4.1 Building a Reliable Data Transfer Protocol 201
3.4.2 Pipelined Reliable Data Transfer Protocols 209
3.4.3 Go-Back-N (GBN) 212
3.4.4 Selective Repeat (SR) 218
3.5 Connection-Oriented Transport: TCP 224
3.5.1 The TCP Connection 224
3.5.2 TCP Segment Structure 227
3.5.3 Round-Trip Time Estimation and Timeout 232
3.5.4 Reliable Data Transfer 234
3.5.5 Flow Control 241
3.5.6 TCP Connection Management 243
3.6 Principles of Congestion Control 249
3.6.1 The Causes and the Costs of Congestion 249
3.6.2 Approaches to Congestion Control 256
3.7 TCP Congestion Control 257
3.7.1 Fairness 265
3.8 Summary 268
Homework Problems and Questions 270
Wireshark Labs 283
Interview: Van Jacobson 284

Chapter 4 Network Layer 285

4.1 Introduction 286
4.1.1 Forwarding and Routing 287
4.1.2 Network Service Models 289
4.2 Virtual Circuit and Datagram Networks 291
4.2.1 Virtual Circuit Networks 292
4.2.2 Datagram Networks 294
4.2.3 Origins of VC and Datagram Networks 296
4.3 What's Inside a Router? 297
4.3.1 Input Processing 299
4.3.2 Switching 301
4.3.3 Output Processing 303
4.3.4 Where Does Queuing Occur? 303
4.3.5 The Routing Control Plane 306
4.4 The Internet Protocol (IP): Forwarding and Addressing in the Internet 308
4.4.1 Datagram Format 309
4.4.2 IPv4 Addressing 312
4.4.3 Network Address Translation (NAT) 321
4.4.4 IPv6 325
4.4.5 A Brief Foray into IP Security 329
4.5 Routing Algorithms 330
4.5.1 The Link-State (LS) Routing Algorithm 333
4.5.2 The Distance-Vector (DV) Routing Algorithm 338
4.6 Routing in the Internet 345
4.6.1 Intra-AS Routing in the Internet: RIP 346
4.6.2 Intra-AS Routing in the Internet: OSPF 350
4.6.3 Inter-AS Routing: BGP 352
4.7 Broadcast and Multicast Routing 360
4.7.1 Broadcast Routing Algorithms 361
4.7.2 Multicast 365
4.8 Summary 369
Homework Problems and Questions 370
Wireshark Labs 381
Interview: Vinton G. Cerf 382

Chapter 5 Link Layer and LANs 383

5.1 Introduction to the Link Layer 384
5.1.1 The Services Provided by the Link Layer 386
5.1.2 Where Is the Link Layer Implemented? 387
5.2 Error-Detection and -Correction Techniques 388
5.2.1 Parity Checks 390
5.2.2 Checksumming Methods 392
5.2.3 Cyclic Redundancy Check (CRC) 393
5.3 Multiple Access Links and Protocols 395
5.3.1 Channel Partitioning Protocols 397
5.3.2 Random Access Protocols 398
5.3.3 Taking-Turns Protocols 406
5.3.4 DOCSIS: The Link-Layer Protocol for Cable Internet Access 407
5.4 Switched Local Area Networks 409
5.4.1 Link-Layer Addressing and ARP 410
5.4.2 Ethernet 417
5.4.3 Link-Layer Switches 423
5.4.4 Virtual Local Area Networks (VLANs) 429
5.5 Link Virtualization: A Network as a Link Layer 433
5.5.1 Multiprotocol Label Switching (MPLS) 434
5.6 Data Center Networking 437
5.7 Retrospective: A Day in the Life of a Web Page Request 441
5.7.1 Getting Started: DHCP, UDP, IP, and Ethernet 442
5.7.2 Still Getting Started: DNS and ARP 443
5.7.3 Still Getting Started: Intra-Domain Routing to the DNS Server 444
5.7.4 Web Client-Server Interaction: TCP and HTTP 445
5.8 Summary 446
Homework Problems and Questions 447
Wireshark Labs 457
Interview: Simon S. Lam 458

Chapter 6 Wireless and Mobile Networks 459

6.1 Introduction 460
6.2 Wireless Links and Network Characteristics 464
6.2.1 CDMA 467
6.3 WiFi: 802.11 Wireless LANs 471
6.3.1 The 802.11 Architecture 472
6.3.2 The 802.11 MAC Protocol 476
6.3.3 The IEEE 802.11 Frame 480
6.3.4 Mobility in the Same IP Subnet 483
6.3.5 Advanced Features in 802.11 484
6.3.6 Personal Area Networks: Bluetooth and Zigbee 485
6.4 Cellular Internet Access 487
6.4.1 An Overview of Cellular Network Architecture 488
6.4.2 3G Cellular Data Networks: Extending the Internet to Cellular Subscribers 491
6.4.3 On to 4G: LTE 494
6.5 Mobility Management: Principles 496
6.5.1 Addressing 498
6.5.2 Routing to a Mobile Node 499
6.6 Mobile IP 504
6.7 Managing Mobility in Cellular Networks 508
6.7.1 Routing Calls to a Mobile User: The Home Network 509
6.7.2 Handoffs in GSM 510
6.8 Wireless and Mobility: Impact on Higher-Layer Protocols 513
6.9 Summary 515
Homework Problems and Questions 516
Wireshark Labs 521
Interview: Deborah Estrin 522

Chapter 7 Multimedia Networking 523

7.1 Multimedia Networking Applications 524
7.1.1 Properties of Video 524
7.1.2 Properties of Audio 526
7.1.3 Types of Multimedia Network Applications 527
7.2 Streaming Stored Video 529
7.2.1 UDP Streaming 531
7.2.2 HTTP Streaming 532
7.2.3 Adaptive Streaming and DASH 534
7.2.4 Content Distribution Networks 536
7.2.5 Case Studies: Netflix, YouTube, and Kankan 541
7.3 Voice-over-IP 544
7.3.1 Limitations of the Best-Effort IP Service 544
7.3.2 Removing Jitter at the Receiver for Audio 546
7.3.3 Recovering from Packet Loss 549
7.3.4 Case Study: VoIP with Skype 552
7.4 Protocols for Real-Time Conversational Applications 554
7.4.1 RTP 555
7.4.2 SIP 559
7.5 Network Support for Multimedia 564
7.5.1 Dimensioning Best-Effort Networks 566
7.5.2 Providing Multiple Classes of Service 567
7.5.3 Diffserv 570
7.5.4 Per-Connection Quality-of-Service (QoS) Guarantees: Resource Reservation and Call Admission 572
7.6 Summary 574
Homework Problems and Questions 575
Wireshark Labs 581
Interview: Henning Schulzrinne 582

Chapter 8 Security in Computer Networks 583

8.1 What Is Network Security? 584
8.2 Principles of Cryptography 586
8.2.1 Symmetric Key Cryptography 588
8.2.2 Public Key Encryption 594
8.3 Message Integrity and Digital Signatures 598
8.3.1 Cryptographic Hash Functions 599
8.3.2 Message Authentication Code 601
8.3.3 Digital Signatures 602
8.4 End-Point Authentication 608
8.4.1 Authentication Protocol ap1.0 609
8.4.2 Authentication Protocol ap2.0 610
8.4.3 Authentication Protocol ap3.0 611
8.4.4 Authentication Protocol ap3.1 612
8.4.5 Authentication Protocol ap4.0 613
8.5 Securing E-Mail 615
8.5.1 Secure E-Mail 616
8.5.2 PGP 620
8.6 Securing TCP Connections: SSL 621
8.6.1 The Big Picture 622
8.6.2 A More Complete Picture 626
8.7 Network-Layer Security: IPsec and Virtual Private Networks 627
8.7.1 IPsec and Virtual Private Networks (VPNs) 628
8.7.2 The AH and ESP Protocols 630
8.7.3 Security Associations 630
8.7.4 The IPsec Datagram 632
8.7.5 IKE: Key Management in IPsec 635
8.8 Securing Wireless LANs 636
8.8.1 Wireless Security 636
8.8.2 Securing 802.11 637
8.9 Operational Security: Firewalls and Intrusion Detection Systems 640
8.9.1 Firewalls 641
8.9.2 Intrusion Detection Systems 646
8.10 Summary 648
Homework Problems and Questions 649
Wireshark Labs 656
Interview: Steven M. Bellovin 657

[56] OGIS 186, 190.

[57] *Wilcken*, Grundzüge I, 264.

[58] F. Petrie, J. R. A. S. 1898, 875.

[59] *Athen*, 66, B—F.

[60] *Plut.* Sulla, 13.

[61] *Str.* 98—102—F. Gr. Hist. fr. 28; ср. *Str.* 72. Сомали—конец ойкумены.

[62] *Tarn*, J. E. A. 1929, 21—23.

[63] Syria VI, 218, N 2, и монеты.

[64] *Str.* 779.

[65] *Athen.* 206 D; см. *Beloch* IV, I, 299.

[66] Гл. III; *Glotz*, цит. соч., 365.

[67] Список у *Wilcken*, Archiv VI, 400; ср. *Glotz*, 353.

[68] I Priene, III; *Clay*, Babylonian records IV, 53, N 54.

[69] *Glotz*, 351, 354.

[70] Ibid., 363.

[71] *Beloch* IV, I, 307—312.

[72] *Beloch* IV, I, 271.

[73] F. H. G. II, p. 260.

[74] *Polyb.* XX, 6.

[75] Ibid., XXI, 26, 9; *Agatharch.*, F. H. G. III, 192.

[76] *Hatzfeld*, Les trafiquants italiens, 22; ср. *Polyb.* XXI, 30, 9 Str. 325.

[77] *Str.* 793.

[78] *Wilcken*, Jahrbuch Шмоллера, XLV, 105; Grundzüge I, 266. О лошадях—*Rostovzeff*, Large estate 167—168; ср. *P. Cairo Zen.* 59075.

[79] *Str.* 793.

[80] *Blümner*, Eisen, Gold, Kupfer, Silber в P. W.

[81] *Str.* 591, 626, 680.

[82] *Perdrizet*, Klio X, I.

[83] *Str.* 680.

[84] Ibid., VII, fr. 34.

[85] *Plin.* VI, 98; *Str.* 513, 726 [*Arist.* De mir. auscult. 46 (833b)].

[86] *Hasluck*, Cyzicus 171.

[87] *Plin.* VI, 170.

[88] *Tarn*, J. E. A. 1929, 15.

[89] *Str.* 700, 705; *Plin.* XXXIII, 66.

[90] *Str.* VII, fr. 34.

[91] Ibid., 399.

[92] Ibid., 684.

[93] Синай становился набатейским: *B. Moritz*, Gött. Abh. XVI, N 2.

[94] *Str.* 447.

[95] Ibid., 607, 610; *Rostovzeff* в Anatolian studies 367.

[96] *Rostovzeff*, ibid., 365.

[97] *Str.* 549.

[98] *Plin.* XXXIV, 145; ср. *Ssu-ma-sh'ien*, *Shi-ki*, гл. 123 (*Hirth*, цит. соч., p. 108). Ввоз: *Oros.* VI, 13, 2+*Plut.* Crassus 24. Я сомневаюсь в правильности теории, будто сирийское железо шло из Хераса в Южной Индии; ссылки у *Warmington* 157, 257.

[99] *M. Cary*, J. H. S. 1924, 166.

[100] *Haverfield*, Kassiterides в P. W.

[101] *W. Leaf*, J. H. S. 1916, I.

[102] *Str.* 562.

[103] G. G. M. I, 123.

[104] Обещанная покойным *A. Jardé* книга на эту тему, к сожалению, не была написана.

[105] J. G. XII, 5, 1010; 7, 40; OGIS 4; *Str.* 684. Любопытно само снабжение Кипра.

[106] OGIS 9; Ditt.[3] 354, 344, ll. 75—95.

[107] *Ferri*, Iscr. di Cirene, N 3.

[108] *Rostovzeff*, Iranians and Greeks in South Russia, 147; *Ramsay*, Asian elements in Greek civilization, гл. XI.

[109] I. G. XI, 4, 1115, прим.

[110] SEG III, 92; *Diod.* XXVI, fr. 8.

[111] *Dem.* LVI, 9; *Polyb.* XXVIII, 2, 5; XXXI, 31, I; ср. V, 89; *Diod.* XXVI, fr. 8.

[112] *Str.* 752.

[113] Ibid., 628, 637, 657.

[114] Многие папирусы; см. *Wilcken*, Archiv VI, 400.

[115] Periplus 28+49 указывает на более древнюю торговлю.

[116] *Jardé*, цит. соч., 1, 187.

[117] *Str.* 399, 489; *P. Cairo Zen.* 59426, 59012, l. 30.

[118] Ibid., 59012; *Wilcken*, Archiv VII, 82.

[119] *Str.* 565.

[120] *P. Cairo* Zen. 59012.

[121] *Str.* 763, 800, 818; *Plin.* XIII, 44; *Jos.* Ant. XV, 96.

[122] *Str.* 630.

[123] *Plin.* XV, 66.

[124] *Athen.*, 49 D сл.; *Charlesworth* 47.

[125] *Str.* 694; сообщает, что сахар употреблялся в медицинских рецептах.

[126] *Wilcken*, Grundzüge, 245.

[127] *Str.* 739.

[128] *Rostovzeff* в Anatolian studies, 379.

[129] *Pindar*, p. 9, 11.

Index
Index
Index

[130] *Rostovzeff* в Anatolian Studies, 379.

[131] *Schubart*, Einführung, 418.

[132] *P. Cairo Zen.* 59412, 59195, 59430; B. C. H. 1922, 307, N 1; *Plin.* VIII, 190; *Theoc.* XV, 126; *Athen.* 540 C, D; Ezek. XXVII, 18 (LXX).

[133] *Str.* 568, 578, 630; *Plin.* цит. место.

[134] *Rostovzeff*, цит. место.

[135] Там же.

[136] *Liv.* XXXVIII, 7, 10; *Varro* R. R. II, 11. 12,—название промысла.

[137] *Wilcken*, Grundzüge, 267.

[138] C. A. H. III, 77.

[139] *Str.* 693; см., однако, *Olck*, Byssos в P. W.

[140] *Arr.* Ind. 16, 1—3; *Lucan* III, 239 (вероятно); *Warmington*, 210.

[141] *Ssu-ma-ch'ien* (*Hirth*, цит. место, особ. стр. 103), 133; ср. *Florus* III, II, 8.

[142] *A. Stein*, Burlington Mag. XXXVII, 1920, 3.

[143] *Blümner*, Serica в P. W.; так у Hou Han Shoo (*Chavannes*, T'oung Pao 1907, 184, прим. 1).

[144] *Arist.* H. An. 551 b, 13; *Plin.* VI, 54; XI, 76.

[145] *Agatharch.*, G. G. M. I, 189.

[146] Ditt.[3] 736, l. 16.

[147] *Lucan*, X, 141.

[148] *Wilcken*, Crundzüge, 255 etc., M.; ср. *Str.* 800.

[149] *Schubart*, Einführung, 418; *de Bissing*, Rev. arch. 1928, I, 211.

[150] *Str.* 758; *Plin.* V, 76.

[151] *Plin.* XIII, 70; *Cumont*, Doura, гл. V.

[152] *Theophr.* H. plant. IX, 2 сл.; *Plin.* XIV, 128; *Polyb.* V, 89, 6.

[153] *Glotz*, Rev. E. G. 1916, 281, 324.

[154] *Diod.* XIX, 98 сл.; *Str.* 763.

[155] Ibid., 743; *Isidore*, § 1.

[156] *Посидоний*, F. Gr. Hist. fr. 93.

[157] *Arr.* IV, 15, 7; *Str.* 518; *Athen.* 42 F; *Plut.* Alex. 57.

[158] *Ferguson*, Hell. Athens 376.

[159] *Charlesworth*, 123.

[160] *Str.* 367; *Plin.* XXXVI, 55.

[161] *Str.* 577; *Calder*, J. R. S, II, 245.

[162] *Plut.* Dem. 10; *Diod.* XX, 46, 4; Ditt.[3] 334, l. 29; *Polyb.* V, 89, 6; *Plin.* XVI, 197.

[163] *Str.* 669.

[164] Ibid., 546.

[165] *Dürrbach*, Comptes des hiéropes, 320 B, C, 68, 351, l. 4; *Athen* 201 A.

[166] *Str.* 540.

[167] *Ferguson*, цит. соч., 362.

[168] В списке у *Charlesworth*, 125, не все—новые промыслы. Для Делоса ссылки у *Durrbach*, B. C. H. 1911, 82.

[169] *Athen.* 539 F—540 A; *Str.* 630, B. C. H. 1922, 307, прим. 1; I Hierapolis, N 342; *Wilcken*, Chrest., N 2; Деяния 16, 14.

[170] I. G. XI, 2, 163, l. 7; 203 A, l. 71; 287 A, l. 118.

[171] OGIS 193; *Wiegand*, Siebenter Milet-Bericht, p. 50.

[172] I. G. XI, 4, 1054; см. *Roussel*, Délos colonie athénienne, 19.

[173] *Str.* 163; работа Кратея (гл. IX, ниже).

[174] Теперь это научно установлено; *Warmington*, табл. 2, гл. 3.

[175] *Plin.* XXXVII, 121.

[176] OGIS 132, см. стр. 214, прим. 8.

[177] *Olympiodorus*, F. H. G. IV, 66; ср. *Str.* 815.

[178] *Athen.* 93B сл.; *Arr.*, Ind. 8, II; *Theophr.*, περί λίθων, 36; *Lucan*, X, 139; *Babelon*, Margarita в D. S.

[179] *Theophr.*, цит. место: «дорогие ожерелья»—жемчужные.

[180] *Plin.* XXXVII, 105.

[181] *Blumner*, Bernstein в P. W.

[182] *Str.* 72, 773.

[183] Научно классифицировано (Индия): *Warmington*, табл. 2, гл. 2.

[184] *Arr.* VI, 22, 4; *Str.* 721.

[185] P. S. I. VI, 628; *Rhodokanakis*, Z. f. Semitistik 1924, 113.

[186] *Str.* 570; *Plin.* XII, 125; *Athen.* 201 A.

[187] *Theophr.* H. P. IX, 7; *Str.* 755; ср. *Polyb.* 45, 10.

[188] *Theophr.* H. P. IX, 6; *Str.* 763, 800; *Diod.* XIX, 98; *Plut.* Ant. 36; *Jos.* Ant. XV, 96; B. J. I., 361; *Justin.* XXXVI, 3, I; *B. Laufer*, Sino-Iranica, 429.

[189] Эту проблему поставил *W. H. Schoff*, Periplus, p. 82.

[190] *Wilcken*, Grundzüge, 249, и Z. f. Äg. Sprache 1925, 86; *Rostovzeff*, Archiv IV, 313; *Collart et Jouguet*, Raccolta Lumbroso, 109.

[191] I. G. XI, 2, 161 A, l. 92; *Durrbach*, Comptes 354, l. 67 (мирра).

[192] P. S. I. VI, 628; *Wilcken*, Archiv VII, 82.

[193] Список: *Plin.* XIII, 8—17.

[194] Ibid., 18.

[195] Умозаключение к более раннему времени на основании Periplus.

[196] Ср. *Plin.* XII, 81.

[197] *Str.* 780.

[198] *Plut.* Alex. 25.

[199] *Herod.* I, 183.

[200] *Tkač*, Saba.

[201] *Plin.* XII, 54.

Ethnic Groups and Languages 1
Ethnic Groups 1
Languages 2
Geography 3
Topography 3
Climate 4
Natural Resources 5
Flora 5
Fauna 6
Environmental Issues 6
Population 7
Population Growth 7
Population Distribution 8
Urbanization 8
Health 9
Education 9
Literacy 9
Education Levels 10
Education Issues 10
Religion 11
Religious Groups 11
Religious Freedom 12
Religion and Politics 12
Religion and Culture 13
Government 14
Constitution 14
Executive Branch 14
Legislative Branch 15
Judicial Branch 15
Political Parties 16
Local Government 16
Foreign Relations 17
Economy 18
Economic Overview 18
Gross Domestic Product 18
Agriculture 19
Industry 19
Services 20
Labor 20
Unemployment 21
Wages 21
Trade 22
Exports 22
Imports 22
Trade Partners 23
Trade Agreements 23
Currency 24
Exchange Rates 24
Inflation 24
Banking 25
Central Bank 25
Commercial Banks 25
Investment 26
Foreign Investment 26
Domestic Investment 26
Stock Exchange 27
Taxation 27
Income Tax 27
Corporate Tax 28
Sales Tax 28
Property Tax 28
Customs Duties 29
Transportation 29
Roads 29
Railways 30
Airports 30
Ports 31
Waterways 31
Communications 32
Telephone 32
Internet 32
Postal Service 33
Media 33
Newspapers 33
Television 34
Radio 34
Publishing 35
Culture 35
Arts 35
Literature 35
Music 36
Dance 36
Theater 37
Cinema 37
Visual Arts 38
Crafts 38
Museums 39
Libraries 39
Archives 40
Sports 40
Football 40
Basketball 41
Athletics 41
Swimming 42
Tennis 42
Cricket 43
Rugby 43
Golf 44
Cycling 44
Motor Sports 45
Winter Sports 45
Skiing 45
Ice Hockey 46
Figure Skating 46
Snowboarding 47
Bobsleigh 47
Luge 48
Curling 48
Cross-Country Skiing 49
Biathlon 49
Ski Jumping 50
Alpine Skiing 50
Freestyle Skiing 51
Nordic Combined 51
Speed Skating 52
Short Track Speed Skating 52
Long Track Speed Skating 53
Water Sports 53
Sailing 53
Rowing 54
Canoeing 54
Kayaking 55
Surfing 55
Diving 56
Water Polo 56
Synchronized Swimming 57
Combat Sports 57
Boxing 57
Wrestling 58
Judo 58
Karate 59
Taekwondo 59
Fencing 60
Archery 60
Shooting 61
Equestrian 61
Show Jumping 62
Dressage 62
Eventing 63
Gymnastics 63
Artistic Gymnastics 63
Rhythmic Gymnastics 64
Trampoline 64
Athletics 65
Track Events 65
Field Events 66
Combined Events 66
Cross Country 67
Road Running 67
Marathon 68
Race Walking 68
Ultra Running 69
Mountain Running 69
Triathlon 70
Duathlon 70
Aquathlon 71
Pentathlon 71
Modern Pentathlon 72
Decathlon 72
Heptathlon 73
Octathlon 73
Nonathlon 74
Hexathlon 74
Tetrathlon 75
Weightlifting 75
Powerlifting 76
Strongman 76
Bodybuilding 77
Physique 77
Fitness 78
Aerobics 78
Yoga 79
Pilates 79
Tai Chi 80
Qigong 80
Martial Arts 81
Capoeira 81
Kung Fu 82
Kickboxing 82
Muay Thai 83
Mixed Martial Arts 83
Sambo 84
Krav Maga 84
Self Defense 85
Dance Sports 85
Ballroom Dancing 85
Latin Dance 86
Standard Dance 86
Salsa 87
Tango 87
Waltz 88
Foxtrot 88
Quickstep 89
Viennese Waltz 89
Cha Cha 90
Rumba 90
Samba 91
Jive 91
Paso Doble 92
Breakdancing 92
Hip Hop 93
Ballet 93
Contemporary Dance 94
Modern Dance 94
Folk Dance 95
Traditional Dance 95
Cheerleading 96
Acrobatics 96
Circus Arts 97
Juggling 97
Unicycling 98
Tightrope Walking 98
Aerial Arts 99
Trapeze 99
Hoop Diving 100
Fire Performance 100
Magic 101
Illusion 101
Escapology 102
Ventriloquism 102
Mime 103
Clowning 103
Puppetry 104
Shadow Puppetry 104
Marionettes 105
Hand Puppets 105
Rod Puppets 106
Bunraku 106
Wayang 107
Punch and Judy 107
Storytelling 108
Oral Tradition 108
Folklore 109
Mythology 109
Legends 110
Fairy Tales 110
Fables 111
Proverbs 111
Riddles 112
Tongue Twisters 112
Nursery Rhymes 113
Children's Games 113
Playground Games 114
Board Games 114
Card Games 115
Dice Games 115
Tabletop Games 116
Role-Playing Games 116
Video Games 117
Esports 117
Gambling 118
Casinos 118
Lotteries 119
Betting 119
Horse Racing 120
Greyhound Racing 120
Sports Betting 121
Fantasy Sports 121
Collectibles 122
Stamps 122
Coins 123
Banknotes 123
Antiques 124
Art Collecting 124
Photography 125
Film Making 125
Animation 126
Comics 126
Graphic Novels 127
Publishing 127
Writing 128
Poetry 128
Prose 129
Drama 129
Screenwriting 130
Journalism 130
Broadcasting 131
Podcasting 131
Blogging 132
Social Media 132
Influencers 133
Marketing 133
Advertising 134
Public Relations 134
Event Management 135
Tourism 135
Hospitality 136
Hotels 136
Restaurants 137
Cafes 137
Bars 138
Nightlife 138
Festivals 139
Carnivals 139
Parades 140
Fairs 140
Markets 141
Shopping 141
Fashion 142
Clothing 142
Footwear 143
Accessories 143
Jewelry 144
Watches 144
Perfumes 145
Cosmetics 145
Beauty Salons 146
Barbers 146
Spas 147
Wellness 147
Health Clubs 148
Personal Trainers 148
Nutrition 149
Diets 149
Vegetarianism 150
Veganism 150
Food Culture 151
Cuisine 151
Cooking 152
Baking 152
Wine 153
Beer 153
Spirits 154
Coffee 154
Tea 155
Chocolate 155
Sweets 156
Desserts 156
Snacks 157
Fast Food 157
Street Food 158
Picnics 158
Barbecues 159
Camping 159
Hiking 160
Trekking 160
Mountaineering 161
Rock Climbing 161
Bouldering 162
Caving 162
Canyoning 163
Paragliding 163
Hang Gliding 164
Skydiving 164
Bungee Jumping 165
Base Jumping 165
Wingsuit Flying 166
Parachuting 166
Ballooning 167
Airships 167
Gliding 168
Model Aircraft 168
Drones 169
Model Boats 169
Model Railways 170
Model Cars 170
Radio Control 171
Robotics 171
Electronics 172
Computing 172
Programming 173
Software 173
Hardware 174
Networking 174
Cybersecurity 175
Data Science 175
Artificial Intelligence 176
Machine Learning 176
Cloud Computing 177
Virtual Reality 177
Augmented Reality 178
Mixed Reality 178
Wearables 179
Internet of Things 179
Smart Home 180
Home Automation 180
Energy 181
Renewable Energy 181
Solar Power 182
Wind Power 182
Hydroelectric Power 183
Geothermal Energy 183
Biomass 184
Nuclear Power 184
Fossil Fuels 185
Coal 185
Oil 186
Natural Gas 186
Energy Efficiency 187
Conservation 187
Waste Management 188
Recycling 188
Composting 189
Water Management 189
Water Supply 190
Sanitation 190
Wastewater Treatment 191
Flood Control 191
Drought 192
Climate Change 192
Global Warming 193
Carbon Emissions 193
Carbon Offsetting 194
Sustainability 194
Environmental Protection 195
Pollution 195
Air Pollution 196
Water Pollution 196
Soil Pollution 197
Noise Pollution 197
Light Pollution 198
Deforestation 198
Reforestation 199
Biodiversity 199
Habitat Loss 200
Endangered Species 200
Conservation Areas 201
National Parks 201
Nature Reserves 202
Wildlife Management 202
Hunting 203
Fishing 203
Aquaculture 204
Agriculture 204
Farming 205
Livestock 205
Dairy Farming 206
Poultry Farming 206
Beekeeping 207
Horticulture 207
Forestry 208
Timber 208
Paper Industry 209
Textiles 209
Leather 210
Chemicals 210
Pharmaceuticals 211
Medical Devices 211
Biotechnology 212
Nanotechnology 212
Materials Science 213
Engineering 213
Civil Engineering 214
Mechanical Engineering 214
Electrical Engineering 215
Chemical Engineering 215
Aerospace Engineering 216
Marine Engineering 216
Mining 217
Quarrying 217
Metallurgy 218
Steel Industry 218
Aluminium Industry 219
Automotive Industry 219
Aerospace Industry 220
Shipbuilding 220
Rail Industry 221
Defence Industry 221
Space Industry 222
Satellites 222
Launch Vehicles 223
Space Exploration 223
Astronomy 224
Astrophysics 224
Cosmology 225
Planetary Science 225
Geology 226
Seismology 226
Volcanology 227
Meteorology 227
Oceanography 228
Hydrology 228
Glaciology 229
Climatology 229
Ecology 230
Environmental Science 230
Conservation Biology 231
Zoology 231
Botany 232
Microbiology 232
Virology 233
Immunology 233
Genetics 234
Molecular Biology 234
Cell Biology 235
Biochemistry 235
Neuroscience 236
Psychology 236
Cognitive Science 237
Linguistics 237
Anthropology 238
Archaeology 238
Sociology 239
Demography 239
Economics 240
Behavioural Economics 240
Development Economics 241
Environmental Economics 241
Public Finance 242
Monetary Policy 242
Fiscal Policy 243
Trade Policy 243
Labour Economics 244
Industrial Relations 244
Welfare State 245
Social Security 245
Pensions 246
Healthcare 246
Public Health 247
Epidemiology 247
Nutrition Science 248
Food Science 248
Agronomy 249
Horticulture Science 249
Veterinary Science 250
Animal Welfare 250
Animal Rights 251
Vegetarianism 251
Veganism 252
Ethics 252
Bioethics 253
Medical Ethics 253
Research Ethics 254
Animal Testing 254
Stem Cell Research 255
Genetic Engineering 255
Cloning 256
Gene Therapy 256
Organ Transplantation 257
Blood Transfusion 257
Tissue Banking 258
Forensic Science 258
Criminology 259
Criminal Justice 259
Policing 260
Prisons 260
Probation 261
Rehabilitation 261
Restorative Justice 262
Civil Law 262
Criminal Law 263
Constitutional Law 263
Administrative Law 264
International Law 264
Human Rights 265
Freedom of Speech 265
Freedom of Religion 266
Freedom of Assembly 266
Freedom of Association 267
Right to Privacy 267
Data Protection 268
Intellectual Property 268
Copyright 269
Patents 269
Trademarks 270
Trade Secrets 270
Licensing 271
Contracts 271
Torts 272
Negligence 272
Defamation 273
Libel 273
Slander 274
Privacy Law 274
Consumer Protection 275
Product Liability 275
Competition Law 276
Antitrust 276
Mergers and Acquisitions 277
Corporate Governance 277
Company Law 278
Partnership Law 278
Limited Liability 279
Bankruptcy 279
Insolvency 280
Debt Recovery 280
Mortgages 281
Property Law 281
Land Law 282
Real Estate 282
Conveyancing 283
Leasehold 283
Freehold 284
Commonhold 284
Easements 285
Covenants 285
Planning Law 286
Building Regulations 286
Environmental Law 287
Waste Law 287
Water Law 288
Air Quality Law 288
Noise Law 289
Nuisance 289
Trespass 290
Adverse Possession 290
Boundary Disputes 291
Party Wall Law 291
Inheritance Law 292
Wills 292
Probate 293
Trusts 293
Estate Planning 294
Tax Law 294
Income Tax Law 295
Corporation Tax Law 295
Capital Gains Tax 296
Inheritance Tax 296
Stamp Duty 297
Value Added Tax 297
Customs Law 298
Immigration Law 298
Nationality Law 299
Asylum Law 299
Refugee Law 300
Family Law 300
Marriage Law 301
Divorce Law 301
Child Custody 302
Child Support 302
Adoption Law 303
Surrogacy Law 303
Fertility Law 304
Abortion Law 304
Euthanasia Law 305
Mental Health Law 305
Capacity Law 306
Guardianship 306
Power of Attorney 307
Advance Directives 307
Elder Law 308
Disability Law 308
Education Law 309
Employment Law 309
Discrimination Law 310
Equality Law 310
Harassment Law 311
Whistleblowing 311
Health and Safety Law 312
Workplace Safety 312
Occupational Health 313
Trade Unions 313
Collective Bargaining 314
Strikes 314
Lockouts 315
Redundancy Law 315
Unfair Dismissal 316
Wrongful Dismissal 316
Employment Tribunals 317
Arbitration 317
Mediation 318
Alternative Dispute Resolution 318
Litigation 319
Courts 319
Judges 320
Barristers 320
Solicitors 321
Legal Aid 321
Pro Bono 322
Law Reform 322
Legislation 323
Statutes 323
Regulations 324
Delegated Legislation 324
Parliamentary Procedure 325
Devolution 325
Local Government Law 326
Elections Law 326
Voting Rights 327
Electoral Systems 327
Referendums 328
Political Parties Law 328
Lobbying 329
Freedom of Information 329
Open Government 330
Public Inquiries 330
Ombudsman 331
Judicial Review 331
Human Rights Act 332
European Convention on Human Rights 332
Brexit 333
International Relations 333
Diplomacy 334
Foreign Policy 334
Defence Policy 335
Military 335
Armed Forces 336
Navy 336
Army 337
Air Force 337
Special Forces 338
Reserve Forces 338
Cadet Forces 339
Veterans 339
Military History 340
Battles 340
Wars 341
Peacekeeping 341
Arms Control 342
Disarmament 342
Nuclear Deterrence 343
Intelligence 343
Espionage 344
Counter-Terrorism 344
Security Services 345
Police Forces 345
Fire Services 346
Emergency Services 346
Search and Rescue 347
Coastguard 347
Lifeboats 348
Air Ambulance 348
Mountain Rescue 349
Cave Rescue 349
Cliff Rescue 350
Water Rescue 350
Flood Rescue 351
Wildfire Management 351
Civil Defence 352
Disaster Relief 352
Humanitarian Aid 353
Development Aid 353
Overseas Territories 354
Commonwealth 354
United Nations 355
European Union 355
NATO 356
Other Alliances 356
Bilateral Relations 357
Trade Agreements 357
Sanctions 358
Embargoes 358
Foreign Investment 359
Sovereign Wealth Funds 359
Central Banking 360
Monetary Union 360
Exchange Rates 361
Foreign Exchange 361
Capital Markets 362
Stock Exchanges 362
Bond Markets 363
Derivatives 363
Commodities 364
Futures 364
Options 365
Hedge Funds 365
Private Equity 366
Venture Capital 366
Crowdfunding 367
Peer-to-Peer Lending 367
Cryptocurrency 368
Blockchain 368
Digital Currency 369
Central Bank Digital Currency 369
Payment Systems 370
Banking Regulation 370
Financial Regulation 371
Anti-Money Laundering 371
Know Your Customer 372
Sanctions Compliance 372
Insurance 373
Reinsurance 373
Pensions 374
Annuities 374
Mortgages 375
Consumer Credit 375
Debt Collection 376
Credit Reference Agencies 376
Financial Advice 377
Investment Advice 377
Wealth Management 378
Asset Management 378
Trusts 379
Offshore Finance 379
Tax Havens 380
Transfer Pricing 380
Tax Avoidance 381
Tax Evasion 381
Tax Planning 382
Tax Credits 382
Benefits 383
Universal Credit 383
Pensions Credit 384
Child Benefit 384
Housing Benefit 385
Council Tax 385
Business Rates 386
Local Taxation 386
Devolved Taxes 387
Scottish Income Tax 387
Welsh Income Tax 388
Northern Ireland Rates 388
Public Spending 389
Budgets 389
Spending Reviews 390
Public Sector Pay 390
Civil Service 391
Local Government Finance 391
Public Procurement 392
Private Finance Initiative 392
Infrastructure Investment 393
Transport Policy 393
Roads Policy 394
Rail Policy 394
Aviation Policy 395
Maritime Policy 395
Freight 396
Logistics 396
Supply Chains 397
Warehousing 397
Distribution 398
Last Mile Delivery 398
Postal Services 399
Courier Services 399
Freight Forwarding 400
Customs Clearance 400
Port Operations 401
Airport Operations 401
Air Traffic Control 402
Navigation 402
Maritime Safety 403
Search and Rescue 403
Coastguard 404
Lighthouses 404
Buoys 405
Charts 405
Hydrography 406
Tides 406
Weather Forecasting 407
Climate Modelling 407
Seismic Monitoring 408
Volcano Monitoring 408
Tsunami Warning 409
Flood Forecasting 409
Drought Monitoring 410
Wildfire Forecasting 410
Air Quality Monitoring 411
Water Quality Monitoring 411
Soil Monitoring 412
Biodiversity Monitoring 412
Species Recording 413
Habitat Mapping 413
Land Use Planning 414
Spatial Planning 414
Geographic Information Systems 415
Remote Sensing 415
Satellite Imagery 416
Aerial Photography 416
Surveying 417
Cartography 417
Geodesy 418
Gravity Measurement 418
Magnetic Surveying 419
Seismic Surveying 419
Geophysical Surveying 420
Geochemical Surveying 420
Mineral Exploration 421
Petroleum Exploration 421
Drilling 422
Well Engineering 422
Reservoir Engineering 423
Production Engineering 423
Pipeline Engineering 424
Refining 424
Petrochemicals 425
Gas Processing 425
Liquefied Natural Gas 426
Gas Storage 426
Power Generation 427
Grid Operation 427
Transmission 428
Distribution 428
Smart Grid 429
Demand Response 429
Energy Storage 430
Battery Technology 430
Hydrogen Economy 431
Fuel Cells 431
Carbon Capture 432
Carbon Storage 432
Net Zero 433
Decarbonisation 433
Energy Transition 434
Just Transition 434
Climate Adaptation 435
Climate Mitigation 435
Resilience 436
Risk Management 436
Insurance 437
Reinsurance 437
Catastrophe Modelling 438
Actuarial Science 438
Risk Assessment 439
Health and Safety 439
Occupational Health 440
Workplace Safety 440
Accident Investigation 441
Incident Reporting 441
Safety Culture 442
Training 442
Competence 443
Certification 443
Licensing 444
Inspection 444
Enforcement 445
Prosecution 445
Sentencing 446
Prisons 446
Probation 447
Rehabilitation 447
Restorative Justice 448
Victim Support 448
Witness Protection 449
Forensic Science 449
Criminology 450
Criminal Justice 450
Policing 451
Police Forces 451
Fire Services 452
Emergency Services 452
Search and Rescue 453
Coastguard 453
Lifeboats 454
Air Ambulance 454
Mountain Rescue 455
Cave Rescue 455
Cliff Rescue 456
Water Rescue 456
Flood Rescue 457
Wildfire Management 457
Civil Defence 458
Disaster Relief 458
Humanitarian Aid 459
Development Aid 459
Overseas Territories 460
Commonwealth 460
United Nations 461
European Union 461
NATO 462
Other Alliances 462
Bilateral Relations 463
Trade Agreements 463
Sanctions 464
Embargoes 464
Foreign Investment 465
Sovereign Wealth Funds 465
Central Banking 466
Monetary Union 466
Exchange Rates 467
Foreign Exchange 467
Capital Markets 468
Stock Exchanges 468
Bond Markets 469
Derivatives 469
Commodities 470
Futures 470
Options 471
Hedge Funds 471
Private Equity 472
Venture Capital 472
Crowdfunding 473
Peer-to-Peer Lending 473
Cryptocurrency 474
Blockchain 474
Digital Currency 475
Central Bank Digital Currency 475
Payment Systems 476
Banking Regulation 476
Financial Regulation 477
Anti-Money Laundering 477
Know Your Customer 478
Sanctions Compliance 478
Insurance 479
Reinsurance 479
Pensions 480
Annuities 480
Mortgages 481
Consumer Credit 481
Debt Collection 482
Credit Reference Agencies 482
Financial Advice 483
Investment Advice 483
Wealth Management 484
Asset Management 484
Trusts 485
Offshore Finance 485
Tax Havens 486
Transfer Pricing 486
Tax Avoidance 487
Tax Evasion 487
Tax Planning 488
Tax Credits 488
Benefits 489
Universal Credit 489
Pensions Credit 490
Child Benefit 490
Housing Benefit 491
Council Tax 491
Business Rates 492
Local Taxation 492
Devolved Taxes 493
Scottish Income Tax 493
Welsh Income Tax 494
Northern Ireland Rates 494
Public Spending 495
Budgets 495
Spending Reviews 496
Public Sector Pay 496
Civil Service 497
Local Government Finance 497
Public Procurement 498
Private Finance Initiative 498
Infrastructure Investment 499
Transport Policy 499
Roads Policy 500
Rail Policy 500
Aviation Policy 501
Maritime Policy 501
Freight 502
Logistics 502
Supply Chains 503
Warehousing 503
Distribution 504
Last Mile Delivery 504
Postal Services 505
Courier Services 505
Freight Forwarding 506
Customs Clearance 506
Port Operations 507
Airport Operations 507
Air Traffic Control 508
Navigation 508
Maritime Safety 509
Search and Rescue 509
Coastguard 510
Lighthouses 510
Buoys 511
Charts 511
Hydrography 512
Tides 512
Weather Forecasting 513
Climate Modelling 513
Seismic Monitoring 514
Volcano Monitoring 514
Tsunami Warning 515
Flood Forecasting 515
Drought Monitoring 516
Wildfire Forecasting 516
Air Quality Monitoring 517
Water Quality Monitoring 517
Soil Monitoring 518
Biodiversity Monitoring 518
Species Recording 519
Habitat Mapping 519
Land Use Planning 520
Spatial Planning 520
Geographic Information Systems 521
Remote Sensing 521
Satellite Imagery 522
Aerial Photography 522
Surveying 523
Cartography 523
Geodesy 524
Gravity Measurement 524
Magnetic Surveying 525
Seismic Surveying 525
Geophysical Surveying 526
Geochemical Surveying 526
Mineral Exploration 527
Petroleum Exploration 527
Drilling 528
Well Engineering 528
Reservoir Engineering 529
Production Engineering 529
Pipeline Engineering 530
Refining 530
Petrochemicals 531
Gas Processing 531
Liquefied Natural Gas 532
Gas Storage 532
Power Generation 533
Grid Operation 533
Transmission 534
Distribution 534
Smart Grid 535
Demand Response 535
Energy Storage 536
Battery Technology 536
Hydrogen Economy 537
Fuel Cells 537
Carbon Capture 538
Carbon Storage 538
Net Zero 539
Decarbonisation 539
Energy Transition 540
Just Transition 540
Climate Adaptation 541
Climate Mitigation 541
Resilience 542
Risk Management 542
Insurance 543
Reinsurance 543
Catastrophe Modelling 544
Actuarial Science 544
Risk Assessment 545
Health and Safety 545
Occupational Health 546
Workplace Safety 546
Accident Investigation 547
Incident Reporting 547
Safety Culture 548
Training 548
Competence 549
Certification 549
Licensing 550
Inspection 550
Enforcement 551
Prosecution 551
Sentencing 552
Prisons 552
Probation 553
Rehabilitation 553
Restorative Justice 554
Victim Support 554
Witness Protection 555
Forensic Science 555
Criminology 556
Criminal Justice 556
Policing 557

[202] *Herod.* III, 107; *Schoff*, Periplus, 130—131.

[203] *Plin.* XII, 59.

[204] В среднем—I. G. XI, 2, 287 A, ll. 43 и 73.

[205] C. Ap. I, 60; у Фукса, цит. соч., 56, почти нет имен.

[206] *Hatzfeld*, Trafiquants italiens, 116, 156.

[207] *Picard*, B. C. H. 1920, 263; Délos VI.

[208] *Ferguson*, цит. соч., 405.

[209] I. G. II², 1012; OGIS 140.

[210] *J. Hatzfeld*, Les trafiquants italiens dans l'Orient hellénique, 1919.

[211] *Durrbach*, Comptes, 351, l. 5.

[212] *Str.* 779.

[213] *Durrbach*, Choix des inscr. de Délos I, ii, nos. 105—8.

[214] Например, P. *Tebt.* 33.

[215] I Priene 112—124.

[216] *Hatzfeld*, 241.

[217] Ibid., 367.

[218] Кроме работ, указанных в примечаниях, см. *Durrbach*, Choix des inscriptions de Délos.

[219] I. G. XI, 4, 1055, 666, 680 сл., 664—665, 1053.

[220] *Roussel*, Délos col. ath. 10; *R. Vallois*, Délos VII, I, 166.

[221] *Couchaud* и *Svoronos*, B. C. H. 1921, 270, и ibid., 1923, 473.

[222] I. G. XI, 4, 1095; *F. Courby*, Délos V.

[223] *Vallois*, цит. соч., 162.

[224] I. G. XI, 4, 1099; *Vallois*, цит. соч.

[225] *Ferguson*, цит. соч., 373.

[226] Ditt.³ 706.

[227] Следуя *Ferguson*, 380, против *Hatzfeld*, B. C. H. 1912, 189; Trafiquants. 130.

[228] Описание у *Ferguson*, гл. IX; *Roussel*, Délos, 1925.

[229] *Clermont-Canneau*, C. R. Ac. I, 1908, 546.

[230] *Picard*, B. C. H. 1920, 263.

[231] *Hatzfeld*, 308.

[232] *Brandis* в P. W., s. v.

[233] *Str.* 668: «могли», а не «продавали».

[234] Milet I, 3, 387, N 165.

ГЛАВА VIII

[1] Общие труды: *Fr. Susemihl*, G. d. griech. Literatur in der Alexandrinerzeit (не утратил своего значения), 1891; *W. von Christ*, G. d. griech. Literatur, II ed. 6, by W. Schmid, 1920 (Müller's Handbuch VII, ii, 1); *Wilamowitz*, Die griech. Literatur³, 1924; *Beloch* IV, I, гл. XIII, XIV; *J. V. Powell and E. A. Barber*, New

chapters in the history of Greek literature, 1921, second series 1929 (новейшие открытия); *Barber* в C. A. H. VII, гл. VIII.

[2] *Str.* 609.

[3] *Ed. Meyer*, Blüte und Niedergang, 24; добавить Геродика Вавилонского и Геродора Сузского (*Cumont*, Mém. Délég. en Perse, XX, 89, no. 6).

[4] *Sext. Emp.* Adv. Gramm. 662; C. A. H. VII, 714.

[5] *Dziatzo*, Bibliotheca в P. W.; *Beloch* IV, I, 425, и работы о Египте.

[6] *De Sanctis*, Riv. fil. 1926, 63; *Powell and Barber*, II, 83.

[7] *Str.* 646.

[8] *Athen.* 22D.

[9] OGIS 172.

[10] P. Oxy. X, 1241; *Körte*, Archiv VII, 243; *Wilamowitz*, Hell. Dichtung I, 206 (исключает Каллимаха); *Beloch* IV, 2, 592 (включает Каллимаха).

[11] *C. H. Oldfather*, Greek literary texts from Graeco-Roman Egypt, 20, no. 314.

[12] *A. Rostagni*, Poeti Alexandrini, 1916; *J. W. Mackail*, Lectures on Greek poetry², 1926; *Barber* в The Hellenistic Age; *Wilamowitz*, Hellenistische Dichtung, 1924.

[13] Любимцы богов умирают молодыми. Плохие знакомства портят хорошие нравы. Совесть и храбрейшего сделает трусом.

[14] О втором гимне. *Tarn*, J. H. S. 1920, 149.

[15] *Wilamowitz*, Griech. Lit.³, 203.

[16] *Mackail*, цит. соч., 197.

[17] Дата: *Beloch* IV, 2, 574; *R. Flacelière*, Rev. E. G. 1928, 83.

[18] *Ziegler*, Lykophron в P. W. об этой дискуссии.

[19] *Schubart*, Einführung, 131.

[20] I. G. XI, 2, 161Bl. 66, 203Bl. 38, 287Bl 43.

[21] καταιβόμενον χελάρυσδε.

[22] *Wilamowitz*, Hell. Dicht. I, 206; доб. P. Oxy. XVII, 2079, 2080, и см. *Powell and Barber*, II, 4.

[23] *Powell*, Collectanea Alexandrina, p. 177.

[24] P. Oxy. III, 413, относительно II века н. э.; но пьеса, если не эллинистическая, то принадлежит к эллинистическому типу. Относительно индийского языка в ней см. *Rice* в кн. *Powell and Barber*, II, 215, и ссылки.

[25] Отрывки в *Diels*, Poet. philosoph. fragmenta.

[26] *Diels*, ibid., fr. 4.

[27] *Arnim*, Stoic. vet., fr. I, no. 537.

[28] *Powell*, цит. соч., fr. 4, ll. 46 сл.

[29] *Athen.* 253D.

[30] *C. Jensen*, Philodemos über die Gedichte, 93; Neoptolemos und Horaz.

Chapter 2 Introduction to Computer Systems
2.1 Information Is Bits + Context
2.2 Programs Are Translated by Other Programs into Different Forms
2.3 It Pays to Understand How Compilation Systems Work
2.4 Processors Read and Interpret Instructions Stored in Memory
2.5 Caches Matter
2.6 Storage Devices Form a Hierarchy
2.7 The Operating System Manages the Hardware
2.8 Systems Communicate with Other Systems Using Networks
2.9 Important Themes
2.10 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Part I Program Structure and Execution
Chapter 3 Machine-Level Representation of Programs
3.1 A Historical Perspective
3.2 Program Encodings
3.3 Data Formats
3.4 Accessing Information
3.5 Arithmetic and Logical Operations
3.6 Control
3.7 Procedures
3.8 Array Allocation and Access
3.9 Heterogeneous Data Structures
3.10 Combining Control and Data in More Complex Constructs
3.11 Floating-Point Code
3.12 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Chapter 4 Processor Architecture
4.1 The Y86 Instruction Set Architecture
4.2 Logic Design and the Hardware Control Language HCL
4.3 Sequential Y86 Implementations
4.4 General Principles of Pipelining
4.5 Pipelined Y86 Implementations
4.6 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Chapter 5 Optimizing Program Performance
5.1 Capabilities and Limitations of Optimizing Compilers
5.2 Expressing Program Performance
5.3 Program Example
5.4 Eliminating Loop Inefficiencies
5.5 Reducing Procedure Calls
5.6 Eliminating Unneeded Memory References
5.7 Understanding Modern Processors
5.8 Loop Unrolling
5.9 Enhancing Parallelism
5.10 Summary of Results for Optimizing Combining Code
5.11 Some Limiting Factors
5.12 Understanding Memory Performance
5.13 Life in the Real World: Performance Tuning Tools
5.14 Identifying and Eliminating Performance Bottlenecks
5.15 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Chapter 6 The Memory Hierarchy
6.1 Storage Technologies
6.2 Locality
6.3 The Memory Hierarchy
6.4 Caching in the Memory Hierarchy
6.5 Summary of Memory Hierarchy Concepts
6.6 Case Study: The Intel Pentium/Core Memory System
6.7 Case Study: The DEC Alpha 21164 Memory System
6.8 Memory Management
6.9 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Part II Running Programs on a System
Chapter 7 Linking
7.1 Compiler Drivers
7.2 Static Linking
7.3 Object Files
7.4 Relocatable Object Files
7.5 Symbols and Symbol Tables
7.6 Symbol Resolution
7.7 Relocation
7.8 Executable Object Files
7.9 Loading Executable Object Files
7.10 Dynamic Linking with Shared Libraries
7.11 Loading and Linking Shared Libraries from Applications
7.12 Position-Independent Code (PIC)
7.13 Tools for Manipulating Object Files
7.14 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Chapter 8 Exceptional Control Flow
8.1 Exceptions
8.2 Processes
8.3 System Call Error Handling
8.4 Process Control
8.5 Signals
8.6 Nonlocal Jumps
8.7 Tools for Manipulating Processes
8.8 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Chapter 9 Measuring Program Execution Time
9.1 The Time Stamp Counter
9.2 Measuring Program Execution Time with the Time Stamp Counter
9.3 Gaining Confidence in the Measurements
9.4 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Chapter 10 Virtual Memory
10.1 Physical and Virtual Addressing
10.2 Address Spaces
10.3 VM as a Tool for Caching
10.4 VM as a Tool for Memory Management
10.5 VM as a Tool for Memory Protection
10.6 Address Translation
10.7 Case Study: The Intel Pentium/Core Memory System
10.8 Case Study: The DEC Alpha 21164 Memory System
10.9 Memory Mapping
10.10 Dynamic Memory Allocation
10.11 Garbage Collection
10.12 Common Memory-Related Bugs in C Programs
10.13 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Part III Interaction and Communication between Programs
Chapter 11 System-Level I/O
11.1 Unix I/O
11.2 Files
11.3 Opening and Closing Files
11.4 Reading and Writing Files
11.5 Robust Reading and Writing with the RIO Package
11.6 Reading File Metadata
11.7 Reading Directory Contents
11.8 Sharing Files
11.9 I/O Redirection
11.10 Standard I/O
11.11 Putting It Together: Which I/O Functions Should I Use?
11.12 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Chapter 12 Network Programming
12.1 The Client-Server Programming Model
12.2 Networks
12.3 The Global IP Internet
12.4 The Sockets Interface
12.5 Web Servers
12.6 Putting It Together: The Tiny Web Server
12.7 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Chapter 13 Concurrent Programming
13.1 Concurrent Programming with Processes
13.2 Concurrent Programming with I/O Multiplexing
13.3 Concurrent Programming with Threads
13.4 Shared Variables in Threaded Programs
13.5 Synchronizing Threads with Semaphores
13.6 Using Threads for Parallelism
13.7 Other Concurrency Issues
13.8 Summary
Bibliographic Notes
Homework Problems
Solutions to Practice Problems

Appendix A Error Handling
A.1 Error Handling in Unix Systems
A.2 Error-Handling Wrappers

[31] *Arat*, 3.

[32] *Polyb.* V, 104.

[33] *Plut.* Pyrrh. 14; App. Samn. 10.

[34] Пример у *J. B. Bury*, Ancient Greek Historians, 171.

[35] Satirae I.

[36] Ep. 286 (VI, 19).

[37] См. вообще *Bury*, цит. соч.; также мою библиографию, C. A. H. VI, гл. XII—XIII, XV. Для фрагментов *Jacoby*, F. Gr. Hist.

[38] Обычно датируется раньше: *Jacoby*, Kleitarchos в P. W. Мои основания вкратце, J. H. S. 1923, 95, N 11.

[39] *Wilamowitz*, Hell. Dichtung I, 75, утверждает, что н и о д и н грек никогда не обрисовывал развития характера. Думаю, что это можно найти и у Арата.

[40] XII, 28.

[41] Пример см. в C. A. H. VII, 761.

[42] F. Gr. Hist., II, p. 903.

[43] I, 14, 6; XXXVIII, 4, 5.

[44] Фрагменты F. Gr. Hist. II.

[45] Фрагменты 15, 116.

[46] Fr. 36.

[47] *Ed. Meyer*, G. d. Altertums II, 23, вскрывает всю несостоятельность догадок о Тимагене.

[48] *P. Schnabel*, Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur, 1923.

[49] Fr. 71 в F. H. G.

[50] P. Hibeh I, 27.

[51] *E. Ebeling*, Die babylonische Fabel, 1927; не обязательно из первых рук.

[52] Список: *Christ-Schmid*[6], 215.

[53] Новые фрагменты, Klio V, 55.

[54] *Br. Keil*, Hermes XXX, 199; *Jacoby*, Krateros в P. W.

[55] *Reuss*, Rh. Mus. LVII, 568; *De Sanctis*, Riv. fil. 1928, 53.

[56] Ср. *Powell and Barber* I, 145.

[57] Я рассмотрел худший случай в C. R. 1927, 39.

[58] P. Oxy. IX, 1176.

[59] Даты: *A. Ausfeld*, Der griech. Alexander-roman, 1907; *W. Kroll*, Kallisthenes, pt. 2 в P. W.

[60] Каждое письмо должно быть рассмотрено отдельно (ср. *Kaerst*, Phil. LI, 602).

[61] Демад и Динарх, Berl. Kl. Texte VII, 13; «Македонский диалог», Gött. Nachr. 1922, 32 (P. Freiburg 7 и 8). Ср. Лукиан, Δημοσθένους ἐγκώμιον.

[62] Такие сборники назывались ὑπομνήματα, что также означает: а) официальный царский журнал и б) то, что мы называем

мемуарами. Список мемуаров у *Christ-Schmid*[6], 212; список сборников смешанного характера в указателе к *Müller*, F. H. G. IV, p. 697; ср. J. H. S. 1921, 10.

[63] *Tarn*, J. H. S. 1921, I (спорный вопрос).

[64] *Diels*, Laterculi Alexandrini в Antike Technik[2] 30; более длинный список использован Плинием.

[65] F. Gr. Hist. II, fr. 37.

[66] *Athen.* 44 B. сл., должно быть, происходит от эллинистического списка.

[67] *Susemihl*, II, 417.

[68] *Wilamowitz*, Philol. Untersuchungen IV, 48; *Hense*, Teles[2], Prolegomena, LXIV.

[69] *Plut.*, Pelop., 18.

ГЛАВА IX

[1] Общие сведения (за исключением Вавилона): *T. Heath*, Aristarchus of Samos, 1913; *Hultsch*, Astronomie в P. W.

[2] *C. Bezold*, Ostasiatische Z. VIII, 42.

[3] *P. Schnabel*, Berossos 238.

[4] *Str.* 739.

[5] *Schnabel*, 219, 237—9.

[6] *Schnabel*, там же и в Z. Assyr, 1926, I. С ним согласились: *Meissner*, Babylonien und Assyrien II, 418; *Gressmann*, Die hellenistische Gestirnreligion, 5. Не согласился *F. X. Kugler*, Sternkunde und Sterndienst in Babel II, 582—630.

[7] *Heath*, цит. соч., 249.

[8] *Heath*, 267.

[9] *Catullus*, 66; *Susemihl*, I, 721.

[10] *Cumont*, Astrology and religion among the Greeks and Romans, II.

[11] Добавить *Rehm*, Hipparchos 18 в P. W.; *Susemihl*, I, 765. Все упоминаемые имена из *Heath* и *Hultsch*; см. особо таблицу Гульча, *Heath*, p. 350.

[12] *Str.* 739: *Cumont*, цит. соч., 67.

[13] *Cumont*, 57, 61; *Kugler*, цит. соч., II, 17.

[14] *E. F. Weidner* (цитируется у *Kugler* II, 621) даже отрицает за ним всякую оригинальность.

[15] *Cumont*, 63; *Schnabel*, 291.

[16] Кроме *Heath*, см. *Reinhardt*, Poseidonios 198.

[17] *Heath*, 348.

[18] Этот раздел в основном содержит материал из *Heath*, A History of Greek mathematics, 1921. Ср. I. L. *Heiberg*, Mathematics and Physical Science in classical antiquity, 1922; Gesch. der Mathematik und Naturwissenschaften, 1925.

[19] *Knaack*, Eratosthenes в P. W., 362.

[20] *Dindorf's* Stephanus s. v.

[21] *Diels*, Antike Technik[2] 120; *Schramm in Kromayer and Veith*, Heerwesen und Kriegsführung.

[22] Описана у *Diels*, цит. соч., 106.

[23] *Orinsky*, Ktesibios в P. W., склонен отождествить обоих.

[24] *Athen.* 174 B; Ditt.[3] 737, n. 2; *Tittel*, Hydraulis в P. W.

[25] *Diels*, цит. соч., 59.

[26] Спор о дате: *Diels* 57, n. 2; *Hoppe*, Hermes LXII, 79 (около 130 г. до н. э.); *Hammer-Jensen*, ibid. LXIII, 34 (поздн. дата).

[27] *Hoppe*, цит. соч., 91; *Hultsch*, Dioptra в P. W.

[28] *H. Berger*, Gesch. d. wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen[2], 1903; *F. Gisinger*, Geographie в P. W.

[29] *Beloch* IV, I, 463.

[30] Использование им Лисимахии позволяет отождествить «царей», о которых говорит Плиний, II, 162.

[31] Также *Susemihl*, I, 409; *Knaack* в P. W. s. v.

[32] *Heath*, Aristarchus, 339; *Hultsch*—почти то же самое; другие вычисления—*Beloch* IV, I, 465; *Gisinger*, цит. соч.; *Viedebandt*, Klio XIV, 207.

[33] *Str.* 84, 86.

[34] *Diod.* XVIII, 5—6; *Tarn*, J. H. S. 1923, 93.

[35] *Str.* 32, 56, 113.

[36] Ibid. 38.

[37] Ibid. περιπλοῦς; таким образом, не через Атлантический океан, как у *Susemihe*, II, 6.

[38] *Str.* 64.

[39] *Capelle*, N. J. Kl. Atl. XLV, 305.

[40] *Capelle*, цит. соч., и N. J. Kl. Alt. XXI, 616; *Reinhardt*, Poseidonios, 61—123.

[41] *Heath* 344; *Gisinger*, цит. соч.; *Reinhardt*, 196.

[42] Ему приписывается также цифра 240 тыс. стадиев, но это только позднейшая догадка; это может быть доказано тем, что он принимает 140 тыс. за окружность параллели Родоса.

[43] F. Gr. Hist. fragm. 28, 76.

[44] Фрагменты 28, 82.

[45] *Aetius*, p. 283; *Diels*.

[46] *Str.* 65; *Berger*, цит. соч., 398.

[47] Medea 375.

[48] Fr. 28 (6); см. *Reinhardt* 196.

[49] *A. G. Little*, Roger Bacon, Proc. Brit. Acad. 1928; Offprint, p. 16.

[50] *Heiberg*, цит. соч.; *Ch. Singer*, Greek biology and Greek medicine, 1922; *Susemihl*, I, гл. 24, 34; *W. H. S. Jones*, C. A. H. VII, гл. IX.

[51] I p. 4, l. 37; Daremberg; см. C. A. H. VII, 286.

[52] Ср. *Plin.* VII, 124, с *Целъсом* II. p. 38. l 15.

[53] Ditt.[3] 1168—9.

[54] *Philemon*, Neaira fr. 47 (*Kock* II, 490); *Alexis*. Pyraunos, fr. 204 (ibid. 372).

[55] *Agatharch.* G. G. M. I, 111.

[56] *Athen.* 201 C; ср. 200 F; *Diod.* III, 36, 3 сл.; *P. Cairo Zen.* 59075.

[57] *Singer*, J. H. S. 1927, I.

[58] *Wellmann*, Bolos в P. W.; *Diels*, Ant. Technik[2], гл. VI.

[59] C. A. H. IV, 577.

[60] *Plin.* XXXVII, 64.

[61] Изобретенное Архимедом: *Plut.* Num. 9; см. *L. R. Farnell*, Cults V, 353.

[62] Рассказы об этом собраны у *A. Hilka*, Studien zur Alexandersage, 1911, p. 5. *H. Thiersch*, Pharos, 91, предполагает эллинистический телескоп.

[63] Общая литература: *M. Collignon et E. Pontremoli*, Pergame, 1900; *Th. Wiegand und Schrader*, Priene, 1904; *Wiegand*, Milet (издание продолжается); *Pontremoli et B. Haussoulier*, Didymos, 1903; *W. J. Anderson and R. Spiers*, The architecture of ancient Greece, 1927; *D. S. Robertson*, A handbook of Greek and Roman architecture, 1929.

[64] Я многим в этом отношении обязан труду *A. von Gerkan*, Griechische Städteanlage, 1924. Ср. *F. Haverfield*, Ancient Town-planning, 1913.

[65] *Brückner*, Ephesos в P. W., 2816.

[66] Laterculi Alexandrini (p. 259, N 5); *Athenaeus* περὶ μηχανημάτων.

[67] *Krischen*, Milet III, 2.

[68] *Polyb.* V, 97, 5.

[69] *Gerkan* 110.

[70] *Noack*, Arch. Anz. 1916, 215.

[71] Для Египта *Schubart*, Einführung, 437.

[72] VI, 31, 10.

[73] На основании воздушных съемок.

[74] *Str.* 565.

[75] *Str.* 646.

[76] *Ruge* в P. W. s. v.

[77] *Gerkan* 95.

[78] Ibid. 79.

[79] Ibid 82.

[80] *Str.* 646.

[81] *Jos.* Ant. XVI, 148; B. J. I. 425.

[82] OGIS 483.

[83] Водоснабжение: Gerkan 87.

[84] *Hepding*, Ath. Mitt. 1907, 273.

[85] OGIS 483, l. 221.

[86] Ibid. ll. 60—75, 222.

[87] *Arist.* Ath. Pol. 50, 2.

[88] *J. Chamonard*, Délos VIII, I.

[89] *Hirtius*, Bell. Alex. I.

[90] *Str.* 658.

[91] Вилла Боскореале.

[92] *Str.* 753, 757.

[93] Dikaiomata 95 сл.; *Wilamowitz*, Hell. Dicht. I, 156; *V. Ehrenberg*, Alexander und Aegypten, 95.

[94] *Athen.* 204 D; *Caspari*, J. D. A. J. 1916, I. Ср. *Fr. Studniczka*, Das Symposion Ptolemaios II, 1914.

[95] OGIS 213, Milet I, 7, N 193 a.

[96] *Gerkan* 103.

[97] *K. Lehmann-Hartleben*, Antike Hafenanlagen.

[98] *Str.* 575.

[99] *Michel* 1465, l. 40; *Schol. Ar.* Pax 144.

[100] OGIS 66—8; *Poseidippus*, N 1 (Schott); *Eusebius*, Schöne II, 119; *Breccia*, Alexandrea 107; *Bevan* 95; *Thiersch*, Pharos и J. D. A. I, 1915, 213.

[101] *Conze und Hauser*, Samothrake I. Taf. XI, XVII.

[102] *Roussel*, Les cultes égyptiens à Délos, 264.

[103] *Cumont*, Doura, гл. III.

[104] *Str.* 647.

[105] *Vitruv.* III, 2, 6; Ditt.[3] 1156.

[106] Ср. *J. D. Beazley and D. S. Robertson*, C. A. H. VI, 555; *R. C. Bosanquet*, Dublin lectures on archeology, Oct. 1924.

[107] *Str.* 634.

[108] Найденная в Сузах кость сустава пальца (Haussoulier, Mém. Délég. en Perse, VII, 155) удостоверяет, что позднейшие рассказы о Ксеркce и Бранхидах недостоверны.

[109] *Haussoullier*, Cinquanténaire de l'Ecole pratique des Hautes Etudes, Paris 1921, 85.

[110] *Wilcken*, J. D. A. I, 1917, 149.

[111] OGIS 193.

[112] Общие труды: *Collignon*, Hist. de la sculpture grecque, 1897; *W. Klein*, Gesch. d. gr. Kunst III, 1907, и Vom antiken Rococo, 1921; *E. A. Gardner*, A handbook of Greek sculpture[2], 1921, *G. Dickins*, Hellenistic sculpture[2], 1920; *A. W. Lawrence*, Later Greek sculpture, 1927.

[113] *G. Bagnani*, J. H. S. 1921, 232; *G. Krahmer*, Röm. Mitt. 1923—4.

[114] *Lawrence*, J. H. S. 1926, 213 (322); *Beloch* IV, I, 524 (306—300); *Dickins*, цит. соч. (около 250 г.); *Krahmer*, цит. соч. (около 150 г.);

Lippold, Röm. Mitt. 1918, 94 (какая-то римская победа); *Klein*, Rokoko, 106 (Акциум). См. далее.

[115] *Wilhelm*, Neue Beiträge VI, 2.

[116] *Plin.* VII, 126; XXXV, 24, 100.

[117] *Polyb.* V, 9, 3.

[118] Ibid. XXI, 30, 9; *Liv.* XXXVIII, 9, 13.

[119] *Hatzfeld*, Trafiquants 227.

[120] *Lawrence* отрицает этот факт, B. S. A. XXVI, 67.

[121] *Lawrence*, J. E. A. XI, 179.

[122] *Weitz*, Sarapis in Roscher; *Amelung*, Rev. Arch. 1903, II, 177; *Lippold*, Festschrift Paul Arndt, 1925, 115; труды о Египте.

[123] *C. Robert*, Chares 15 in P. W.

[124] *P. Gardner*, New chapters in Greek Art, 1926, гл. XII.

[125] C. A. H. VII, 714, N 2.

[126] J. D. A. I, 1923—4, 125.

[127] In C. A. H. VIII, 675.

[128] Die hellenistischen Reliefbilder, 1889.

[129] *Arvanitopoullos*, Ἐφ. Ἀρχ., 1908, I.

[130] Общий труд: *E. Pfuhl*, Malerei und Zeichnung der Griechen, 1923; Masterpeices of Greek drawing and painting (сокращение; перев. J. B. Beazley), 1926. Точка зрения на Помпеи моя собственная.

[131] *R. Pagenstecher*, N. J. Kl. Alt. XLVII, 271; *Pfuhl* II, 883; Beloch IV, I, 528.

[132] II, 878.

[133] *Girard*, La peinture antique, 250; *Pfuhl* II, 840, 847.

[134] *Studniczka*, цит. соч., 68 сл.

[135] *Humann* и *Puchstein*, Reisen in Kleinasien, 1890.

[136] Syria IIA (Princeton expedition); Architecture of Southern Syria, by H. C. Butler, p. 1.

[137] Amer. Arch. Exped. to Syria: Architecture, by H. C. Butler, 325.

[138] Syria IIA, 365.

[139] *K. D. Knight*, Art and archeology, 1924, 43.

[140] *Lawrence*, J. E. A. XI, 190.

[141] *G. Lefebvre*, Le tombeau de Petosiris, 1924 (около 300 г.); *P. Montet*, R. E. A. 1926, 62; Rev. Arch. 1926, 161 (персидский период); так *Jouguet*, L'impérialisme macéd. 330.

[142] О греческой музыке вообще—*J. F. Mountford* в *Powell and Barber*, II, 146 (с библиографией).

[143] *Powell*, Collect. Alex. 141—169.

ГЛАВА X

[1] Общие труды: жизнеописания философов у Диогена Лаэртского; общие работы Вендланда, Керста (кн. V, гл. 2) и Белоха,

гл. XII. *E. Zeller*, Stoics, Epicurians and Sceptics, перев. 1880 г. Стоя: *H. von Arnim*, Stoicorum veterum fragmenta; этюд A. Grant в его Aristotle's Ethics, 1885; *G. H. Rendall*, Marcus Aurelius (введение), 1896; *W. L. Davidson*, The stoic creed, 1907; *E. V. Arnold*, Roman stoicism, 1911 (библиография); *E. R. Bevan*, Stoics and Sceptics, 1913; Эпикур: *Usener*, Epicurea, 1887; *C. Bailey*, Epicurus, 1926; The Greek atomists and Epicurus, 1928. Скептики: *Arnim*, Arkesilaos u. Karneades в P. W.

[2] *Th. Gomperz*, Greek thinkers (перев.) II, 205; *Tarn*, Ant. Gon., 22.

[3] *Hense*, Teles[2]. Prolegomena; *Tarn*, цит. соч., 233.

[4] Дальнейшее отражает только мой взгляд на них.

[5] De Nat. D. I, XLI (114).

[6] Ed. Williams, 1907 (Teubner).

[7] Для современников он финикиец: *Timon*, fr. 38 (*Diels*, Poet. Philos. Fr.); *Crates*, ibid. 215, N 27. Зенон—финикийское имя: *Herzog*, Koische Forschungen, 71, N 42.

[8] *Arnim* I, fr. 251, должен иметь этот смысл.

[9] Ditt.[3] 398, 557. Линдская хроника—A, ll. 3, 7; S. G. D. I, 3086; *Pfister*, Epiphanie в P. W., § 22 сл.

[10] *Schroeder*, Berl. S. B. 1916, 1180.

[11] *Foucart*, Les associations religieuses, *Ziebarth*, Gr. Vereinswesen; *Poland*, цит. соч.; *Nock*, C. R. 1924, 105.

[12] B. G. U. 1211; *Schubart*, Einführung, 352.

[13] Ditt.[3] 1096; Michel 1548.

[14] I. G. II, 1061.

[15] Ditt.[3] 1106, l. 148, но см. примечание Гиллера.

[16] I. G. XII, 3, 329.

[17] Michel 1001; Ditt.[3] 1044.

[18] OGIS 325—6; Michel 1016; I. G. XI, 4, 1061.

[19] OGIS 130; I. G. XII, 3, 443; *San Nicolo*, Äg. Vereinswesen 26.

[20] *Nock*, J. H. S. 1928, 21.

[21] Самый крупный пример—Исида (ниже); самое подробное изложение—*Kaerst*, цит. соч., p. 208.

[22] *Lucian*, De Dea Syr. 17, 19.

[23] *Michel* 1223.

[24] *Polyb.* XXIX, 21, 1—9.

[25] Его Kallisthenes; *Cic.* Tusc. III, 10, 21.

[26] Κώνειαζόμεναι, ll. 18 сл.; fr. 482—3, Kock.

[27] *Powell*, Collect. Alex. 196, N 34.

[28] Другой взгляд: *W. Siegfried*, Studien z. gesch. Anschauung des Polybios, 1928.

[29] *Polybios*, см. выше.

[30] *App.* Mac. 9, 1.

[31] Тожество: *Bouche-Leclercq*, L'Astrologie grecque, 288; *Wilamowitz*, Hell. Dicht. I, 74; Hermes LXII, 290.

[32] OGIS 229, l. 62; *Str.* 557; P. S. I. IV, 361; *P. Cairo Zen.* 59462; B. G. U. 1257.

[33] *Athen.* 251 C.

[34] Дата документов Рейценштейна крайне неясна. См. *Baynes*, Israel among the nations, 289—294. Ср. *Kaerst*, цит. соч., 218, 239.

[35] *Plut.* Pomp. 24.

[36] *Wilcken*, Archiv VII, 71.

[37] *Schubart* 353; доб. Archiv VIII, 287.

[38] *Hill*, B. M. Coins, Phoenicia, и J. H. S. 1911, 56; *Wroth*, B. M. Coins, Galatia etc. (Syria).

[39] *Dussaud* в P. W. s. v.: Syria III, 219.

[40] *Lucian*, De Dea Syr.; *Dussaud*, цит. соч.; *Cumont*, Dea Syria в P. W.; *Honigmann*, Hierapolis, ibid.; *Str.* 748.

[41] *Cumont*, Mon. Piot. XXVI, 14; монеты.

[42] Список у *Cumont*, Dea Syria; 'Αρχ. Δελτ. II, 144, N I (Македония).

[43] *Poland* 478.

[44] *Cumont*, Balsamem в P. W.; Etudes syriennes 221.

[45] *Salač*, B. C. H. 1922, 160; *Roussel*, Les cultes égyptiens à Délos, 25 N 16.

[46] *Hill*, B. M. Coins. Arabia, XXXIX.

[47] *Cumont*, Et. Syr. 196.

[48] Надписи у *Cumont*; *Suidas*, Χάλυβες; *Schol. Ap. Rhod.* I, 1323 (cod. Paris). Ср. *Str.* 223—4 («растущее» железо); *Plin.* XXXVI, 125 (мрамор); *Hippolytus*, цит. у *Reitzenstein*, Poimandres 85 (все минералы).

[49] *Herod.* II, 2; ср. *Hippolytus*, цит. место, p. 83.

[50] Ср. *Calder*, J. R. S. II, 247.

[51] *Poland* 214.

[52] *Baege*, De Mac. sacris 113; 'Αρχ.Δελγ. VIII, 267.

[53] *Cumont*, Mém. Délég. en Perse XX, 80, N 2.

[54] *Michel* 982; Ditt.[3] 1098.

[55] *J. Keil* в Anatolian Studies 239.

[56] *Ramsay*, C. R. 1905, 418; B. S. A. XVIII, 37; J. H. S. 1912, 151; J. R. S. VIII, 107. *Anderson*, J. R. S. III, 267. *M. M. Hardie* (Hasluck), J. H. S. 1912, 111.

[57] *Bouché-Leclercq*, L'astrologie grecque, 1899; *Cumont*, Astrology and religion among the Greecs and Romans, 1912; *Fr. Boll und C. Bezold*, Sternglaube und Sterndeutung, 3. Aufl. von W. Gundel, 1926; *H. Gressmann*, Die hellenistische „Gestirnreligion, 1925.

[58] *W. Capelle*, Hermes LX, 372.

[59] *Bouché-Leclercq* 222.

[60] Некоторые думают, что этот обычай древнее астрологии.

[61] См. *F. H. Colson*, The week, 1927.

[62] *Bouché-Leclercq*, 501.

[63] *Cumont*, Klio IX, 263.

[64] *Hill*, B. M. Coins, Arabia etc.

[65] *Boll-Be·old*, 22, 79.

[66] Ср. *M. Pohlenz*, N. J. Kl. Alt. 1926, 257.

[67] *Nilsson*, G. G. A. 1916, 44.

[68] *Arnim*, fr. 954.

[69] *K. Reinhardt*, Kosmos und Sympathie, 1929.

[70] *Cic.*, De Fato, 11 сл.

[71] *Plin.* II, 95; *Rehm*, Hipparchos в P. W., 1680.

[72] *Bevan*, Stoics and Sceptics; *Reinhardt*, Poseidonios, 1921 (подчеркивает греческую сторону его мышления); обычный взгляд суммируют *Wendland*, Hell.-röm. Kultur, 134; *Otto*, Kulturgesch., 128; жизнь: *Jacoby*, F. Gr. Hist. II, 154.

[73] *Aetius*, p. 324; Diels.

[74] *Cumont*, Astrology and religion, 84.

[75] περὶ μαντικῆς: Cic. de Div. I, 6; ср. Susemihl, II, 132, n. 166.

[76] περὶ ἡρώων καὶ δαιμόνων; *Macrob.* Sat. I, 23, 7.

[77] Предполагая, что *Sext. Emp.* Adv. math. IX, 71—4, принадлежит ему; так, *Bevan*, 108; *Reinhardt*, 473.

[78] *Cic.* De Div. I, 64; *Reinhardt*, 467.

[79] *Bouché-Leclercq*, 288.

[80] Corp. Herm. XII, 9, цит. у *Reitzenstein*, Mysterienreligionen[3], 300, 408.

[81] Общие обзоры: *Th. Hopfner*, Griech.-ägyptische Offenbarungszauber 1921 u. 1924; u. Mageia в P. W.; ср. *Weinreich*, Phil. Woch. 1925, 795.

[82] *C. Wessely*, Griech. Zauberpapyrus von Paris und London, p. 31, N 2242; см. p. 32, ll. II, 16.

[83] Ibid., p. 132, l. 231.

[84] Ibid., p. 49, ll. 179 сл.

[85] Ibid., p. 51, l. 252; p. 79, l. 1380.

[86] *Reitzenstein*, Poimandres, 295.

[87] *Jos.* B. J. II, 142.

[88] Poimandres 78.

[89] Цит. у *Reitzenstein*, Myst. rel.[2], 301 (считается утерянным).

[90] Общая литература: *R. Reitzenstein*, Die hellenistischen Mysterienreligionen[3], 1927; *W. R. Halliday*, The pagan background of early Christianity, 1925, гл. VIII.

[91] B S. A. XVIII, 37; J. R. S. VIII, 132. Ср. *Picard*, Ephese et Claros, 1922.

[92] *Firmicus Maternus*, De err. prof. rel., 22 сл.

[93] *Farnell*, Greece and Babylon, 277.

[94] *Clearchus*, F. H. G. II, 319.

[95] *Agatharch.* G. G. M. I, pp. 130, 133, 143, 153. Ср. *Plut.* Mor. 358 C.

[96] Брак изображен Исидой, Ditt.[3] 1267.

[97] *Roussel*, Les cultes égyptiens à Délos, 277; добавить B. C. H. 1926, 425, N 48.

[98] Также P. Oxy., 1380, ll. 13, 242.

[99] *Apul.* XI, 6, 15.

[100] *Schroeder*, Berl. S. B. 1916, 1180; имена составные с Иси- и Эси-.

[101] Монета Хувишки: *P. Gardner*, *B. M. Coins*, Greek and Scythic kings etc., 149.

[102] *Wilcken*, U. P. Z., l. 77; *Kaerst*, цит. соч., 242; *Bevan*, Ptol. Dynasty, 41; *Sethe*, G. G. A. 1923, 106; *Roeder*, Sarapis в P. W.; *Lehmann-Haupt*, Sarapis у *Roscher*.

[103] *Lehmann-Haupt*, цит. соч. «Серапис» в Вавилоне у *Arr.* VII, 26, 2,—пропаганда Птолемея I; см. *Kaerst*, цит. соч., 244; *Nock*, J. H. S. 1928, 21, N 2.

[104] *P. Cairo Zen.* 59034, 59168; P. S. I. IV, 435.

[105] *Kaerst*, цит. соч., 255—8, со многими ссылками. Доб.: *Paton and Hicks*, 371 (Кос); B. C. H. 1927, 219 (Фасос); I. G. XII, 2, 51 (? Метимна); *Tod*, B. S. A. XXIII, 36 (Македония).

[106] Ἀρχ. Δελτ., l. 115; Ditt.[3] 280; *Roussel*, цит. соч.

[107] *Paus.* I, 184; известны имена многих жрецов.

[108] I. G. IX, 2, 1101, 1107; *Michel* 890; Ditt.[3] 765 (5); 762, 1207; B. C. H. 1927, 228.

[109] I. G. XI, 4, 1299; вообще, ibid., 1215—1295, и *Roussel*, цит. соч.

[110] *Lefebvre*, Ann. Serv. XIII, 103.

[111] *Wilcken*, Archiv VI, 184; VII, 299; U. P. Z., l. 52. *Sethe*, Gött. Abh. XIV, 5; G. G. A. 1914, 385; 1923, 106. *Woess*, Asylwesen, 140—164. *Reitzenstein*, Myst. Rel.[3], 198. *Bevan*, Ptol. dynasty, 296.

[112] Новые фрагменты Alexis у *Woess* 164.

[113] *Roussel*, цит. соч., 276.

[114] *Meyer u. Drexler*, Isis. У *Roscher* наиболее полно. Ср. *Roeder*, sis в P. W.; *F. Legge*, Forerunners and rivals of christianity, I, 56.

[115] P. Oxy. XI, 1380.

[116] *Lucian*, De Dea Syr., 44.

[117] *Isidore* 6.

[118] *Apul.* XI, 8 сл., 16.

[119] *Paus.* X, 32, 13; *Reitzenstein*, Myst. rel.[3], 254.

[120] *Apul.* XI, *Reitzenstein*, цит. соч., 19.

[121] P. Oxy. 1380, ll. 130, 214. Грубее у *Diod.* I, 27.

[122] Ditt.[3] 1267; ср. I. G. XII, 5, 739, гимн Андроса и новая копия из Киме; *Salač*, B. C. H. 1927, 378; *Roussel*, Rev. E. G. 1929, 137.

[123] *Meyer u. Drexler*, 431; ср. 428—30; *C. W. King*, The Gnostics and their remains[2], 173 («черные девы»).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Глава I.
Исторический очерк 19
Глава II.
Монархия, город-государство и союз городов 63
Глава III.
Греческие полисы. Социально-экономические условия 89
Глава IV.
Азия 131
Глава V.
Египет 167
Глава VI.
Эллинизм и евреи 192
Глава VII.
Торговля и путешествия 218
Глава VIII.
Литература 241
Глава IX.
Наука и искусство 266
Глава X.
Философия и религия 294
Примечания 326

Редактор *А. Старостин*

Техн. редактор *А. Дронов* Корректор *Н. Булгаков*

Сдано в производство 3/IX 1949 г. Подписано к печати 4/XI 1949 г.
А14721. Печ. л. 23¼ Уч.-изд. л. 20,3 Формат 84×108¹/₃₂.
Изд. № 6/484 Цена 19 руб. Зак. 1653

16-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР,
Москва, Трехпрудный пер., 9

Table of Contents

Preface 1
Introduction 2
Chapter 1: Foundations of Modern Physics 5
Chapter 2: Quantum Mechanics 12
Chapter 3: Relativity 19
Chapter 4: Thermodynamics 27
Chapter 5: Electromagnetism 34
Chapter 6: Nuclear Physics 41
Chapter 7: Particle Physics 48
Chapter 8: Condensed Matter 55
Chapter 9: Astrophysics 62
Chapter 10: Cosmology 69
Bibliography 76
Index 81